

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РФ
АЛТАЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ЦЕНТР АЛТАИСТИКИ И
ТЮРКОЛОГИИ «БОЛЬШОЙ АЛТАЙ»
АССОЦИАЦИЯ АЗИАТСКИХ УНИВЕРСИТЕТОВ

Алтайские корни тюркской цивилизации

Материалы Международной научной конференции

10 ноября 2022 г.
Барнаул

Барнаул

Издательство
Алтайского государственного
университета
2023

УДК 94(51)(063)
ББК 63/3(543)_я431
А 521

Сборник материалов Международной конференции осуществлен при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования РФ, госзадание по проекту «Тюркский мир "Большого Алтая": единство и многообразие в истории и современности» (реестровый номер 748715Ф.99.1.ББ97АА00002)

Ответственный редактор:
Землюков С.В., доктор юридических наук, профессор

Редакционная коллегия:
Землюков С.В., доктор юридических наук, профессор
Лысенко Ю.А., доктор исторических наук, профессор
Анисимова И.В., кандидат исторических наук, доцент

А 521 Алтайские корни тюркской цивилизации: Материалы Международной научной конференции. Барнаул, 10 ноября 2022 г. Под ред. С.В. Землюкова – Барнаул: Издательство Алтайского государственного университета, 2023. –389 с.

ISBN 978-5-7904-2751-0

В сборнике представлены научные материалы Международной научной конференции «Алтайские корни тюркской цивилизации», которая состоялась 10 ноября 2022 г. на базе Алтайского государственного университета.

В сборнике рассматриваются актуальные вопросы этнополитической истории и современных межгосударственных процессов в тюркском мире, традиционного права, проблемы сохранения традиционной культуры, языков и искусства тюркоязычных народов Большого Алтая, роль и место тюркского мира в медиапространстве региона.

Издание представляет интерес для научных работников, преподавателей вузов, аспирантов студентов, занимающихся проблемами алтаистики.

ISBN 978-5-7904-2751-0

ББК 63/3(543)_я431
УДК 94(51)(063)

Оглавление

<i>Приветственное слово участникам конференции «Алтайские корни тюркской цивилизации» доктора юридических наук, профессора, директора НОЦ алтаистики и тюркологии «Большой Алтай», Президента АлтГУ Сергея Валентиновича Землюкова.....</i>	<i>7</i>
Раздел I. Этнополитические и межгосударственные процессы в тюркском мире в исторической динамике и на современном этапе.....	10
Шерстова Л.И. Древнетюркский генеалогический миф в контексте этнополитических процессов в Горном Алтае.....	10
Шаймердинова Н.Г. Время в понимании древних тюрков в текстах рунических памятников	19
Алексеева В.Е. Антропологические исследования в 20–60 гг. XX в. раннесредневекового населения Алтая.....	28
Садырова З.Т. Актуальные проблемы исследования истории карлуков.....	36
Гундова О.Е. Депутатские миссии как практика взаимодействия казахской элиты с правящими кругами Российской империи	46
Нурмухан Е.Т. Динамика социальных процессов в Степном крае по материалам периодических изданий (конец XIX - начало XX вв.).....	54
Райымбек кызы Бактыгул. Роль кыргызской научной комиссии в создании народного просвещения	61
Омурова Ж.О., Шаршембиева Т.С. Культурно - образовательная интеграция тюркских стран на современном этапе	65
Дубанаева С.А. Один пояс – один путь – модель сотрудничества КНР с Кыргызстаном.....	77
Раздел II. Традиционная культура, языки и искусство тюркских народов Большого Алтая	85
Белкина А.П. Сакральные ценности духовной культуры Алтая	85
Асанов Т.И. По следам этнонима “чогорок”	92

Убайдылдаева А.А. «Манас» один из эпосов тюркоязычных народов и вклад профессора Карла Райхла в области эпосоведения тюркоязычных народов.....	104
Орипов Д. “Книга моего деда Коркуда” – эпос о героизме, мужестве и отваге!.....	113
Балакина Е.И. Эпическое наследие как феномен культуры и актуальность его исследования и функционирования в современном обществе.....	116
Дмитриева Л.М., Сорокина М.О., Титова М.В. Тюркские лексемы: контекстуальный анализ группы «термины общественного устройства» (по материалам эпистолярного наследия Алтайской духовной миссии середины XIX – начала XX веков)	126
Титова М.В., Аникин Д.В., Дмитриева Л.М. Бытовая лексика в текстах Алтайской духовной миссии конца XIX – начала XX века	134
Кулятин В.А. Русские топонимы на «уха», «юха», «иха» в предгорьях Алтая как культурно - исторический туристский ресурс.....	140
Мелехова К.А. Мирозренческие основания творческого метода монгольского художника-графика Дагдана Амгалана.....	148
Белова В.В. Сохранение традиций и культурной памяти тюркских народов на примере живописи.....	155
Уметалиева Ч.Т. Древние эпические истоки кыргызской музыки и ее локальное своеобразие: общность славянского и кыргызского музыкального мышления	161
Назаров И.И. Алтайско-кыргызские этнографические параллели в контексте экспедиционного изучения.....	171
Гречнева Н.В., Чурикова Т.И. Женские традиционные украшения коренных жителей Республики Алтай (конец XIX - начало XXI в.).....	179
Нечаева А.С. Орнаментальное декорирование в ювелирном искусстве и обработке металла тюркских народов Горного Алтая.....	188

Кирюшина Ю.В. Мотивы рогатого орнамента в декоративно-прикладном искусстве Алтая	197
Сатыбалдиева Ч.Т. Особенности процесса крашения в традиции ковроткачества южных кыргызов.....	202
Бексултанова Ч.Д., Бикбулатова А.Р. Сравнительный анализ техники изготовления войлочных изделий между кыргызами и алтайцами (на основе полевых этнографических экспедиций)	209
Шайгозова Ж.Н., Нехвядович Л.И., Ибрагимов А.И. «Пути, по которым движутся духи»: к проблематике исследования сакрального ландшафта (на примере казахстанских памятников).....	219
Раздел III. Традиционное право и современные политико-правовые системы стран тюркского мира Большого Алтая..	244
Сорокин В.В. О фундаментальных основах единства славянских и тюркских народов России и Центральной Азии	244
Кусаинов Д.У. Мировоззренческие истоки доисламских верований тюрков.....	249
Аюпова З.К. Традиционное право и некоторые особенности современной правовой системы Республики Казахстан	255
Ибрагимов Ж.И. Решение споров в шариатских судах	265
Зеленин Ю.А. Проблема идентификации политико-правовых взглядов Юсуфа Баласагуни.....	285
Раздел IV. Тюркский мир в медиа-пространстве стран Большого Алтая.....	290
Ахметова Л.С. Тюркский мир в медиапространстве Казахстана .	290
Михайлов А.В. , Михайлова Т.В. Дискурс новых медиа в организации коммуникаций тюркоязычных сообществ в Красноярском крае	302
Джунушалиева Г.Д. Межкультурное взаимодействие стран тюркского мира в медиасреде	316
Ковалева А.В. Информационная повестка тюркского мира в медиапространстве стран Центрально-азиатского региона ...	321
Краснобаева Н.Л. СМИ как один из факторов формирования репродуктивных установок городского населения Казахстана	330

Саркожоева А.Т., Кожомбердиева Ж.Т., Маманова Р.Б. К вопросу об использовании этнокультурных образов, символов в современной рекламе Кыргызстана.....	343
Маматова Я.М. Экономическая пресса Узбекистана: типологическая структура, проблемно-тематическое и жанровое многообразие	353
МаксUTOва Б.Б. Фейковые новости как инструмент информационной войны	362
Токсоналиева Р.М. «Язык вражды» на медиапространстве Кыргызстана.....	372
Ральникова И.А., Гурова О.С. Социально-психологический анализ межэтнических отношений народов «Большого Алтая» в современных социально-политических условиях	379

**Приветственное слово участникам конференции
«Алтайские корни тюркской цивилизации» доктора
юридических наук, профессора, директора НОЦ алтаистики
и тюркологии «Большой Алтай»,
Президента АлтГУ Сергея Валентиновича Землюкова**

Добрый день, уважаемые участники!

Рад приветствовать Вас на Международной научной конференции «Алтайские корни тюркской цивилизации», которая проходит на площадке НОЦ алтаистики и тюркологии «Большой Алтай» в рамках проекта «Тюркский мир «Большого Алтая»: единство и многообразие в истории и современности».

В работе конференции сегодня принимают участие ведущие эксперты из России и стран Центральной Азии. Всего доклады представили 86 ученых, представляющих 35 университетов из 5 стран. В нашей конференции принимают участие и представители власти в лице заместителя председателя правительства Алтайского края, руководителя администрации губернатора и правительства Алтайского края Виталия Владимировича Снесаря, экс-министра образования и науки Кыргызской Республики Гульмиры Каримовны Кудайбердиевой, почетного консула Кыргызской Республики в г. Южно-Сахалинске Владимира Алексеевича Трофимова и других.

Научно-образовательный центр алтаистики и тюркологии «Большой Алтай» активно работает с 2019 г. В рамках НОЦ регулярно проводятся научные конференции и экспертные сессии. Первая экспертная сессия «Тюркский мир на пространстве СНГ: основы, тренды и перспективы», в работе которой приняло участие 36 ученых, 8 экспертов НОЦ алтаистики и тюркологии «Большой Алтай» из трех стран, состоялась в сентябре 2020 г. В 2021 г. в работе экспертно-аналитической сессии «Славяно-тюркский мир – фундамент политической стабильности и экономического развития на Евразийском пространстве» приняло участие уже 43 ученых, 18 экспертов НОЦ алтаистики и тюркологии «Большой Алтай» из трех стран. Проблематика научно-экспертных сессий посвящена

обсуждению различных аспектов тюркского мира на пространстве СНГ и славяно-тюркского сотрудничества.

В 2022 г. в работе IV экспертно-аналитической сессии «Историческое взаимодействие славянских и тюркских народов как фактор укрепления стабильности и развития сотрудничества в Большом Алтае и Центральной Азии на современном этапе» принимали участие 61 человек, 20 экспертов НОЦ алтаистики и тюркологии «Большой Алтай» из России и трех стран Центральной Азии. Пятая экспертная сессия «Деятельность НОЦ: новые стратегические подходы сетевого сотрудничества в области тюркологии», которая привлекла внимание 65 участников и 22 экспертов из 6 стран была проведена в рамках V Международного образовательного форума «Алтай – Азия 2022: Евразийское образовательное пространство – новые вызовы и лучшие практики».

В рамках нашего проекта проводятся научные конференции, направленные на обсуждение актуальных вопросов становления и развития тюркской цивилизации. В 2020–2022 гг. проведено три международных научных конференции, количество участников которых составило 100 человек, представляющих более 30 университетов России и зарубежных стран.

В рамках проекта «Тюрко-монгольский мир «Большого Алтая»: единство и многообразие в истории и современности» раз в два года проводится Алтаистический форум. Первый Алтаистический Форум состоялся в 2019 г. и в его работе приняло участие 147 человек из 65 университетов. Второй Алтаистический форум (2021 г.) привлек внимание 300 участников из 89 университетов. Сейчас ведется активная подготовка III Международного алтаистического форума, который состоится осенью 2023 г., в работе которого я приглашаю принять участие наших экспертов и ученых.

Всего в реализации проекта «Тюрко-монгольский мир «Большого Алтая»: единство и многообразие в истории и современности» на постоянной основе участвуют 70 ученых, представляющих вузы и академические центры России, Казахстана и Кыргызстана. Сегодня сформирован пул экспертов

в области алтаистики и тюркологии, который включает 120 человек, принимающих активное участие не только в работе экспертных сессий и научных конференции, но также в подготовке монографий и научных статей, проведении научных исследований и экспедиций, работе Школы молодых ученых - тюркологов.

Тема сегодняшней конференции чрезвычайно важна. Перед учеными стоит задача проанализировать истоки тюркской цивилизации, зарождение тюркской цивилизации, которое происходило на Алтае. И хотя эта проблема неоднократно освещалась в исторических трудах, она не теряет своей значимости. Сегодня в ходе работы конференции будут рассмотрены актуальные вопросы происхождения тюркской цивилизации, в том числе, археологические исследования процессов формирования и эволюции общности тюркских народов Большого Алтая, историческая динамика этнополитических процессов в тюркском мире, культурная традиция тюркских народов Большого Алтая, традиционное право тюркских народов и др.

Надеюсь, что участие в международной научной конференции «Алтайские корни тюркской цивилизации» станет основой нашего долгосрочного сотрудничества!

Раздел I. Этнополитические и межгосударственные процессы в тюркском мире в исторической динамике и на современном этапе

Шерстова Л.И.

Томский государственный университет, Томск (Россия)

Древнетюркский генеалогический миф в контексте этнополитических процессов в Горном Алтае

Статья подготовлена в рамках госзадания Алтайского государственного университета Тюрко-монгольский мир «Большого Алтая»: единство и многообразие в истории и современности (проект номер – 748715Ф.99.1.ББ97АА00002)

В статье ставится проблема сохранения древнетюркского генеалогического мифа тюркоязычными народами Горного Алтая, что нашло отражение в исторических легендах, эпосе, современном искусстве. Особое внимание отводится выяснению вопроса о том, какая версия мифа стала основой исторической памяти современных народов региона. Изначально миф существовал в двух вариантах и соотносился с разными древнетюркскими общностями – тюгю (потомки Ашина) и теле (основные этнические общности Древнетюркских каганатов). В этой связи рассматриваются этнополитические процессы, которые во многом определялись соотношением тюркских и телеских этнических компонентов и результатом которых стало формирование современных народов Горного Алтая

Ключевые слова: народы Горного Алтая, древнетюркский генеалогический миф, теле, теленгиты, урянхайцы

Lyudmila I. Sherstova

Tomsk State University, Tomsk (Russia)

The Ancient Turkic Genealogical Myth in the context of Gorny Altai Ethnopolitical Processes

The article rises the problem of preservation of the ancient Turkic genealogical myth by the Turkic – speaking peoples of Gorny Altai. It is reflected in historical legends, epic literature and modern arts. The research focuses mainly on the question of which version of the myth became the

basis of historical memory of modern peoples in the region. From the very beginning there were two versions of the myth associated with two ancient Turkic communities: Тукуу (Ashin's descendants) and Tele (main ethnic communities of Ancient Turkic Khanates). The paper examines ethnopolitical processes which were defined in big extent as a proportion of Turkic and Tele ethnic components and which resulted in the formation of modern Gorny Altai peoples.

Key words: Gorny Altai peoples, Ancient Turkic Genealogical Myth, the Tele people, the Telengits, the Tuvinians

Одним из важнейших факторов сохранения идентичности современными тюркоязычными народами Евразии и поддержания единства «тюркского мира» является древнетюркский генеалогический миф, зафиксированный в древних китайских источниках. Из него следует, что предки древних тюрков «отдельная отрасль Дома хунну по прозвищу Ашина» были уничтожены во время войны. Остался только мальчик, которому враги отрубили руки и ноги и бросили в болото, где его нашла и выкормила волчица, поселившаяся потом в горах севернее Гаочана (Турфанский оазис). В числе детей, родившихся от выросшего мальчика и волчицы, был Ашина, «человек с великими способностями». Один из его потомков Асянь-шад переселился на Алтай, где оказался под властью кагана жуань-жуаней, для которых тюрки плавилы железо [1, с. 31] Потомок Ашина Тумынь (Бумын) восстал в 552 г., а в 555г. возник Первый древнетюркский каганат. Китайцы называли потомков Ашина *Ту-кю*, которое расшифровывается как «*тюрк-ют*» [2, с. 28].

Не останавливаясь на проблеме генезиса и содержания слова «тюрк», которой посвящена значительная литература, будем придерживаться мнения Д.Г. Савинова о том, что переселившиеся на Алтай потомки Ашина - *тюрки-тугю*, во-первых, были очень немногочисленны, и во-вторых, оказались там не единственным тюркоязычным народом. Они столкнулись с уже жившими на Алтае многочисленными носителями прототюркского субстрата – телесскими этническими группами, т.е. с *торками-теле (гаогюй)*, которые и составили основную массу восставших против власти жуань-жуаней [1, с. 34].

Важно подчеркнуть, что этнополитическая структура Первого Древнетюркского каганата, как и предшествующего Гуннского Союза и последующих «кочевых империй Евразии», была очень сложной. Как правило, правящая династия представляла собой большой род (разросшуюся семью) или «возвысившуюся» этническую группу и была немногочисленна; основу же таких империй составляли различные этнические образования, племена, осколки народов прежних государств и правящих династий, которые могли иметь и имели языковые и культурные особенности. Если с этой позиции рассмотреть Древнетюркские каганаты, то правящей элитой был разросшийся род потомков Ашина, а, следовательно, род мальчика и волчицы. Зависимое население было представлено различными телесскими этносами. Существует мнение о том, что истоками термина «теле» является один из китайских этнонимов народов Саяно-Алтайского нагорья скифского времени – *ди*, *ди-ли*, которое в результате тюркизации стало известно, как *теле*. Термин *алтае-телесские тюрки* широко используется для характеристики народов Горного Алтая и сопредельных территорий, от постгуннского до предмонгольского времени.

В этой связи, если согласимся с тем, что легенда о мальчике и волчице, как прародители тюрков, скорее всего бытовала именно в их среде, было достоянием правящей элиты, то возникает вопрос о генеалогической легенде *теле*. Такая легенда также была зафиксирована в китайских источниках. В ней рассказывается о том, что китайскому императору сообщили, что в результате брака его дочери, появится мальчик, который свергнет его с престола. Тогда император велел построить высокую башню, поместил туда принцессу, изолировав ее. Шли годы, девочка стала девушкой. Однажды у стен башни появился огромный волк, который стал рыть лаз в башню. Он достиг своей цели, похитил принцессу, и от этого брака появились *гаогюй (теле)*. Заманчиво бы было видеть в этом сюжете отражение реальной истории, когда в 198г. до н.э. между Хань и гуннами был заключен «договор, основанный на родстве», согласно которому китайская принцесса стала женой

гуннского шаньюя Маодуня. Важно, что и в этом варианте фигурируют также гунны, но в качестве прародителя выступает волк. Кажется, именно здесь происходит водораздел между тюркским и телесским генеалогическим мифом - в обоих случаях предки тюрков и теле – гунны, но вторым предком выступает волчица у тюрков и волк у теле.

Из китайских источников известны племенные (этнические) названия *теле* – *хойху*, *сеяньто*, *доланьгэ*, *байегу*, *хун*, *дубо*, *киби*, *аз*, *цзюйше* (*кюйше*), некоторые из них идентифицируются - *хойху* – *уйгуры*, *цзюйше* (*кюйше*)-*кыпчаки*, *тубо* – *туба*, *доланьгэ* – *теленгит*. Исследователи уже обращали внимание на возможную связь между этнонимом теле и современными этнонимами – *телеуты*, *телесы*, а этноним *доланьгэ*, фактически, не претерпел изменений – *теленгиты* [1, с. 48-49]. Можно предположить, что *сеяньто* – *саянцы*, а *киби*-*сеок* *кёбёк*, соответственно *кюйше-кыпчаки*, т.е. это этнонимы, ставшие названиями сеоков современных народов региона. Таким образом, этнокультурная преемственность народов Горного Алтая предмонгольского и современного периодов не вызывает сомнений [3, с. 190-196].

Однако, в связи с этим возникают две проблемы. Во-первых, необходимо конкретизировать насколько сохранилась алтае-телесская основа современных народов Горного Алтая - алтай-кижи и теленгитов. Во-вторых, как их телесское происхождение нашло отражение в генеалогических легендах, эпосе, исторических преданиях.

В результате ойратских вторжений конца XVI-начала XVIIвв. территория Западного и Центрального Алтая вошла в состав чоросского домена, при этом была нарушена целостность местной этнополитической общности, которая реконструируется под условным названием как *телеуто-теленгетская* (*алтае-телесская*), что обусловило дальнейшее обособленное развитие будущих алтайцев (алтай-кижи левобережья Катуня), теленгитов (обитателей бассейнов Чуи, Улагана, Чулышмана) и верхнеобских телеутов.

В этой связи важным представляется мнение Л. П. Потапова о телеутах и теленгитах как о народах, до начала XVII

в. составлявших единую тюркоязычную общность [3, с. 44], что нашло отражение, во-первых, в сохранении телеутами как самоназвания слова «теленгет», тождественного этнониму населения Чуйской долины «теленгит». Во-вторых, распространение среди аборигенов Горного Алтая преданий и поговорок, рисующих теленгитов как очень многочисленный и сильный в прошлом народ: «Теленгитов больше, чем пегой березы» и старинное выражение: «Шестьдесят туменов теленгитов», т. е. неисчислимое множество [6, с. 9]. Но открытым остается вопрос о связи современной *алтай-кижи с телеуто-теленгитской* общностью

Родовой состав современных чуйских теленгитов, алтай-кижи и кузнецких (бачатских) телеутов содержит фактически одинаковый набор сеоков (родов), что также говорит о былом этническом единстве, что также подтверждает тезис о существовании до XVII в., т. е. до оттока части тюркоязычных племен (будущих верхнеобских телеутов), единой еще нерасчлененной ойратской миграцией *телеуто-теленгитской* общности, занимавшей южные земли Горного Алтая. К середине XVIII в. эта общность распадается и на ее основе сформируется этническая основа будущих алтай-кижи и теленгитов, что отражено в русских документах.

С другой стороны, походы русских служилых людей под руководством П. Сабанского в начале XVII в. разорили многочисленную «Телескую землицу», князь Мандрак был увезен как аманат в Томск, а основная масса тёлёсов мигрировала на южный берег Телецкого озера [4, с. 44]. Но в начале XX в. 6-я алтайская дючина на 84% состояла из рода *тёлёс*, его представители встречались и в остальных дючинах. О *тёлёсах* в Чуйской степи говорили, что большинство из них проживали в Курае и Бельтире. Когда-то они были многочисленны: «Нет скотины крупнее верблюда, нет сеока крупнее тёлёсов» [5, с. 111]. Как самостоятельный этнос тёлёсы перестали существовать, но они сохранились в качестве сеоков в составе алтай-кижи, теленгитов, телеутов.

Территория Центрального и Западного Алтая постепенно перестанет быть этнически однородной - в русских документах

XVIII в. она обозначалась как «зенгорские Канские, Каракольские волости», население которых, как и ойраты, часто именовалось «калмыками», что отражало политическую зависимость от Джунгарии и подверженность ее культурному влиянию. Несмотря на то, что *канские и каракольские волости* часто упоминались вместе и представляли собой некое этнополитическое и культурное единство, видимо, они сами четко различали друг друга.

При переписке с русскими властями в 1756 г. помимо указания на подвластные им волости «каракольские» зайсаны отмечали свою этническую принадлежность. Так зайсанами «теленгутов» называли себя «Намук, Церин, Буктуш, Бурут, Боохол» [7. с. 245], в другом же документе Буктуш, Брут (Бурут), Номык (Намки), а также Кутук и Номыкай фигурируют как зайсаны «телеуцкого владения» [7. с. 242]. Получается, что в середине XVIII в. этнонимы «теленгут» и «телеут» еще были синонимами, широко использовались местной элитой и, в первую очередь, соотносились с Каракольской волостью которая располагалась за Семинским перевалом на левобережье Катуня и соотносится с Центральным Алтаем, население которого сформировалось в результате взаимодействия *теленгетских (теленгутских)* и ойратских этнокультурных компонентов.

Кроме «*Каракольской волости*» русские выделяли в Горном Алтае «*Зенгорскую Канскую волость*», которая локализовалась в Западном Алтае, и формирование которой отличалось еще большей сложностью. Помимо теленгетской этнической основы, частично подвергшейся ойратской аккультурации, она содержала в себе еще один этнокультурный пласт. Это нашло отражение в том, как свою этническую принадлежность определяли родственники Омбо. В документах «Омбин брат ... Омбин сын Болот» фигурируют как «*уранхаевы зайсанги*» [7. с.241]. Учитывая патрилинейность, можно утверждать, что и сам Омбо был «уранхайцем». Исходя из русских документов, в середине XVIII века урянхайцами называли достаточно обширную этнокультурную общность, захватывавшую не только западную часть горного Алтая, но и

«урочище Уйман» [8. с. 169], где до ухода на Волгу кочевал зайсан Намжул (Наамжил), а также верховья Иртыша, где находились «владения» «*уранхайских зайсанов*» Гулчугая (Кулчугая), Бобоя, а впоследствии - Анжина и Хохоя.

Этноним «уряныхайцы» является одним из наиболее известных названий народов Центральной Азии и сопредельных территорий в Прибайкалье находилась местность *Баргуджин-Токум*, где обитало разнообразное горно-таежное население, среди которых выделялись «*урянкаты*» [9. с. 156-157], которых также соотносят с теле.

Следовательно, территория левобережья Катуня была представлена двумя близкими по формированию общностями, имевшими общую *теленгетскую основу*, подвергнутую ойратскому влиянию. Отличие заключалось в том, что в западном Алтае произошло включение родственного урянхайского компонента Верхнего Иртыша.

В результате джунгаро-китайской войны середины XVIII в. «рухнуло Ойротское государство, рассыпался на части великолепный Ойрот-улус, ... а тогда уцелевшие в битвах *ойроты и урянхай* спасли свои души в лоне алтайских гор, все они, пройдя сквозь огонь сражений и яростное пламя междоусобий, стали отныне называться *алтайским народом*, составили новый Алтай-улус [5, с. 61].

Сложение современных теленгитов также связано с центрально-азиатскими событиями конца XVIв., когда вследствие образования государства Алтын-ханов в Северо-Западной Монголии, произошел значительный выплеск *саянской миграции* с территории Тувы. Продвигаясь вниз по Чуе, а затем и Катуня группы *кужугетов, орчаков, точей, саянцев* оказались в Верхнем Приобье, где кочевали вместе с телеутами Абака. Часть их расселилась в междуречье Бии и Катуня и была известна как *Керсагальская волость*.

Однако какая-то часть саянских мигрантов оседала по пути своего следования, взаимодействуя с теленгетами правобережья Катуня. Это привело к накоплению *сойонского (тувинского)* комплекса этнокультурных признаков у местных теленгетов, что впоследствии обособили *теленгитов* Юго-

Восточного Алтая от *теленгитов (теленгутов)* левобережья Катуня [4, с. 47-48]. Последующие политические события, связанные с включением Центрального и Западного Алтая в состав России в 1756г. и сохранением до 1864 г. статуса российско-китайских *двоеданцев* чуйских теленгитов существенно повлияло на осознание своей особенности обеими близкородственными группами. Показательно, что еще в 1854 г. все население южнее Семинского перевала называло себя «*теленгитами*», но в то же время выделяло внутри себя «*Алтай-киши* или «*Катунь-киши*» и «*Чуя-киши*» [10, с. 58], что свидетельствовало о появлении наряду с общей идентичностью – «*теленгитской*» новых региональных идентичностей, которые подкреплялись наличием разных иноэтничных включений и культурных влияний, что и определило формирование современных алтай-кижи и теленгитов. Важно и то, что эти народы сохранили именно *телескую (алтае-телескую)* этногенетическую основу, что отразилось в их устной традиции.

Волк – знаковый персонаж алтайских легенд, эпоса, представлений. В бурханистском цикле исторических легенд важное место занимает образ *Шуну*, который был найден завернутым в волчью шкуру. Его право на власть легитимизовалось и через имя - *Шуну (Шоно, Чоно, Чино)*, переводимое с монгольского как «волк», что вызывает ассоциации с мистической связью древних тюрков и волчицы. [11, с. 194-201]. Китайские источники дают возможности судить о «волчьей тотемической традиции» в именах древнетюркских каганов (*Бури-хан, Бури-шад, Шюню* и др.) [2, с. 460-461]. Древнейшая традиция давать каганам и ханам имена предка тюрков (*Бёрю*) или монголов (*Буртэ-Чино*) дожила до начала XVIII в. При этом название волка, употреблявшееся в именах, у некоторых народов настолько табуировалось, что в обиход вошли новые слова, обозначающие волка (например, «*касқыр*» у казахов), лишенный сакрального смысла [12, с. 329].

В этой связи интересным представляется попытка выяснить отголосками какого мифа – *тюркютского или телеского* – является мотив о «волчьей природе» героя в алтайском фольклоре. В тубаларском предании об Алтын-

Кучкаше дух-хозяин горы *Ак-тюри* – Белый волк – мстит ему за то, что он «*Заезжает на Золотую тайгу, горных зверей убивает, водяных зверей убивает на водах ... черных соболей, ... маралов навьючивает*» [13, с. 193-194]. Согласно универсальным представлениям, каждая долина, тайга имеет своего духа хозяина, главная функция которого состоит в умножении и защите своих «подданных» - зверей и птиц. Поэтому требование *Ак-тюри* к охотнику, истребившему множество животных, возместить убыток – отдать своего сына – совершенно оправдано с точки зрения мифа и традиционной морали, базирующейся на дарообменных отношениях. В связи с этим, важным представляется вывод В.П. Ойношева о том, что *Ак-тюри* не просто один из многих духов- ээзи, хозяев местности. Это эпический «Белый волк суть воплощения гнева и кары Хозяина Алтая» [14, с. 91].

Важно и другое – хозяин местности может показываться людям, может быть невидимым, может принимать любой облик. В данном эпосе и в других сюжетах *Алтайдын ээзи* выступает в образе Белого волка, он – Белый волк - Хозяин Алтая. Он прародитель всего сущего – от человека до самой маленькой травинки, он повелитель судьбы человека и хозяин всего живого. Космический образ. Древние *теле*, ставшие основой формирования современных народов Горного Алтая, передали им и свою версию генеалогического мифа, который продолжил свое развитие, и, трансформировавшись, стал основой их миропонимания и мироощущения.

Список литературы:

1. Савинов Д.Г. Народы Южной Сибири в древнетюркскую эпоху. Л: Изд-во ЛГУ. 1984. – 175 с.
2. Гумилев Л.Н. Древние тюрки. М: Айрис-пресс. 2004. – 560 с.
3. Потапов Л.П. Этнический состав и происхождение алтайцев. Л: Наука. 1969. – 196 с.
4. Шерстова Л.И. Тюрки и русские в Южной Сибири: этнополитические процессы и этнокультурная динамика XVII- начало XX вв. Новосибирск: ИАЭТ. 2005. – 312 с.

5. Алтайские исторические предания ойротской эпохи /гл. ред. и состав. Б.Я. Бедюров. Новосибирск: Акад. Изд-во «Гео». 2014. – 205 с.
6. Потанин Г.Н. Очерки Северо-Западной Монголии. СПб., 1883. –1025 с.
7. Самаев Г.П. Горный Алтай в XVII – середине XIXв.: проблемы политической истории и присоединения к России. Горно-Алтайск, 1999. – 256 с.
8. Потанин Г.Н. Пространство Северного Казахстана и Сибири по документальным публикациям Г.Н. Потанина. Томск: ТГУ. 2013. – 314с.
9. Рашид-ад-Дин. Сборник летописей. М.: Ладомир. Т.1. Кн. 1. 2000. – 316 с.
10. Чихачев П. Путешествие в Восточный Алтай. М.: Наука, 1974. – 359 с.
11. Шерстова Л.И. Бурханизм: истоки этноса и религии. Томск: ТГУ, 2010. – 288с.
12. Гордиевский. Что такое «босый волк»? // Известия АН СССР. Отд. литер. и яз. Т. Вып. 1947. – С. 327–330.
13. Аносский сборник. Омск. 1915. – 262 с.
14. Ойношев В.П. Система мифологических символов в алтайском героическом эпосе. Горно-Алтайск: АКИН. 2006. – 164 с.

Сведения об авторе: Шерстова Людмила Ивановна, доктор исторических наук, профессор кафедры Российской истории ТГУ (Томск, Россия), e-mail: sherstova58@mail.ru

Шаймердинова Н.Г.

Евразийский национальный университет им. Л.Н.Гумилева,
Астана (Казахстан)

Время в понимании древних тюрков в текстах рунических памятников

Статья подготовлена в рамках госзадания Алтайского государственного университета Тюрко-монгольский мир «Большого Алтая»: единство и многообразие в истории и современности (проект номер – 748715Ф.99.1.ББ97АА00002)

В процессах категоризации и концептуализации мира древними тюрками раскрывается их концептуальная картина мира, их представление об окружающей природе, социуме и человеке, запечатленные в текстах рунических памятников. Показательным в данном контексте является категория времени, одна из универсальных категорий жизни и мышления человека. Понимание времени древними тюрками в статье рассматривается через природные сезонные циклы, восточный календарь, «живую возрастную хронологию» и эпическое время. Особенностью эпического времени является его «вечное настоящее» и творимость, обусловленные наивной картиной мира древних тюрков.

Ключевые слова: древние тюрки, рунические тексты, понятие времени, сезонный цикл, восточный календарь, «живая хронология», эпическое время, «вечность»

N.G. Shaimerdinova

L.N. Gumilyov Eurasian National University, Astana (Kazakhstan)
Time according to the ancient Turkic people in the texts of runic monuments

In the processes of categorization and conceptualization of the world by the ancient Turks, their conceptual picture of the world is revealed, their idea of the surrounding nature, society and man, captured in the texts of runic monuments, the category of time, one of the universal categories of human life and thinking, is indicative in this context. The understanding of time by the ancient Turks is considered through natural seasonal cycles, the Eastern calendar, the «living age chronology» and epic time. The peculiarity of the epic time is its «eternal present» and creativity, due to the naive picture of the world of the ancient Turks.

Keywords: ancient turks, runic texts, the concept of time, seasonal cycle, eastern calendar, «living chronology», epic time, «eternity».

Время и пространство – универсальные категории, ключевые кванты знаний в концептуальной картине мира человека во все времена и эпохи. Но понимание этих категорий в каждой эпохе, особенно в древних эпохах, проявляется по-разному, согласно уровню эмпирических и теоретических знаний человека об окружающем мире.

У древних тюрков было свое представление о времени (ödüške), они жили и творили во времени, у них было некое представление о своем прошлом, в контексте наивного сознания древнего человека - олицетворение «вечного» настоящего и понимание своего будущего.

Л.Н. Гумилев отмечал, что тюрки исчисляли свое существование от начала мира, но они полагали, что мир не так уж стар. Надпись Кюль-тегина начинается с исторического экскурса: *«Когда было сотворено [или возникло]верху голубое небо внизу бурая земля, между ними обоими были сотворены [или возникли] сыны человеческие. Над сынами человеческими воссели мои предки Бумын-каган и Истеми-каган»* [1, с. 36]. Как полагает Л. Гумилев, начало мира древними тюрками датируется точно началом VI в н.э. Значит, мир существует всего 200 лет. Такое наивное понимание своих истоков тюрками объясняется большими временными разрывами, потерей традиций и связей «тюрки, потомки хуннов, ничего не знали о своих предках, так же как монголы Чингисхана ничего не знали о тюрках» [2, с. 338].

Что касается понимания древними тюрками времени в целом, то Н.Я. Бичурин писал, что древние тюрки «уравнения времён вовсе не знают, а замечают времена только по зелени травы» [3, с 235]. Для древних тюрков естественные природные явления и признаки были приметами времени – восход и заход солнца, яркая ночная звезда, «лунный календарь» и «зелень травы». Темп жизни древних людей зависел от природного ритма, смены природных циклов лета и зимы, весны и осени, дня и ночи. Временные категории средневековья – год, сезон, месяц, день, но не час и тем более не минута. Природная ритмичность не нуждалась в точном знании часа время, самыми короткими отрезками времени были день и ночь, запечатленные в текстах Кюль-тегина, Бильге-кагана и других памятников. Древние тюрки имели тесную связь с природой, их кочевой или полукочевой образ жизни проходил в естественных сменах сезонных явлений, где наиболее благоприятной для разведения скотоводства был весенне-летний период, и, наоборот, наиболее сложный – осенне-зимний период. Возможно, *сезонный цикл*

был одним из первых единиц времени, и он играл важную роль в жизнедеятельности древних тюрков, в сохранении их обрядов и обычаев. В данном контексте примечательны записи Н.Я. Бичурина о том, что «умершего весной и летом хоронят, когда лист на деревьях и растениях начнет желтеть или опадать; умершего осенью и зимой хоронят, когда цветы начинают развёртываться...» [3, с 234]. На наш взгляд, столь длительное сохранение тела усопшего для окончательного погребения дает важную информацию о сущности актов захоронения, древних тюрков либо это трупосожжение, либо бальзамирование, либо что-то ещё другое, о чем еще должны сказать специалисты.

Позже, как известно, для исчисления времени древние тюрки использовали **восточный календарь или «звериный цикл»**, возможно, который был заимствован у соседних племён и этносов и который использовался для описания разных жизненных ситуаций, в ритуалах захоронения каганов, тегинов и в других традициях и обычаях, например, «*В год Овцы, в год Обезьяны, в год Собаки*»: «*Кюль-тегин улетел (умер) в год Овцы, в семнадцатый день. Двадцать седьмого девятого месяца мы устроили похороны. Храм, скульптуру, камень с надписью – всё мы освятили в год Обезьяны, в седьмой месяц, в двадцатый день*» [4, с. 190].

2) «*Я – ичрек Кара-хана...Я – от племени ябаку... Я – Тюргеиш. Я – летописец. Год обезьяны*» [5, с. 126]. В данном дискурсе раскрываются не только социальный статус, этническая и родо-племенная принадлежность автора строк, но и есть информация по восточному календарю «год обезьяны» и ценный для древнего мира статус «летописца», такого же как в памятнике Кюль-тегин, летописец Йоллык тегин, который описал наиболее важные события древнетюркского мира в эпохи первого и второго тюркских каганатов.

Наряду с восточным календарем древние тюрки пользовались так называемой «**живой хронологией**», которая, по мнению Л.Н. Гумилева, была переходной формой от сезонного цикла (от весны до весны) к звериному циклу [2, с. 339]. В рамках этой «живой хронологии» можно рассмотреть в текстах памятников время правления, походов и сражений

тюркских каганов; те или иные значимые события, происходившие в древнетюркском социуме. И тогда в качестве «живой хронологии» используется возраст жизни человека. Все важные события во втором тюркском каганате от правления Кутлук кагана до правления Бильге кагана можно рассмотреть через жизненный путь Кюль-тегина **𐰉𐰺𐰽𐰸** от 7, 10, 16, 21, 26, 27, 31, 37 ...47 лет: «*После смерти моего отца-кагана, мой младший брат Кюль-тегин остался семи (?)лет, в десять лет для (т.е. радость) ее величества моей матери-катун, подобной Умай, мой младший брат получил геройское имя Кюль-тегин*» [1, с 40].

«Живая хронология» запечатлена и в енисейских текстах и на основе её можно выявить продолжительность жизни человека в целом в древнетюркском социуме, многочисленные примеры охватывают весь жизненный путь человека от детства до старости:

1. «...*Когда мне был год, я разлучился с моим дедушкой.... Когда мне было шесть лет, я лишился отца, но не осознавал этого...*» [5, с. 116].
2. «... *С семнадцати лет я водил войска. Моим государством я не наслаждался*» [5, с. 148].
3. «...*О, мои... Мой возраст – сорок два года*» [5, с. 139].
4. «...*Мои семьдесят лет, - я умер. Семьдесят мужей-воинов (врагов) я убил...*» [5, с. 168].
5. «...*В мои восемьдесят лет я расстался с этим миром, - грустно, как жаль мне...*» [5, с. 205].

В енисейских текстах «живая хронология» представлена также в памятниках Е-22 (43 лет), Е-23 (49 лет), Е-49 (62 года), Е-52 («с двадати.. надцати лет...»), Е-43 (52 года), Е-3 (63 года), Е-5 (16 лет), Е-45 (71 год), Е-59 (27 лет), Е-147 (17 лет), Е-11 (15 лет) [5, с.139 - 273]. Иллюстративный материал из этих и других текстов памятников раннего средневековья раскрывает важную информацию о том, что древние тюрки могли проживать до преклонного возраста (70-80 лет), несмотря на достаточно суровые условия их жизни.

Следует также отметить, что у древних тюрков были особенности счета, используемого в «живой хронологии» и в

других жизненных ситуациях. А.Н. Кононов отмечает одну из двух систем для обозначения чисел, состоящих из десятков и единиц. «При счете от 11 и далее сначала называется единица, за которой обозначается десяток следующего, высшего порядка *üç jegirmi* ‘13’; *bir otuz* ‘21’; *beş jetmis* ‘65’; *sekiz jetmis* ‘68’» [6, с.112]. Эта система подсчета возраста широко использована в «живой хронологии» енисейских текстов:

1. *är ärdäm jerim üçün öldim*
2. *aç to ... isig ĩnal elimkä bāgimkā bökmādim*
3. **toquz qırq** *jaşımda elim üç*

1) Я погиб во имя своей доблести мужа-воина, ради моей земли

2) Я - Ач То... Исиг Ынал, моим государством, моим бекам – я не наслаждался.

3) В мои тридцать девять (сорок девять) лет ради моего государства... [5, с.154].

Важной особенностью древнетюркского понимания времени является его *хромотопичность*, растянутость времени в пространстве, когда приметы времени раскрываются в пространстве, и пространство осмысливается и измеряется временем» (Бахтин). Такое время можно назвать эпическим, продолжительным, длительным, отличительной чертой его является признак «вечного настоящего» или признак «вневременности». «Сознание средневекового человека не представляло время линейно как прошедшее – настоящее – будущее, оно было антиисторичным. Новое не представляет интереса в этой системе сознания, в нём ищут лишь повторения прежде бывшего, того, что возвращает к началу времен. При подобной установке по отношению к времени приходится признать его «вневременность» [7, с.88].

На наш взгляд, ранняя средневековая культура наследовала идею вневременности из архаичного мифологического сознания; из античной, египетской, индийской и других древних культур и цивилизаций. В древних цивилизациях «господствовало» время вечного настоящего, мир воспринимается не в изменении и развитии, а как пребывание в покое и вращении, в великом кругу». Символом вечного

настоящего являются: древнеиндийское колесо времени, олицетворяющее извечное движение по кругу; древнеегипетские пирамиды Хеопса как памятники «остановившегося» времени, древнегреческий Парфенон или гармоничные скульптуры Давида, Аполлона, Венеры Милосской, как гармоничные памятники, не требующие дальнейших изменений. Эта идея вечного настоящего, вневременности имеет место и в культуре и в сознании древних тюрков. Поэтому в текстах памятников так часто употребляется слово «вечный» (𐰽𐰺𐰸 beŋgü) поставили «вечный камень» (𐰽𐰺𐰸 beŋgü taš), создали «вечный эль» (𐰽𐰺𐰸 𐰽𐰺𐰸), государство:

1) «...Когда ты остаешься в Отюкенской черни, ты можешь жить, созидавая своё **вечное государство**» [4, с 264].

2) «О, тюркские беки и народ, слушайте меня! Как, объединив тюркский народ, создал государство здесь высек. Как заблуждаясь, вы распадаетесь, - вырезал на этом камне. Все, что я хотел сказать, - вырезал **на этом вечном камне**» [4, с 265].

3) «Я водрузил **этот вечный (памятник) Чаб Шатун-тархану (Чабыш Тон-тархану)**» [5, с 95].

Идея вечности в сознании древних тюрков связана с их духовным мировоззрением, с верховными божествами Тенгри и Умай (𐰽𐰺𐰸 𐰽𐰺𐰸), которые с одной стороны антропоцентричны, уподобляются людям, возводят на престол каганов (Кутлук кагана), благословляют героев-мужей на подвиги и т.д. и т.п. С другой стороны, верховные божества – вечные, единичные, а все остальное творимо, создано богами: *er atı̄ ... ilān jaljus ten* 'воинское имя...: господствуй (правь, цари), единственное Небо' [8, с.242]. В данном фрагменте по традиции, идущей от В.В. Радлова и П.М. Мелиоранского, верховное божество Тенгри переводят как Небо (хотя мы видим в транскрипции текста Д.Д. Васильева четкое *ten/Tenri*).

А.Я. Гуревич, исследуя культуру и духовные начала средневековья, отмечал, что вечность – атрибут бога, время же сотворено и имеет начало и конец, ограничивающие длительность человеческой истории» [7, с. 99]. С этой же идеи

творимости мира начинается и текст Кюль-тегина: **ТҮҢГҮҮЧДҮҮТҮҮ** Tengri yarılqadı (букв. «Когда Тенгри сотворил...») *Когда было сотворено (или возникло) вверху голубое небо (и) внизу темная (букв.: бурая) земля, между (ними) обоими были сотворены (или: возникли) сыны человеческие (т.е. люди).* Причастные формы *сотворено, сотворены* означают: оказывать то или иное воздействие, в результате которого совершается то или иное явление: сотворены земля, люди «сыны человеческие», сотворено все сущее, а значит, и время, в котором живет человек. Время создано, а значит, творимо. Отсюда в текстах:

1. *Время (т.е. судьбы, сроки) распределяет небо, (но так или иначе) сыны все рождены с тем, чтобы умереть (т.е. бог)* [1, с.43].

2. *Я скорбел, ход времени определяет Тенгри (бог), сыны человеческие рождены, чтобы умереть* [4, с. 190]. В двух разных переводах разные языковые единицы «*время (т.е. судьбы, сроки) распределяет небо*», «*ход времени определяет Тенгри (бог)*» передают одно и тоже содержание – жизнь человека недолговечна («*сыны все рождены с тем, чтобы умереть*»), все зависит от воли Всевышнего (Тенгри, бога). **Поэтому время – творимо, имеет начало и конец, и, как и весь мир в целом, определяется высшими силами, в чем, безусловно, проявляются уровень знаний древнего человека, его наивная картина мира.**

Идею вечного настоящего также символизируют и предметы материальной культуры, обнаруженные в поминальных комплексах древних тюрков: балбалы (**ТДТД**), скульптуры людей и животных, каменные стелы (**ҮҮҮҮҮҮ** bitig taş) навеки высеченными на них словами.

В заключении следует отметить, что у древних тюрков было своеобразное понимание времени. По хронологии времени мир не был для них старым, поскольку была утеряна преемственно-временная связь с хуннами. Древние тюрки жили в гармонии с природой, приметами времени были «зелень» травы, «лунный календарь» восход и закат солнца. Смена сезонных циклов зимы и весны, весны и лета, лета и осени,

осени и зимы были признаками изменения времени в рамках которых проходила вся деятельность древнего человека, их кочевой и полукочевой образ жизни. Именно сезонные циклы были первой единицей отсчета времени.

Позже древние тюрки использовали восточный или «звериный» календарь, возможно, заимствованный у восточных и южных народов Центральной Азии. По восточному календарю описаны важнейшие события в древнетюркском социуме, захоронения каганов, традиции, обычаи и ритуалы.

Важной единицей времени была «живая хронология», возраст человека использовался в самых разных жизненных ситуациях. Благодаря текстам памятников дошла информации о долголетию жизни древних тюрков (70-80 лет), не смотря на кажущиеся суровые условия жизни.

Время древних тюрков было эпически растянутым, хронотопичным, прошедшее – настоящее – будущее рассматриваются как единая линия вечности, вневременности, «вечного настоящего, что было характерным явлением для древних культур и цивилизаций. Идея вечности переплетается с духовными началами тюрков, вечность – атрибут верховных богов (Тенгри и Умай), все остальное – человек, природа, в т.ч. и время – творимо. Всё это обусловлено наивной картиной мира древнего человека.

Список литературы:

1. Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности. Тексты и исследования. – М.-Л: Издательство АН СССР, 1951. – 455 с.
2. Гумилев Л.Н. Древние тюрки. – М. Товарищество «Клышников – Комаров и К», 1993. – 526 с.
3. Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. I. – Алматы ТОО «Жалын баспасы», 1988. – 390 с.
4. Жолдасбеков М. Сарткожаулы К. Атлас Орхонских памятников (перевод М.Жолдасбекова, Н.Шаймердиновой и др.). – Астана: Кюль-тегин, 2006. – 360 с.
5. Кормушин И.В. Тюркские енисейские эпитафии. Тексты и исследования. – М. «Наука», 1997. – 303 с.

6. Кононов А.Н. Грамматика языка тюркских рунических письменных памятников VII-IX вв. – Л.: Наука, 1980. – 255 с.
7. Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. – М.: Изд-во «Искусство», 1972. – 319 с.
8. Васильев Д.Д. Корпус тюркских рунических надписей Южной Сибири. Ч.1. Древнетюркская эпиграфика Алтая. – Астана: ТОО «Prosper Print», 2013. – 268 с.
9. Мелиоранский П.М. Памятник в честь Кюль-тегина. – СПб.: Типография императорской Академии наук, 1899. – 145 с.
10. Radloff W. Die altturkischen Inschriften der Mongolei. Neue Folge. St.-Pb., 1897. – 296 p.
11. Тыбыкова Л.Н., Невская И.А., Эрдал М. Каталог древнетюркских рунических памятников Горного Алтая. – Горно-Алтайск, 2012. – 152 с.
12. Шаймердинова Н.Г. Когнитивная семантика древнетюркских орхонских текстов. – Астана, 2007. – 248 с.

Сведения об авторе: Шаймердинова Нурила Габбасовна, доктор филологических наук, профессор, кафедра тюркологии факультета Международных отношений Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева (Астана, Казахстан), e-mail: nurila1607@mail.ru

Алексеева В.Е.

Алтайский государственный университет, Барнаул (Россия)

Антропологические исследования в 20–60 гг. XX в. раннесредневекового населения Алтая

Статья подготовлен в рамках госзадания Алтайского государственного университета «Тюркский мир Большого Алтая: единство и многообразие в истории и современности» (проект номер — 748715Ф.99.1. ББ97АА00002)

В данной работе представлена история изучения и результаты работ с палеоантропологическим материалом из археологических памятников горных и предгорных районов Алтая: Кудыргэ, Катанда I, Кокса, Шибэ, Курай, Туекта, Курота II, IV и Сростки I, Змеевка. Приводятся сведения о работах В.П. Алексеева и

Г.Ф. Дебеца, которые начиная с 1940-х гг. проводили антропологические исследования раннесредневекового населения Алтая. Их работы положили начало развитию данной темы в области антропологии.

Ключевые слова: Горный Алтай, Предгорный Алтай, антропологический тип, раннесредневековое алтайское население, Кудыргэ, Катанда I, Кокса, Шибе, Курай, Туекта, Курота II, IV, Сростки I, Змеевка

V.E. Alekseeva

Altai State University, Barnaul (Russia)

The initial stage of the study of anthropological features of the early medieval Altai population

This paper presents the history of the study and the results of studies of paleoanthropological material from the archaeological sites of the mountainous and foothill regions of Altai: Kudyрге, Katanda I, Koksa, Shibe, Kurai, Tuekta, Kurota II, IV and Splices I, Zmееvka. Information is given about the works of V.P. Alekseev and G.F. Debets, who, since the 1940s, conducted anthropological studies of the early medieval population of Altai. Their work marked the beginning of the development of this topic in the field of anthropology.

Keywords: Gorny Altai, Foothill Altai, anthropological type, early medieval Altai population, Kudyрге, Katanda I, Koksa, Shibe, Kurai, Tuekta, Kurota II, IV, Splices I, Serpentine

История изучения антропологического состава населения Алтая, в период раннего средневековья является важным этапом в исследовании процесса расового формирования в регионе. Археологические работы на раннесредневековых памятниках Алтая начались во второй половине XIX в. Открытие новых памятников поставило перед исследователями вопрос об антропологическом облике населения Алтая в данный период времени. Представленную проблему в своих работах частично затрагивали А.Н. Берштам [1939] и Л.П. Потапов [1953], на основании археологических материалов они отнесли все могильники к тюркскому времени. Но подобное определение происходило не по этнической принадлежности, а по территориальному расположению памятников, поскольку Алтай

входил в состав Тюркского каганата. Ближе к решению проблемы подошел С.В. Киселев [1951], в своих работах он решил продолжить развитие тематики, и противопоставил тюркам-тугю, которые выделены по орхонским памятникам, местное алтайское население - тюркские племена теле (тйелэ), приписав им все памятники, которые датируются периодом существования Тюркского каганата (VI-VIII вв. н.э.) на территории Алтая. Как указала А.А. Гаврилова, подобная аналогия демонстрирует только различие культуры и традиций, но не указывает на этнические различия, зафиксированные в письменных китайских хрониках "Вай-ши", датируется второй половиной VI в. н.э., и "Тай-шу", начало IX в. н.э. [1, с. 275; 2, с. 7]. Поэтому, цель данной работы заключается в изучение и анализе, опубликованных источников XX в. по раннесредневековым антропологическим материалам с территории Алтая.

Первоначальный этап в изучение облика раннесредневекового алтайского населения можно разделить на два периода: 1) Начальное накопление антропологического материала, которое проходило с 1920–1940 гг.; 2) Первые попытки интерпретация антропологических серий 1940-1960 гг.

Формирование антропологических коллекций из погребальных комплексов Алтая раннего средневековья, которое проходило параллельно с археологическими работами, начавшиеся в 1920-х.г. Именно этот период, был определен как начальный, поскольку в опубликованных источниках нет упоминаний о более ранних коллекциях переданных в музейные учреждения. Так же трудно судить о сохранности и количестве единиц антропологического материала переданного в музеи и лаборатории, поскольку подобная информация не указывалась в публикациях. Поэтому, рассмотрение начального этапа истории изучения антропологического облика алтайских групп в раннее средневековье, является актуальным для изучения процессов формирования этнического состава населения в данный период. Также, нужно отметить, что первые антропологические материалы не систематизированы, и поэтому одна из основных задач работы, состоит в их систематизации и характеристики.

Основным импульсом для начала формирования антропологических коллекций, стала открытие на базе Московского университета кафедры антропологии в 1919 г., при поддержке В.В. Бунака. Благодаря чему антропология, как наука, стала активно развиваться в СССР. Также, одним из основных вопросов, поставленных перед научными сотрудниками кафедры, было изучение процессов расогенеза на всей территории страны, в том числе и на Алтае [3, с. 5].

Первые антропологические коллекции, раннего средневековья были изъяты из погребений в ходе археологических работ на памятниках Горного Алтая: Кудыргэ, Катанда I, Кокса, Шибе, Курай, Туекта, Курота II, IV, и из могильников Предгорного Алтая: Сростки I и Змеевка. Полученные серии в дальнейшем послужили для антропологического изучения населения. Большая часть материалов были переданы на хранение в музеи СССР: Государственный этнографический музей (Российский этнографический музей) (Кудыргэ, Змеевка), Государственный музей антропологии в Москве (Музей антропологии МГУ им. Ломоносова) (Катанда), Музей антропологии и этнологии Академии наук в г. Санкт-Петербурге (Курай), Бийский музей (Сростки- I). Место хранения остальной части коллекции не указывается в опубликованных источниках, авторами раскопок.

Второй период, представляет собой продолжение накопления данных и начало процесса анализа антропологического материала. Развитие процессу, положили исследования советских антропологов В.П. Алексеева и Г.Ф. Дебеца, их работы считаются одними из первых по данной теме. Валерий Павлович и Георгий Францевич проводили краниологические и остеологические измерения первых антропологических коллекций полученных в ходе археологических работ на территории Горного и Предгорного Алтая из могильников Кудыргэ, Катанда, Кокса, Шибе, Курай, Туекта, Курота и Змеевка, Сростки-I.

Большая часть могил из представленных археологических комплексов, были отнесены к тюркскому времени [2, с. 7]. Полученные результаты Г.Ф. Дебец представил в своей работе

«Палеоантропология СССР» [4, с. 209, 211]. В.П. Алексеев включил все исследованные им материалы средневекового населения Горного и Предгорного Алтая в публикацию «Палеоантропология Алтая эпохи железа», данные были представлены в качестве суммарных серий [5].

В ходе работ, Г.Ф. Дебецу удалось изучить материалы из памятников Кудыргэ (два женских погребения №5а и 5в, раскопки С.И. Руденко 1924 г.); Катанда (одно мужское погребение №2); Кокса (одно мужское погребение (номер могилы не указан в публикации); Шибе (одно мужское погребение, обнаруженная под восточной частью насыпи кургана (номер кургана не указан), и одно женское погребение №5 из кургана №2); Курай (два мужских погребения №1, 2 кургана №1, пять женских могил из курганов №4, погребение из кургана №6 погребение 2, из кургана №1, 2, 3); Туекта (две могилы, одна из них мужская из погребения в кольце №4, и женское погребение из кургана №4); Сростки (пять мужских могил №1, 3, 4, 10, 11, и два женских погребения №6, 8, полученных входе работ в 1925г. М.Н. Коморовым, и три погребения мужских №9, 11, 13, и одна женская могила №14, с раскопок С.М. Сергеева в 1930 г.); Змеевка (материалы из кургана №1 погребение №1 (женское) и погребения №3, 4 (мужское), серии из кургана №2 погребение 1 (мужское) и погребение №2 (женское), материалы раскопок 1929 г., и также, были исследованы материалы 1930 г. из кургана №3 погребение №1, 2 (мужские) и двойное погребение № 5 (два мужских погребения) [6, с. 370-371]. Нужно отметить, что представленная нумерация погребений Г.Ф. Дебецом не совпадает с нумерацией, изложенной в публикациях по данным экспедиций.

Обследование антропологических материалов проводилось Г.Ф. Дебецом совместно с М.Н. Коморовой. Ими были проведены остеологические измерения посткраниального скелета, и краниологические измерения черепа. На основе подставленных материалов, можно сказать, что антропологические серии из могильников почти во всех случаях были в полном составе *cranium* и *postcranium* [6, с. 207, 370-371].

Г.Ф. Дебеч по проведенным остеологическим измерениям, указывает на то, что в период раннего средневековья, население горного и предгорного Алтая в антропологическом плане значительно различалось друг от друга. Полученный краниологический материал характеризует население южных районов Алтая, как представителей туранского (южносибирского) антропологического типа. Данный тип характеризуется уплощенным, широким и высоким лицом, средневыступающим носом, ослабленным ростом бороды, темной окраской волос и глаз, брахикефалией, средним ростом. В то же время, население Северных районов являлось носителем более смешанного антропологического типа, так же заметен европеоидный компонент. Европеоидные черты лицевого скелета комбинируют как с длинными, так и с крупными формами мозгового отдела черепа. Европеоидные черты могут характеризоваться сильным профилированием лицевого отдела черепа. Монголоидные признаки также присутствуют. Г.Ф. Дебеч отмечал, что количество черепов с монголоидными комбинациями не уступают по количеству европеоидным. Черепной указатель у монголоидных выборок в большей степени долихо- или мезокранный. Основываясь на полученных данных, Г.Ф. Дебеч пришёл к выводу, что антропологические параметры и соотношение типов соответствуют раннему периоду неометалла, но границы между антропологическими типами менее выражены. Антропологические признаки первого порядка (морфологические признаки: цвет кожи, форма носа, губ), по мнению Г.Ф. Дебеца, слабо связаны с черепным указателем. В то же время, связь признаков первого порядка между собой гораздо выше [6, с. 209-210].

Таким образом, Г.Ф. Дебеч пришел к выводу, что население на территории Горного Алтая в период с VI-X вв. н.э. продолжает подвергаться миграционным процессам с юга и юга-востока. Также, в данный период европеоидные черты почти совсем сглаживаются. Г.Ф. Дебеч сопоставил измерительные данные Горного Алтая с материалами Минусинской котловины и с Забайкальем, это показало существенное сходство их населения в период раннего

средневековья. У них так же, преобладает южносибирский монгольский тип, но признаки европеоидных черт не исчезают, а продолжают бытовать и в настоящее время у населения северного Алтая. Они представлены в переходном типе, который сформировался путем гибридизации, еще в Гунское время, когда состав населения Алтая оставался прежним, как и в период Тюркского каганата [6, с. 211].

Продолжил анализ антропологических материалов, из погребальных комплексов, В.П. Алексеев. Он представил краниологические серии из погребений Предгорного Алтая VII - X вв. н.э. и Горного Алтая VI - X вв. н.э. Наименование конкретных памятников не указано в исследовании. В.П. Алексеев использовал краниологическую методику, в основу которой входит измерение размеров скелета черепа. Им были представлены суммарные измерения мужских и женских черепов по 30 краниологическим признакам (по Мартину). В суммарных сериях из погребений предгорных районов Алтая было исследовано 25 мужских и 9 женских черепов, из районов Горного Алтая изучено 17 мужских и 11 женских черепов [4, с. 99, 101]. Автор указывает на резкое увеличение монголоидного компонента (выражен в большей ширине носа и более профилированной формы лицевого отдела черепа) у средневекового населения Алтая, по сравнению с предыдущим периодом. Также, данный процесс сопровождается усилением выраженности признаков центральноазиатского антропологического типа (характеризуется резко выраженным профилированием лица). В.П. Алексеев, объясняет данный факт тем, что, именно в период средневековья происходят постоянные миграционные процессы этнических групп с территории восточной Монголии, что так же зафиксировано и в посменных источниках. В.П. Алексеев так же указывает на преобладание европеоидный тип у средневекового населения Алтая, который продолжает бытовать среди современных этнических алтайских групп [4, с. 103].

В.П. Алексеев основываясь на полученных данных, сделал вывод, что раннесредневековое население Алтая имело ярко выраженные центральноазиатские черты, что было связано с

постоянными процессами миграции с территории Центральной Азии. Также, автор указывает на то, что в составе алтайских групп еще сохраняются европеоидные черты, что может свидетельствовать о преемственности средневекового населения Алтая с древними европеоидными группами, проживавшими на данной территории еще до монгольской экспансии. Также, что не менее важно, данные европеоидные черты продолжают сохраняться и у современных этнических групп. Поэтому, В.П. Алексеев указывает на то, что начиная с периода средневековья, наступает новый этап формирования истории антропологического типа Сибири, который уже не может изучаться, основываясь только на палеоантропологическом материале, но так же требуется исследование современных народов [4, с. 104].

Подводя итоги работы, можно сказать, что начальный этап накопления антропологического материала, продолжавшийся в течение сорока лет, позволил сформировать базу данных для первоначальных антропологических работ. Исследования впервые начали проводить Г.Ф. Дебеч и В.П. Алексеев, которые положили начало в области изучения антропологического облика раннесредневекового населения Алтая, и дали первое представление об их расовом типе. Работы исследователей дают схожие представления об антропологическом типе, они оба указывают на ярко выраженные монголоидные признаки, но в то же время на присутствие европеоидных черт, наследованных от более ранних групп проживавших на территории Алтая. Но, несмотря на активное взаимодействие с населением Центральной Азии, европеоидные черты продолжают бытовать и у современных алтайских групп. Проведенный сравнительный анализ материалов горных и предгорных районов Алтая, показал различия в соотношении доли монголоидных признаков, которые у южных групп выражены сильнее, чем у северных. Представленные результаты антропологических данных В.П. Алексеевым и Г.Ф. Дебечом, не только определили направление дальнейшего изучения раннесредневекового населения Алтая, но и в дальнейшем позволили по-новому интерпретировать

археологические материалы из средневековых памятников Алтая.

Список литературы:

1. Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири // Материалы и исследования по археологии СССР / Изво: Академии науки СССР, М., 1949. № 9. – 365 с.
2. Бужилова А.П. Становление антропологии в Московском университете (к 90-летию Института антропологии МГУ) / А. П. Бужилова // Вестник Московского университета. Серия 23: Антропология. – 2013. – № 1. – С. 4–18.
3. Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М: Наука, 1965. – 142 с.
4. Алексеев В.П. Палеоантропология Алтая эпохи железа // Советская Археология. М.: Из-во: Академии наук СССР, 1958. № 1. – С. 45–49.
5. Алексеев В.П., И.И. Гохман. Антропология Азиатской части СССР. М.: из-во: Наука, 1984. – 208 с.
6. Дебец Г.Ф. Палеоантропология СССР. М.: из-во Академия наук СССР, 1948. – 393с.

Сведения об авторе: Алексеева Валерия Евгеньевна, магистрант Алтайского государственного университета, лаборант-исследователь НОЦ алтаистики и тюркологии «Большой Алтай» (Барнаул, Россия), e-mail: Alekseeva.2001.182@mail.ru

Садырова З.Т.

Кыргызская государственная академия физической культуры и спорта, Бишкек (Кыргызстан)

Актуальные проблемы исследования истории карлуков

Статья подготовлена в рамках госзадания Алтайского государственного университета Тюрко-монгольский мир «Большого Алтая»: единство и многообразие в истории и современности (проект номер – 748715Ф.99.1.ББ97АА00002)

Данная статья посвящена историческому анализу этногенеза, этнических территорий, многочисленных миграционных перемещений карлуков, а также взаимоотношениям с соседними народами,

государствами и их роли в Тюркских (Западном и Восточном), Карлукском и Караханидском каганатах. Особое внимание уделено алтайским корням происхождения карлуков. Исследована важная проблема истории карлуков – их миграции с Алтая на территорию Семиречья и Тенгир-Тоо. Проведен анализ роли и значения победы арабов над китайцами во время Таласской битвы. В статье отмечается, что после битвы, карлуки укрепили свою позицию в Семиречье. Показано влияние и вклад карлуков в формирование, развитие и достижение могущества в Центральной Азии государства Караханидов.

Ключевые слова: карлуки, Алтай, Западный и Восточные тюркские каганаты, Караханидский каганат, Семиречье, Тенгир -Тоо, Таласская битва.

Sadyrova Zamira T.

Kyrgyz State Academy of Physical Culture and Sports, Bishkek,
Kyrgyzstan

ACTUAL PROBLEMS IN RESEARCHING THE HISTORY OF THE KARLUKS

This article is devoted to the historical analysis of ethnogenesis, ethnic territories, numerous migration movements of the Karluks, as well as relations with neighboring peoples, states and their role in the Turkic (Western and Eastern), Karluk and Karakhanid Khaganates. Spacial attention is paid to the Altai roots of the origin of the Karluks. An important problem in the history of the Karluks, their migration from Altai to the territory of Semirechye and Tengir-Too, has been studied. The analysis of the role and significance of the victory of the Arabs over the Chinese during the Talas battle. It is noted that after the battle, the Karluks strengthened their position in Semirechye. The influence and contribution of the Karluks to the formation, development and achievement of power in Central Asia of the Karakhanid state is shown.

Key words: Karluks, Altai, Western and Eastern Turkic Khaganates, Karakhanid Khaganate, Semirechye, Tengir-Too, Talas battle.

В новом тысячелетии тюркская цивилизация, имеющая за собой многовековую историю, переживает эпоху своего возрождения. Это связано с возникновением на карте земного шара новых независимых тюркских государств на рубеже второго и третьего тысячелетий. В настоящее время насчитывается более 300 миллионов тюркоязычных жителей

планеты, проживающих на территории - 4.5 млн кв. км. [1], шести независимых государств (Турецкая республики, Кыргызской Республики, Азербайджанской Республики, Республики Казахстан, Республики Узбекистан, Республики Туркменистан) и нескольких де автономных образований в РФ и Республики Молдова (Татарстана, Башкортостана, Якутии, Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии, Чувашии, Тувы, Хакасии, Алтая, Республика Крым, Гагаузии и др.)

Прародиной тюрков является Алтай, который представляет собой один из мировых центров этногенеза многих народов, входящих в древнейшие мировые цивилизации. Всесторонняя многовековая коммуникация огромного количества различных племен и народов создала конкурентную среду формирования динамично развивающейся тюркской цивилизации. Алтай стал колыбелью народов тюркских племен, вобравших в себя достижения окружающих цивилизаций и начавших глобальную экспансию обширных евразийских территорий и, в первую очередь, Центральной Азии.

В настоящее время центральноазиатский регион представляет собой синтез многочисленных народов и стран, имеющих многовековую богатую историю. Данный конгломерат этносов и политических образований сформировался в результате многовекторных исторических трансформаций на огромной территории, включающей в себя такие исторические пространства, как Семиречье, восточная часть Туркестана и Мавераннахр. Этногенез и дальнейшая этническая эволюция местных народов имеет свои глубокие корни в древних веках.

Одним из этносов тюркского корня, происшедших из Алтайского региона и переселившихся много веков назад в оазисные территории Центральной Азии является племена карлуков. Эволюция карлуков всесторонне пересекалась с историческим развитием множества этнических образований этой части азиатского континента. Опираясь на огромное количество письменных свидетельств, перед нами стоит задача выявления территории происхождения и дальнейшего переселения карлуков в юго-западном направлении.

Под данным исторических источников карлуки входили во владении империи, возглавляемой Танской династии в период VIII-X столетий. Анализ китайских летописей показывает, что в них имеется важная информация этнологического и географического характера об этносах, населяющих близлежащие территории к Танской империи. Из них мы узнаем, что карлукские племена назывались «гелолу, гелу, и гедленлу» [2, с.297], «делившись на три рода мэоуло, чжисы и ташили» [3, с.347]. Например, карлуки (гелолу) вышли из тукюеского Дома, мигрировали из Алтая в западном направлении вдоль реки Пугу-Чжень [3, с. 347], т.е. карлуки входили в конгломерат алтайских тюркских племен [4, с. 219-315].

А.Г. Малявкин конкретизирует место расположения и векторы миграции карлуков в следующем образом: "Гэлолу (карлуки) – поколение, состоявшее из 3-х племен: мэоуло (мэули), чжисы (пофу) и ташли, занимало территорию к западу от Алтайских гор [2, с. 347] и в верховьях реки Иртыш" [5, с. 209].

В VI–VII столетиях в период своего усиления карлуки составляли часть Танской империи и Тюркского каганата, объединявшего Центральноазиатский регион. Позже в начале VII столетия Тюркский каганат распался на два государства: Восточный и Западный каганаты. Центр первого находился в Монголии, а второго - в Семиречье.

По мнению К.Ш. Шаниязова, население Восточного каганата составляли тюркские племена Саяно-Алтайского нагорья такие, как: киргизы, теле, карлуки, азы, чики, тюргеши и др. [6, с. 43], а западный каганат включил в себя племена карлуков, халаджов, канглыев, тюргешей, чигилов и огузов. В итоге, карлуки находились во владениях и Восточного и Западного каганатов [7, с. 96].

Таким образом, начиная с периода своего этногенеза, карлуки проживали в различных политических образованиях и населяли различные локации. Из-за постоянных конфликтов и междоусобиц Тюркских каганатов значительная часть

карлуцких племен переселились с Алтая и Тарбагатая в южном направлении [3, с.347].

Академик В.В.Радлов утверждает, что "обитали карлуки и тюрки (ту-гю) в Алтае и к югу до Тарбагатая" [8, с.126]. По мнению другого автора - Г.Е. Грум-Гржимайло, "карлуки занимали верхнее течение Иртыша и были бы от него не к западу, а к югу" [9, с.277]. Исходя из свидетельств А.Н.Бичурина, в 646 г. "восточнотюркский хан Чеби подчинил карлуков Западного Алтая, а Ашин Хэлу (будущий правитель Западного каганата) карлуков, расселившихся в Тарбагатае (Северо-Западная Джунгария)" [3, с.347].

Исходя из работ вышепроанализированных авторов, первоначально карлуки находились в составе Танской империи и Тюркских каганатов на территории Алтая и Тарбагатая. Позже они мигрировали на юг.

Карлуцкий племенной союз в VII веке находился на северо-западе от Бешбалыка к западу от Алтая. Известно, что вследствие поражения сеяньто карлуцкие племена мигрировали в долину реки Бугучин. По данным исследователей, в VI веке значительная часть карлуков мигрировала из своей этнической территории Джунгарии и Монгольского Алтая в направлении Семиречья. А их остатки продолжали населять местности вокруг Хангайского хребта [7, с. 98].

Исходя из наших исследований, «политическая нестабильность длилась некоторое время и во второй половине VIII столетия - турок-огузов вытеснили карлуки, которые являются представителями тюркоязычных племен, из прибрежных территорий реки Чу. Всё это в комплексе продемонстрировало презентацию нового этнополитического фактора в Центральной Азии в лице карлуков» [10, с. 120].

После 750 г. основной сегмент карлуков, оказавшихся в Семиречье стали переходить на оседлый образ жизни. Примерно через сто лет карлуки вытеснили тюргешей из их исконных пастбищных территорий в Семиречье [11, с. 14-16]. Отмечается, что при этом велись жестокие войны между карлуками и тюргешами за доминирование в регионе.

По данным, Кулова Э.К., Көкөева Т.К. в 751 году у города Атлах в Таласе произошла крупная битва между арабами и китайцами: «В знаменитой Таласской битве между Арабским халифатом и Танской империей, продолжавшейся пять дней, в решающий момент в тыл имперской армии ударили карлуки. Китайцы были разбиты наголову" [12, с. 261-264].

Битва в Таласе вошла в историю Центральной Азии как одно из наиболее значимых военных столкновений, давших мощный импульс историческим трансформациям в регионе. Многие исследователи, поддерживая концепцию В.В.Бартольда, считают, что Таласская битва представляет собой особый исторический феномен, вследствие того, что во время неё произошел глобальный конфликт между буддийско-китайской и мусульманско-арабской цивилизациями и поэтому Таласская битва входит в разряд всемирно-исторических событий.

В результате данного сражения тюркские племена Семиречья и близлежащие центральноазиатские территории стали развиваться в мусульманском тренде.

Особо следует отметить, в контексте данной статьи вывод Р.И.Сафарова о том, что Таласская битва стала апофеозом и триумфом карлуков, которые стали доминировать среди местных тюркских народов в Семиречье и Тенгир-Тоо [13, с. 99].

В это время карлуки, бывшие вассалами китайцев, выступили против них. Несмотря на данное обстоятельство, позже карлуки помирились с китайцами. По мнению Л.Н. Гумилева, правитель карлуков был провозглашён «царем Алтая» после победы карлуков в 753 году над восставшими тюркскими племенами против власти китайской империи [14, с. 266-371].

На последующем этапе карлукской эволюции в этническом, культурном и социально-политическом контекстах главным событием является их доминирование в среднеазиатском регионе. Так, к концу X века, конкурируя с Саманидами на землях Кашгара и Семиречья, возникла мощное государственное образование под предводительством тюрков из династии Караханидов [15 с. 36].

Доминирование во властных структурах тюркских племен Семиречья таких, как карлуки, ягма, чигили, азы и других трансформировало социально-политическую сферу этих территорий.

Особо следует подчеркнуть, что государство Караханидов не являлась новым государством, а власть в стране перешла к новой династии, родоначальником которой стал Сагук абд ал Керим Карахан. Как и ранее костяком новой власти являлись выше -перечисленные тюркские племена.

В течение столетия Караханидское государство, локализованное в Кашгаре и Семиречье, превратилось в мощный каганат.

Его генезис происходил в рамках политических процессов, имевших место на огромных территориях Восточного Туркестана, Семиречья и вследствие развала каганата карлуков. По мнению К. Шаниязова, власть карлуков при правлении династии Караханидов в своей эволюции имеет два исторических периода: «Первый этап охватывает середину IX–X в. Тогда территория Караханидского государства ограничивалась северными областями Средней Азии: Семиречьем, Восточным Туркестаном и северо-восточными районами Ферганской долины, – т. е. теми же областями, которые находились под властью предыдущей династии карлуков. Второй этап определяется с начала XI в., когда Караханиды окончательно одержали победу над саманидами и овладели Мавераннахром» [16, с. 35].

Но каганат Караханидов характеризовался нестабильностью и частыми междоусобицами. Он включал в себя большое число уделов, объединивших кочевников и оседлую урбанизированную и земледельческую популяцию. Земли Центрального Тенгир-Тоо, региона вокруг озера Иссык-Куль и Семиречья принадлежали нескольким феодальным владениям. Особняком в каганате находился Мавераннахр. К нему тяготели владения на правом берегу Амударьи – Хутталан, Чаганиян и Термез.

Базируясь на свидетельствах средневековых авторов, можно утверждать, что здесь сложилась специфическая

динамично-эволюционирующая этническая и политическая обстановка, связанная с различной ролью, влиянием и локацией племен карлуков, мигрировавших в оазисные регионы, входящих во владения династии Караханидов.

Когда Саманиды захватили отдельные сегменты территории карлуков в южной части Семиречья «сложилась синкретическая тюрко-согдийская культура, важную роль, в становлении которой сыграли эталоны высокоурабанизированной культуры Согда, проявляющегося в материальной культуре, искусстве и идеологии» [17 с. 143].

Все это позволяет заключить, что столетия правления Караханидов сформировали качественно новый исторический период во всех областях социума. В связи с этим А.А. Валитова пришла к следующему выводу: "Города жили оживленной торговой и политической жизнью, особенного расцвета достигли столицы караханидских уделов Баласагун, Кашгар и Узген, куда стекались богатства завоеванного среднеазиатского зодчества" [18 с. 128-129].

Одной из главных причин возвышения государства Караханидов является формирование в этот период многостороннего тюрко-согдийского синтеза, симбиоза культур кочевников и оседлого населения на территории этого каганата. Мы считаем, что «в отличие от сторонников “колонизации” согдийцами тюрков, исторически корректным является научное положение о «тюрко-согдийском синтезе», которое включает себя большой взаимовыгодный вклад согдийцев и тюрков в их экономическом и культурном развитии, а также в сфере производства вооружения, военного искусства и государственного управления» [19 с.131].

При этом особо следует подчеркнуть, что тюрко-согдийское сотрудничество во всех сферах имела успех благодаря карлукуским корням и основам Караханидского каганата.

Исторический анализ актуальных проблем исследования карлуков позволяет сформулировать следующие выводы:

- прародиной карлуков, представляющих собой одну из влиятельных ветвей народов тюркоязычного корня является Большой Алтай;

- вследствие нахождения частей карлуках в различных политических образованиях таких, как Западный и Восточный Тюркские каганаты, они были вытеснены и вынуждены мигрировать на юг, создали Карлукский каганат, а в последующий исторический период достигли доминирования на территории Семиречья и Тенгир-Тоо в составе Караханидского каганата;

- Таласская битва, как имеющая всемирно историческое значение, вследствие того, что представляла собой громадную военную баталию между буддийско-китайской и мусульманско-арабской цивилизациями, тем самым укрепила гегемонию карлуков среди тюркских племен в регионе;

- карлуки во главе других местных тюркских племен стали основой и главным военно-политическим компонентом династии Караханидов, поддерживая всесторонний тюрко-согдийский синтез.

Список литературы:

1. Аналитика - от тюркоязычных стран к тюркским государствам. Выступления профессора Дженгиз Томара в VIII саммите Тюркского совета 12 ноября 2021 года в Стамбуле. Источник: <https://www.aa.com.tr> (Дата обращения: 28.10.2022).

2. Малявкин А.Г. Уйгурские государства в IX-XII вв. – Новосибирск: Наука, 1983. – 297 с.

3. Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена: в 3 томах. – М.-Л., 1950. – Т. I. 347 с.

4. Аристов Н.А. Усуни и кыргызы или кара-кыргызы: очерки истории и быта населения западного Тянь-Шаня и исследование по его исторической географии. – Бишкек: Илим, 2001. – С. 219–315.

5. Малявкин А.Г. Уйгурские государства в IX-XII вв. – Новосибирск: Наука, 1983. – С. 209.

6. Шаниязов К.Ш. К этнической истории узбекского народа. – Ташкент: Фан, 1974. – С. 43.

7. Сафаров Р.И. Социально-политическая история карлуков VII-XIII вв., и их этнокультурная связь с таджиками Мавереннахра. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук.

наук Специальность 07.00.02. – Отечественная история. Душанбе, 2021. – С. 125.

8. Радлов В.В. К вопросу об уйгурах: Из предисловия к изданию «Кудатгу билика» – СПб. 1893. – С. 126.

9. Грум-Гржимайло Г.Е. Западная Монголия и Урянхайский край – Л., 1926. – Т.2. – С. 277.

10. Садырова З.Т. Роль карлуков в этнических и этнокультурных процессах Тенгир-Тоо и Семиречья в VIII-X веках // Вестник КРСУ. – Бишкек, 2022. Том 22, - №10. С. 115-125.

11. Шаниязов К.Ш. Узбеки-карлуки (историко-этнографический очерк) – Ташкент: Фан, 1964. – С. 14-16.

12. Кулова Э.К., Көкөев Т.К. Талас салгылашуусундагы карлуктардын орду //Талас салгылашуусу жана анын тарыхый мааниси. Түрк дүйнөсү муниципалитеттер биримдиги басылмалары. № 34. ISBN: 978-605-2334-12-6. - Стамбул, 2022. – С.261-264.

13. Сафаров Р.И. Роль карлукских племен в Таласской битве // Тюрко-монгольский мир Большого Алтая: историко-культурное наследие и современность. Материалы II Международного алтаистического форума. Барнаул — Горно-Алтайск. 2021. – С. 99.

14. Гумилев Л.Н. Древние тюрки – М.: Наука, 1967. – С. 266–371.

15. Мокеев А. Кыргызы на Алтае и на Тянь-Шане. – Бишкек, 2010. – С. 36.

16. Шаниязов К. О роли карлукского компонента в этногенезе узбекского народа / К. Шаниязов // Общественные науки в Узбекистане. – 1981. – № 6. – С. 35.

17. Байпаков К.М. Город и степь Южного Казахстана и Семиречья в эпоху средневековья (Аспекты взаимодействия); отв. ред. К. А. Акишев. – Алма-Ата, 1966. – С. 143.

18. Валитова А.А. К вопросу о классовой природе караханидского государства // Труды киргизского филиала АН СССР. – Фрунзе: Госиздат, 1943. – Т. I. – Вып. I. – С. 128–129.

19. Садырова З.Т. Тюрко-согдийский симбиоз и его роль в этнокультурных взаимоотношениях народов Тенгир-Тоо, Зеравшана и Ферганы // Вестник КРСУ. – Бишкек, 2022. Т. 22. - № 10. – С. 126-137.

Сведение об авторе: Садырова Замира Тентиевна, кандидат исторических наук, доцент, Кыргызская государственная академия физической культуры и спорта, заведующая кафедрой социально-гуманитарных наук (Бишкек, Кыргызстан), e-mail: sadyrova-zamira@mail.ru

Гундова О.Е.

Алтайский государственный университет, Барнаул (Россия)
**Депутатские миссии как практика взаимодействия
казахской элиты с правящими кругами Российской империи**

*Статья подготовлена в рамках проекта РНФ № 23-28-01369
«Власть и общество в Степном крае Российской империи: эволюция практик
взаимодействия (XIX – начало XX в.)»*

В статье предлагается общий обзор депутатских миссий казахской элиты к российскому императорскому двору, состоявшихся в XVIII–XIX вв. Рассмотрены цели приезда deputаций, прошения степной аристократии, реакция имперских правящих кругов на данные просьбы. Выявлено, что казахские deputации, состоявшиеся в конце XVIII – первой половине XIX вв., выступали механизмом решения широкого круга вопросов российско-казахских отношений. Во второй половине XIX в., когда Казахская степь стала рассматриваться российской политической элитой как внутренняя провинция империи, депутатские миссии утратили свое значение.

Ключевые слова: Российская империя, казахи, российско-казахские отношения, кочевая элита, казахская элита, депутатские миссии.

O.E. Gundova

Altai State University, Barnaul (Russia)

**Deputative missions as a practice of interaction between the
Kazakh elite and the ruling circles of the Russian Empire**

The article is proposed a general overview of the deputy missions of the Kazakh elite to the Russian imperial court, which took place in the XVIII-XIX centuries. It is dealt with the purpose of the arrival of the deputations, the petitions of the steppe aristocracy, the reaction of the imperial ruling circles to these requests. It was revealed that the Kazakh deputations in the end of the 18th - the first half of the 19th centuries acted as a mechanism for solving a wide range of issues of Russian-Kazakh relations. In the second half of the 19th century, when the Kazakh steppe began to be regarded by the Russian political elite as an internal province of the empire, deputative missions lost their significance.

Keywords: Russian Empire, Kazakhs, Russian-Kazakh relations, nomadic elite, Kazakh elite, deputative missions.

С 1730-х гг., когда началась инкорпорация Казахской степи в состав российского государства, и до 1860-х гг., когда этот процесс завершился, проблема лояльности местных элит находилась в фокусе имперских правящих кругов. Для получения поддержки со стороны казахской аристократии российские власти использовали целый комплекс практик: от материального стимулирования до посылки в степь карательных экспедиций, от заимствования в свой арсенал монгольских институтов управления кочевыми вассалами до создания новых форм межкультурного взаимодействия [1]. К последним следует отнести отправку делегаций от степной элиты к российскому императорскому двору в Санкт-Петербург и Москву.

Депутатские миссии казахской аристократии ко двору российских императоров практически не получили освещения в литературе. В советской историографии, в рамках господства формационной теории и теории классовой борьбы, такие исследования не поощрялись по идеологическим причинам. Среди работ современных российских и казахстанских исследователей нам удалось обнаружить лишь несколько публикаций по данной проблеме [1–5].

После принятия в 1730-х гг. российского подданства частью родов Младшего и Среднего жузов сторонами был налажен обмен дипломатическими миссиями. Известны случаи как поездок в Казахскую степь российских чиновников и военных, так и отправки казахских дипломатических миссий в Петербург. Однако с конца XVIII в. используемые Российской империей практики взаимодействия с казахской родовой аристократией стали изменяться. Реформы конца XVIII – начала XIX вв. в казахской степи сопровождались формированием административных органов управления, в состав которых входили представители степной элиты. Это давало возможность имперским правящим кругам контролировать изнутри внутривосточную ситуацию в Младшем и Среднем жузах и последовательно воплощать преобразования, направленные на интеграцию региона в общеимперское пространство. В связи с

этим практика взаимного обмена посольствами теряла свою значимость [1].

В то же время имперские власти решили не отказываться от непосредственного общения со степной элитой, и с 1790-х гг. стали применять новую форму межкультурного диалога – отправку казахских делегаций к российскому императорскому двору. Нам известно о 25 состоявшихся депутатских миссиях в Санкт-Петербург и Москву и 5, не получивших разрешение на посещение [2, с. 1520; 5, с. 3–4].

Механизм получения разрешения на приезд делегаций выглядел следующим образом. Представители казахской элиты подавали прошение на приезд оренбургским или сибирским властям. Затем ходатайства поступали в Департамент азиатских дел Коллегии иностранных дел (с 1819 г. в Азиатский департамент МИД, после введения в действие Уставов 1822 и 1824 гг. в МВД). Рассмотрев прошения, ведомство давало заключение о целесообразности приезда того или иного султана, которое представлялось императору. Именно он принимал окончательное решение о приезде делегации ко двору.

Правовое закрепление практика депутатских миссий получила в «Уставе о сибирских киргизах» 1822 г. Согласно ему, «дабы не были лишены они (казахи – О. Г.) способов лично увериться в расположении к ним верховной власти, позволяется султанам целого округа совокупно позволялось отправлять делегации в Санкт-Петербург» [6, с. 106-107].

Вместе с тем, большое число обращений казахской аристократии с просьбой направить их к императорскому двору побудила Азиатский департамент МИД к ограничению данной практики. В 1828 г. директор департамента К. К. Родофиникин принял решение «изредка допускать приезжать в столицу, лично и с небольшими свитами, только таких султанов, кои заслуживают таковую высочайшую милость или своим отличным усердием и верноподданнической приверженностью к России, или имеют действительную в том надобность по каким-либо чрезвычайным случаям, касающихся либо их самих, либо киргизского народа вообще» [5, с. 521].

Разрешение на отправку депутатской миссии зависело от личных заслуг обратившегося родоправителя перед Россией. К таким относились обеспечение безопасности российских торговых караванов, выполнение поручений региональной администрации, в том числе доставка корреспонденции хивинским и бухарским правителям, оказание помощи в возвращении российских подданных, захваченных хивинцами или бухарцами и так далее [2, с. 1520–1521]. Однако бывали исключения. Так, в 1794 г. хану Среднего жуза Вали после шести отказов было позволено направить ко двору императрицы Екатерины II депутацию для «испрошения во всех разорениях и грабеже Матернего Милосердия». Власти поступились принципом отправлять в столицу «усердствующих токмо к стороне здешней султанов и старшин», поскольку опасались откочевки от Сибирской линии вглубь степи подвластных хану родов и возможной мести с их стороны [7, Л. 1-2; 8, Л. 1].

Поводом для приезда депутатских миссий являлись торжественные или праздничные события в императорской семье и государстве. В качестве цели поездки представители казахской элиты чаще всего указывали поздравление императора с восшествием на престол, с победой России в войне с Францией, «засвидетельствование верноподданнической преданности». Иногда поводы для представления императорской особе были менее торжественными, например, объяснение причин, по которым российские караваны разграблены казахами Младшего жуза, и принятие мер для недопущения подобных ситуаций в будущем [5, с. 17, 37, 71, 215]. Поздравления императорской семье и выражение верноподданнических чувств сопровождалось прошениями.

Прошения казахских deputаций анализировались в Департаменте азиатских дел Коллегии иностранных дел, Азиатском департаменте МИД, Сибирском комитете или МВД. Если вопрос прошения затрагивал государственные интересы, к его обсуждению приглашались профильные ведомства. По итогам обсуждения делалось заключение, которое представлялось императору. Далее следовал императорский указ, который становился официальным ответом депутации на

ее прошения. Поскольку обсуждение и вынесение правительственных решений по этим просьбам занимало определенное время, официальный ответ доставлялся оренбургским или сибирским властям уже после возвращения депутации в степь и лично вручался правителю, направившему ее в Санкт-Петербург.

Просьбы казахской элиты можно разделить на две категории: «официальные прошения», которые затрагивали наиболее актуальные вопросы российско-казахских отношений, и «прошения частные», включавшие личные просьбы ханов, султанов, старшин [2, с. 1522–1524].

Среди «официальных прошений» степной аристократии чаще всего предметом обсуждения становились проблемы расширения российско-азиатской торговли, роли казахских султанов в обеспечении безопасности транзитных русских караванов, возможности казахов кочевать во внутренних пределах Российской империи, подсудности казахов, совершивших преступления в приграничной зоне против российских подданных, урегулирования при посредничестве России казахско-калмыкских и казахско-башкирских отношений.

В процессе обсуждения данных вопросов Россия демонстрировала готовность идти на компромисс, если это не противоречило ее интересам. Так, например, имперские правящие круги признавали посредническую роль казахской элиты в развитии торговых связей с центральноазиатскими владениями. Российские власти отвечали согласием на прошения казахских правителей о предоставлении им права сопровождать торговые караваны по территории Младшего и Среднего жузов «в бухарские владения и обратно». Получая данное право, казахские правители имели возможность собирать плату с купцов за предоставляемые услуги. Нередко в прошениях содержались просьбы казахских правителей разрешить торговать в российских пределах хивинским, бухарским и даже кокандским купцам. Таким образом, они выполняли посреднические функции в российско-азиатской

торговле, и российская сторона поощряла их в данном направлении [2, с. 1524–1525].

В 1814 г. от имени правителя Букеевского ханства хана Букея его брат султан Артагали просил российскую сторону выступить посредником в урегулировании казахско-калмыцких проблем в вопросах землепользования и угона скота [5, с. 136–137]. В данном случае Коллегия иностранных дел приняла соответствующие меры и предписала Главному приставу калмыцкого народа подполковнику С. Л. Халчинскому провести расследование по фактам угона у казахов скота калмыками [9, Л. 102–102 об.]. В 1819 г. хан Младшего жуза Ширгазы обращался с просьбой урегулировать кочевание казахов на внутренней стороне, в междуречье Урала и Илека, с башкирами и калмыками [2, с. 1525].

По ряду вопросов российские правящие круги занимали принципиальную позицию и отстаивали свои интересы. Так, казахским правителям было отказано в просьбе передать им право проводить судебные разбирательства в отношении казахов, совершивших преступления в российско-казахской приграничной зоне против российских подданных, «согласно обычаям» [5, с. 74–75, 113].

В прошениях первых десятилетий XIX в. поднимался вопрос о возможности казахов кочевать во внутренних пределах Российской империи. Право перехода российско-казахской границы и выпаса скота в пределах России было дано казахам указами 1771 и 1790 гг. За это они обязывались выплачивать налог, составлявший 1 голову скота с 100 голов [5, с. 95]. Несмотря на существование вышеназванных указов, для представителей казахской элиты крайне важно было получить разрешение на переход во внутренние пределы России конкретно на свое имя. Тем самым оно становилось «более легитимным» и значительно повышало авторитет правителя [2, с. 1525]. Кроме этого, казахские правители просили снизить или отменить для подвластных им родов выплату налога за переход во внутренние пределы, однако получали отказ [5, с. 74, 95–97, 543].

После введения Уставов о сибирских и оренбургских киргизах в 1820-х гг. казахские депутации поднимали вопрос о восстановлении института ханской власти, направляя в Санкт-Петербург прошения об утверждении в ханском звании. Подобные просьбы шли в разрез с политическим курсом России в регионе, поэтому решительно отвергались [5, с. 471, 484–485, 543].

«Частные прошения» казахской элиты обычно включали просьбы о назначении пенсий и жалований, присвоении офицерских и чиновничьих званий, выдаче наградных знаков (медалей, грамот и т.д.) для ханов, султанов и подчиненных им старшин; о постройке стационарных жилищ и мечетей для ханов или султанов; о назначении мулл в степь при ханских и султанских ставках. В 20–30 гг. XIX в. в «частных прошениях» казахских султанов часто содержалась просьба о присылке к ним воинских команд для защиты от соседей. Все эти просьбы империя удовлетворяла полностью. Кроме того, перед отъездом депутатских миссий домой их участникам всегда вручили ценные подарки.

Практика депутатских миссий оказалась выгодна обеим сторонам. Для казахской элиты материальные выплаты и социальные поощрения российской стороны выступали дополнительным аргументом в пользу легитимности своей власти и укрепления своих позиций в глазах сородичей и политических оппонентов [3, с. 129]. Это было особенно важно в условиях напряженной внутривосточной ситуации в Младшем и Среднем жузах, вызванной борьбой многочисленных ханских потомков за власть и усугубленной постоянными взаимными набегами родовых подразделений друг на друга с целью угона скота [2, с. 1526]. В свою очередь российские правящие круги, допуская до поездок в составе депутатских миссий лишь наиболее лояльных представителей степной элиты, могли культивировать в ней верноподданнические настроения.

В конце 30-х – 40-е гг. XIX в. количество депутатских миссий резко снизилось. Депутации, направленные в Санкт-Петербург в 1847–1867 гг. утратили заложенный в них механизм

двустороннего обсуждения комплекса проблем российско-казахских отношений. Данные миссии в основном не подавали прошения, основная цель их пребывания в столице носила «экскурсионный» характер. После подавления восстания казахов Уральской и Тургайской областей в 1868–1869 гг. и стабилизации политической обстановки в степи в Санкт-Петербург состоялись еще 2 депутации (1872 и 1876 гг.), целью которых было «выражение верноподданнической преданности». Последующие депутации (1883, 1895 и 1896 гг.) были приурочены к торжественным событиям и юбилейным датам, таким как коронации, бракосочетание императора и празднование 300-летия Дома Романовых [5, с. 13–14].

Таким образом, на примере практики депутатских миссий казахской элиты к российскому императорскому двору прослеживается эволюция имперской политики в отношении казахских жузов. В конце XVIII – первой трети XIX вв. между российскими правящими кругами и казахской элитой существовал пусть и неравноправный, но диалог. Однако с продвижением российских границ на юг и восток и превращением Казахской степи во внутреннюю окраину империя переходила от сотрудничества с казахскими правителями к прямому управлению территорией Казахстана. Со второй половины XIX в. Практика депутатских миссий утратила значение как форма межцивилизационного диалога, направленного на решение актуальных вопросов российско-казахских отношений, и превратилась в демонстрацию торжества цивилизаторской миссии империи на Востоке.

Список литературы:

1. Лысенко Ю. А. Механизмы взаимодействия Российской империи с казахской этноэлитой Младшего и Среднего жузов (XVIII—XIX вв.) [Электронный ресурс] // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2019. Т. 10. URL: <https://history.jes.su/s207987840006066-1-1/> (дата обращения: 31.10.2022).
2. Lysenko Yu. A. «Deputative Missions» of the Kazakh Khans, Sultans and Family Governs in the Court of the Russian Emperors in the first half of the 19th century [Электронный ресурс] // *Bylye Gody*. 2018.

Vol. 50. Is. 4. pp. 1518–1529. URL: <https://oaji.net/articles/2019/7-1553024407.pdf> (дата обращения: 31.10.2022).

3. Ремнев А. В., Сухих О. Е. Казахские делегации в сценариях власти: от дипломатических миссий к имперским репрезентациям // *Ab Imperio*. 2006. № 1. С. 119–154.

4. Султангалиева Г. С. От пристава к приставству: политика Российской империи в Казахской Степи в первой половине XIX в. // *Кочевые народы Центральной Азии XVIII–XIX вв: сравнительно-исторический анализ политики Российской империи: сб. научных статей.* / отв. ред. Г.С. Султангалиева. Алматы: Қазақ университеті, 2015. С. 237–265.

5. Казахские делегации к российскому императорскому двору. 1801–1873 гг.: сб. док. / Казахский национальный университет им. аль-Фараби, Центральный государственный архив Республики Казахстан; сост. Б.Т. Жанаев, отв. ред. Г.С. Султангалиева. Алматы: Қазақ университеті, 2020. 861 с.

6. Материалы по истории политического строя Казахстана. Алма-Ата: Изд-во Акад. наук КазССР, 1960. Т. 1. 441 с.

7. Российский государственный исторический архив. Ф. 1146. Оп. 1. Д. 142.

8. РГИА. Ф. 1146. Оп. 1. Д. 144.

9. РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 52а.

Сведения об авторе: Гундова Ольга Евгеньевна, аспирант кафедры востоковедения Института истории и международных отношений, Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия), e-mail: olga.gundova13@gmail.com

Нурмухан Е. Т.

Алтайский государственный университет, Барнаул (Россия)

Динамика социальных процессов в Степном крае по материалам периодических изданий (конец XIX - начало XX вв.)

В статье рассматриваются вопросы социальных процессов в Степном крае. Формирование национальной интеллигенции привело к появлению местной казахской периодической печати. Местная периодическая печать является важным историческим источником при

изучении деятельности административных учреждений Степного края. Благодаря публикациям в газетах «Дала уалаяты», журнал «Айкап» и «Туркестанская провинция» можно выделить актуальные проблемы в сфере управления, увидеть реакцию общественности на то или иное событие с участием должностных лиц. Материалы периодических изданий содержит материалы по самым разным сферам жизни, позволяет проследить отношение населения к органам управления, выделить злободневные вопросы социально-экономического и культурного развития.

Ключевые слова: Степной край, периодические издания, национальная интеллигенция, культура.

Nurmukhan E.T.

Altai State University, Barnaul (Russia)

Dynamics of social processes in the Steppe region based on the materials of periodicals (late XIX - early XX centuries)

The article deals with the issues of social processes in the Steppe region. The formation of the national intelligentsia, which led to the emergence of the local Kazakh periodical press. The local periodical press is an important historical source in the study of the activities of administrative institutions of the Steppe Region. Thanks to publications in the newspapers "Dala Ualayaty", the magazine "Aikap" and "Turkestan Province", it is possible to identify current problems in the field of management, to see the public reaction to this or that event with the participation of officials. The materials of periodicals contain materials on a variety of spheres of life, allows you to trace the attitude of the population to government bodies, highlight topical issues of socio-economic and cultural development.

Keywords: Steppe region, periodicals, national intelligentsia, culture.

В конце XIX - начале XX в. территория Степного края активно интегрировалась в состав Российской империи, становилась его национальной окраиной. Трансформация традиционных социальных и экономических отношений в степи сопровождалась формированием рыночного сектора экономики, расширением межрегиональной торговли, созданием системы школьного и среднего профессионального образования в регионе,

процессами урбанизации и усилением социальной мобильности населения.

Одним из результатов интеграционной политики государства в отношении Степного края стало формирование казахской интеллигенции, связанной, прежде всего, с культурно-просветительской и научной деятельностью. Именно в этот период на развитии казахской культуры огромное влияние оказали демократические интеллектуалы, такие как Шокан Уалиханов, Ыбырай Алтынсарин и Абай Кунанбаев [1, с.116]. по инициативе казахской интеллигенции в Степном крае начался процесс создания периодической печати [2, с.77]. В городах региона стали выходить газеты, являющиеся официальными органами царских местных канцелярий. Наряду с «областными отделами» с жизнью Степного края были связаны переведенные на казахский язык и издававшиеся в Оренбурге газеты «Торгай», «Дала уалаяты» в Омске, а также в Уральске, Астрахани и некоторых других городах [2, с.80].

С 1870 по 1917 год в Ташкенте издавалась газета «Туркестанские ведомости» на русском языке. Несмотря на то, что это был официальный орган правящих генерал-губернаторов, публикуемые в этой газете материалы по истории и этнографии, археологии и географии народов Средней Азии имели большое значение [2, с.533]. В издании газеты принимали участие такие известные ученые, как Н. С. Северцев, В. В. Бартольд, Н. П. Остроумов, Ш. М. Ибрагимов.

В конце XIX в. стали издаваться первая казахоязычная газета «Туркестанская провинция», официально учрежденная генерал-губернатором Туркестана. Эта газета была посвящена казахам нынешних Кызылординской, Шымкентской, Жамбылской и Алматинской областей, которые в то время были в составе Сыр-Дарьинской области Туркестанского края. Редактором и переводчиком газеты были братья Ибрагимовы. Хасан Жанышев, Заманбек Шайхалибеков, Жусип Казыбеков участвовали в издании казахской газеты в качестве переводчиков и литературных деятелей. Под влиянием русской периодической печати в газете стали появляться такие жанры, как заметка, корреспонденция, статья, фельетон и очерк.

Данной издание актино выступало с просветительских позиций, призывая казахское население приобщаться к российской культуре. «Причиной такой демократической и гуманистической направленности отношений между российскими народами было то, что организаторами, редакторами и работниками периодической печати часто были деятели из числа передовой русской интеллигенции [3, с.34].

На страницах газеты «Туркестанская провинция» публиковались произведения узбекского народного революционера Мукими и просветителя Фурхата, классиков русской литературы Крылова, Пушкина, Толстого [2, с.27].

Газета «Туркестанская провинция» имела постоянных корреспондентов из Акмолинской, Семипалатинской, Семиреченской областей. В газете публиковались сведения о международном положении и внешней политике России из публиковавшихся в центральных правительственных газетах. Например, в ней было размещено известие о восстании парижского пролетариата 18 марта 1871 года. Также в газете публиковались заметки пропагандирующие среди казахов-кочевников оседание, призывавшие их к переходу на оседлый образ жизни. В газете фиксировались положительные и отрицательные изменения в жизни общества, связанные с переходом к капиталистическим отношениям. Так, в письме корреспондента из Акмолы говорится, что обедневшие казахи «собрались на окраинах города и стали жить по-новому. Они начали учить русский язык, в доме идеальная чистота, стол, ложки, одежда - все в порядке. Если по улице идут два человека, то без вопросов знаешь, кто из них местный, а кто казах». Газета указывает, что положение сельской бедноты ухудшилось, в результате чего она приезжает в город на заработки и таким образом избегает притеснения богачей и грабежа ростовщиков [2, с.58].

На страницах «Туркестанской провинции» много внимания уделялось вопросам образования и литературы. В газете приветствовался тот факт, что казахская молодежь начала учиться в гимназиях и русско-казахских школах. Поощряя стремление молодежи к учебе, в газете опубликовали статью о

жизни и деятельности Шокана Уалиханова, первого казахского ученого, получившего образование на русском языке [4, с.145]. В рубрике «Научные известия» публиковались сведения о достижениях науки и техники того времени, а также статьи о природе, консультации по вопросам ветеринарии и зоотехники. Несомненно, все это положительно сказалось на мировоззрении кочевого народа [5, с.171].

В 1882 г. было образовано Степное генерал-губернаторство, в состав которой вошли Акмолинская, Семепалатинская и Семиреченская области. Центром был город Омск. 1 января 1888 года в Омске начала выходить газета «Дала уалаяты» [6, с.171]. Выходящая раз в неделю и распространяющаяся почти на всей территории Степного края, газета «Дала уалаяты», как и все губернаторские газеты, состоит из официальных и неофициальных отделов. Постановления, инструкции, распоряжения правительства и административных органов печатались в официальном разделе. В то же время публиковались и материалы, демонстрирующие лояльность «белому царю». Неофициальный раздел заслуживает особого внимания, так как он отразился на общественном мнении казахского аула того времени.

В газете были опубликованы ценные материалы, свидетельствующие о влиянии более передовой в экономическом и культурном отношении России на жизнь казахского народа. По примеру Ш.Уалиханова, Ы.Алтынсарина и А.Кунанбаева, передовая казахская интеллигенция, собравшаяся вокруг этой газеты, призвала кочевников к ведению нового хозяйства, иными словами, стать оседлыми и заниматься земледелием, выучить русский язык, приблизиться к русской культуре. Они, как и их первопроходцы, стремились развивать казахскую литературу и язык, ратовали за женское освобождение и решение актуальных социальных проблем [7, с.389].

На страницах «Дала уалаяты» публиковались народные произведения и произведения демократических писателей и публицистов, а вместе с тем произведения Абая Кунанбаева, Ыбырая Алтынсарина, основавших литературный язык

казахской реалистической литературы, статьи о жизни и творчестве Шокана Уалиханова. На казахский язык были переведены произведения классиков русской литературы: А. С. Пушкина, Л. Н. Толстого, В. Г. Белинского, М. Ю. Лермонтова, И. А. Крылова и других [9, с.589].

Среди корреспондентов и авторов газет крупнейшие исследователи Востока, этнографы, фольклористы: Г. Потанин, Н. Добромыслов, В. Обручев, Н. Пантусов и другие. Во всех регионах Степного края были свои корреспонденты «Дала уалаяты».

Динмухамед Султангазин работал редактором газеты «Дала уалаяты». Среди переводчиков и литературных деятелей, корреспондентов, писателей были демократические и прогрессивные люди, пошедшие по пути казахской интеллигенции, такие как Рақымжан Дуйсенбаев, Мукаметжан Сералин, Асылкожа Курманбаев, Корабай Жапанов, первые двое впоследствии стали большевиками. Прогрессивная интеллигенция считала «Дала Уалаяты» одним из важнейших средств просвещения масс. Например, по словам Султангазина, газета позволяет крестьянам-казахам обсуждать свои нужды, животноводство, земледелие и все вопросы культурной жизни [8, с.3].

Последователи великих просветителей Казахстана, борясь с реакционной идеологией, публиковали в газете идеи своих учителей. Они приглашали казахскую молодежь изучать русский язык. Подобно первым казахским просветителям, они ожидали развития казахской литературы и языка от тесного соприкосновения с русской культурой. Например, Султангазин говорит о том, что язык и стиль произведений казахской литературы должны быть изменены и адаптированы к требованиям новой эпохи. По его словам, прежде всего, богатство языка послужит поводом для расширения понятия, представления, а также поля мысли нашего народа. Во-вторых, это создаст новые понятия, новые слова и формы речи.

Противостоя консервативным взглядам мусульманского духовенства и пантюркизму, Султангазин не возражал против обогащения казахского языка. Он связывал развитие языка с

условиями экономического развития, рассматривал язык как историческую категорию. «Язык, — писал он, — это органическая субстанция, которая меняется, растет и взрослеет, как и сами люди». Задача следующая: надо развивать родной язык, как сказал Алтынсарин. На эту проблему обращал внимание и А.Курмабаев. Анализируя историю развития казахского языка и литературы, он писал, что произведения Алтынсарина «являются прекрасным образцом искусства казахской поэзии» [8, с. 5-6; 9, с.458].

Таким образом, отметим, что первые периодические издания на казахском языке, издаваемые в Степном крае и туркестане на рубеже XIX-XX вв., оказали огромное влияние на просвещение казахского народов, укрепление новых экономических отношений, связанных с оседанием скотоводов, сыграли значительную роль в становлении казахского языка и письменной литературы, также в написании истории национальной культуры и хозяйства казахов.

Список литературы:

1. Корш Ю.В. Корреспонденты «Ленинской правды». Документальные очерки. – Алматы, 1970.
2. Бехожин Х. Очерк истории казахской печати. – Алма-Ата, 1981. - 191 с.
3. Фетисов М.И. Рождение казахской публицистики. – Алма-Ата, 1985 - 237 с.
4. Субханбердина У. Газета Далинского района: в 5 томах. – Алматинская наука, 1989. - 199 с.
5. Остроумов Н. П. Сарты. Ташкент, 1896. - 177 с.
6. Кенжебаев Б. Демократические писатели казахского народа в начале XX века. Алма-Ата, 1976. - 200 с.
7. Валиханов Ч.Ч. Собрания сочинений. Алма-Ата, 1989. Т. 1. 389 с.
8. Провинция Дала. № 12. - 1894. - 4 с.
9. Субханбердина У. Далинская губернская газета / Кыргызская степная газета. Алматы, 1994. - 816 с.

Райымбек кызы Бактыгул

Кыргызский национальный университет им. Ж. Баласагына,
Бишкек (Кыргызстан)

Роль кыргызской научной комиссии в создании народного просвещения

В статье раскрывается вклад и роль Кыргызской научной комиссии, открытой в 1924 году, в области народного просвещения, а также особенности ее работы в рамках культурной программы в первые годы Советской власти.

Ключевые слова: Октябрьская революция, культурная программа, научная комиссия, народное просвещение, интеллигенция, Ученый Совет.

Raaymbekovna Baktygul

Kyrgyz National University named after J. Balasaga, Bishkek
(Kyrgyzstan)

Role in the creation of the Kyrgyz Scientific Commission of Public Education

The article reveals the contribution and role of the Kyrgyz Scientific Commission, opened in 1924, in the field of public education, as well as the specifics of its work within the framework of the cultural program in the early years of Soviet power.

Keywords: October Revolution, cultural program, scientific commission, public education, intelligentsia, Academic Council.

Изучение особенностей просветительской деятельности в период осуществления культурной программы в Кыргызстане в 20-30-е годы XX в. является одной из актуальных проблем, ибо глубокое изучение истоков зарождения и становления народного образования позволяет определить перспективы развития системы образования на современном этапе.

Победа Октябрьской революции способствовала качественно новым изменениям в общественной жизни кыргызского народа, в том числе формированию и развитию новой интеллигенции. Один из основных путей формирования

представителей коренной интеллигенции связан с ликвидацией безграмотности в стране.

Этапы становления народного образования в национальных республиках связаны с особенностями их социально-экономического и культурного развития.

В конце 1920-1921 учебного года в Ташкенте создан Совет ученых Туркестанского наркомата просвещения, позже получившее название «Государственный совет ученых». [1, с. 452] Национальные научные комиссии организовывались при Совете и стали научно-методическим центром национальных советских школ Республики Туркестан.

Перед научными комиссиями стояла задача создать орфографию национального литературного языка, перевести литературные книги для школьников, разработать учебно-методические программы для учителей. Выдающимися учеными, возглавившими развитие литературного языка, были Е. Д. Поливанов, А. Е. Шмидт и А. Л. Бродский, профессора Среднеазиатского государственного университета. [1, с. 452]

Киргизская научная комиссия выделена из Казахской научной комиссии в 1923-24 учебном году решением Туркестанского наркомата просвещения для координации всей научной и исследовательской деятельности на территории Киргизии, подготовки учителей и учебников, для обучения местного населения кыргызской и русской грамматике и подготовки учебников кыргызского литературного языка, для проведения работы по созданию орфографии кыргызского языка [1, с. 454]. Штатный состав комиссии был малочисленным, т.е. состоял из 3-х сотрудников. Значительную помощь комиссии оказывали кыргызские студенты Кыргызско-Казахстанского института народного образования в Ташкенте - Базаркул Данияров, Осмонкул Алиев, Касым Тыныстанов и другие [5, с. 77].

Согласно общему положению, научная комиссия осуществляла непосредственное руководство научными отраслями области, - создания производственного плана научной работы, учебных планов, учебно-методических программ для общеобразовательных учреждений и школ;

систематизация научных работ, учебных пособий, представляемых в научную комиссию; руководство и проведение научных конгрессов; разработка научно-технических терминов кыргызского языка; управление музейными учреждениями региона; разработка и реализация плана организации научных экспедиций и другие [7, с. 1].

В 1924 г. научной комиссией издательства Среднеазиатского государственного университета в Ташкенте издан учебник Ишеналы Арабаева «Кыргызская азбука» для детей и 1925 г. книга «Ликвидация неграмотности»: в 1924 г. изданы: «Учебник для начальных классов» (хрестоматия для школы первой ступени) 5000 экз. К.Тыныстанова в количестве 5 тыс.экземпляров, «Элементарная география» в переводе И. Арабаева, 5000 экз.; «Задачник арифметики» в переводе Базаркула Даниярова, 3000 экз. а также «Сборник стихов Касыма» [5, с. 84]. К. Тыныстанов, член комиссии, разработал элементы кыргызской фонетики, грамматики, классификации звуков, деления слов на корни и функциональные части языка, а в 1927 г. вышла книга «Звуки и окончания слов кыргызского языка» [4, с. 17].

В том же году по инициативе председателя Научной комиссии Ишеналы Арабаева, совместно с представителями кыргызской интеллигенции и студенческой молодежи, в Ташкенте выпустили первую кыргызскую газету «Эркин-Тоо», что стало одним из крупных событий в истории деятельности научной комиссии.

20 декабря 1924 г., согласно постановлению Президиума вновь созданного Ревкома, при Кыргызском Областном отделе народного просвещения был создан «Академический центр», практически ставший правопреемником научной комиссии. Следует отметить, что Научная комиссия была создана при Ученом совете Наркомпроса Туркестанской ССР, а Академический центр создан при Областном отделе народного просвещения Кара-Кыргызской автономной области.

В то время научной комиссии из местного бюджета выделялись достаточные средства на воспитательную работу, строительство новых школ и учебных заведений [3, с. 21].

Например, на образование в 1924/25 учебном году было выделено 12 тысяч рублей, в 1925/26 учебном году - 170 тысяч рублей, в 1926/27 учебном году - 242 тысячи рублей, в 1927/28 учебном году - 702,6 тысячи рублей [2, с. 188].

Получил дальнейшее развитие работы отраслей научной комиссии - Методического бюро; Комиссии по систематизации и публикации рукописей; Терминологической комиссии; а также музейной работы, охраны и сохранения памятников и организации этнографических экспедиций [7, с. 65]. При содействии Методического бюро были подготовлены и направлены в регионы учителя массовой школы по педагогическому, политическому и общеобразовательному направлениям [7, с. 65].

В научно-методической сфере разработаны и разосланы в школы методические указания, программы и учебные планы, с учетом наличия светских учебных заведений. В области образования при музее была организована научная библиотека, фонды которой распределяло необходимое количество литературы и другой иностранной литературы школам и культурно-просветительским учреждениям республики. В 1927 г. в научной библиотеке имелось около 2 тыс. книг и периодические издания [6, с. 3].

Таким образом, Кыргызская научная комиссия за короткий период провела огромную работу по созданию истоков народного просвещения в Кыргызстане. Благодаря ее деятельности были изданы первые учебники на кыргызском языке, подготовлены базы для создания школ и культурно-просветительных учреждений.

Список литературы:

1. Бендриков К.Е. Очерки по истории народного образования в Туркестане. М., 1960.
2. Джунушалиев Дж. Время созидания и трагедий 20-30-е годы XX в. Бишкек, 2003.
3. Маанаев Э., Курманов З., Курумбаева Г. Кыргызская интеллигенция: становление, роль в общественно-политической жизни (20-30-е годы). Бишкек, 2001.

4. Осмонкулов А.О. История преподавания родного языка в общеобразовательных кыргызских школах (1917-1983). Автореферат диссертации. Алматы, 1995.
5. Орузбаева – Даниярова К.Б., Даниярова А.С. Базаркул Данияров-первый педагог. Портрет на фоне эпохи. Бишкек, 2021.
6. Болпонова А.Б. У истоков народного образования // Вестник Иссык-Кульского университета. 2000. № 4. С. 3.
7. ЦГА КР. Ф. 688. Оп. 1. Д. 9.

Омурова Ж.О.¹, Шаршембиева Т.С.²

¹Кыргызский Национальный университет им. Ж. Баласагына,
Бишкек (Кыргызстан)

²Национальная академия наук КР, Бишкек (Кыргызстан)

Культурно - образовательная интеграция тюркских стран на современном этапе

Статья подготовлена в рамках госзадания Алтайского государственного университета Тюрко-монгольский мир «Большого Алтая»: единство и многообразие в истории и современности (проект номер – 748715Ф.99.1.ББ97АА00002)

Сегодня мы являемся свидетелями усиливающегося процесса межгосударственной интеграции в региональном и глобальном масштабе. Интеграция идёт по многим направлениям, в том числе и в культурно-образовательной сфере. В статье дается краткий анализ культурно-образовательной интеграции тюркского мира и взаимодействия тюркских стран в сфере культуры, образования и науки в рамках международной организации тюркской культуры ТЮРКСОЙ. А также рассматриваются история создания и формирования международной организации ТЮРКСОЙ, ее роль в современной интеграции тюркских стран в Евразии.

Ключевые слова: Тюркский мир, интеграция, ТЮРКСОЙ, культура, образование, организация.

J.O. Omurova

Kyrgyz National University named after J. Balasagyn, Bishkek
(Kyrgyzstan)

T.S. Sharshembieva

National Academy of Sciences of the Kyrgyz Republic, Bishkek
(Kyrgyzstan)

Cultural and educational integration of the Turkic countries at the present stage

Today we are witnessing a growing process of interstate integration on a regional and global scale. Integration is taking place in many areas, including in the cultural and educational sphere. The article provides a brief analysis of the cultural and educational integration of the Turkic world and the interaction of the Turkic countries in the field of culture, education and science within the framework of the international organization of Turkic culture TURKSOY. It also examines the history of the creation and formation of the international organization TURKSOY, its role in the modern integration of the Turkic countries in Eurasia.

Key words: Turkic world, integration, TURKSOY, culture, education, organization.

Современная тюркская интеграция формировалась веками и на характеристику расселения тюркских народов большое влияние оказали миграционные процессы тюркских народов в Евразийском пространстве. Процесс активной интеграции и консолидации тюркских народов более активно проявила себя в начале 90-х годов XX в., после развала СССР и обретения независимости тюркоязычных стран.

Нынешний тюркский мир – это совокупность родственных тюркских народов, имеющих общие исторические корни, близких по языку и культуре. Тюркские народы считаются самым многочисленным народом мира. На современном этапе тюркский мир занимает довольно большую площадь в 10 496 076 км² и расположен в Азии и Европе.

Тюрков, населяющих так называемый Тюркский мир, согласно наиболее распространенной в науке точке зрения, можно условно разделить на четыре группы: 1. Сибиро-Алтайские тюрки; 2. Западные тюрки; 3. Восточно-европейские тюрки; 4. Туркестанские тюрки.

Многовековая культура тюркского мира и его культурное и духовное наследие являются составной частью мировой

цивилизации. Сегодня эта культурная самобытность, сохранный вопреки всем историческим неурядицам, и в XXI веке будет определять духовную сущность и место тюркоязычных народов в мировом интеллектуальном развитии [1].

В конце XX в. наблюдается динамика интеграционных тенденций между тюркскими странами (в том числе и Кыргызстаном), выработались довольно эффективные механизмы культурно-гуманитарного и научно-образовательного сотрудничества. Для развития сотрудничества в перечисленных направлениях проводились различные мероприятия такие, как ежегодные Курултай тюркоязычных государств и сообществ, Конгресс органов местного самоуправления, Конгресс духовных служителей, Экономический форум Евразийских стран, различные мероприятия, проводимые такими организациями, как Турецкое Агентство по международному сотрудничеству и развитию (ТИКА), ТЮРКСОЙ и др.

Геополитические условия, позволившие создать Международную организацию тюркской культуры (ТЮРКСОЙ), сложились в конце 1991 года с распадом СССР и появлением на этих землях пяти независимых государств, говорящих на родственном языке. С 1992 года начались различные переговоры между Турцией и Азербайджаном, Казахстаном, Кыргызстаном, Туркменистаном и Узбекистаном о сотрудничестве в политической, экономической и других сферах. Эти переговоры стали возможны благодаря окончанию холодной войны и исчезновению разделяющих их стен. В этом контексте в октябре 1992 года в Анкаре состоялся саммит глав государств тюркоязычных стран. На саммит прибыли главы государств в составе больших делегаций, включая министров иностранных дел и культуры. Контакты министров культуры тюркских республик, начавшиеся в Анкаре, привели к подписанию 23 июля 1993 года в Алма-Ате, тогдашней столице Казахстана, соглашения об учреждении ТЮРКСОЙ.

ТЮРКСОЙ, созданная и функционировавшая под эгидой глав государств тюркских республик, стала ядром

многостороннего культурного сотрудничества. Ее членами являются Азербайджан, Казахстан, Кыргызстан, Турция, Узбекистан и Туркменистан. В 1996 году к организации присоединились в качестве стран-наблюдателей субъекты Российской Федерации – Татарстан, Башкортостан, Алтай, Тыва, Хакасия, Саха (Якутия), а также Гагаузия (Молдова) и Турецкая Республика Северного Кипра [2].

ТЮРКСОЙ, определяемая как ЮНЕСКО тюркского мира, сотрудничает и с международными организациями, такими как ООН, ЮНЕСКО, Совет Европы, ISESCO, MFGS (Фонд международного гуманитарного сотрудничества).

ТЮРКСОЙ до 2015 года тесно взаимодействовала с регионами Российской Федерации, однако, после кризиса российско-турецких отношений, связанный с инцидентом российским бомбардировщиком Су-24, министерство культуры РФ направило письма рекомендательного характера во все тюркские регионы страны с просьбой приостановить взаимодействие с ТЮРКСОЙ в рамках санкций, предпринимаемых против Турции. После этого в мировых СМИ появилась информация о приостановлении деятельности ТЮРКСОЙ Республикой Башкортостан [3], однако, несмотря на это, все тюркские Республики, входящие в состав РФ без исключения по-прежнему числятся участниками-наблюдателями на официальном портале организации [4].

Целью создания ТЮРКСОЙ является исследование, популяризация и передача будущим поколениям общую культуру тюркских народов. В соответствии с этими целями ТЮРКСОЙ стремится укрепить культурное взаимодействие и общение между тюркскими сообществами путем проведения различных научных и творческих встреч во всех областях культуры и искусства, от живописи до музыки, от литературы до изобразительного искусства, от театра до кино. Данная организация пытается установить стабильный мир, диалог и солидарность между всеми людьми доброй воли на планетарном уровне.

Деятельность этой международной организации регулярно поддерживается главами государств тюркоязычных стран. В

качестве примера можно перечислить некоторые итоговые документы саммитов, проведенных в Стамбуле (октябрь 1994 г.), Бишкеке (август 1995 г.), Ташкенте (октябрь 1996 г.), Баку (апрель 2000 г.), Стамбуле (апрель 2001 г.), Стамбуле (сентябрь 2010 г.), Алмате (октябрь 2011 г.), Габале (август 2013 г. Азербайджан) и др. [5]. В них было констатировано позитивное значение и своевременность создания организации, подчеркивалась ее важная роль в идентификации, развитии, распространении и популяризации на международном уровне общих культурных ценностей Тюркского мира.

Все проведенные саммиты дали результаты на пути восстановления совместной культуры, традиций, истории, национально-духовных ценностей, открыли широкие перспективы для дальнейшего сотрудничества. В этом отношении одним из важных шагов является создание организации ТЮРКСОЙ для изучения и координации национально-культурного наследия тюркских народов. Деятельность ТЮРКСОЙ контролируется на уровне министров культуры в саммитах [6].

ТЮРКСОЙ – как международная организация, обеспечивает сотрудничество в сферах культуры и искусства всех народов, говорящих на тюркском языке, и не вмешивается во внутреннюю и внешнюю политику стран членов. ТЮРКСОЙ строит свою работу на принципах уважения суверенитета и независимости стран участников и третьих стран, полного невмешательства в их политическую ориентацию [5].

В 2023 году будет отмечаться 30-летие создания ТЮРКСОЙ. Эти тридцать успешных лет можно оценить, как золотые годы с точки зрения культурного возрождения тюркоязычных народов. За эти годы, когда национальная культура и традиционные ценности приобрели важное значение, также был достигнут значительный прогресс в многостороннем культурном сотрудничестве и партнерстве под эгидой ТЮРКСОЙ.

30 летнюю работу ТЮРКСОЙ по культурной интеграции между тюркскими странами можно разделить на два периода. *В первый период*, который мы будем классифицировать, с 1993 по

2006 год, и генеральным секретарем ТЮРКСОЙ был бывший министр культуры Азербайджана Полат Бюльбюлюглу. В этот период ТЮРКСОЙ в основном проводил мероприятия, посвященные к более тесному знакомству между членами организации, так как до распада СССР не было возможности ближе познакомиться и узнавать друг друга. Этот сбой связи создал общую проблему отчуждения. В первый период, когда через сотни лет произошли первые встречи и объятия, предпринимались попытки встретиться с корнями тюркских народов и ликвидировать отчуждение между ними и их братьями. В этом контексте пытались возродить многие общекультурные ценности от Коркут Ата до Кёроглу, от Манаса до Абая, многие из которых были искажены или забыты вследствие идеологических соображений[7].

Все эти мероприятия, поминки и празднования являются частью культуры тюркоязычных народов. Это сыграло важную роль с точки зрения общих сокровищ и общих ценностей всех тюркоязычных народов, чтобы снова собраться вместе и детально пересмотреть общее культурное наследие и приумножить его путем обмена.

И *второй период* ТЮРКСОЙ можно начать с 2008 года и по настоящее время. За это время продолжалась традиционная деятельность ТЮРКСОЙ по взаимному знакомству и взаимодействию. Например, встречи художников, дни оперы, встречи поэтов, памятные мероприятия, научные симпозиумы и публикации и т. д. Пока все это продолжается, проект «Международная опера Кёроглу», празднование Нооруза тюркского мира в ЮНЕСКО и Генеральной Ассамблее ООН, выставки художников тюркского мира в самых престижных залах Европы от Флоренции до Брюсселя, Институт Юнуса Эмре в Нью-Йорке и Вашингтоне. Были организованы масштабные международные мероприятия, концерты, такие как Emre Orogio для популяризации культур тюркских народов[7]. Эти усилия по продвижению тюркской культуры и подчеркиванию культурного партнерства увеличили взаимодействие и интеграцию в области культуры и искусства, а также укрепили феномен тюркского мира как общие

достижения. «Турецкий мир» — культурный феномен в лексиконе ТЮРКСОЙ, олицетворяющий единство в многообразии. В этой огромной географии, простирающейся от Балкана до Китая, не только люди, говорящие на одном языке, но и все народы, разделяющие культуру мирного сосуществования и терпимости, рассматриваются как члены этого мира.

По инициативе ТЮРКСОЙ с 2012 года определяется «Культурная столица тюркского мира». В 2012 году столица Казахстана Астана была названа Культурной столицей тюркского мира. В 2013 году Эскишехир был объявлен культурной столицей тюркского мира. 30 мая 2012 года Президент Российской Федерации Татарстана Рустэм Минниханов во время визита в ТЮРКСОЙ предложил Казани стать Культурной столицей тюркского мира в 2014 году. Это предложение было единогласно принято на заседании Постоянного совета ТЮРКСОЙ[8]. Открытие Культурной столицы тюркского мира в Казани состоится 26 апреля 2014 года. Далее статус культурой столицы тюркского мира был присвоен таким городам, как Мары (2015 г., Туркменистан) [9], Шеки (2016 г., Азербайджан), Туркестан (2017 г., Казахстан), Кастамону (2018 г., Турция), Ош (2019 г., Кыргызстан)[10], Хива (2020 г., Узбекистан), Бурса (2022 г., Турция) [11].

За тридцать лет своего существования ТЮРКСОЙ реализовала множество успешных национальных и международных проектов в русле культурного взаимодействия тюркских народов во всемирном масштабе.

В связи с включением Нооруз в 2009 году в список нематериального культурного наследия человечества и объявлением Генеральной Ассамблеей ООН 21 марта Международным днем Нооруз, в рамках данной организации был проведен Международный театрально-образовательный форум под эгидой фестиваля «Нооруз»[12].

Праздник Нооруз ежегодно отмечается во всех тюркоязычных странах, но есть практика, когда ТЮРКСОЙ организывает в честь этого праздника различные мероприятия и в европейских странах. Н., концерты, проведенные в 2020г. в

Кембриджском университете и Вестминстерском дворце в Лондоне, заслуживали внимания объединений тюркоязычных народов, проживающих в Англии, так и британцев, которые были очень довольны этим концертом.

Немало внимания ТЮРКСОЙ уделяет музыкальным традициям тюрков. В 2010 г. впервые в истории тюркоязычных народов был создан международный молодежный камерный оркестр ТЮРКСОЙ. Основной целью проекта являлась «обеспечение условий для реализации способностей и талантов молодых музыкантов, создание стимула для их профессионального роста, укрепление гуманитарного сотрудничества». Молодежный камерный оркестр ТЮРКСОЙ выступает во многих культурных центрах Турции, Европы и США с концертами западной и тюркской классической музыки и успела выпустить записи своих концертов [12].

Тюркские страны, в том числе тюркский мир на территории России принимает активное участие в реализации международных культурных программ ТЮРКСОЙ практически во всех областях театрального, музыкального, оперного и балетного искусства, изобразительного искусства, кинематографии, литературы, образования. Формы проведения мероприятий — концерты, фестивали, конкурсы, международные творческие лаборатории, выставки, мастер-классы, творческие встречи, форумы, научные симпозиумы и конференции. Особое место отводится организации юбилеев, вечеров памяти и других мероприятий, посвященных значительным датам тюркской истории, выдающимся личностям, внесшим значительный вклад в развитие языка, литературы, культуры и искусства тюркоязычных стран.

Решение об объявлении Года ТЮРКСОЙ в честь выдающихся деятелей тюркского мира принимает Постоянный Совет министров культуры стран-членов Международной организации. В 2011- 2020 годах в рамках организации проводится мероприятие в честь литераторов тюркского мира и знаменитых деятелей тюркских стран. В рамках этой организации был проведен ряд масштабных мероприятий, н., в Кыргызстане 2014 год объявлен годом известного кыргызского

народного поэта и композитора Токтогула Сатылганова. 2016 год объявлен годом Жусупа Баласагына и кыргызского поэта Алыкула Осмонова и др. А также ТЮРКСОЙ принял решение объявить 2022 год Годом известного кыргызского писателя, драматурга, кинодраматурга Токтоболота Абдумомунова в честь 100-летия со дня его рождения[13]. Это решение было принято на XXXVIII заседании Постоянного совета министров культуры стран-членов организации которое состоялось в Хиве, культурной столице тюркского мира 2020 года[14].

ТЮРКСОЙ совместно с Посольством Турецкой Республики провёл 80 летний юбилей известного кыргызского кинорежиссера, народного артиста Кыргызстана и СССР, первого посла Кыргызской Республики в Турции Толемуша Океева в трех городах Турции. В 2015 году по инициативе ТЮРКСОЙ приняла решение посвятить XVIII международный фестиваль ТЮРКСОЙ «Дни оперы» в 2015 году 75-летию Болота Минжылкиева и была проведена в его честь во многих городах Турции культурные мероприятия[15].

В 2015 году ТЮРКСОЙ реализовала годовой телевизионный проект «Пять поэтов» в Кыргызстане. Данный проект осуществлялся совместно с Национальным союзом писателей Кыргызстана, Кыргызской общественной телерадиовещательной корпорацией, пять раз в течение года проводились литературно-музыкальные вечера. И кыргызский журнал «Жетиген» назвал этот проект лучшим телепроектом года и наградил специальной наградой инициатора и организатора проекта, представителя Кыргызстана в ТЮРКСОЙ Кожогельды Кулуева[15].

ТЮРКСОЙ имеет две крупные международные награды - Орден «Турк дуйносунун санатчысы» и Золотая медаль ТЮРКСОЙ. В 2015 году композитор, кыргызский народный артист, лауреат Государственной премии имени Т.Сатылганова Муратбек Бегалиев награжден орденом «Турк дуйносунун санатчысы». Композитор был награжден орденом за высокое качество музыкальных произведений, а также за создание и развитие национальной консерватории в Кыргызстане. В 2016 году Золотой медалью ТЮРКСОЙ была награждена известная

оперная певица, народная артистка Киргизской ССР и СССР Кайыргуль Сартпаева, которая внесла свой вклад в развитие оперного искусства [15].

В 2011-2017 годах ТЮРКСОЙ работал над проектом учебника по общетюркской истории, географии и литературы. В конце июня 2020 г. Азербайджан, Казахстан, Кыргызстан и Турция утвердили единые школьные учебники «Общая тюркская история», «Общая тюркская литература», «География тюркского мира». Цель издания этих учебников - просветить школьников об общих исторических и культурных ценностях тюрков, начиная с древности. Содержание учебника «География тюркского мира» направлено на формирование тюркоцентричной картины мира в целом и карты мира с акцентом на отдельные тюркские страны и регионы [15].

31 марта 2022 году на чрезвычайном заседании постоянного Совета министров культуры тюркских государств в городе Бурса (Турецкая Республика) культурный и общественный деятель Кыргызской Республики, Султан Раев избран генеральным секретарем ТЮРКСОЙ. Ранее международную организацию последовательно возглавляли известный певец Полад Бюль-Бюль оглы (Азербайджан), культурный и общественный деятель Дюсен Касеинов (Казахстан) [16].

С момента создания ТЮРКСОЙ были проведены 8 встреч на уровне руководителей тюркоязычных стран, 38 заседаний Постоянного Совета министров культуры, в ходе которых были рассмотрены вопросы укрепления политических, торгово-экономических и культурно-гуманитарных отношений между тюркоязычными странами.

В заключении можно говорить, что сегодня под флагом ТЮРКСОЙ объединены 14 народов тюркоязычного ареала. В начале XXI века понятие «Тюркский мир», обрела новое дыхание и содержание, вновь вернулось в научную лексику и повседневную жизнь. Это организация для тюркского народа стала как духовным мостом, связывающим прошлое с будущим и отражающее сегодняшний день. Все усилия ТЮРКСОЙ вносят важный вклад в диверсификацию и укреплению

сотрудничества между тюркскими народами. Однако, культурно-образовательная интеграция тюркских народов в рамках ТЮРКСОЙ имеет не только этнический характер, поскольку тюркские регионы связаны с экономическими и политическими узами с нетюркскими регионами, в связи с чем, необходимо цивилизованный подход для всестороннего развития взаимосвязанных регионов.

Список литературы:

1. Организация ТЮРКСОЙ – духовно-культурный центр современного и будущего Тюркского мира. [Электронный ресурс] URL: <http://www.pr.kg/gazeta/number540/1844/> (дата обращения: 25.08.2011).
2. Информация о Международной организации тюркской культуры (тюрксой) [Электронный ресурс]. URL: <https://h.120-bal.ru/kultura/1096/index.html>
3. Башкирия приостановила взаимодействие с организацией ТЮРКСОЙ [Электронный ресурс] <https://ria.ru/20151130/1332657502.html> (дата обращения: 30.11.2015)
4. Аватков В.А. Тюркский мир и тюркские организации // Мировая политика. 2018. № 2. [Электронный ресурс] <https://cyberleninka.ru/article/n/tyurkskiy-mir-i-tyurkskie-organizatsii>
5. Сайт Международной организации тюркской культуры (ТЮРКСОЙ). [Электронный ресурс]. <http://www.turksoy.org.tr/RU/belge/5-6222/6222.html>
6. Нуриева К.А. Роль саммитов глав тюркоязычных государств в формировании концепции тюркского единения. [Электронный ресурс] <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-sammitov-glav-tyurkoyazychnyh-gosudarstv-v-formirovanii-kontseptsii-tyurkskogo-edineniya>
7. Uluslararası türk kültürü teşkilati (türksoy) [Электронный ресурс] <http://www.turkbirligi.net/detay-733-turksoy.html>
8. Türk Dili Konusan Ülkeler Isbirligi Konseyi - [Электронный ресурс]“2012 astana türk dünyasi kültür başkentİ” açılış töreni yapıldı. (24 октября 2012). (дата обращения: 22.12. 2016).
9. Turkmenistan’s city of Mary declared cultural capital of Turkic world for 2015 [Электронный ресурс] Turkmenistan.ru. www.turkmenistan.ru. (дата обращения: 22. 12. 2016).
10. Кыргызский город Ош объявлен культурной столицей тюркского мира в 2019 году

[Электронный ресурс] <https://mk-turkey.ru/culture/2018/12/19/mot-kyrgyzskij-gorod-osh-obyavlen-kulturnoj.html> (дата обращения: 19.12. 2019)

11. Бурса объявлена культурной столицей тюркского мира - 2022 [Электронный ресурс] https://news.rambler.ru/disasters/47233764/?utm_content=news_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink

12. Заседание Постоянного совета министров культуры ТЮРКСОЙ [Электронный ресурс] <https://atarar.ru/prohodit-zasedanie-postoyannogo-soveta-ministrov-kultury-tyurksoj.html> (дата обращения: 05.12.2017)

13. ТЮРКСОЙ объявил 2022 год Годом кыргызского писателя Токтоболота Абдумомунова [Электронный ресурс] https://www.vb.kg/doc/406703_turksoy_obiavil_2022_god_godom_nashego_pisatelja_toktobolota_abdymomynova.html (дата обращения: 1.04.2022)

14. В Хиве открылось 38-е заседание министров культуры стран ТЮРКСОЙ [Электронный ресурс] <https://fergana.media/news/123028/> (дата обращения: 16.09.22)

15. ТЮРКСОЙ — КЫРГЫЗСТАН: Посвящается 25-летию Независимости Кыргызской Республики. [Электронный ресурс]. <http://docplayer.biz.tr/67528934-Turksoy-kirgizistan-turksoy-kyrgyzstan-kyrgyz-respublikasynyn-egemenduulugunun-25-zhyldygyna.html>

16. Султан Раев избран генсеком ТЮРКСОЙ [Электронный ресурс] <https://ru.sputnik.kg/20220331/kyrgyzstan-sultan-raev-tyurksoj-1063298281.html> (дата обращения: 31.03.2022).

Сведения об авторах: Омурова Жамыйкат Орозбековна, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой регионоведения и кыргызоведения, Кыргызский Национальный университет им. Ж. Баласагына (Бишкек, Кыргызстан), e-mail: jamyikat2012@gmail.com

Шаршембиева Таалай Султановна, к.с.н, доцент, с.н.с, Центра социальных исследований НАН КР (Бишкек, Кыргызстан), e-mail: shartaalay@mail.ru

Дубанаева С.А.

КНУ им. Ж.Баласагына (Бишкек, Кыргызстан)

Один пояс – один путь – модель сотрудничества КНР с Кыргызстаном

В статье рассмотрены проблемы осуществления проекта «Один пояс-Один путь» (далее- ОПОП). Амбициозная инициатива проекта «Один пояс-один путь» затрагивает многие вопросы как экономического, так и политического характера. На современном этапе возникают опасения с выплатой задолженностей Китаю, социальными и экологическими рисками.

Ключевые слова: Проект «Один пояс – один путь», инвестиции, кредиторская задолженность, инфраструктура, партнерские отношения, реализация проектов

Dubanaeva S. A.

Kyrgyz National University named after J. Balasagyn, Bishkek
(Kyrgyzstan)

**ONE BELT - ONE ROAD - CHINA WITH KYRGYZSTAN
MODEL OF COOPERATION**

The article deals with the problems of the implementation of the project "One Belt - One Road". The ambitious initiative of the One Belt, One Road project touches on many issues, both economic and political. At the present stage, there are concerns about the payment of debts to China, social and environmental risks.

Key words: One Belt One Road project, investments, accounts payable, infrastructure, partnerships, project implementation

Экономическая стратегия ОПОП, инициатором которой выступил председатель КНР Си Цзиньпин, приобретает глобальные масштабы. Идея возникновения ОПОП объединяет все сферы, включая экономику, культуру, медицину, систему образования, туризм, спорт, археологию и другие области взаимоотношений, образовав тем самым новую модель сотрудничества между странами. Данная модель, созданная в духе древнего Шелкового пути, мобилизует разработку новых инструментов привлечения внимания потенциальных торговых

партнеров, перемещая товары из Китая через Центральную Азию в Евразию и далее на Запад.

В 2010 г. Китайская Народная Республика выдвинула предложение о реализации двух объединенных проектов: «Экономический пояс Шелкового пути» и «Морской Шелковый путь XXI века». Амбициозный проект был впервые предложен председателем КНР Си Цзиньпином в конце 2013 года во время визита в Индонезию и Казахстан. Идея проекта состояла в совместном поиске, создании и развитии новой модели международного сотрудничества и оценивалась от 4 до 8 триллионов долларов.

Проведенные исследования показали, что проект «Один пояс – один путь» (ОПОП) для Кыргызстана необходим и имеет широкие перспективы. Реализация проекта должно дать рост ВВП, создание дополнительных рабочих мест, рост уровня жизни и благоприятную инфраструктуру.

Кыргызстан и Китай имеют длительные дипломатические отношения. С обретением независимости наше государство активно сотрудничает с КНР еще с 1992 года. Динамика кыргызско-китайских отношений имеет положительный рост во всех сферах деятельности. Наше государство участвует в проекте «Экономический путь Шелкового пути», маршрут которого пролегает от Сианя (КНР), через страны Центральной Азии, Турцию, Иран, Ирак, Сирию и далее в Восточную Европу и не имеет выхода к морю. Этот маршрут охватывает территорию, где проживает около 3 миллиардов человек и направлен на сотрудничество, как в финансовом плане, так и общественно-гуманитарных связей, инфраструктуры и коммуникаций. В странах с выходом к морю товарооборот на 30% больше, чем в государствах, не имеющих выхода к морю, темпы роста экономик на 1,5% выше. Сухопутный пояс проекта ОПОП включает шесть коридоров для соединения транспортных путей из Центральной Азии в Европу. Это будут сети высокоскоростных железных дорог, газопровод из Каспийского региона и другие коммуникации.

Какие выгоды несет проект ОПОП Кыргызстану? Проект дает новые возможности и перспективы нашей стране в плане

построения логистических центров, развития международной торговли, а также расширения сети волоконно-оптических линий передач, что позволит решить вопросы высокоскоростного Интернета транзитом через Кыргызстан от Китая в Европу. Проект позволит стимулировать экономическое развитие нашей страны, вовлеченной в этот процесс, ускорит разработку механизма экономического сотрудничества.

Китай является одним из крупнейших инвесторов мирового значения. Более шести десяткам стран выделено триллион долларов США на развитие «Шелкового пути». «Один пояс – один путь» в Центральной Азии охватывает 4 государства, не имеющие выхода к морю: Казахстан, Кыргызстан, Узбекистан и Таджикистан. С конца 2018 года он включает следующие проекты: 203 автомобильных и железнодорожных моста; 199 электростанций; 41 трубопровод. Соглашения о сотрудничестве на 2021 год подписаны с 31 международными организациями и 140 страной. Проект в перспективе коснется 60% населения мира и соединит сразу три континента. В перспективе намечено строительство промышленных парков, нефтеперерабатывающих заводов, электро- и ветростанций, разработка рудников и прокладка оптоволоконных сетей [1].

По данным Всемирного банка, Кыргызстан имеет наименее низкий объем экономики среди стран Центральной Азии и, соответственно, вносит самый маленький вклад в ВВП региона. По итогам 2020 года, ВВП Казахстана составил 170 млрд долларов, Узбекистана – 57,7 млрд долларов, Туркменистана – 45,2 млрд долларов, Таджикистана – 8,2 млрд долларов, Кыргызстана – 7,7 млрд долларов. Таким образом, доля Кыргызстана в региональном ВВП составила всего 2,7%. Кыргызстан имеет и самый низкий объем ВВП на душу населения. По этому показателю республика отстает от всех постсоветских стран, за исключением Таджикистана [2].

В последние годы (кроме 2020 года в период пандемии) Казахстан, Кыргызстан, Узбекистан и Таджикистан показали рост реального ВВП. По итогам 2021 году рост ВВП

Кыргызстана достиг отметки 3,6%, Казахстана 3,5%, Узбекистана 6,2% и Таджикистана 7,1%.

Какие выгоды несет проект ОПОП Китаю? Расширение рынков за пределами страны и перевод своих производственных мощностей на территории соседних государств. Многие китайские компании имеют небольшие внутренние возможности для дальнейшего развития. Также в Кыргызстане низкий уровень зарплаты, нехватка рабочих мест и низкая конкуренция. Наше государство предоставляет налоговые льготы иностранным предприятиям в стратегически важных для страны отраслях. Проект ОПОП представляет собой новую, более продвинутую модель сотрудничества. Китай заинтересован в сухопутном коридоре к европейским странам, развитию и дальнейшему росту экспортных рынков в Центральной Азии.

Страны центрально азиатского региона заинтересованы в инвестициях для успешной реализации крупных инфраструктурных проектов в промышленности, водоснабжению, транспортно-логистических систем и сельского хозяйства. В странах Центральной Азии сосредоточены значительные природные богатства, энергетические ресурсы, полезные ископаемые, которые сами государства (кроме Казахстана) не в состоянии профинансировать самостоятельно. Необходимы крупные внешние инвестиции для построения рыночной экономики, интегрированной в мировую торговлю. Таким образом, на сегодняшний день Китай остается ключевым партнером для всех этих стран.

К сожалению, наша страна за 30-летнюю независимость все еще не смогла найти пути выхода из кризисной ситуации. Всемирный Банк прогнозировал положительное воздействие проекта ОПОП и рост ВВП на 32%. Естественно, чистая прибыль должна была быть значительно ниже из-за создания необходимой инфраструктуры.

Внешний долг Кыргызстана приблизился к 5 миллиардам долларов, из которых более 43% (\$1,7 млрд) составляет долг Китаю. Американские аналитики считают Кыргызстан «финансово уязвимым» перед КНР [1] Политические волнения,

частая смена руководства, коррупция ставят под сомнение своевременность выплаты долгов Китаю.

Один из реализованных проектов ОПОП – модернизация ТЭЦ (г.Бишкек), кредит составил 386 миллион долларов, возвращать уже придется 492,4 миллион долларов. Существуют огромные риски по условиям выплаты кредитов. При условии невыплаты кредита «Эксимбанку» (КНР), китайская сторона получит управление над некоторыми инфраструктурными объектами (ТЭЦ Бишкек, ЛЭП «Датка-Кемин», альтернативная трасса «Север-Юг») [3].

С начала 90-х годов Китай инвестировал в Кыргызстан 4,73 млрд.долларов. Финансовые средства, направленные на реализацию проекта ОПОП реинвестируются в китайские компании, которые привозят в Кыргызстан свое оборудование, рабочий персонал и оказывают услуги по реализации проектов. При этом большая часть средств даже не вывозится из Китая. Кредиты выданы под ставку в 2% годовых до 25 лет, льготный период по оплате составляет от 5 до 11 лет. До начала пандемии Кыргызстан вовремя погашал кредиты, но эпидемия COVID-19 сильно подорвала экономику страны.

В Кыргызстане сложилась непростая ситуация, вызванная проблемами с выплатой долга китайской стороне. Так как практически нет зарубежных стран, охотно инвестирующих капитал в экономику нашей страны в таком объеме как Китай, понятны причины согласия правительства на такие условия выплаты кредитных средств. Китай, в свою очередь выступает как непоколебимый партнер, но при этом готов отсрочить часть займов.

У нас в стране осуществляют бизнес около 400 китайских компаний и 170 совместных предприятий. Большая часть инвестиций была направлена в сферу энергетики (около 2,5 млрд.долларов), транспортную сферу (1,7 млрд.долларов) и 150 млн.долларов в другие сферы. В нашей стране на китайских или совместных предприятиях задействованы китайские специалисты (они составляют более трети работающих). К сожалению, китайских бизнесменов тревожит вопрос безопасности ведения бизнеса, политические волнения,

ухудшение деловой конъюнктуры негативно сказываются в инвестиционной политике государства.

Сложилась ситуация, когда построенные предприятия – Кыргызский участок четвертой линии (нитка D) газопровода Центральная Азия-Китай, нефтеперегонные заводы в г.Кара-Балта и г.Токмок – не работают в полной мере, так как не хватает ресурсов (сырых нефтепродуктов). На карьерах и рудниках работает 11 компаний, численность работающих в каждой из них превышает 500 человек.

В результате переговоров руководства страны, которые уже неоднократно ведутся, Китайская Народная Республика решила предоставить Кыргызстану очередную грантовую помощь. 350 миллионов юаней или 54 миллиона долларов, предоставленные Китаем будут использованы для инфраструктурных проектов. Перенос оплаты на 6 лет обойдется Кыргызстану в 3,8 миллионов долларов. Эти средства будут направлены на восстановление Баткенской области, различные социальные проекты и покупку электроэнергии.

На современном этапе Кыргызстан находится на 5 месте в мировых рейтингах по доле внешнего долга Китайской Народной Республике и превышает более 25% от ВВП нашего государства. Это ставит под угрозу выполнение кредитных обязательств.

Эксперты и исследователи экономической ситуации в Кыргызстане очень обеспокоены ситуацией с выплатой внешних долгов. Кроме того вызывают опасения возрастающие проблемы социального характера и ухудшение экологической ситуации. Строительство железных дорог и соответствующих инфраструктурных объектов влечет за собой риск загрязнения окружающей среды и изменения биоструктуры. В последние годы Кыргызстан, к сожалению, занимает «лидирующие» позиции по состоянию окружающей среды.

Социальные риски присутствуют при найме работающих. В китайских компаниях, треть работающих составляют рабочие и служащие из Китая, присутствует разница при выплате заработной платы, используется оборудование и сырье только китайского производства.

Также есть риски информационного характера. Очень сложно найти исчерпывающую информацию о деятельности китайских компаний, осуществляющих деятельность в Кыргызстане. Мало информации об условиях контрактов, кредитных обязательствах, что приводит к возникновению различных коррупционных схем. Подтверждение тому – авария при модернизации ТЭЦ г.Бишкек, громкие скандалы и аресты высокопоставленных чиновников, незавершенные строительства автодорог по побережью Иссык-Куля и другие инциденты.

Как бы удручающе не выглядела ситуация, необходимо найти пути решения возникших проблем. Специалисты, чиновники, государство и любой гражданин нашей страны должны осознавать важность решения этого вопроса. Со стороны государственных органов необходимо усилить контроль по выявлению и предотвращению коррупционных схем, урегулированию приграничных конфликтов. Ведь это проблема не только Кыргызстана, но и всей Центральной Азии – предотвратить террористические и военные конфликты.

Кроме того, необходимо скорее урегулировать вопрос по строительству железнодорожной магистрали Китай - Кыргызстан – Узбекистан и созданию фонда строительства железной дороги. Остаются еще вопросы по социальному партнерству: вопросы трудовых отношений, информационная прозрачность, выполнение норм трудового законодательства, взаимовыгодные условия контрактов, обмен передовым опытом. Любой бизнес должен осуществляться на взаимовыгодных условиях, с учетом национальных интересов и нацелен на будущий успех и долгосрочное партнерство.

Список литературы:

1. Ван Х. Китайская инициатива «Один пояс – один путь» в Центральной Азии: проблемы и препятствия реализации // Общество: политика, экономика, право. 2022. № 2. С. 23–28. <https://doi.org/10.24158/pep.2022.2.3>.
2. <https://rus.azattyk.org/a/31547285.html>
3. Юй Чжочао, Киргизия и инициатива «Один пояс и один путь», Постсоветский материк-политология, 2016, стр. 30-37.

4. “一带一路”对习政权最大的意义是什么? Каково самое главное политическое значение инициативы «Один пояс, один путь»? URL:<https://www.bbc.com/zhongwen/simp/indepth-39923214> (дата обращения 15.05.2017)
5. <https://rus.azattyk.org>
6. [https://www.cgdev.org/ Center for Global Development](https://www.cgdev.org/Center for Global Development)

Сведения об авторе: Дубанаева Сезим Аманбековна, старший преподаватель КНУ им. Ж.Баласагына (Бишкек, Кыргызстан), e-mail: sezim2582@mail.ru

Раздел II. Традиционная культура, языки и искусство тюркских народов Большого Алтая

Белкина А.П.

Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

Сакральные ценности духовной культуры Алтая

Данная статья посвящена сакральным ценностям духовной культуры Алтая, которые на протяжении многих веков сохраняются и передаются у народов, проживающих на территории Алтайского края и Республики Алтай. Сакральные ценности формируют особенности мировоззрения коренных жителей, их традиции и обычай. К сакральным ценностям мы относим сам Алтай и его природу. Целью данной статьи является культурфилософская рецепция проблемы формирования сакральных ценностей духовной культуры Алтая и их сохранения в современных условиях развития общества.

Метод и методология проведения работы. Методологией исследования выступают культурфилософский, аксиологический, онтологический и феноменологический подходы, а ключевым методом – социокультурный анализ.

Результаты. Основным результатом статьи является раскрытие сущности сакральных ценностей духовной культуры народов, проживающих на Алтае.

Ключевые слова: сакральные ценности; духовная культура; культура народов Алтая; ценности народов Алтая.

A.P. Belkina

Altai State University, Barnaul (Russia)

SACRED VALUES OF THE SPIRITUAL CULTURE OF ALTAI

This article is devoted to the sacred values of the spiritual culture of Altai, which have been preserved and transmitted for many centuries among the peoples living in the Altai Territory and the Altai Republic. Sacred values form the peculiarities of the worldview of indigenous people, their traditions and customs. We consider Altai itself and its nature to be sacred values. The purpose of this article is a cultural and philosophical reception of the problem of the formation of sacred values of the spiritual culture of

Altai and their preservation in modern conditions of the development of society.

The method and methodology of the work. The methodology of the research is cultural philosophical, axiological, ontological and phenomenological approaches, and the key method is socio-cultural analysis.

Results. The main result of the article is the disclosure of the essence of the sacred values of the spiritual culture of the peoples living in the Altai.

Keywords: sacred values; spiritual culture; culture

Культура является одним из самых сложных для понимания феноменов, так как является сложноорганизованной и иерархичной системой смыслов, ценностей и норм. Чаще всего под культурой понимают вторую природу, созданную человеком, однако в данном контексте чаще всего подразумевается конкретный материальный объект. В предлагаемой статье мы будем рассматривать не материальные объекты, а объекты духовной культуры, которые обладают ценностным смыслом. В работе «Сакральное в системе ценностей» под духовной культурой понимается «фрагменты объективной или субъективной реальности, который может быть отнесен к сфере культуры только тогда, когда в нем усматривается некое разумное основание» [1, с. 163]. Также объектом культуры может быть и предмет, явление, которые не созданы человеком, например, солнце, природа, горы, водоемы и т.д. Несмотря на то, что они не созданы человеком, ряд наций закладывают в них свой сакральный смысл. Как отмечают исследователи, «всякое культурное, на наш взгляд, всегда воспринимается человеком и обществом как ценность, занимающая свое место в общей иерархии ценностей» [1, с. 164]. Духовная культура формирует единое общество благодаря системе норм (мораль, право, традиции, обычаи и т.д.), которые поддерживаются либо государством, либо благодаря их закреплению в сакральном пласте культуры.

Для понимания смысла понятия «сакральные ценности» важное значение имеет категория «сакральное». В энциклопедии «Культурология. XX век» приводится следующее определение: «Сакральное (от лат. *Sacrum* – святой, священный,

посвященный богам, запретный, проклятый) – важнейшая мировоззренческая категория, выделяющая области бытия и состояния сущего, воспринимаемые сознанием как принципиально отличные от обыденной реальности и исключительно ценные» [2]. Термин «сакральное» был введен в научный оборот начиная с XX века, до этого исследователями было принято использовать термины «святое» и «священное», в дальнейшем мы подробно рассмотрим существенные смысловые отличия данных терминов. Интерес к сакральному возникает среди представителей французской социологической школы, представителем которой является Э. Дюркгейм. Он в своих трудах утверждает, что сакральное формируется не на основе религии, а создается обществом, сакральное отождествляется с социальными ценностями, которые в дальнейшем подвергаются сверхъестественному обоснованию. Сакральное является единственной исторической основой подлинного человеческого бытия, его социальной сущности [3].

Немецкий философ Р. Отто рассматривает сакральное с помощью феноменологического и онтологического подходов. Согласно феноменологическому подходу, сакральное – это явление, которое можно понять только с помощью ощущений и чувств. С онтологической точки зрения, сакральное понимается вечной и абсолютной реальностью, которая первична по отношению к обыденному миру, таким образом, сакральное характеризуется как субстанция бытия [4]. Используя наработки Р. Отто, швейцарский психолог К.Г. Юнг рассуждает о сакральном как о средстве контроля всего общества, человек является не создателем сакрального, а его жертвой [5]. В книге «Человек и сакральное» антрополог и социолог Р. Кайуа говорит о взаимной враждебности двух миров - сакрального и профанного, при этом все сакральное противостоит упорядоченному ходу вещей в тоже время является его источником, вызывая одновременно страх и почтение [6]. Рассуждая о процессе сакрализации, французский литературовед и философ Р. Барт пишет о трансформации профанного в сакральное через массовую культуру и массовое сознание [7].

Таким образом, сакральное формируется не на уровне разума, а на уровне чувств, оно может вызывать как восхищение, так и ужас, оно соотносится с наивысшими ценностями, а в некоторых культурах и является самой ценностью. Каждая из таких ценностей выступает в виде нормы, оказывая влияние на людей и на их образ жизни. Одни и те же ценности для одних людей являются сакральными, а для других людей обыденными. Например, если в обществе на первый план выходит личное благо, то даже самые жесткие нормы, направленные на сохранения природных ресурсов, не смогут остановить людей в их корыстных целях.

Духовная культура осваивается человеком в процессе социализации: взрослея, человек учится видеть в тексте смысл, сформированный многовековой историей; сакральные ценности, в свою очередь, пронизывают ее и нередко занимают в ней доминирующее положение. Сакральное может выражаться в символах высокого порядка, например, в иконах, имеющих важное «идентифицирующее» значение для православного христианина. Разрушение этих символов приводит к разрушению культуры, массовым психозам и конфронтации; с другой стороны, сохранить сакральные ценности можно с помощью религии, идеологии и преемственности поколений. А.Н. Лукин выделяет две функции сакральных ценностей: интеграция общественного целого и регулятивная функция [1, с. 171]. Сакральные ценности, которые воспринимаются культурной общностью, обеспечивают совместную жизнь людей и помогают противостоять внешнему воздействию.

Сакральные ценности духовной культуры Алтая помогли сформировать особый тип миропонимания и мироощущения, который на протяжении многих веков передается из поколения в поколение. Рассмотрим подробнее сакральные ценности народов, проживающих на территории Алтайского края и Республики Алтай.

Российский исследователь А.В. Иванов в своей статье «Сакральные территории как хранительницы традиционных евразийских народов» выделяет следующие сакральные ценности народов, проживающих на Алтае: «сохраненный

биосферный потенциал и живую красоту алтайской природы; непрерывность исторической памяти народов и их умение благоговеть перед национальными святынями; ответственность человека перед обществом и перед самим собой за мысли и поступки, совершаемые в этом мире» [8, с. 115]. Таким образом, к сакральным ценностям мы можем отнести Алтай и его природу, диких животных, домашний скот и семью. К высшей ценности относится взаимное уважение всех этносов, проживающих на одной территории; только благодаря этим качествам им удастся поддерживать мир и согласие, а также сохранять уникальность своей культуры.

Как мы уже успели отметить, алтайская земля является сакральной ценностью для людей: всем горам, озерам, рекам и святым источникам присваивается сакральный смысл. Местные жители требуют от туристов уважительного отношения к их сакральным землям, так как они выражают и хранят мировоззренческие идеи и ценности людей, являются носителями и хранителями исторической памяти народа. Сохранение сакральных земель в их первоначальном виде гарантирует существование национальной культуры. Территория Республики Алтай является горной местностью, поэтому в ходе формирования культуры огромный сакральный и священный смысл закрадывался именно в образ гор, с ними связано множество запретов и легенд. Л.П. Гекман с соавторами в своей работе «Мифология и фольклор Алтая» фиксируют сакральную связь человека и гор: «гора воспринималась как корень рода, его опора. Алтайцы верили, что в глубине горы висят колыбели с душами будущих детей. Горы были связаны и со смертью – в горных пещерах они хоронили умерших. Так гора замыкала жизненный круг человека: вышедший из нее в нее возвращался» [9, с. 55]. Существует ряд легенд о возникновении гор, согласно которым все горы и большие камни являются спящими богатырями, которые охраняют Алтай и его народ [10, с. 20].

Объектами почитания народов Алтая являются также многие водоемы, а именно озера, реки и святые источники. Это обусловлено связью воды с идеей о сотворении мира и ее

стихийным началом. Каждому необходимо соблюдать правила, связанные с водой, в противном случае она может наказать и даже лишить жизни, она является непознанной и опасной стихией. Если приехать в Республику Алтай весной и подойти к реке Катунь, можно ощутить силу и мощь реки, ее бурлящие воды одновременно завораживают и пугают. Отдельная роль в мировоззрении отводится целебным источникам, которые способны за короткий срок вылечить человека. Со святыми источниками связано много условий и запретов, к походу на источник необходимо готовиться заранее [10, с. 20 - 21].

Мифология коренных жителей объясняет многие явления земного бытия, подчеркивая сакральность их культуры, которая отличается разумным потреблением природных благ. Они никогда не будут брать больше чем нужно, охота нужна только для жизнеобеспечения, но никак не для удовольствия. Ценностно-смысловой сакральной нагрузкой обладают и домашние животные, например, конь, который во многих сказаниях является верным другом и помощником человека. Обожещаются и священные деревья, формируется культ дерева. Священным деревом для алтайцев, например, считается стовольный тополь. Таким образом, природа Алтая наделяется сакральным смыслом и становится ценностью, которую почитают все коренные жители на протяжении многих веков.

Сакральной ценностью для народов, проживающих на территории Алтайского края и Республики Алтай, является семья и семейный очаг. Формирование мировоззрения зависит от семейных ценностей, семья обладает одной из важных функций, которая заключается в обучении и передачи опыта, старшим поколением человеку прививаются ценности и нормы, которые в последующем он передает своим детям. Семейный очаг также обретает сакральный смысл, издревле в юртах он давал тепло, пищу и объединял все семейство. При переезде в новое жилище принято проводить обряды по приветствию нового семейного очага. Традиционный алтайский айыл является не просто объектом социально-бытового характера, но и обладает связью с культом предков и культом огня [11].

Несмотря на мировую глобализацию, народам Алтая удалось сохранить свой сакральный мировоззренческий базис, их мировоззрение заключается в экологичности, которая проявляется в глубинной связи с этнической средой обитания, животворением и одухотворением природы. Удастся сохранить сакральные ценности на протяжении многих веков благодаря письменным источникам, устной народной традиции и природно-культурном потенциале самой территории, хранящей сакральные ценности и смыслы. Духовная культура народов Алтая по своей природе уникальна, она имеет древние истоки, которые представляют мировую ценность, а самой главной заслугой является преемственность поколений, которая чтится столетия.

Список литературы:

1. Лукин А.Н. Сакральное в системе ценностей // Социология в российской провинции: тенденции, перспективы развития: в 2-х ч. – 2002. – С. 162 – 177.
2. Культурология. XX век [Текст]: энциклопедия / гл. ред., сост. С. Я. Левит. – Санкт-Петербург: Университетская книга, 1998. – 446 с.
3. Дюркгейм Э. Элементарные формы религиозной жизни: тотемическая система в Австралии. – Москва: Элементарные формы, 2018. – 808 с.
4. Otto R. The idea of the holy. – Oxford and New York: Oxford University Press, 1950. – 215 p.
5. Юнг К.Г. Психология и религия. – М: Наука, 1990. – 246 с.
6. Кайуа Р. Миф и человек. Человек и сакральное. – М: Объединенное гуманитарное изд-во, 2003. – 296 с.
7. Барт Р. Избранные работы: Семиотика: Поэтика. – М: Прогресс, 1989. – 616 с.
8. Иванов А.В. Сакральные территории как хранилища традиционных ценностей евразийских народов (на примере плоскогорья Укок на Алтае и долины Эрденэбурэн в Западной Монголии) // Новые исследования Тувы. – 2011. – № 4.– С. 103 – 116.
9. Гекман Л.П., Гекман Н.А., Куран М.С. Мифология и фольклор Алтая: учеб.-метод. Пособие. – Барнаул: Изд-во АГИК, 2019. – 150 с.

10. Екеева Э. В. Сакрализация природных объектов как компонент религиозного мировосприятия алтайцев // Национальная ассоциация ученых. – 2015. – №11 (7).– С. 19 – 22.
11. Тадышева Н.О. Сакральное пространство: алтайский традиционный айыл // Мир Большого Алтая. – 2018. – №4 (3).– С. 385 – 391.

Сведения об авторе: Белкина Анастасия Павловна, преподаватель кафедры социологии и конфликтологии ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет» (Барнаул, Россия), e-mail: kalinina.2898@mail.ru

Асанов Т.И.

Институт истории, археологии и этнологии им.

Б.Джамгерчинова Национальной Академии наук Кыргызской Республики, Кыргызский национальный университет им. Ж.

Баласагына, Бишкек

По следам этнонима “чогорок”

В статье автор исследовал историю рода чогорок в составе племенного объединения кыргызов ичкилик. Во время международной этнографической экспедиции, организованной летом 2022 года в Чон-Алайской долине, были собраны новые устные материалы, относящиеся к племени чогорок. В памяти народа сохранились фрагментарные сведения о том, что племя чогорок, упомянутое в средневековых исторических источниках, впоследствии вошло в состав кыргызов. Автор в ходе своего исследования, акцентируясь на исторических источниках и полевых материалах, отметил, что чогороки в связи с изменением политической конъюнктуры в Центральноазиатском регионе вошли в состав группы ичкилик и вместе с ними освоили новое направление хозяйственной деятельности – разведение яков. В статье также проанализированы и обобщены работы историко-этнографического характера, в которых затрагиваются проблемы этногенеза кыргызов, написанные отечественными и зарубежными учеными. По рассматриваемой проблеме сделаны соответствующие выводы и определены концептуальные задачи, которые ученые в дальнейшем должны исследовать.

Ключевые слова: этногенез, этническая история, кыргызы, племена ичкилик, этноним “чогорок”, Центральная Азия, Ферганская долина, регионы Каратегин и Гиссар, Памиро-Алайские горы.

Asanov T.I.

B.Jamgerchinov Institute of History, Archeology and Ethnology of
the National Academy of Sciences of the Kyrgyz Republic,
Kyrgyz National University named after J. Balasagyn
In the footsteps of the Ethnonym “chogorok”

In the article, the author studied the history of the Chogorok clan as part of the tribal association of the Kyrgyz Ichkilik. During the international ethnographic expedition organized in the summer of 2022 in the Chon-Alai Valley, new oral materials related to the Chogorok tribe were collected. Fragmentary information has been preserved in the memory of the people that the Chogorok tribe, mentioned in medieval historical sources, later became part of the Kyrgyz. The author in the course of his research, focusing on historical sources and field materials, noted that, due to the change in the political situation in the Central Asian region, the chogoroks became part of the ichkilik group and, together with them, mastered a new direction of economic activity - breeding yaks. The article also analyzes and summarizes works of a historical and ethnographic nature, which touch upon the problems of the ethnogenesis of the Kyrgyz, written by domestic and foreign scientists. Appropriate conclusions have been drawn on the problem under consideration and conceptual tasks have been identified that scientists should further explore.

Key words: ethnogenesis, ethnic history, Kyrgyz, Ichkilik tribes, ethnonym Chogorok, Central Asia, Ferghana Valley, Karategin and Gissar regions, Pamir-Alai mountains.

Летом 2022 г. при поддержке Ошского государственного университета, а также академических, образовательных учреждений Кыргызстана и Алтайского государственного университета РФ была организована Международная этнографическая экспедиция под названием “От Алтая – до Чон-Алая” (в Чон-Алайской долине на юге республики). Она фактически является продолжением проекта “Тюрко-монгольский мир Большого Алтая: единство и многообразие в

истории и современности”, которому был дан старт в северной части Кыргызстана в 2021 году.

Диапазон исследований данной экспедиции охватил широкий круг вопросов: от материальной до духовной культуры населения и проблемы этнической истории высокогорной долины. В такой экспедиционной поездке внимание этнографа привлекает все увиденное и услышанное, хотя извлечь из этого что-то ценное не всегда удастся. Поэтому мы обратили внимание не только на близкую нам тему этнической истории чон-алайских кыргызов, но и на расселение родо-племенных групп, их прежние места кочевания и отчасти на занятость населения в летних высокогорных пастбищах.

Этническая история и этногенез населения регионов Кыргызстана остаются малоизученными. В изучении этногенеза кыргызского народа устные источники наряду с письменными имеют важное значение. В этом плане нам удалось записать из уст информаторов материалы, касающиеся племен *тейит*, *найман*, *кыпчак* и *кыдырша*, входивших в состав родоплеменной группы кыргызов *ичкилик*. Собранные нами материалы в некотором смысле дополняют те сведения, которые ранее были опубликованы другими авторами.

Материалы об этническом составе населения долины впервые были опубликованы в трудах зарубежных и российских путешественников и исследователей ещё в конце XIX – нач. XX вв. В них дается общая этническая картина кыргызов *ичкилик* Чон-Алайской долины. Поэтому в ходе экспедиции нас прежде всего интересовали те или иные этнические группы, вошедшие в состав вышеназванной родоплеменной группы. Среди них был род *чогорок* в составе племени *тейит*. Впервые на данный этноним обратил внимание видный советский этнограф-кыргызовед С.М. Абрамзон, который допустил, что упоминаемое Бабуром племя *чограк* позже оказалось в составе племени *тейит*. В связи с отсутствием каких-либо других данных, ученый далее не развивал свои мысли. Предположение, высказанное С.М. Абрамзоном, позже было поддержано другими исследователями. Кстати, ещё в начале 60-х годов XX столетия Э.Ж.Маанаев, изучавший историю заселения Памира

кыргызами, ссылаясь на исследования С.М. Абрамзона по “Бабур-намэ”, тоже полагал, что названное крупное племя, жившее в горах к югу от Андижана, вошло в состав киргизской народности [1. С.90-91.] Позже исследователь в своих трудах еще раз обратил внимание на этот вопрос и сделал заключение, что неизвестное племя *чограк* обитало на Памире в составе *тейитов* [2.С.52-53; 3.С.111-112.]. Т.Машрапов, будучи аспирантом Института востоковедения АН Узбекской ССР, подробно проанализировал исторические данные о *чагираках*, содержащиеся в трудах Мухаммед Захреддина Бабура и Мирзы Мухаммед Хайдара, и сделал вывод, что они обитали в горах Алая [4.С.12.]. Т.К.Чороев, анализируя этноним *чагыр* (*чакыр*), встречающийся в средневековых источниках, ссылается на В.В.Бартольда. Дело в том, что по мнению В.В. Бартольда, Чагыр-огуз – название горы в Приаралье, которое, по ал-Истахри, связано с этнонимом племени *чагырак*, или *чаграт*, упоминаемым у Бейхаки в качестве соседей Хорезма. В связи с этим Т.К. Чороев напоминает о племени *чогирак*, зафиксированном в аутентичных письменных источниках XV – XVI вв., и позднее вошедшим в состав кыргызов [5.С.40.].

Попытка подробного анализа проблемы сделана О. Каратаевым. В составленном им словаре кыргызских этнонимов, исследователь поддержал мнения вышеупомянутых авторов и обратил внимание на семантику этнонима *чогорок*. При этом он допустил образование этнонима *чогорок* от слов *чогор* (беркут) + *ок* (племя), т.е. “племя беркута” [6. С.265]. О.Каратаев склонен считать, что данный этноним изначально имел кыргызское происхождение. Нурбек Туран, опираясь на книгу туркменского автора С. Атаныязова, связывает *чогороков* с *чагереками* – племенами, находившимися в составе ополчения Хорезм-шаха и в XIII веке под нашествием монголов, сбежавшими в Афганистан и Пакистан [7. С.246-267; 8.].

Все упомянутые версии и предположения свидетельствуют о том, что проблема истории этнонима *чогорок*, носители которого находились в составе племени *тейит*, ещё не решена. В связи с этим стоит ещё раз вернуться к историческим текстам, чтобы выяснить, кем были *чогороки*, в

связи с какими историческими событиями они упоминаются и при каких обстоятельствах они вошли в этнический состав кыргызов.

Этноним *чогорок*, по-видимому, впервые упоминается в труде Бейхаки “История Масуда” в связи с событиями 1030 г. в форме *джиграк* – племени, обитавшем в районе Хорезма. Были ли *джиграки* (*чогороки*) местными племенами, нам пока неизвестно. Но, судя по описанию событий, прямых указаний на это нет. В труде Бейхаки “История Масуда” в двух местах упоминаются следующие племена: кёчаты, джиграки и кыпчаки [9. С.71, 234]. По-видимому, *джиграки* были наемными воинами хорезмских правителей, а не местными племенами. Имеется немало фактов о том, что военная дружина кочевников была основной опорой в междусобных столкновениях оседлых правителей. По всей вероятности, *джиграки* (*чогороки*) были в числе приглашенных на службу к газневидскому ставленнику Алтунташу [9. С.71].

В конце XV- начале XVI вв. в Ферганской долине шла борьба за власть, значительно ослабившая положение Тимуридов. Представитель правящей тимуридской династии Мухаммед Захреддин Бабур был вынужден поддержать выступление местных феодалов и боролся против пришельцев – узбеков-шейбанидов. Позже эти события определили не только будущую политическую, но и этническую карту региона, решившую судьбы разных этносов, издревле населяющих эту историко-культурную область. В связи с этими историческими изменениями в книге правителя Ферганы “Бабур-намэ” упоминается племя *чограк*. Подробности этого события относятся к 900 г. (1494-1495), когда Бабур отправляет одного из предводителей в горы, чтобы раздобыть провиант и лошадей для войска. Это свидетельствует о том, что, видимо, в некоторых случаях население горного края платило Тимуридам подати.

«Среди кочевых племен в Андижанской области есть племя Чограк; это большое племя пять-шесть тысяч семейств. Они живут в горах между Ферганой и Кашгаром, у них много

коней и множество овец. В этих горах вместо быков разводят кутасов. Кутасов у них тоже много.

Так как их горы непроходимы и находятся на окраине, то они не торопятся сдавать скот. Поставив Касим бека во главе войска, я послал его Чогракам, чтобы он взял скот и роздал часть его войску. Касим бек пошел, и, захватив около двадцати тысяч овец и от тысячи и полутора тысячи лошадей, разделил между воинами» [10. С. 44.].

Если обратить внимание, то, во-первых, автором более-менее точно указаны координаты *чограков*, т.е. Памиро-Алайские горы. Видимо, указанные координаты ориентированы на торговые пути между Ферганой и Кашгаром, благодаря которым испокон веков через Алайскую долину осуществлялись международные торговые связи. Во-вторых, в книге определенно показана хозяйственная деятельность *чограков*: разведение яков (кутасов), характерное только для кочевников Памиро-Алая. В третьих, если, согласно “Бабур-намэ”, численность *чограков* достигала пять-шесть тысяч семей, тогда можно говорить о значительной общине кочевников в высокогорной долине. Таким образом, в бабуровский период *чограки* были более-менее крупными и зажиточными племенами.

В “Бабур-намэ” приводятся другие интересные сведения, относящиеся к 904 г. (1498-1499), которые касаются *чограков* и других племен: *«Спустя два-три дня после прибытия в Маргилан я отдал под начальство Касим бека более сотни воинов из числа пешагирцев, моих новых нукеров и нукеров Али Дуст бека и послал его к горцам, живущим к югу от Андижана: ашпарцам, турукишарам и чогракам и вообще в те места, чтобы Касим бек уговорами или силой привел ко мне этих людей. Когда Касим бек отправился в горы к югу Андижана, ашпарцы, турукишары и чограки и все кочевые и оседлые жители гор и равнин в тех местах покорились мне».* [10. С. 77.].

Вероятно, цель покорения этих племен Бабуром состояла в том, чтобы пополнять армию из их числа и иметь тыловые запасы продовольствия для обеспечения войска. В источнике наряду с *чограками* указаны *ашпарцы* и *турукишары* – племена,

обитавшие в этих местах. Можно предполагать, что названные племена жили по соседству с *чограками*.

Дополнительные эпизодические сведения о *чагираках* (*чогороках*) имеются в «Тарих-и Рашиди» Мирзы Мухаммеда Хайдара. Автор, рассказывая о двенадцати людях, сопровождавших Хизр-ходжу, упоминает, что один из них был из племени *чагирак*. Мухаммед Хайдар пишет, что Хизр ходжа был грудным ребенком, когда его спасли от жестокости Камараддина и увезли в Кашгар [11. С.80.]. Узурпация власти эмиром Камарадином в Моголистане произошла в 765 г. (1363-1364), когда он умертвил Ильяса ходжу с 18 членами семьи [12. С.53.]. Когда Хизру ходже исполнилось 12 лет, эмир Худайдад, опасаясь преследований Камараддина, отправил его в сопровождении тех же людей в горы между Бадахшаном и Кашгаром (с.81.), и не случайно среди них был представитель из племени *чограк*, обитавшего в направлении названных гор. Это событие относится примерно к 1376-1377 гг.

Далее автор описывает зимние события 1504 г., связанные с походом войска Хусрау шаха, который был правителем Хисара, Кундуза и Бадахшана, в Каратегин. Его 800-тысячный отряд, возглавляемый братом Мир Вали, совершает поход и каратегинцы, имея 5-тысячное войско, не смогли ему противостоять. После чего *отец (имеется в виду Мухаммед Хусейн гураган. Т.А.), с шестью людьми ушел к горам Ферганского вилаета, который расположен на востоке того вилаета, что между Кашгаром и Андижаном. В тех горах живут люди, которых называют чагирак, и в то время они были многочисленными и имели много скота. А вскоре после того Мирза Аба Бакр подверг их истреблению* [12. С.203–204].

Согласно этим сведениям, Мухаммед Хусейн гураган поневоле оказался среди *чагираков*, обитавших на склонах Алайских гор. Вторжение кашгарского правителя дуглата Мирза Аба Бакра, видимо, состоялось именно в 1504 году. Далее события приняли другой оборот. Брат правителя Ахси Шайх Байзида могольский эмир Султан Ахмад Танбал, уйдя от преследований Шахибек-хана узбека (Шейбани-хана),

направляет свои силы против чагираков, о чем речь пойдет ниже.

«После разгрома в Каратегине мой отец ушел оттуда и находился среди чагираков. Всего удивительнее то, что, хотя Танбал слышал о скором прибытии Шахибек хана, он, вместо того, чтобы заняться подготовкой с Шахибек ханом, пошел против моего отца к чагиракам. Чагираки заключили союз с моим отцом и укрепились в ущелье Туруксаран» [12. С.207].

Тут надо заметить, что, когда в «Бабур-намэ» упоминается о *турукишарах*, речь, несомненно, идет о жителях вышеназванного ущелья Туруксаран, где они были непосредственными соседями чагираков. У Мухаммеда Хайдара еще упоминается отдельный регион Чагирак в связи с военными походами кашгарского предводителя Мир Вали в 917 г. (1511-1512).

«Как уже было кратко упомянуто, Мир Вали так очистил Аксу и Моголистан [от противников], что долгое время ни один из моголов и киргизов не смел пересечь местность, расположенную в двух или трех месяцев пути до Кашгара. Все моголы притаились в Чальше и Турфане, а киргизам он [разрешил] остаться на этой стороне Иссык-Куля. Он также окончательно захватил Узганд – самый важный город вилайета Ферганы, Ош, Маду и Чагирак и все, что расположено выше Андижана. Он также овладел большей частью Каратегина и земель Бадахшана» [14. С.385; 10].

Таким образом, *чогороки (чагираки, чограки)* в позднесредневековый период были самостоятельными племенными образованиями, и территория их обитания одновременно стала местом убежища и объектом завоевательных походов ферганских и кашгарских правителей. Больше о них в источниках не упоминается и лишь этноним *чогорок* сохранился среди кыргызов и привлек внимание крупного ученого С.М. Абрамзона.

В процессе исследования ученый установил, что *чогороки* небольшими группами живут среди *тейит, нойгут и бостон ичкиликов*. Затем он сделал заключение, что *“все это дает основание полагать, что названное Бабуром племя вошло в*

состав ичкиликов” [13. С.48]. Вывод С.М. Абрамзона был близок к истине и в Чон-Алайской экспедиции нам удалось найти подтверждающие данные о роде *чогорок*, вошедшим как этнический компонент в состав племени *тейит*. Таким образом, мы впервые зафиксировали генеалогические данные о роде *чогорок*. Информацию мы получили от людей преклонного возраста, владеющих генеалогией и историей своих предков.

Обстоятельный разговор был с Сулаймановым Абдулазисом, 1949 года рождения. Он является жителем села Кара-Тейит, имеет среднее образование. Всю жизнь он работал в селе, с молодых лет увлекается традиционной охотой и владеет разной информацией. Вот, что он рассказал о прошлом *кара-тейитов*, одной из ветвей крупного племени *тейит*. Их родоначальник Белес-баатыр был родом из Узгенда. По словам информатора, из-за хозяйственной нужды они с сородичами перекочевали в Чон-Алай и обосновались здесь, постоянно враждуя с соседними таджиками и кыпчаками. Видимо, для разведения яков не хватало пастбищ. Ныне живущие в одноименном селе *кара-тейиты* являются потомками Белес-баатыра и делятся на *уста тобу*, *чогорок*, *жакып тобу* и *али тобу*. Информатор утверждал, что, согласно их генеалогии, *чогороки* считаются вошедшими (*киринди*) в состав *кара-тейитов*. Каким образом они оказались среди *кара-тейитов*, объяснений не было. Обычно в генеалогической традиции кыргызов существует запрет рассказывать о прошлом этнических групп, вошедших в состав другого племени. Это было своеобразной нормой взаимоотношений кочевников и пришлая группа должна была адаптироваться в новой этнической среде, которая нуждалась в людских ресурсах.

Другой информатор Темирбаев Момунбай, 1939 года рождения, имеющий среднее образование, житель села Жаш-Тилек из рода *сары тейит*, являющегося одной из ветвей племени *тейит*, рассказал нам следующую версию о роде *чогорок*. Судя по его рассказу, *чогороки* являются одним из колен *сары тейитов*, а не *кара тейитов*, как нас информировали выше. *Сары тейиты* делятся на *чогорок*, *баркы*, *зарип* и *норуз*. *Зарип* и *норуз* являются потомками двух братьев и

чогорок вознамерились сблизиться с ними. Сами чогороки состоят из двух колен: *чонг чогорок* и *кичине чогорок*. Последняя группа чогороков имеет прозвище *жалгамыш*, что означает *помогающий*, или *оказывающий благодеяние*, т.е. они приютили пришельцев. Это свидетельствует о том, что чогороки оказались разбросанными по разным коленам племени *тейит* и, разумеется, что они есть среди *кара тейитов* и *сары тейитов*.

Такую же информацию нам поведал другой житель этого села Куттукалиев Акжол, 1937 года рождения, имеющий 7 классов образования, всю жизнь работавший пастухом. По его рассказу, сары тейиты делятся на *норуз*, *зарип*, *чогорок*, *баркы*.

Анализ этих материалов показывает, что в генеалогических преданиях племени тейит сохранились смутные сведения о пришельцах – чогороках. Со временем они адаптировались в новой этнической среде и стали их органической частью. Обретение ими новой этнической среды, видимо, произошло во второй половине XVI века, и они непосредственно связаны с заселением кыргызами юго-западных горных районов Центральной Азии. На основе анализа источников А.Мокеев установил, что уже в середине XVI века кыргызы занимали всю Алайскую долину и жили в Каратегине. По мнению ученого, «к началу последней четверти XVI в. значительная часть кыргызских племен, прочно утвердившись в районе Алая и Каратегина, начала постепенно продвигаться дальше на запад в сторону Гиссара и Куляба» [14. С.149-150].

Вот, что пишет об этом Махмуд ибн Вали, автор историко-географического труда “Бахр ал-асрар”:

«Хутталан, который ныне известен как Кулаб, считается четвертой частью (области Балх). Ягсу, Чаихарсу, Кангурт, Даштак, Ваиджерд, Даит-и Кулак, Кала-и Земм и Ясен, почти до Даит-и Алан являются: жилищами и обиталищами киргизских племен; их причисляли к совокупности [округов] Мавераннахра» [15. С.28].

Именно в этот период чограки могли войти в этнический состав кыргызов и адаптироваться среди них. Этому способствовал ряд обстоятельств. Во-первых, в количественном

составе кыргызы уже преобладали в Моголистане и интенсивно осваивали его юго-западные периферии. Во-вторых, в политическом отношении они держали верх над моголами и доминировали в этом регионе. В-третьих, чаграки (чогороки) были тюркоязычными кочевыми племенами, хотя в источниках об этом не упоминается. Тем не менее, к середине XIV века в Моголистане и Фергане уже образовалась тюркоязычная этнокультурная общность тюрко-монгольских племен, в которой создавалась благоприятная обстановка для образования новых этнических групп. В-четвертых, хозяйственно-культурная близость и кочевой образ жизни способствовали скорейшей адаптации чограков в этнокультурной среде ичкилик-кыргызов. В это время кыргызы распространились на юго-западные приферганские горные районы. Об этом еще раз напоминает Махмуд ибн Вали, определенно очерчивая восточную границу Хутталана, т.е. Куляба.

Хутталан – область по ту сторону Джейхуна. По этой причине ее считают принадлежащей Мавераннахру. Находится она в четвертом климате и расположена по соседству с Бадахшаном. В настоящее время она подвластна Балху, как недавно, при определении границ Балха, было установлено. Крупнейшими селениями его являются Ягсу, Чахарсу, Кангурт и Даштак. Восточная граница Хутталана прилегает к землям киргизов... [15. С. 37].

Письменный источник четко представляет границы области Хутталан, за которой дальше уже господствовали кыргызы. И одной из причин отсутствия упоминания о чограках в источниках XVII – XVIII вв. является их скорейшая адаптация с другими племенами в кыргызской этнической среде. Этнографические материалы, собранные С.М. Абрамзоном, свидетельствуют о том, что чогороки могли войти в состав других племен ичкиликов, таких как нойгут и бостон, но это предположение нуждается в дополнительном исследовании.

При изучении материалов мы обратили внимание ещё на одну интересную деталь. Дело в том, что в ранних исторических источниках, в которых речь идет о кыргызах и их хозяйственной деятельности, упоминание о разведении ими

яков почти отсутствует. Оно также не значится в хозяйственной деятельности кочевого населения Моголистана. Только Бабур отметил, что в этих горах вместо быков разводят кутасов, имея в виду чогороков, живших в Памиро-Алае. Из этого можно предположить, что именно этот вид скотоводства появился в хозяйстве кыргызов вместе с чогороками во второй половине XVI в., и стал основным у кыргызов группы *ичкилик*. Заселение и адаптация кыргызами высокогорных районов Памиро-Алая сопровождались появлением нового вида скотоводства. Именно кыргызы группы *ичкилик* в этих районах до нынешних времен занимаются разведением яков. У кыргызов афганского Памира только эта отрасль приносит экономическую прибыль и обеспечивает потребности населения в продовольствии. Это является одним из существенных доказательств того, что именно чогороки, упоминаемые в трудах средневековых авторов, вошли в состав кыргызов и наряду с другими племенами сыграли важную роль в образовании этнической группы *ичкилик*. В этом аспекте образование этнической группы *ичкилик* занимает особое место в плане изучения этногенеза кыргызского народа. В местах ее обитания кыргызы чаще контактировали с другими племенами и этносами. На наш взгляд, сбор новых полевых материалов в перспективе может дать дополнительные данные по этногенезу кыргызского народа. Ведь племена и группы со своими этническими наименованиями, вошедшие в состав ичкиликов, некогда составляли генетическую часть средневековых государственных и этнокультурных образований Центральной Азии.

Список литературы:

1. Маанаев Э. К вопросу переселения кыргызов на Памир // Материалы по истории и экономике Киргизии. Фрунзе, 1963.
2. Маанаев Э., Плоских В. На «Крыше мира»: Исторические очерки о памиро-алайских киргизах. Фрунзе, 1983.
3. Маанаев Э.Ж. Этническая история кыргызского народа. Бишкек, 2008.
4. Машрапов Т. Тарихи-и Рашиди Мирзы Хайдара о Ферганских киргизах. Общественные науки Узбекистана. 1986. № 12.

5. Чоротегин Т.К. Этнические ситуации в тюркских регионах Центральной Азии домонгольского времени: По мусульманским источникам IX–XIII вв. Бишкек, 1995.
6. Каратаев О. Кыргыз этнонимдер сөздүгү. Бишкек, 2003.
7. Нурбек Туран. Тейит. Бишкек, 2013.
8. Атаньязов С. Шежере. Ашгабат, 1992.
9. Абу-л-фазл Бейхаки. История мас'уда ۱۰۳۰-۱۰۴۱. Перевод с перс., вступление и комментарии А. К. Арендса. Ташкент. Изд-во АН УзССР. 1962.
10. “Бабур-намэ”. Перевод М.Салье. М., 1958.
11. Мирза Мухаммед Хайдар. Тарих-и Рашиди. Введение, перевод с персидского А. Урунбаева, Р.П. Джалиловой, Л.М. Епифаной. Ташкент, 1996.
12. Караев О. Чагатайский улус. Государство Хайду. Могулистан. Бишкек, 1995.
13. Абрамзон С.М. Киргизы и их этногентические и историко культурные связи. Фрунзе, 1990.
14. Мокеев А. Кыргызы на Алтае и на Тянь-Шане. Бишкек, 2010.
15. Махмуд ибн Вали. Море тайн относительно доблестей благородных (география). Введение, перевод, примечания, указатели Б. А. Ахмедова. – Ташкент, Изд-во «Фан» 1977.

Сведения об авторе: Асанов Темиркул Ишекеевич, старший научный сотрудник, кандидат исторических наук, Институт истории, археологии и этнологии им. Б.Джамгерчинова Национальной Академии наук Кыргызской Республики, зав. каф. «Истории Кыргызстана» Кыргызского национального университета им.Ж.Баласагына (Бишкек, Кыргызстан), e-mail: kultemir@mail.ru

Убайдылдаева А.А.

Азиатский медицинский институт имени С. Тентишева, Кант
(Кыргызстан)

**«Манас» один из эпосов тюркоязычных народов и вклад
профессора Карла Райхла в области эпосоведения
тюркоязычных народов**

Статья рассматривает кыргызский эпос «Манас» как один из устных этнографических, фольклорных произведений тюркоязычных

народов. Описывается мастерство сказителей, создавших эпос Манас, варианты их повествования и стиль мировоззрения Енисейских кыргызов VII-XII вв. А также роль эпоса Манас в современном обществе, как идеологический дух народа. Рассмотрен весомый вклад исследование немецкого профессора Карла Райхла в области эпосоведения тюркоязычных народов и в исследовании эпоса Манас. Она основана на опубликованных и архивных текстах, записанных различными исследователями в XIX-XX вв., и на материалах собственных полевых исследований автора в тюркских республиках Средней Азии.

Ключевые слова: История, тюркология, этнография, востоковедение, манасоведение, устное народное творчество, искусство тюркских народов Алтая, фольклор, религиоведение, исламоведение, генеалогия

A. A. Ubaidyldaeva

Asian medical institute by name S. Tentishev, Chui region Kant c.
(Kyrgyzstan)

"Manas" is one of the epics of the Turkic-speaking peoples and the contribution of Professor Karl Reichl in the field of epic studies of the Turkic-speaking peoples

The article considers the Kyrgyz epic "Manas" as one of the oral ethnographic, folklore works of the Turkish-speaking peoples. The skill of the storytellers who created the epic Manas, the variants of their narrative and the style of the worldview of the Yenisei Kyrgyz of the VII-XII centuries are described. As well as the role of the epic Manas in modern society, as the ideological spirit of the people. The research activities of the German professor Karl Reichl in the field of epicology of the Turkic-speaking peoples and in the study of the epic Manas is considered. It is based on published and archival texts recorded by various researchers in the XIX-XX centuries, and on the materials of the author's own field research in the Turkic republics of Central Asia.

Keywords: History, Turkology, ethnography, oriental studies, manasology, oral folk art, art of the Turkic peoples of Altai, folklore, religious studies, oriental studies, genealogy

Около тысячи лет нашей эры происходят два различных процесса формирования кыргызского эпоса Манас, принадлежащих иранским и тюркским народам растущего

исламского мира. Иранцы, завершившие свои кочевые странствия, поселились в городах и оазисах Ирана и Центральной Азии, наслаждаясь плодами культуры, которая была обогащена доминирующим арабским миром и Шёлковым путём. Некоторые тюркоязычные племена, географически и идеологически далёкие от мусульман, сохраняли своё наследие посредством устной передачи. Самым заветным наследием кыргызов, например, является сборник песен, прославляющих их выход из уйгурского и китайского рабства. Распевая эти песни, кыргызы идут по дороге, ведущей к небывалому национальному единству под знаменем смелого и торжествующего родного сына. Кыргызский эпос «Манас» родился из героических усилий кыргызских племенных владык, которые в 840 году нашей эры успешно сражались с уйгурами и разрушили их столицу Бей-тин. В эпосе повествуется героические подвиги Манаса в сражении уйгурами кыргызских племён на Алтае. Манас принадлежит всем тюркским народам, независимо от их социально-экономической, политической или географической принадлежности. Эпос, Манас не признает никаких временных или пространственных границ. Это поэтическое и художественное выражение, которое передавалось из поколения в поколение и продолжает вносить свой вклад в динамичность культуры тюркоязычных народов. Благодаря самоотверженному вкладу бесчисленных манасчи-сказителей эпоса, сохранивших архаичные формы, сегодня «Манас» служит краеугольным камнем реконструкции кочевой жизни и культуры кыргызов, которые мигрировали с Алтая в Алайские горы и Ферганскую долину. Генезис эпоса обычно приписывают одному из сорока воинов Манаса, который был благословлён поэтическими способностями. После него его собратья-манасчи продолжают традицию и совершенствуют практику. «Манас» – трилогия, состоящая из «Манаса», в которой рассказывается о жизни и героических подвигах основоположника кыргызской национальной идентичности; «Семетей» — история сына и преемника Манаса, который продолжает усилия Манаса по обретению кыргызами независимости; и «Сейтек», история сына Семетей, который

приносит в жизнь усилия своего отца и деда. Хотя все три части полностью развиты, ссылка на «Манас» обычно относится к первой части трилогии. Сюжетная линия «Манаса» довольно проста. В возрасте пятнадцати лет, когда мальчики-кочевники обычно выбирают такую профессию, как пасти ханский скот, Манас формирует отряд воинов из сорока разных племён. Таким образом, с помощью отца и собственных сорока соратников он организует движение киргизов от берегов Енисея к Алтайским горам и, впоследствии, оттуда в Алайский край. Во время этого же процесса он женится на Каникей, дочери правителя Бухары. Брак оказывается плодотворным как для Манаса, так и для народа в целом. Это плодотворно для Манаса, потому что Каникей активно участвует в борьбе мужа за независимость. Оно плодотворно для народа, поскольку ставит крест на вражде, назревавшей среди оседлых и кочевых жителей Ферганской долины и Алтайского нагорья. До того, как «Манас» приступит к написанию, существует столько же его версий, сколько и рассказчиков или манасчи. Каждый манасчи, взаимодействуя со своей аудиторией, создаёт свою версию эпоса. Чтение «Манаса» требует особых талантов. Более того, это требует личного вдохновения, уходящего корнями либо в самую кочевую традицию, либо в ислам. Народ – создатель сумел увековечить в нем себя одновременно с тем, что накопил в течение долгого своего исторического пути – духовным наследием, культурным багажом нации. Без этого наследие невозможно сегодня уважительное восприятие любого народа цивилизованным миром, представленным много национальным сообществом великих и малых государств земли.

Судьбой оказалось предначертано, что для киргизов - одного из тюркских этносов, представляющих кочевую цивилизацию, таким достоянием стал эпос «Манас» - памятник устного поэтического творчества, созданного гением сказителем-манасчи. Своеобразие исторического пути, пройденного киргизским народом, обусловило исключительное развитие его многожанрового устно-поэтического творчества, в котором ярко выделяется эпос «Манас», отразивший почти весь исторический путь киргизов от древнейших времён до нашей

эпохи. Содержание эпоса охватывает все стороны жизни народа – от деталей быта до значительных исторических событий в его судьбе. «Манас», игравший исключительную роль в духовной жизни киргизов на протяжении многих веков, продолжает оказывать большое влияние на ее и сегодня. Такие качества манаса и его сорока витязей, как любовь к своей земле, самоотверженное служение народу, свободолюбие отвага, боевая дружба, служит образцом для молодого поколения. Уникален объем «Манаса». Только в одном варианте, записанном от гениального сказителя С. Каралаева содержится свыше полумиллиона стихотворных строк. Многие поколения народных певцов в течение веков расширяли и обрабатывали его содержание, шлифовали художественные приёмы. В эпосе синтезированы многие жанры кыргыцкого фольклора (обрядовые плачи по умершим – «кошок», песни – жалобы – «арман», - завещательные песни – «керез», и назидательные песни – «санат», «насыят» и.т.д). Обычно исполнение «Манаса» перед публикой напоминает театрализованное представление. Состояние творческого воодушевления, экстаза сказителя в момент импровизации сказа и использование им богатой мимики служат доказательством того, что характер бытования данного произведения в народе обуславливает соединение элементов различных видов искусства. [1]

Энциклопедия народной жизни, в которой отражено историческое развитие кыргызов на протяжении тысячи летия с кровавыми трагедиями и радостными днями, страданиями и испытаниями, хозяйство и быт, обычаи и нравы, эстетические вкусы и этические нормы, представления об окружающей природе, верования и религия, миропонимание и философия, язык и его поэтические возможности, такова единоклюнная концепция современных учёных и политиков, писателей и деятелей культуры об эпосе «Манас», определившая отношение к великому творению народного духа. Проблема возникновения и формирования эпоса «Манас» издавна привлекала внимание учёных. Одна из основных гипотез М. О. Ауэзова и А. Н. Бернштама информирует что эпос возник в результате взаимоотношений с уйгурами, когда часть кыргызов жила на

берегах Енисея и Орхона (т.е. между VII и IX в) высказывают предположение, что стержневые сюжеты эпоса, возможно, связаны с войнами, которые вели объединившиеся киргизские племена с тюрками, затем с уйгурами, что отражено в некоторых охроно – енисейских памятниках. Уникален он и своей всеохватностью освещения жизни народа от древнейших мифических напластований до художественного отражения реальной основы народного бытия на различных этапах его истории, да и самой истории кыргызов. Характерно, что почти все отечественные и зарубежные исследователи «Манаса» единодушно сошлись именно на этом феномене – энциклопедичности «Манаса». [2]

Создатели эпоса «Манас» – талантливые люди из народа. Они же и хранители эпоса, передававшие его тексты из поколения в поколение. Благодаря им «Манас» постоянно развивался, расширялось его содержание, совершенствовались формы, и он стал тем «Манасом», который мы знаем сегодня. Сказителей этого эпоса в народе называют «манасчи». Исполнение эпоса для них – основная профессия. Манасчи не только пересказывает известный сюжет, но, благодаря своему поэтическому таланту, передает его своими словами, по-своему komponуя детали, объясняя отдельные явления, иногда даже трактуя образы отдельных героев. Он – своеобразный летописец вечно живой истории народа, его духа, выразитель его чаяний и надежд. Эпос повествуется в стихотворном виде. Каждый сказитель-манасчи имеет свой вариант в повествовании эпоса. Многие из манасчи, были абсолютно безграмотными, расписаться не умели. Но в них был сосредоточен гений нашего народа. Они, как никто, знали жизнь, обычаи, историю страны. Это была живая память народа. Манасчи были одновременно и сочинителями, и исполнителями. Они владели истинным языком поэзии, умели передавать красоту земли, природы. Рассказывая о легендарных эпических героях, об их удивительных судьбах, характерах, они на ходу перевоплощались то в одного, то в другого персонажа. В сущности, это был целый театр». Они являются мостом между миром духов предков и миром живых, между высшим разумом

(по санскриту - МАНАС) и людьми. Учитывая эти основные особенности личности манасчи можно обнаружить близость их с шаманами. Сказитель при помощи исполнения текста эпоса вводит свою аудиторию в трансовое состояние, призывает духов предков и осуществляет чистку внутреннего состояния – духа человека. Он обретает свой статус и искусство при влиянии духов. И именно духи избирают и направляют их на этот путь – сказителя. [1]

В изучении эпоса Манас весомый вклад внёс немецкий профессор, тюрколог Карл Райхл. В одном из его монографий, посвящённая традициям, формам и поэтической структуре тюркского эпоса. Анализируются этногенетические, исторические, культурно-языковые, социально-экономические процессы. В главе «Импровизация» и сочинение в процессе исполнения цитируется «В.В. Радлов был, вероятно, первым, кто обратил внимание на чётко структурированный, формульный характер тюркской устной эпической поэзии. В своём блестящем введении к киргизскому тому «Образцов народной литературы северных тюркских племён» он перечислил некоторые «готовые частички картины», повторяющиеся в эпосе вновь и вновь, подобно заранее подготовленным строительным элементам, из которых певец строит свой рассказ: «Искусство певца состоит только в ловком соединении готовых уже частичек картины в одно целое, смотря по ходу обстоятельств» Каким бы ценным ни было это толкование Радлова, оно привело к неправильному пониманию тюркского и, в особенности, киргизского устного эпоса. Слово «только» в приведённой выше цитате подчёркивает, пользуясь термином А.Б. Лорда, механическую сторону «сочинения в процессе исполнения». А. Хойслер, один из ведущих специалистов первой половины XX в. в области древнегерманской поэзии, исходил именно из Радловского описания тюркского устного эпоса, когда утверждал, что германская аллитерированная песня никогда бы не могла быть в такой же степени «формульной и изобиловать клише», как киргизская эпическая поэзия». К. Райхл ещё отметил особое творческое качество сказителей в цитате «Певец имеет в своём распоряжении определённый запас

идей, образов и рифм, к которому он прибегает при сочинении. В данной главе я уделяю основное внимание певцам, с которыми я встречался, разговаривал, и от которых я лично записывал тексты. Я начну с киргизских певцов. Среди них почётное место по праву при надлежит Джюсюпу Мамаю из Синьцзяна (см. гл. 3, с. 76 и сл.). Эпический цикл «Манас» в исполнении Мамаю включает более 200 тыс. стихов. Трилогия «Манас» была записана от многих певцов, но Мамаю, по его собственному убеждению, является единственным исполнителем, кто способен продолжить трилогию, дополняя ее я могу привести лишь один пример из его репертуара, для того чтобы показать его место в киргизской устной традиции. Я выбрал эпизод из «Семетей», второй части трилогии «Манас», который мне удалось записать также ещё от одного киргизского певца, Абдурахмана Дунея (см. гл. 3, с. 77).

Толгомо саптуу булдурсун,
Толгой кармап алды эми.
Булдурсундун кайышын,
Сайга жазып кердирген;
Көк торпоктун терисин,
Ашын жакшы бердирген;
Ийин жакшы кандырып
Чеберлерге тердирген.
Он эки тилдүү өрдүрүп,
Өнөрүн сонун келтирген;

Текст Мамаю довольно консервативен. Сказитель избегает нововведений, которые могли бы модернизировать его вариант, для окончательной оценки традиционного стиля на данном этапе наших знаний киргизской эпической поэзии недостаточно; поэтому наше мнение о фрагментах, приведённых выше, может рассматриваться лишь как предварительное суждение о том, что Радлов назвал «готовыми частичками картины» киргизской поэзии. [3]

Выводы и предложения: Современное осмысление роли эпоса «Манас» в жизни общества актуальна. В настоящее время в манасоведении идёт процесс поиска новых путей научного анализа, процесс разработки новых концептуальных моделей.

Предлагая широко пропагандировать его значение как общечеловеческое культурное наследие выдвигаются следующие рекомендации:

1. Организовать фольклорные, этнологические, экспедиции в целях дальнейшего комплексного изучения эпоса «Манас» и творчества сказителей эпоса;

2. Создать условия для перевода полного варианта эпоса «Манас» на русский язык и на другие языки народов мира;

3. Создать международный центр «Манас» в целях укрепления и расширения связей с зарубежными учеными-исследователями этого эпоса;

4. Шире включать в учебные программы СУЗах, ВУЗах изучение эпоса «Манас» как памятника кыргызского народного творчества;

5. Разработать учебные пособия по изучению эпоса «Манас» для учителей средних, средне-специальных и высших учебных заведений».

Список литературы:

1. Бахчиев Т.А. Введение в Манасоведение Бишкек // Краткий курс лекций для студентов ВУЗ. 2008. 36–43 стр.

2. Урстанбеков Бейше, Чороев Тынчтыкбек. Кыргыз тарыхы: Кыскача энциклопедиялык сөздүк // Фрунзе 288 бет. 192–194 стр.

3. Райхл К. Тюркский эпос Традиции, формы, поэтическая структура // М.: «Восточная литература» РАН, 2008. 214–221 стр.

4. Gundula Salk. Die Sanjira Des Togolok Moldo (1860–1942) // Wiesbaden. Harrassowitz Verlag. 2009. S. 2-3 72–81 стр.

Сведение об авторе: Убайдылдаева Аида Акынбековна, преподаватель, Азиатский медицинский институт имени С. Тентишева (Кант, Кыргызстан), e-mail: a.a.ubaidyldaeva@gmail.com

Орипов Д.

Национальный университет Узбекистана имени Мирза Улугбека
**“Книга моего деда Коркуда” – эпос о героизме, мужестве и
отваге!**

Эпос “Книга моего Деда Коркуда” стал известен науке и продолжает интересовать тюркологов и фольклористов всего мира. Он ценен тем, что прославляет такие высокие понятия, как героизм, мужество и отвага. В этой статье будут проанализированы и исследованы кадры этого героического и героического подвига в эпосе. Суть в том, что эпос ведет всю тюркскую молодежь к патриотизму, мужеству и отваге.

Ключевые слова: “Книга моего Деда Коркуда”, Салур Казан, буй, патриотизм, мужество, отвага, Банучичек, Деда Коркуд.

Oripov D.

National University of Uzbekistan named after Mirzo Ulugbek
NOTES ABOUT DEDA KORKUT

The epic “Kitabi Dadam Kurkud” has become known to science and continues to interest Turkologists and folklorists around the world. It is valuable because it glorifies such high concepts as heroism, courage and bravery. This article will analyze and investigate the footage of this heroic and heroic feat in the epic. The bottom line is that the epic leads all Turkic youth to patriotism, courage and bravery.

Key words: “Kitabi Dadam Kurkud”, Salur Kazan, buy, patriotism, courage, bravery, Banuchichek, Deda Korkut.

“Книга моего Деда Коркуда” любимый эпос всех тюркских народов, важен тем, что побуждает тюрков к мужеству, отваге, героизму, постоянной готовности к защите Родины, воплощает в себе песнопение этих качеств.

В этом аспекте он очень близок к таким эпосам, как “Огузнаме”, “Алпамыш”, “Манас”, “Туругли”. В Огузском эпосе, как и в других эпосах, тюркские племена или кланы защищают свою родную землю от врага, возвращают завоеванные укрепления, выталкивают врага за пределы своей земли, кстати с честью выполняет свой юношеский долг. Даже если мученик уйдет по этому пути. Этот фактор очевиден в этом

отрывке: *“Qazan bəgüñ qardaşı kafiriñ tuğıyla sancağı qilicladi, yərgə saldi. Dərələrdə, dəpələrdə kafirə qirğun girdi, leşinə üşdi. On iki biñ kafir qilicdan keçdi. Beş yüz Oğuz yigütləri şəhid oldi...”* [1].

Читая эпические поэмы, вы становитесь свидетелями того, что почти все они в духе героизма, патриотизма, мужества. Именно этими качествами обладают все сыновья и мужчины огузского народа в возрасте от семи до семидесяти лет, физически крепкие, умственно зрелые, бескомпромиссные, преданные своему народу древние тюрки вызывают у предков еще большее чувство гордости.

Особо стоит отметить, что среди героев эпоса героями могут быть не только мужчины, молодые парни, но и горячие женщины. Среди них-Банучичек, Сальжан-хатун, Бурла-хатун.

В “Рассказ о Бамси Байраке сыне Комбуры” описывается храбрость Бонучичека, храбрость, присущая Огузским (тюркским) девушкам: *“Ol öyle adam degildir kim, saña görinə! – dedi. Amma mən Baniçicəgiñ dadisiyam. Gəl, imdi səniñlə ava çiqalim. Əgər səniñ atıñ mənim atumi keçərsə, onuñ atini dəxi keçərsən və həm səniñlə gürəşlim. Məni basarsañ, ani dəxi basırsan”*, – dedi”. [1]

В тюркских народах состязание девушки и юноши, в том числе в стрельбе из лука, борьбе и скачках, входит в число традиций, оставшихся от предков саков-массагетов. Ученые-историки отмечают, что у племен сак-массагетов, когда юноша надевал на девушку сватовство, девушка требовала, чтобы он прошел именно эти условия. Девушка вышла замуж за парня, если условие было выполнено.

В таких эпосах, как рассказы “Дирсахан оглы Бугачхана”, “Канглы Бахадыр оглы Контурали”, “Казилика Бахадыруглы Яганак”, Об убийстве Басата Тепакуза” огузские Альпы совершают подвиги, освобождая землю или своих близких от врагов.

Еще одним примечательным аспектом является то, что один из героев, связывающих эпические буи, то есть Создатель и певец рассказов Деда Коркут, также проявляет героизм. Правда, большинство исследователи утверждают, что Деда

Коркут – это вождь племени, узон, святой, шаман. Но анализ эпоса также говорит читателю о героических подвигах Деда Коркута.

В частности, когда Байрак Бамси претендует на Банучичека, а огузы не могут пойти к жениху из-за страха перед братом девушки Дали Карчаром, народ умоляет Деда Коркута уйти.

Дали Карчара убивал, который просил свою сестру. Деда Коркут берет на себя всю ответственность и идет к Дали и выполняет его условия. Наконец, Дали признается судьбе и соглашается на передачу Банучичека. И только этот аспект свидетельствует о том, что среди тюркских народов важное место занимают молодые и пожилые люди.

Во всех 12 главах эпоса, как отмечалось выше, огузская или тюркская пара-юноша проявляет только героизм. Им чужды предательство, страх, скука. Битва между Ич-Огузом и Таш-Огузом в конце эпоса также стала причиной недопонимания, разрыва в отношениях. Правда, разница между Бузук (Бузук) и Учук (Учук), исторические корни которой уходят в другой древнетюркский эпос “Огузнаме”. Подробнее об этом мы расскажем в других наших статьях [2], не сочли нужным чрезмерно ссылаться.

По мнению академика Бахтияра Назарова: “В эпосе до конца господствовал героический пафос. В этом смысле это читается как обвинение в трусости, неблагодарности, предательстве, эгоизме и любых формах насилия” [3].

Это действительно так. Отрадно, что “Книга моего Деда Коркуда”, отражающий в крови наших предков такие качества, как преданность родной земле, любовь к юношескому долгу, ненависть к злу, и сегодня является для каждого тюркского мальчика и девочки ярким светом, который вдохновляет их и ведет к новым высотам, просвещению, патриотизму.

Он должен быть прочитан и прочитан молодым поколением.

Список литературы:

1. Kitabi-Dədə Qorqud. Əsil mətn. Bakı, 2004, B.18-170.

2. Орипов Д. “Дада Кўркут” – “Ўғузнома” китобий эпоснинг давоми(ми)?! “INTERNATIONAL SCIENTIFIC RESEARCH CONFERENCE”. Xalqaro CANADA (Ottava) konferensiyasi. 20-iyun, 2022-yil. Б.61-67
3. Назаров Б. «Кўркут ота китоби» ҳақида // Ёшлик. – Тошкент, 1988. – № 5. – Б. 39-41.

Сведения об авторе: Орипов Давронбек, базовый докторант кафедры “Узбекского литературоведения”, Национальный университет Узбекистана им. Мирза Улугбека (Ташкент, Узбекистан), e-mail: bekdavr@mail.ru

Балакина Е.И.

Алтайский государственный университет, Барнаул (Россия)
Эпическое наследие как феномен культуры и актуальность его исследования и функционирования в современном обществе

Статья характеризует феномен эпического наследия и выявляет его духовно-эстетическую значимость в русской и тюркской национальных традициях. Основной акцент сделан на раскрытии сущности эпического наследия как духовного центра культуры своего народа. Заложенные в эпосе ценности рассматриваются как главный регулятор процессов в культуре. В статье показаны культурные предпосылки и пути возрождения эпических практик в современной культуре.

Ключевые слова: эпическое наследие, духовные ценности, этно-национальные традиции, патриотизм, эпические практики.

Balakina E.I.

Altai State University (Barnaul, Russia)
Epic heritage as a cultural phenomenon and the relevance of its research and functioning in modern society

The article characterizes the phenomenon of epic heritage and reveals its spiritual and aesthetic significance in the Russian and Turkic national traditions. The main emphasis is placed on revealing the essence of the epic heritage as the spiritual center of the culture of its people. The

values inherent in the epic are considered as the main regulator of processes in culture. The article shows the cultural prerequisites and ways of reviving epic practices in modern culture.

Keywords: epic heritage, spiritual values, ethno-national traditions, patriotism, epic practices.

В сложившемся напряжённом культурно-историческом контексте объявление Указом Президента Российской Федерации 2022 года Годом нематериального культурного наследия народов России видится вполне своевременным и закономерным. Именно к категории нематериального культурного наследия относятся духовно-ценностные аутентичные явления народной культуры проживающих на территории России этнических групп, в числе которых – и громадный пласт эпического наследия.

Эпическое наследие формировалось с древних времён, различно проявляя себя в русской и тюркской национальных традициях. Из сплетения и взаимодействия отдельных образов, сюжетов или мотивов, изложенных в особом порядке, постепенно вызревали условные символические образы, выражавшие главные духовные установки и ценности народной культуры.

«В свете инициатив ЮНЕСКО об охране нематериального культурного наследия произведения устного народного творчества, содержащие эпическое повествование (epic narrative), названы эпическим наследием. В ряде стран на законодательном уровне приняты документы о сохранении и защите эпического наследия народов. В регионах Российской Федерации также уделяют большое внимание данным вопросам. Это внимание обусловлено тем, что в эпическом наследии сконцентрированы ценности духовной (нематериальной) культуры народа. Но с утратой традиционного уклада жизни и быта (материальной культуры) утрачивается и нематериальная культура. И если изменения материальной культуры в обществе рассматриваются как повышение материального благосостояния, то изменения нематериальной культуры в основном считаются невосполнимой утратой» [1].

Эпическое наследие составляет духовный центр культуры своего народа и уже не одно столетие привлекает внимание исследователей.

В истории культуры активизация исследований эпического наследия – и эпических памятников народов Центральной Азии, и эпических жанров других народов мира, – напрямую связана с решением вопросов культурного наследования, сохранения духовных истоков и национальных форм культурной самоидентичности в периоды исторических преобразований:

«Героический эпос занимает среди фольклорных жанров особое место. Больше, чем любой другой жанр, он связан с историческими судьбами народов, и в нём ярче, чем в любом другом жанре, выражается национальное самосознание народа. Содержанием героического эпоса является всегда борьба, притом борьба, имеющая не личное, а общественное и национальное значение. В борьбе выковываются герои, и, естественно, что всякий героический эпос есть своего рода кодекс героизма, как он вырабатывался у народа в процессе его реальной исторической борьбы с враждебными силами, силами природы или общества. <...> Создавая свой героический эпос, воплощая свою жизнь, свой характер и душевный склад в монументальных эпических образах, народ вносит свой неповторимый вклад в сокровищницу мировой культуры и тем самым увековечивает свою славу» [2, с. 22-23].

Показательно, что возрождение исследовательского и практического интереса к эпосу всегда указывает на культурную стратегию возвращения к истокам своей этно-национальной традиции – исходным духовным основаниям национальной культуры, главным ценностным установкам и целостной системе этно-культурной обрядности и изначальной духовной этико-эстетической нормативности: «Формирование человеческого и национального сознания проходит через определение своих корней, принадлежности к некоторому сообществу людей, специфичному в мироощущении, жизненном укладе, традициям» [3].

Эпос относится к особым духовным формам народной памяти, сохраняющим для вечности «истоки» национальных культур образно-эстетическим языком, характерным для раннего периода развития сознания народа и или раннего периода становления человека. Именно благодаря этому соответствию сказания эпического типа легко и с удовольствием воспринимаются взрослым и детским этно-культурным сообществом, становятся ёмким духовным источником знаний о мире, и способом духовной настройки на главные нормы отношений внутри этноса и с внешними для него системами.

«Эпос – неписаная история, созданная самим народом, художественное обобщение важнейших событий национальной жизни, независимо от того, легли в его основу конкретные исторические факты или же это художественное обобщение типичных явлений исторической эпохи. В этом отношении особое значение приобретает эпос народов, получивших письменность в недалёком прошлом» [4, с. 7].

Обращение к исконным основаниям культуры для каждого народа означает выход на новую ступень самосознания, отражает потребность переосмыслить своё место в целостной модели мироздания, в пространствах и процессах привычных вмещающих ландшафтов и в системе межкультурных отношений с ближними и дальними соседями.

На эту преобразующую способность эпоса неоднократно указывал Е.М. Мелетинский и другие исследователи: «Героический эпос — исторически конкретная поэтическая форма, порожденная определенными социально-историческими условиями и связанная с определенной степенью человеческой культуры» [5, с. 424].

При этом осознание непреходящей духовной ценности фольклора в целом и эпического наследия как его самой масштабной и значимой части, пришло далеко не сразу. В XVIII-XIX веках факты записи эпических сказаний и других жанров народной культуры были делом личной инициативы отдельных образованных специалистов.

Первая волна исследований эпоса сформировалась вокруг задачи экспедиционных записей текстов сказаний, причём

изначально фиксировались именно литературные тексты: Первооткрывателями эпоса как важной и ценной части культуры стали П.Н. Рыбников, Ч.Ч. Валиханов, А.В. Анохин, З. Ахметов, М. Ауэзов, В. В. Радлов, С.С. Суразаков.

Вторую волну сформировали аналитические труды: В.М. Жирмунский, Б.А. Рыбаков, Д.С. Лихачев, В.Я. Пропп, А.М. Астахова, Е.М. Мелетинский, С.С. Каташ и другие.

Современная наука ставит задачу целостного изучения эпоса как феномена культуры и определения его духовно-эстетического потенциала для преодоления глобального культурного кризиса современного мира.

Для обеспечения большей согласованности в решении этой глобальной задачи важно определиться с научным пониманием самого феномена культуры и его предметным полем.

Широкое научное понимание феномена культуры рождается в категориальной оппозиции понятий *Natura* и *Cultura*: *Natura* (лат.) естественное, возникающее само собой, природное, *Cultura* (лат.) возделанное, преобразованное человеком. «Культура» объединяет в своих границах всё, что создаётся при участии человека: продукты его духовной, интеллектуальной или материальной деятельности (см. М.С. Каган. *Философия культуры*): «Культура – это совокупный способ и продукт человеческой деятельности» [6, с. 106].

В философии культуры в XX веке утвердилось понимание ведущей культуротворческой миссии каждого человека: человек осмысливается как творец и творение культуры. В сущностном понимании специфика человеческой деятельности – это соединение духа и материи, облакающее идею в зримые и осязаемые формы земного существования и поднимающее земную жизнь до небесных высот. В основе этого процесса – работа духа, рождающего идею, достойную воплощения.

В современных условиях осознание уникальности и величия миссии человека осложняется предельным противоречием между высотой и сложностью его задач в масштабах истории и суетностью напряжённо звучащих в социуме проблем, в жизненном поле которого разворачивается

большинство судеб. Ежедневная мелочная занятость и рутина не способствуют росту самооценки, величию замыслов и требуют специальных гуманитарных форм возвращения человека к Человеку.

«Культура есть действительно способ передачи из поколения в поколение того, что человек не получает от рождения в генотипе. Но как конкретно происходит приобщение к культуре? Первая дорога – это передача человеком человеку знаний. Вторая дорога – это передача человеком человеку умений. Третья дорога – это передача человеком человеку ценностей» [7, с. 657].

Культура переходного типа зависит не столько от характера государственных программ и постановлений, сколько от «усилий быть человеком» каждого в отдельности и всех вместе. Она чутко реагирует даже на самое незначительное воздействие, поэтому в такие эпохи малый импульс может получить громадный общественный резонанс. Результат усилий определяется большинством голосов.

В соответствии с научной моделью М.С. Кагана, становится очевидно, что сегодня уже созданы культурные предпосылки для освоения эпоса:

1 путь – освоение знаний. Записаны тексты сказаний. Проведены аналитические исследования разных граней эпического наследия. Это важные предпосылки для современной ступени целостного изучения эпоса: можно изучать тексты, особенности эпоса и его перспективы.

2 путь – освоение умений. Эпос – это не записанный или изданный текст. Это музыкально-литературный феномен, существующий именно в практике сказительства. Современное возрождение таких практик, воспитание новых мастеров-сказителей – это уже реальность, хотя и здесь наше поколение только в самом начале пути.

3 путь – это передача человеком человеку ценностей, осмысление духовных традиций своего этноса и национальной культуры. Этот путь сегодня начинается на новом витке.

Специфику современной ситуации в культуре как исторического перелома охарактеризовал академик РАН

Вячеслав Семенович Стёпин: «Сегодня можно констатировать, что современная цивилизация находится на переломном этапе своего развития. ...Почти очевидно, что нужно менять стратегию развития, поскольку человечеству угрожает обострение глобальных кризисов. Но возникает вопрос: что означает изменение стратегии развития? Обычно, отвечая на него, говорят об изменении целей. Но за каждым набором целей стоят ценности. Ценности определяют тот или иной тип деятельности и присущие ему цели. И тогда вопрос о стратегии развития современной цивилизации трансформируется в проблему ценностей и их изменений» [8].

Эпос – целостная духовно-эстетическая система, представленный в форме взаимно обусловленных связей комплекс этно-национальных духовных ценностей, идеалов, нравственной нормативности, изложенная образным языком картина мира этноса и производный от неё сложный комплекс традиций, повседневных практик и моделей поведения.

Академик АН Абхазии Ш.Х. Салакая отмечает в эпосе неразрывную связь с народной картиной мира, творчески преобразованной в поэтических обобщениях: «Эпос – неписаная история, созданная самим народом, художественное обобщение важнейших событий национальной жизни, независимо от того, легли в его основу конкретные исторические факты или же это художественное обобщение типичных явлений исторической эпохи» [4, с. 17]. Он обращает особое внимание на необходимость возрождения эпических традиций и их глубокое системное научное изучение, отмечая при этом, что настоящая планомерная, целенаправленная собирательская и исследовательская работа по эпосу в Абхазии развернулась только в советские годы.

Сегодня научная традиция исследований эпоса требует обновления и целей, и форм, и методологии. И на первый план в современной культуре и современной международной системе взаимодействия культур и народов на первый план выходят именно ценностные аспекты эпоса, возвращающие в систему культуры исходные духовные смыслы и сакральные ценности. На аксиологических аспектах эпических текстов обращает

внимание проф. Е.М. Мелетинский: «Героический эпос в отличие от народной сказки тяготеет к историческим, национальным, государственным масштабам. Его история тесно связана с процессом формирования народностей и древнейших государств. <...> Эпос содержит народную поэтическую концепцию исторического прошлого, наполнен коллективистским, по существу патриотическим, пафосом. <...> Памятники героического эпоса составляют ценнейшую часть культурного наследия и предмет национальной гордости народов» [5, с. 423].

Эпическое наследие формировалось с древних времён, по-разному, но похоже проявляя себя в русской и тюркской национальных традициях. Из сплетения и взаимодействия величественных образов, сюжетов и мотивов, изложенных в особом порядке, постепенно вызревали условные символические системы, выражавшие главные духовные установки и ценности народной культуры. Утрата священности лишает мир высоты и объёма. Мир словно мельчает, и одновременно в нём мельчает всё: и природа, и возможности человека, и сам человек, и его ценности.

Фундаментальное значение ценностей в культуре – это тема многих культурологических и философских теорий, в числе которых и работа Мирча Элиаде «Священное и мирское»: «Мирское восприятие действительности мира во всей его полноте, целиком лишённый священных свойств Космос – это совсем недавнее открытие человеческого разума. Утрата священности характеризует весь опыт нерелигиозного человека в современных обществах. Вследствие этого современный человек ощущает всё более серьёзные затруднения в понимании масштабов бытия...» В настоящее время осложнение межкультурных отношений порождены именно текущими затруднениями в понимании масштабов бытия.

В сложные периоды глобальных перемен, когда разрушаются незыблемые основы мира и духовно-нравственные устои мировой и национальных культур, единственной точкой опоры остаются дремлющие до времени традиции предков. Единственной формой бесконфликтных отношений является

диалог культур. Именно восстановление внимания к национальным ценностям может стать полноценной основой для построения полноценного и созидательного межкультурного диалога.

Диалог - это уникальный тип добровольного равноправного межсубъектного взаимодействия, направленный на достижение общей Цели, единства, в процессе которого между партнёрами создаётся новое понимание и каждый из них качественно изменяется, сохраняя свою суверенность и индивидуальность.

Большой Алтай – это научный концепт, культурно-типологическая метафора, вмещающая широкое смысловое поле. Как специфический социокультурный регион, Большой Алтай внутренне цементируется многовековыми историческими связями, культурными корнями, традициями сотрудничества, которые и сегодня во многом определяют особенности Бытия и совместного развития русского и тюрко-монгольского миров на территории современной Центральной Азии.

Культурное пространство Центральной Азии формируют традиционный опыт и инновационные поиски множества этносов, национальных культур, полиэтничных и многоконфессиональных государств: России, Монголии, Казахстана, Китая, Кыргызстана и других. В связи с обострением вопросов взаимодействия в современном мире, особую актуальность приобретает поиск возможных оснований если не единства культуры народов Центральной Азии, то хотя бы выявления оснований для их прочных дружественных связей, продуктивного межкультурного равноправного диалога.

И в исторической ретроспективе, и в современных условиях русский и тюркский этнос объединяют сложнейшие живые системы духовных констант, сакральных миропредставлений, национальных форм развития внутрикультурной жизни и межкультурных отношений, великая история и богатейшее, охраняемое веками культурное наследие.

Культура не передаётся человеку генетически. Это ключевое открытие, подаренное человечеству исследованиями XX века. Она настойчиво и напряжённо формируется в течение

жизни в результате сложного взаимодействия внутренних устремлений личности, влияния среды и целенаправленных педагогических действий. Изучение своих национальных традиций, сакральных аспектов модели мира, знакомство с культурами других народов – это первые шаги к установлению диалогического понимания и равноправного сотрудничества представителей культур Центральной Азии.

Список литературы:

1. Намжилова Е.С. Эпическое наследие в новой цифровой реальности: роль в воспроизводстве ценностей этнической истории и культуры // Мир науки. Социология, филология, культурология. – 2021. – №1. – URL: <https://sfk-mn.ru/PDF/06KLSK121.pdf>
2. Абаев В.И. Проблемы нартского эпоса // Нартский эпос. Материалы совещания 19-20 октября 1956 года / ред. В.И. Абаев, Г.З. Калоев, В.И. Чичеров. – Орджоникидзе: Северо-Осетинское книжное издательство, 1957. – С. 22-36.
3. Кумскова, Н. В. Эпическая традиция как социально-этическая проблема. Автореф. диссертации на соиск. уч. степ. канд. филос. наук по спец. 09.00.11. «Социальная философия» – Бишкек, 1996. – 26 с. <https://www.dissercat.com/content/epicheskaya-traditsiya-kak-sotsialno-eticheskaya-problema> 24.07.2022
4. Салакая Ш.Х. Эпическое творчество абхазского народа. Эволюция эпической традиции: К 80-летию академика АН Абхазии Ш.Х. Салакая/ Под ред. З.Д. Джапуа. – Сухум: НААР, 2014. – 554 с.
5. Мелетинский Е.М. Происхождение героического эпоса: Ранние формы и архаические памятники. – 2-е изд., испр. – М.: Восточная литература, 2004. – 463 с.
6. Каган М.С., Хилтухина Е.Г. Проблема «Запад – Восток» в культурологии: взаимодействие художественных культур. – М.: Наука. Изд. фирма «Восточная литература», 1994. – 160 с.
7. Каган М.С. О воспитании как специфической социальной деятельности и о роли искусства в нём // Каган М.С. Избранные труды в VII томах. Том III. Труды по проблемам теории культуры. – Санкт-Петербург: ИД «Петрополис», 2007. – с. 654-659.
8. Степин В.С. Перелом в цивилизационном развитии. Точки роста новых ценностей // За чистое видение. – 2016. – №9. – URL: <http://ecologyofthinking.ru/ekologiya-myishleniya/trans-i-nauka/4504.html>

Сведения об авторе: Балакина Елена Ивановна, кандидат культурологии, доцент, доцент кафедры культурологии и дизайна Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия)

Дмитриева Л.М., Сорокина М.О., Титова М.В.
Алтайский государственный университет, Барнаул (Россия)
**Тюркские лексемы: контекстуальный анализ группы
«термины общественного устройства» (по материалам
эпистолярного наследия Алтайской духовной миссии
середины XIX – начала XX веков)**

Статья подготовлена в рамках госзадания Алтайского государственного университета Тюрко-монгольский мир «Большого Алтая»: единство и многообразие в истории и современности (проект номер – 748715Ф.99.1.ББ97АА00002)

Материалом для статьи послужили письма и личные записки миссионеров Алтайской духовной миссии середины XIX – начала XX веков. Статья посвящена описанию лексической группы «термины общественного устройства», в которую вошли некоторые тюркские по происхождению этнографические термины, не включенные в активный состав лексики русского языка и мало представленные в словарях. На основе лексикографических и исторических источников определяется лексическое значение этих слов и приводятся контексты их употребления в анализируемых письменных источниках.

Ключевые слова: тюркская лексика, тексты Алтайской православной миссии, контексты, лексикографическое описание

L.M. Dmitrieva, M.O. Sorokina, M.V. Titova
Altai State University, Barnaul (Russia)
**Turkic lexemes: contextual analysis of the group "terms of the
social system" (based on the materials of the epistolary heritage
of the Altai Spiritual Mission of the mid-19th - early 20th
centuries)**

Letters and personal notes of the missionaries of the Altai Spiritual Mission of the mid-19th - early 20th centuries served as the material for the article. The article is devoted to the description of the lexical group "terms of social system", which includes some ethnographic terms of Turkic origin, which are not included in the active vocabulary of the Russian language and not enough represented in dictionaries. Based on lexicographic and historical sources, the lexical meaning of these words is determined and the contexts of their use in the analyzed written sources are given.

Key words: turkic lexemes, texts of the Altai religious mission, contexts, lexicographic description

Целенаправленная деятельность русской православной церкви на Алтае началась с образования в 1830 г. Алтайской Духовной Миссии. С этого же времени начинает формироваться архив по истории деятельности русской православной церкви на Алтае. В него входят разного рода документы, отражающие работу Духовной Миссии в различных аспектах: официальные отчеты, списки, служебные и докладные записки, ведомости, а также большое количество неофициальных документов – письма и дневниковые записи самих миссионеров.

Эпистолярное наследие, оставленное православными миссионерами Алтайского региона, представляет собой богатый материал для разного рода филологических и лингвистических исследований. В нашей работе мы хотели бы представить группу лексем тюркского происхождения, относящихся к терминологии общественного устройства, собранную на материале писем и записок миссионеров. Статья подготовлена при поддержке программы: «Комплексные этнографические и этнокультурологические исследования общности тюрко-монгольских народов Большого Алтая» на 2022 г. (Группа 3 2022); раздел «Национально-специфические реалии в языковом сознании жителей трансграничного региона Большой Алтай»: база данных тюркских лексем в эпистолярном наследии Алтайской духовной Миссии», 2022г.

Находясь на стыке двух разных культур – русской и алтайской, отличающихся не только в бытовом, общественном и религиозном, но даже в мировоззренческом аспектах, русские миссионеры часто упоминали и описывали в своих письмах

новые для них, чужие обычаи и традиции инородцев – представителей алтайских племен. Эпистолярные фрагменты, посвященные описанию жизни и обычаев алтайцев, очень часто включают в себя «тюркские вкрапления» - лексемы, связанные с разными сторонами жизни аборигенов. Это бытовая лексика (арака, аркыта, арчул), культовая лексика (ойрот, бархан, ярлыкчи), а также лексика, отражающая общественное устройство, характерное для алтайцев. Лексемы этой группы не входят в состав русского языка, и определить их этимологию иногда достаточно сложно. Далее мы представим несколько тюркских названий, относящихся к группе «термины общественного устройства», с указанием лексического значения и приведем некоторые контексты их употребления.

Самым главным фактором, определяющим общественное устройство у алтайских племен, является его родовое членение: «... алтайцы помнят свои родовые названия. Это, так называемые, «сеоки» алтайцев. Сеок – буквально значит «кость». <...> Помня свой сеок, алтайцы обычно рассказывают о происхождении его, чаще в легендарной форме» [1, с.96].

«В основе родства у алтайцев лежит родовое начало, в силу того, что каждый относит себя к определенному сеоку (сёок), передающемуся от отца. Сёок буквально означает «кость» и соответствует понятию «род». По переписи 1897 г. у алтайцев насчитывалось 68 сеоков. (...)» [2, с.255].

Таким образом, основным термином общественного устройства в традиционной алтайской культуре является сеок. Это этнографический термин тюркского происхождения, обозначающий род у тюркских народов Южной Сибири. Лексема не входит в состав русского языка, поэтому отсутствует в «Малом академическом словаре русского языка», в словарях В.И. Даля, М. Фасмера, в «Словаре русских народных говоров» и даже в «Этимологическом словаре русских диалектов Сибири» А.Е. Аникина. В «Словаре алтайского и аладагского наречий тюркского языка» указано, что «сёк, сёок – кость; поколение, род; мертвые кости; тело умершего» [3, с.307]; Радлов указывает, что сёк в первом значении «кость», во втором значении «род» [4, т.4, ч.1, с.571].

В проанализированных нами контекстах данный термин почти не встречается, поскольку русские миссионеры употребляли в данном случае более привычное для них синонимичное русское название – «род»: *Одно два поколения – и бывших калмыков не узнать. Это несколько семейств крестьян Поповых, проживающих в настоящее время в д. Шебалиной, родоначальником которых был калмык из рода «Мундусов»,* Л.86 (Записки миссионера Ильинского отделения Иоанна Каланакова за 1915 г. ГААК. Ф.164. Оп.2. Д.90. ЛЛ.80-87. ...).

Интересно отметить, что один из сёоков (родов) упоминается в записках русских миссионеров особо: *Сказка это или действительность, но я не один раз слышал этот рассказ, как от алтайцев, так и самих Поповых – потомков «Мундусов»,* Л.86 (Записки миссионера Ильинского отделения Иоанна Каланакова за 1915 г. ГААК. Ф.164. Оп.2. Д.90. ЛЛ.80-87. ...); *Вот этого-то превращения из «Мундусов» в «Поповых» и боятся калмыки, потому что Поповы, как крестьяне, отбывают воинскую повинность.* Л.86 (Записки миссионера Ильинского отделения Иоанна Каланакова за 1915 г. ГААК. Ф.164. Оп.2. Д.90. ЛЛ.80-87. ...). В данном фрагменте речь идет об истории крещения одной из местных семей аборигенов (калмыков), принявших русскую веру и русскую фамилию: *Долго думал калмык, долго советовался с семьей. И крепко же он привязался к своему давно насиженному гнезду, что, в конце концов, согласился окреститься, а потом приписаться к русской волости.* Л.86 (Записки миссионера Ильинского отделения Иоанна Каланакова за 1915 г. ГААК. Ф.164. Оп.2. Д.90. ЛЛ.80-87. ...).

Мундус – термин для определения родства у некоторых тюркских народностей: Баскаков Н.А указывает, что «мундус является одним из названий племен (родов) «алтайцев, телеутов, теленгитов, туба, кумандинцев и челканцев» [5, с.217]. Таким образом, можно определить лексическое значение термина «мундус» как «родовое/племенное название»; «характеристика человека по его принадлежности к определенному алтайскому роду».

Дючина: этот термин также является этнографическим, не входит в активный фонд русской лексики и отсутствует в словарях, привлеченных в ходе исследования. «В административно-податном отношении алтайское коренное население было распределено по 7 алтайским дючинам, 9 кочевым волостям и трем оседлым управам. Кочевые волости и дючины не имели территориальных границ. Они были созданы по родовому принципу, т.е. в административном отношении люди одного рода входили в одну определенную дючину или волость» [6]. Таким образом, дючина – это особая административная единица, объединяющая население не по территориальному, а по родовому принципу, что характерно для кочевых племен.

В текстах термин «дючина» употребляется для характеристики общественной принадлежности того или иного «инородца» (калмыка): *Одного калмыка, пожелавшего креститься, как слышал я от Таскары, албачи 1й дючины (живет в Урухтугое, враг христианства, ревнитель язычества) Пюдень выдрал два раза, чтобы и другие, глядя на это начальническое наказание, не осмеливались своевольничать, Л.34об. (Преосв. Макарию – священник Василий Постников. Мынота, 2 мая 1887 г. ЦХАФ АК Ф.164.Оп.1.Д.6.ЛЛ.34-34об.); На р. Называемой Мукур Черга, имеет жительство Будуш, демича 1-й Алт. Дючины, захав к нему, в юрте кроме малолетних никого нет, они нам сказали, что неподалеку отсюда собралось много калмыков для камлания, там вместе и Будуш демича, Л.8. (Записка учителя Ильинской миссионерской школы Амфилохия Каншина за июнь 1888 г. ГААК. Ф.164. Оп.1. Д.35. Л.3-9об. ...).*

В записках и письмах русских миссионеров часто встречается термин «улус», обозначающий населенный пункт, поселение. Как указано в «Малом академическом словаре», улус – «родо-племенное объединение с определенной территорией, подвластное хану или вождю у народов Центральной и Средней Азии, Сибири»; «в России административно-территориальная единица типа русской волости у бурят, калмыков и якутов» [7]; В.И. Даль: «у калмыков и сиб. инородцев, собранье жилых

хижин, оседлых или кочевых, юрт, кибиток, веж; селенье, табор; аул; стойбище, становище; у батыевских татар, аул также назывался улусом, именем монгольским» [8, с.160].

Контексты употребления: *Иностранцы понесли большую утрату в лице покойнаго. Благодаря только ему наш Матур и окружающая его улусы получили возможность учить всех детей и слышать звон церковных колоколов и пение и чтение церковных служб.* Л.159. (Рапорт Матурского псаломщика Мих. Штыгашева к Помощнику НАДМ прот. Петру Бенедиктову от 16 ноября 1915 г. (неточный дубликат письма ЛЛ.158-158об.). ЦХАФ АК Ф.164.Оп.1.Д.153.ЛЛ.168-169об.); *нет ни одного такого улуса, где бы набралось человек 15-20 учащихся.* Л.5. (Записки учителя церковно-приходской школы Кондомского стана Николая Зырянова за 1905 г. ГААК. Ф.164. Оп.1. Д.74. ЛЛ.1-7.).

Далее мы представим два тюркских по происхождению термина, относящихся к определению некоторых общественных должностей, а именно тех представителей родов, которые являются старейшинами, управителями в роду (племени) и обладают высоким статусом и широкими полномочиями.

Термин «зайсан»: в словаре В.И. Даля - «родовой наследный старшина калмыцкий и монгольский» [9, с. 598]; в словаре М. Фасмера - «родовой, наследный старшина у монголов и калмыков» [10, с.75]. Обычно зайсан избирался пожизненно и принадлежал к одной из привилегированных семей рода. Таким образом, должность зайсана передавалась по наследству от отца к сыну.

В письмах миссионеров термин «зайсан» используется для описания общественной жизни местного населения, например: *Один волостной писарь со своим зайсаном совершил гражданский брак некрещеного калмыка с новокрещеной инородкой. Брак состоялся с заключением условия и утверждением зайсана.* Л.16. (Записка миссионера Чуйского отделения священника Владимира Токпешева за 1906 г. ГААК. Ф.164. Оп.1. Д.9. Л.11-16об.); *Мы жаловались и Зайсану, но от него нет никаких известий. Чтобы доказать, что жалоба наша на Алтаяка не напрасна, возьмем его вещи – служащая для*

поклонения, и пошлем их сначала к Зайсану, а он их пусть передаст Священнику. Л.69об. (Письмо свящ. Владимира Постникова к о. Петру от 23 октября 1906 г. ЦХАФ АК Ф.164.Оп.1.Д.110.ЛЛ.69-70об., 115-115об.).

Демич: «ДЭМЧ түүх. 1) надзиратель, смотритель (монастыря); 2) помощник монастырского казначея; дэмч лам – помощник монастырского казначея; 3) рассыльный, сборщик податей; 4) начальник, староста сорока юрт; 5) тамада на свадебном пиру; блюститель» [11, с. 786]. Демич исполнял обязанности помощника зайсана, был старостой, управляющим, который следил за порядком, собирал налоги и даже исполнял судебные функции.

Контексты употребления: *Если не будет успеха то донесите мне о последующем, а также о том, кого именно и от какого Зайсана или Демича следует вытребовать.* Л.117об. (Миссионер Протоиерей С. Ландышев Миссионеру Священнику Отцу Арсению Ивановскому. ЦХАФ АК Ф.164.Оп.1.Д.6.ЛЛ.117об.); *По отпусе утрени, пред 1 часом огласил соборне новоизбранного зайсана Кергежской волости Аксыма с наречением имени Максим, котораго демичи Петра отложил Крещение до весны.* Л.32. (Преосв. Макарию – прот. Василий Вербицкий. 3 марта 1887 г. ЦХАФ АК Ф.164.Оп.1.Д.6.ЛЛ.32-33об.).

Таким образом, в лексическую группу «термины общественного устройства» на основе проанализированных эпистолярных текстов нами были включены несколько тюркских по происхождению лексем, относящихся к этнографии, мало описанных в словарях и не вошедших в активный словарный состав русского языка. Среди них можно отметить как термины родо-племенного и административного устройства алтайского общества (мундус, дючина, улус), так и наименования общественных должностей (зайсан и демич).

Список литературы:

1. Потапов Л.П. Очерк истории Ойротии. Алтайцы в период русской колонизации. / Л.П. Потапов. – Новосибирск, 1933. – 203с.

2. Тадина Н.А. О трех линиях родства у алтайцев // Алгебра родства. Родство. Системы родства. Системы терминов родства. - СПб., 2005. - Вып. 9. - С. 255-265.
3. Словарь алтайского и аладагского наречий тюркского языка. Горно-Алтайск, «Ак Чечек», 2005. – 504с.
4. Радлов В.В. Опыт словаря тюркских наречий. – В 4 т. – Репринт.Изд. – М., Спб., Т 3. – 1963-1964.
5. Ойротско-русский словарь. С приложением грамматического очерка ойротского языка. / Н.А. Баскаков, Т.М. Тоцакова. – М., 1947. – 312 с.
6. Екеева Н.М. История образования Ойротской (Горно-Алтайской автономной) области [сайт]. – 2012. – URL: http://altai-mountains.ru/news/novosti_organizacij/?idnews=2837& (дата обращения: 26.10.2022).
7. Словарь русского языка (Малый академический словарь). [Электронный ресурс] / Фундаментальная электронная библиотека. Русская литература и фольклор. – URL: <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/default.asp> (дата обращения: 26.10.2022).
8. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4-х т. – М., Т.4: Р - Я. – 1882. – 704 с.
9. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4-х т. – М., Т.1: А - З. – 1880. – 725 с.
10. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4-х т. – М.: Прогресс, Т.2 – 1986-1987.
11. Большой академический монгольско-русский словарь = [Текст] : Монгол орос дэлгэрэнгүй их толь : В 4-х т. : ок. 70 000 слов / Ин-т яз. и лит. Акад. наук Монголии, Ин-т языкознания РАН ; [Ё. Баярсайхан и др.] ; Под общ. ред. А. Лувсандэндэва и Ц. Цэдэндамба. – М. : Academia, Т. 2: Д - О (отв. ред. Г.Ц. Пюрбеев) – 2001. – 1356 с.

Сведения об авторах: Дмитриева Лидия Михайловна, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка как иностранного АлтГУ (Барнаул, Россия), e-mail: dmitrlm@mail.ru;

Сорокина Мария Олеговна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка как иностранного АлтГУ (Барнаул, Россия), e-mail: soro.maria2013@yandex.ru;

Титова Марина Владимировна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка как иностранного АлтГУ (Барнаул, Россия), e-mail: titova-marina80@rambler.ru

Титова М.В., Аникин Д.В., Дмитриева Л.М.
Алтайский государственный университет, Барнаул (Россия)
**Бытовая лексика в текстах Алтайской духовной миссии
конца XIX – начала XX века**

Статья посвящена анализу бытовой лексики в текстах Алтайской духовной миссии конца XIX – начала XX века: выявленные лексические единицы исследуются с точки зрения используемых семантических моделей; представлено тематическое распределение данных лексем на основе их контекстуального употребления: наименование жилища, одежды, посуды, продуктов и других групп предметов. Материалом для работы послужили тексты Алтайской духовной миссии конца XIX – начала XX века, рассмотренные в аспекте взаимодействия языка и культуры. Выявленные нами семантические модели позволяют говорить о том, что бытовая лексика содержит многочисленные иноязычные (часто тюркские) единицы, основательно вошедшие в систему русского языка.

Ключевые слова: семантическое поле, семантическая модель, тематическая группа, бытовая лексика, тюркизмы.

M.V. Titova, D.V. Anikin, L.M. Dmitrieva
Altai State University, Barnaul (Russia)
**Everyday vocabulary in the texts of the Altai spiritual Mission of
the late 19th – early 20th century**

The article is devoted to the analysis of everyday vocabulary in the texts of the Altai Spiritual Mission of the late XIX - early XX century: the identified lexical units are studied from the point of view of the semantic models used; the thematic distribution of these lexemes based on their contextual use is presented: the name of the dwelling, clothes, dishes, products and other groups of objects. The material for the work was the texts of the Altai Spiritual Mission of the late XIX - early XX century, considered in the aspect of the interaction of language and culture. The semantic models that we have identified allow us to say that everyday

vocabulary contains numerous foreign language (often Turkic) units that are thoroughly included in the system of the Russian language.

Key words: semantic field, semantic model, thematic group, everyday vocabulary, turkisms.

Архивные документы Алтайской духовной миссии XIX – XX веков представляют собой богатый материал для разного рода исследований – лингвистических, исторических, религиоведческих, социокультурных, а также культурологических и этнографических. Особый интерес данные материалы вызывают при рассмотрении текстов в аспекте взаимодействия языка и культуры. Это обусловлено тем, что в состав данных документов входят не только официальные отчеты и ведомости, но и многочисленные записки, дневниковые и этнографические заметки, письма и биографические воспоминания, что, несомненно, является предметом лингвокультурологического исследования.

Итак, материалом для работы послужили тексты Алтайской духовной миссии конца XIX – начала XX века. Работа подготовлена при поддержке программы: «Комплексные этнографические и этнокультурологические исследования общности тюрко-монгольских народов Большого Алтая» на 2022 г. (Группа 3 2022); раздел «Национально-специфические реалии в языковом сознании жителей трансграничного региона Большой Алтай»: база данных тюркских лексем в эпистолярном наследии Алтайской духовной Миссии», 2022 г.

Цель данной статьи – проанализировать выявленные лексические единицы с точки зрения тематических характеристик данной группы слов, а также в аспекте этимологии: определить модели, задействованные в процессе создания данных слов. Тематическое членение основывается на экстралингвистических факторах – реалиях и определенной деятельности людей, в описании которых используются эти лексемы в контекстах.

В текстах нашли свое отражение этнографические реалии, алтайские традиции и обычаи, исторические сведения о распространении православной церкви в регионе, а также обширные топонимические данные – названия поселков и

деревень, рек и озер, горных вершин, перевалов и т.д. Помимо этого в документах часто встречаются «бытовые» лексемы – слова, описывающие элементы быта жителей Алтая. Они используются для обозначения жилища, одежды, посуды, продуктов и других групп предметов, как правило относящихся к определенной местности.

Выявленные нами семантические модели позволяют говорить о том, что бытовая лексика содержит многочисленные иноязычные (часто тюркские) единицы, основательно вошедшие в систему русского языка.

В целом, для эпистолярного наследия Алтайской духовной миссии характерна ориентация на лексику русского литературного языка, а в случае использования тюркизмов миссионеры чаще придерживаются общетюркских обозначений реалий, чем употребляют их региональные аналоги. В лингвистике существует достаточно много терминов, с помощью которых производится членение лексики, но именно «семантическое поле» и «тематическая группа» наиболее точно отражают подобное членение - «лексика представляет собой совокупность частных систем, или подсистем, называемых семантическими полями, внутри которых слова связаны отношениями взаимного противопоставления» [1, с.98]. Заполнение семантического пространства лексическими единицами ещё не дает представления о структуре семантического поля, необходимо определить, как это пространство заполняется значениями [там же].

Преимущества изучения лексики при делении на группы очевидны: на необходимость изучения не отдельных изолированных слов, а групп слов, семантически связанных друг с другом, обратил внимание ещё М.М. Покровский, отметив что «...слова и их значения живут не отдельной друг от друга жизнью, но соединяются (в нашей душе), независимо от нашего сознания, в различные группы, причем основанием для группировки служит сходство или прямая противоположность по основному значению» [2, с. 82]. Итак, необходимым является выделение критериев разграничения тематического поля (группы) и лексико – семантического поля (группы). Лексико-

семантическая группа является частью, входящей в состав тематической группы, тематическую группу возможно представить как совокупность лексико-семантических групп, при этом лексико – семантическая группа – собственно языковое явление, в то время как тематическая группа представляет собой классификацию лексических единиц с опорой на деление самих явлений и предметов, для обозначения которых и служит данная лексика.

Таким образом, в ходе исследования тюркоязычных заимствований в текстах миссионеров, вошедших в базу данных «Тюркские лексемы: контекстуальный анализ...» нами выделены три подгруппы тюркизмов:

1. Жилище

В данную подгруппу вошло слово **юрта** как в прямом значении «дом, жилище», так и в переносном «семья, близкие люди» (метонимических перенос). Приведем примеры контекстов из записей алтайских миссионеров: *В Чергинском отделении есть до семи айлов инородцев живущих смежно с некрещеными, по 10 и более **юрт** в каждом айле. Айлы эти друг от друга находятся на значительном расстоянии.* Л.145. Рапорт Чергинского миссионера Иоанна Тюмакова к НАДМ Еп.Иннокентию от 10 августа 1911 г. (ЦХАФ АК Ф.164.Оп.2.Д.53.ЛЛ.145, 145об.). *По некоторым слухам эта земля инородцами предназначается в церковный надел, но нам желательно было бы получить церковный надел вниз от этой речки. Расстояния 10верст и проживает на том участке три-четыре **юрты** некрещеных.* Л.27. Рапорт Ининского миссионера Андрея Пояркина к Помощнику НАДМ Алексею Соколову от 4 июля 1912 г. (ЦХАФ АКФ.164.Оп.2.Д.57.ЛЛ.27, 27об.). Подобных контекстов обнаружено более 60, что подтверждает правильность выявленного значения и его прочное закрепление в языковой системе русского языка, так как данная лексема обладает всеми грамматическими характеристиками. В переносном значении «семья, близкие люди» лексема **юрта** встречается в следующем контексте: *Языческие дети запоминают начатки христианства и потом несут их с собой в свои **юрты**, в свои щели, в свои лога, к своим*

родным. Нередко бывает и так, что родители некрещеных заезжают в школы поинтересоваться, как учатся их дети и в церковной школе они невольно дышат атмосферой христианства. Л.149. Отчет о состоянии Алтайских миссионерских церковных школ за 1912 учебный год Помощника Наблюдателя Алтайских школ Священника Павла Сорокина. (ЦХАФ АК Ф.164. Оп.2.Д.57.ЛЛ.144-151).

2. Предметы интерьера

Ярким примером в данной группе является слово *кочма* - «войлок, ковер из овечьей шерсти», а также «войлок, кошма» [3, с. 308]. В исследуемых материалах выявлено 4 словоупотребления. Контексты: *Все калмыцкие аилы переставлены на новое место, и на каждой юрте в виде флага торчит кусок белой кочмы, как знак перемены веры* (Письмо Онгудайского миссионера к НАДМ, Опись 2. Дело 18., ЦХАФ АК Ф.164.Оп.2.Д.18.ЛЛ.53, 53об., 56, 56об., Л.53об.) *Придя к нему, Будуш гостеприимно посадил нас вперед на разостланную кочму.* Л.9. Записка учителя Ильинской миссионерской школы Амфилохия Каншина за июнь 1888 г. (ГААК. Ф.164. Оп.1. Д.35. Л.3-9об. ...). *Юрта Алтаяка была не на запоре; войдя в нее увидели, что здесь никто не живет, вещей употребляемых при хозяйственном обиходе, не было. На середине юрты, как видно, был раскладываем костер; вместо тагана были поставлены три продолговатых камня, впереди стоял стол, а перед ним скамья, стол и скамья были накрыты кочмой...* Л.70об. Письмо свящ. Владимира Постникова к о. Петру от 23 октября 1906 г. (ЦХАФ АК Ф.164.Оп.1.Д.110.ЛЛ.69-70об., 115-115об.).

3. Посуда

Одной из самых малочисленных групп стала подгруппа «Посуда». Привлекает внимание тюркское слово *чоочий* в значении «чашка». Контексты представлены следующие: *Обыкновенно тут же оно переливается сперва в «ташаур» (кожаный графин) или в другую посудину, затем, в «чоочий» (чашка) и наконец, в желудки домохозяев и гостей.* Л.108об. Записки Урскульского миссионера Константина Соколова за 1908 г. (ГААК. Ф.164. Оп.2. Д.12. ЛЛ.108-108об., 114-118об. ...).

Также в семантическое поле «Быт» вошли слова, обозначающие реалии быта коренного населения Алтая: *аркан* (контекст: *Собаки его сильно лают в ту сторону, где были привязаны на аркане его две лошади* (ГААК. Ф.164. Оп.2. Д.101. ЛЛ.10-19об., Записки Чергинского миссионера, священника Иоанна Тюмакова за 1915 г., Л.16.), *арака* (контекст: *При камлании бывает обильное угощение как мясом, так и аракой* (ГААК. Ф.164. Оп.1. Д.74. ЛЛ.1-7. ..., Записки учителя церковно-приходской школы Кондомского стана Николая Зырянова за 1905 г., Л.2.), *кумыс* (контекст: *Мне сильно желательно было ехать в Алтай на кумыс как советовал доктор*. Л.51. Письмо Ивана Шелбагашева к о. Петру от 9 июня 1906 г. (ЦХАФ АК Ф.164.Оп.1.Д.110.ЛЛ.51-52об.), *тайга*, *арчул*, *кечимы*, и пр. В этом случае наличие тюркизмов также обусловлено упоминанием в текстах предметов и реалий окружающего мира.

Итак, в текстах Алтайской духовной миссии конца XIX – начала XX века присутствует лексика, описывающая быт населения Алтая. При делении на семантические подгруппы на данном этапе исследования мы выявили три основные: 1. Жилище (например, *юрта*), 2. Предметы интерьера (*кочма*, *кечимы* и др.), 3. Посуда (*чоочий*, *ташаур* и др.) В перспективе исследования указанные подгруппы будут изучены не только в лингвокультурологическом аспекте, но и с точки зрения исторических и этимологических языковых процессов.

Список литературы:

1. Кобозева, И.М. Лингвистическая семантика / И.М. Кобозева. – М.: УРСС, 2004. – 350 с.
2. Покровский, М.М. Избранные работы по языкознанию / М.М. Покровский. М., 1959.
3. Аникин, А.Е. Этимологический словарь русских диалектов Сибири: заимствования из уральских, алтайских и палеазиатских языков. /А.Е. Аникин. – Новосибирск: Наука. Сиб. предприятие РАН, 1997.

Сведения об авторах: Титова Марина Владимировна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка как

иностранного, Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия), e-mail: titova-marina80@rambler.ru;

Аникин Денис Владимирович, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка как иностранного, Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия), e-mail: anikin@edu.asu.ru;

Дмитриева Лидия Михайловна, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка как иностранного, Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия), e-mail: dmitrlm@mail.ru

Кулятин В.А.

Город – курорт Белокуриха (Россия)

Русские топонимы на «уха», «юха», «иха» в предгорьях Алтая как культурно - исторический туристский ресурс

Памятником духовной культуры особого рода являются географические названия – топонимы. Топонимы как творение народа служат ориентирами во времени и пространстве, создавая историко-культурный облик страны. Топонимы - обязательный элемент развития общества и человечества в целом. Их совокупность в пределах той или иной территории представляет собой результат многовекового народного творчества, создания географических имен.

Ключевые слова: топоним, происхождение, процесс, регион, наследие, культура, история.

V.A. Kulyatin

Belokurikha resort town (Russia)

RUSSIAN TOPONYMS FOR "EAR", "JUHA", "IHA" IN THE FOOTHILLS OF ALTAI AS A CULTURAL AND HISTORICAL TOURIST RESOURCE

Geographical names – toponyms are a monument of spiritual culture of a special kind. Toponyms as a creation of the people serve as landmarks in time and space, creating the historical and cultural image of the country. Toponyms are a mandatory element of the development of society and humanity as a whole. Their totality within a particular territory is the result of centuries-old folk art, the creation of geographical names.

Keywords: toponym, origin, process, region, heritage, culture, history.

В настоящее время силу интенсивного развития туристско - экскурсионной деятельности на Алтае возникла необходимость проведения более широкого исследования исторического и культурного наследия нашего региона, одним из которых является топонимика. Топонимика как наука изучает происхождение, содержание и закономерности развития географических названий. Географические названия всегда исторически обусловлены. Их возникновение, развитие и отмирание связаны с общим ходом исторического процесса в конкретном регионе. Топонимика фиксирует переселения, столкновения и ассимиляцию племён и народов. Она много может рассказать об особенностях развития данной общности людей. В топонимике региона отражаются важнейшие этапы истории, культура создавшего ее народа. Трудно представить себе современный мир без географических названий. Каждый топоним несет разнообразную информацию: историческую, географическую, лингвистическую, так как географические имена – это свидетельства исторических условий эпох, когда они возникали, формировались и распространялись.

Сегодня одним из актуальных вопросов в туристско – экскурсионной деятельности является вопрос, как изучения исторической топонимики как объекта исторического и культурного наследия нашего региона, так и актуальность использования этого наследия в экскурсионной деятельности. На этом фоне, прежде всего, следует учитывать, не только весь имеющийся исследовательский материал, но и работать над изучением исторической топонимики нашего региона, используя это в дальнейшем, для создания того же территориального брэндинга как одного из важных факторов развития туристического направления.

История освоения предгорий Алтая тесно связана с приходом в этот регион старообрядческого населения. Скрываясь в ущельях Алтайских гор от официальных властей, старообрядцы основали здесь ряд поселений, что не могло не

отразиться на топонимике этого региона. Так, согласно исследованиям ученых, распространение на Алтае топонимической модели на «уха», «юха» и «иха» было обусловлено приходом старообрядцев. В частности, исследователь Н. А. Смирнова отмечает: «...внеязыковой причиной большого распространения на Алтае топонимов с суффиксом «-их(а)» является влияние старообрядцев, закрепленное большим количеством переселенцев из северных губерний...» [1, с. 35]. О появлении на Алтае топонимической модели на «иха» пишет другой исследователь. «Первоначально носители топоформанта - иха появились в Приишимье, оттуда уже в первые десятилетия 18 века их основная часть двинулась на юго-восток, в Верхнее Приобье. Исторически это совершенно достоверный процесс: выходцы с Ишима упоминаются при заселении Верхней Оби. Есть основания связать носителей топонимической модели «иха» с наиболее активным «пионерным» отрядом колонистов, выступавшим в соответствии со сложившимися в его среде традициями и хозяйственными стереотипами в роли первопроходцев. В этом случае становится понятным процесс образования «каймы» топонимов на «-иха» в предгорной зоне Алтая: от Белокурихи на северо - востоке до Коробихи на западе и юге. Было ли это активное колонизированное движение населения старообрядческим? По-видимому, да. Трудно удержаться от предположения, что активизация использования форманта «иха» алтайскими старожилами была стимулирована также и получением дополнительных сведений о характеристичности топонимов с окончанием на «иха» Костромскому Поволжью, ассоциировавшемуся с протекающей в этих местах рекой Керженец. Поэтому формант «иха» на позднем этапе своего бытования мог, действительно, быть включен в культурный комплекс «кержаков» – старообрядцев в качестве некоторого идейно–исторического обоснованного компонента их притязаний на особую этническую историю» [2, с. 18]. По мнению известного ученого И.А. Воробьевой, распространение топонимов на «уха», «юха», «иха» на территории Сибири, и в частности на Алтае, связано с расселением старообрядцев.

«Среди поселений старожилов особый интерес представляют селения, в названиях которых есть суффикс «-их», реже «-ух», «-юх», «-ых». В Европейской части они устойчиво связываются с расселением старообрядцев. Эти суффиксы наиболее распространены в Среднем Поволжье, отсюда плотной полосой идут на Вятку, через Урал к Томску и далее расходятся веерообразно в южную Сибирь и на восток до Тихого океана. На Алтае такие названия встречаются повсеместно: Выдриха, Тележиха, Повалиха, Прослауха и др. Это может считаться одним из свидетельств широкого расселения здесь староверов» [3, с. 24]. Этот перечень можно продолжить группой топонимов с формантами ««уха», «юха» и «иха», что сохранились до настоящего времени в ближайших окрестностях курорта Белокуриха. В условиях преследований и гонений, старообрядцы скрытно, «тайно» расселялись в наиболее удобных местах. Долины горных рек были хорошим укрытием и в то же время были богаты ягодами, грибами, лугами для сенокосов. Горные склоны, покрытые густым лесом, были хорошими охотничьими угодьями, где обитала косуля, кабарга, лось, марал. Гнездилась боровая дичь: глухарь, тетерев, рябчик. Проживая изолированно, и практически не контактируя с остальным миром, старообрядцы естественно давали свои названия географическим объектам, опираясь на свои культурные традиции. Осваивая новые территории, старообрядцы бережно относились к окружающей природе и были хорошими знатоками местности, где проживали, зачастую фиксируя ее особенности в своих географических названиях. Так гора Воструха, расположенная у села Солоновка, *(поселение было основано старообрядцами)*, обладает выраженным природным признаком - остроконечной вершиной. Этот географический признак лег в основу названия: гора с «острой (вострой) вершиной» - Воструха. Там же, в окрестностях Солоновки, расположена гора с названием «Толстуха». В отличие от Вострухи, это мощная, округлой формы, с плавными очертаниями гора. Далее расположена гора с названием Теплуха. В недрах этой горы было обнаружено Искровское месторождение, чем, по всей вероятности, и

объясняется природная особенность этой горы, получившей название Теплуха. Еще одним названием, с близким по звучанию формантом «юха», является гора Синюха, она же Сумная. Высота этой горы составляет 1379 метров от уровня моря. Это самая высокая горная вершина в окрестностях Белокурихи. Возвышаясь над другими горными вершинами, на линии горизонта гора окутана «синей дымкой» – Синюха. Как видно, указанные выше топонимы, сложились при помощи форманта «уха», «юха», при этом все они отражают природные особенности географических объектов, что классифицирует эти топонимы как названия естественно – географического характера. Куда более необычным, является топоним Сумная (иное название горы Синюхи). Наиболее вероятно, этимология оронима Сумная происходит от ранней формы прилагательного женского рода *сумная*, мужской род *сумный*, что означает «тоскливый», «печальный», «задумчивый». Высокая гора у старообрядцев могла вызывать мечты, печальные раздумья, о «справедливой земле», которую, как известно, старообрядцы искали на Алтае, что закрепилось в наименовании горы - Сумная.

В следующих трех топонимах формообразующая основа дополнена формантом «иха». Обладая значением «принадлежности», формант «иха» использовался для обозначения объектов женского рода – гор или рек. Рассмотрим более детально, как сложились названия географических объектов на – «иха». Так, производной оронима (горы) Глухариха стало название боровой дичи - глухарь, что было связано с обитанием этих таежных птиц на этой горе. Гора «принадлежала» глухарям - Глухариха. Куда более активно формант «иха» использовался в названиях рек. Осваивая новые территории, русские первопроходцы всегда селились рядом с водой, на реках, которые, соответственно, получали названия. Поэтому вполне закономерно, что формообразующей основой другого топонима на «иха» - гидронима Белокуриха, могла стать фамилия первопоселенца на реке – Белокурова. Приведем тому следующие доводы. Во – первых, если формант «уха», «юха»

обычно присоединялся к основам, указывающим на естественно – географические признаки природного объекта, как это можно видеть в названиях гор Воструха, Синюха, Толстуха, Теплуха, то формант «иха» в большинстве случаев применялся для обозначения рек. При этом формообразующей основой гидронима часто служила фамилия или имя человека. Такая топонимическая модель была наиболее активна в гидронимики. Существовало несколько способов образования гидронимов на - «иха». Первый, когда в основе гидронима была полная форма имени: река Анфимиha - Анфим; река Мелетиha - Мелетий. Второй: когда в основе гидронима было прозвище: река Брюханиha – Брюхан; река Кошиha - Коша. А так же краткая, уменьшительная, ласкательная форма имени: река Ганиha – от Ганя. Весьма распространен был способ образование гидронимов на – «иха от фамилий. Гидроним Кручиниha – Кручинин, Апалиha – Апалов, Гусиha - Гусев, Яковлиha – Яковлев. Во – вторых, Белокуров первым обосновался на берегах реки. К приходу русских земледельцев на предгорную равнину в начале 19 века Белокурова заимка была единственным поселением на реке. (*О возникновении Белокуровой заимки на реке Белокурихе более подробно автором данной статьи изложено в работе «К истокам происхождения топонима Белокуриха»*). Хорошо известно, что географический объект обычно получал название по фамилии или имени человека, который первым селился у объекта. Это было традиционным явлением. Наконец, нельзя не учитывать и такой немаловажный фактор. Дело в том, что кроме значения «белокурый», «белолицый», фамилия *Белокуров* имеет значение «обеленный», то есть «свободный человек». В этом случае в наименовании реки воплощалась идея *«справедливой, свободной земли»*, что для старообрядцев, в условиях гонений и духовных притеснений, приобретало особое значение. Таким образом, происхождение гидронима Белокуриха на основе фамилии поселенца Белокурова, оказавшегося волей исторической судьбы первым на берегах реки, является вполне достоверным. В данном случае основа фамилии *белокур* была дополнена формантом -

«иха», - культурным компонентом старообрядческого населения, обосновавшегося в предгорьях Алтая еще в 18 столетии.

Сохранился сегодня и такой топоним как - Устауриха. Начнем с того, что существовало поселение с названием Устауриха. Есть сведения, что изначально это поселение именовалось Усть – Ауриха. Эти данные я получил от Александра Ивановича Теплова, ныне жителя города - курорта Белокураха. Его родной дядя Алексей Семенович Теплов проживал в деревне Устаурихе, который утверждал, что деревня именовалась Усть – Ауриха. В названиях поселений, расположенных в устьях рек, всегда было обозначено место их возникновения, на что указывало первое слово в названии: Усть – Пристань, Усть – Катунь, и т.д. Как известно, деревня Устауриха была расположена у горы Глухарихи, у слияния ныне реки Малой Сычевки с рекой Сычевкой, то есть в устье. Поэтому, вполне закономерно, что расположенная в устье реки деревня, именовалась как Усть – Ауриха, что не могло не сохраниться в памяти людей, тем более проживающих в этом поселении. При этом основной частью этого топонима является слово Ауриха, производной которого могло стать имя - Аур. Вот что известно об этом имени. Имя Аур состоит из 3 букв. Обладатели кириллической версии имени Аур в 65% случаев родились и проживают на территории России, и лишь в 35% случаев являются гражданами других стран. Имена, состоящие из трех букв, обычно дают людям, чье поведение характеризуется решительностью, стремлением к духовному совершенству. Приняв какую - то идею как руководство к действию, такой человек, ни смотря на трудности, идет к своей цели, добивается результата. Имена люди имели во все времена во всех цивилизациях. У каждого народа они связаны с его культурой и бытом. Чтобы какое-либо имя появилось у данного народа, необходимы определённые культурно-исторические условия. Любое слово, которым именовали человека, окружающие начинали воспринимать как его личное имя. В условиях преследований за свою веру, основанная старообрядцами деревня, вполне могла получить название по

имени человека, чье поведение характеризовалось стремлением к духовному совершенству и решительностью сохранить свою веру, идею, то есть человека по имени - Аур. Отсюда, возникшее в устье реки поселение, Усть - Ауриха. Впоследствии, Усть – Ауриха стала называться как Устауриха, что было более удобно в произношении. Следует отметить, с исчезновением деревни Устаурихи этот топоним сохранился в названии реки, в устье которой была деревня старообрядцев, поскольку в источниках есть сведения о гидрониме Устауриха [4, с. 98 - 102]. Сегодня на месте исторически – сложившегося названия Усть – Ауриха (Устауриха) строится один из объектов проекта «Белокуриха Горная» (Белокуриха – 2).

Таким образом, представленная выше группа топонимов на «уха», «юха», «иха», сохранившаяся в ближайших окрестностях курорта Белокуриха, отражает, не только естественно – географические признаки и особенности местности, но и указывает на пути миграций старообрядцев, на их культурные традиции, и тем самым дает нам ценный материал для выяснения исторического прошлого нашего региона. Все это, несомненно, представляет культурно – исторический туристский ресурс предгорий Алтая.

Список литературы:

1. Смирнова Н.А. Словообразовательная модель с суффиксом «-их(а)» в топонимии Алтая (в сопоставлении с именами нарицательными) // Языки и топонимия Алтая. – Барнаул: Изд. АлГУ, 1981. – С. 35.
2. Курилов В.Н. Русский субэтнос Западной Сибири в середине XIX века: расселение и топонимия. Новосибирск, 2002. С. 18.
3. Воробьева И. А. Топонимика Западной Сибири. – Томск, 1977. С. 22, 24.
4. Гусев А.И. Геологические проблемы и перспективы развития рекреационной зоны «Большой Белокурихи» на Алтае // Успехи современного естествознания. – 2013. – № 11. – С. 98-102.

Сведения об авторе: Кулятин Валерий Алексеевич, гид-экскурсовод (ород – курорт Белокуриха, Россия), e-mail: skiff.1961@mail.ru

Мелехова К.А.

Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

**Мировоззренческие основания творческого метода
монгольского художника-графика Дагдана Амгалана**

В статье рассматриваются особенности монгольской графики как вида изобразительного искусства. На примере эволюции творческого метода известного монгольского художника-графика Дагдана Амгалана представлены основные тенденции в развитии художественного стиля, средств художественной изобразительности, техники и т.д. Основной целью работы является изучение общей картины развития графики, как вида изобразительного искусства Монголии, и выявление особенностей творческого метода Д. Амгалана как основателя современной школы графики. Методика комплексной оценки художественного стиля графического искусства в XX в., позволяет получить объективную оценку факторов и условий становления творческого метода художника-графика, а также провести анализ тенденций развития данного вида искусства на примере искусствоведческого анализа произведений мастера.

Ключевые слова: Монгольская графика, творческий метод, изобразительное искусство, линогравюра, рисунок, монгол-зураг.

Melekhova Ksenia

Altai State University, Barnaul, Russia

**Ideological foundations of the creative method of the
Mongolian graphic artist Dagdan Amgalan**

The article discusses the features of Mongolian graphics as a form of fine art. Using the example of the evolution of the creative method of famous Mongolian graphic artist Dagdan Amgalan, the main trends in the development of artistic style, means of artistic representation, technology, etc. are presented. The main purpose of the work is to study the general picture of the development of graphics as a form of fine art in Mongolia, and to identify the features of the creative method of D. Amgalan as the founder of the modern school of graphics. The method of comprehensive assessment of the artistic style of graphic art in the 20th century allows to obtain an objective assessment of the factors and conditions of the formation of the creative method of the graphic artist, as well as to analyze the trends in the development of this art form on the example of the art history analysis of the master's works.

Keywords: Mongolian graphics, creative method, fine art, linocut, drawing, Mongol-zurag.

Монгольская графика как вид изобразительного искусства динамично развивается в контексте мирового художественного процесса. За несколько десятилетий она прошла путь от архаических форм до современного состояния. Процессы глобализации, развитие информационного общества, экспансия массовой культуры активизировали в нем развитие системы национального самосознания, проблемы преемственности, формирование национального стиля. Наиболее динамичное развитие графика получила в XX веке, когда влияние европейской художественной школы и развитие метода соцреализма определили ее основные художественные тенденции. Изучение становления графики в XX веке является актуальным, так как художественно-образная система графических произведений является источником этноискусствоведческой информации, ее своеобразие определяется историко-этнографическими условиями формирования ментальности, сложным переплетением мировоззренческих оснований традиций, диалога культур, которые соединяются в формально-содержательной и образной структуре произведений графического искусства [8, с. 163]. Понимание этих факторов во взаимодействии, изучение основных этапов развития этого вида искусства в XX веке, анализ творческого метода ведущих мастеров, а также роли русской и европейской художественной школы является важным условием раскрытия самобытности стиля в графическом искусстве Монголии. Метод соцреализма как феномен мирового искусства отразился в монгольской графике и сформировал творческий метод целого поколения художников, ярким представителем которого стал Дагдан Амгалан.

Основной целью работы является изучение общей картины развития графики, как вида изобразительного искусства Монголии, и выявление особенностей творческого

метода Д. Амгалана как основателя современной школы графики.

Важным этапом в становлении и развитии монгольской графики стал XX век. В этом виде искусства появляются новые жанры: политический плакат, газетно-журнальный рисунок, агитационные листовки, книжная графика, станковый рисунок и гравюра. В 1920-1930 – х годах центром художественной жизни Монголии стал Государственный народный театр в Улан-Баторе, при котором были созданы курсы и организованы мастерские, где преподавали не только монгольские художники, но и приглашенные советские мастера. В разное время там работали Н.Н. Бельский, Ц.С. Сампилов, В.П. Померанцев и другие. Уже в начале XX века художники-графики обращаются к традициям мирового реалистического искусства через русскую школу живописи и графики. Новаторские черты проникают не только в сюжетно-тематический ряд, но в средства художественной изобразительности. Эти особенности проявились в ходе агитационно-массовой работы плакатистов, в развитии искусства книги, в становлении станкового рисунка и эстампа. Революционное время требовало оперативности, многотиражности, легкодоступности распространения информации, и поэтому получила свое распространение политическая графика. В 30-40-е годы XX века выдвинулись на первый план идеи, связанные со строительством нового общества, в графике появилась тема героизма передовиков труда, соцсоревнований, патриотизма и т.д.. Наиболее ярко это проявилось после Второй мировой войны. Именно в этот период в конце 40-50-х годов в СССР направлены первые монгольские художники, которые при поддержке Правительств двух стран стали учиться в высших учебных художественных заведениях Москвы и Ленинграда (ныне Санкт-Петербурга). К началу 1960-х монгольские художники вернулись на родину и развернули широкую художественную и образовательную деятельность. В 1963 году в докладе на съезде монгольских художников отмечалось: «В графическом искусстве начинает развиваться много приемов и техник, таких, как линогравюра, ксилография, литография, офорт, монотипия, в монгольском

изобразительном искусстве графика вышла на ведущее место» [1, с.45].

Многие выпускники Академии художеств продолжили в Монголии творческую и педагогическую деятельность и внесли свой вклад в становление и развитие национальной художественной школы графического искусства. Среди таких талантливых выпускников Московского государственного академического художественного института им. В.И. Сурикова был Дагдан Амгалан.

Д. Амгалан родился в 1933 г. в Сухэбаторском аймаке, на юго-востоке Монголии, в местности Хонгор, шестым ребенком в семье служащего. Уже в раннем детстве стали проявляться художественные способности. В 1946 году он принял участие в престижном национальном художественном конкурсе для детей и получил высшую премию «Золотое письмо». Этот факт открыл для художника профессиональный путь. В 1947 г. Амгалан поступил в Улан-Баторское художественное училище на графическое отделение, и закончил его в 1950 г. Несколько лет Амгалан работал в управлении изобразительного искусства художником-оформителем.

Новый важный этап в творчестве Дагдана Амгалана связан с обучением в Москве, в художественном институте им. Сурикова, куда художник поступил в 1957 году и учился до 1963 г. на факультете графики, а с 3-го курса перешел на живописное отделение в мастерскую Г. Королева. В институте Амгалан изучал теорию живописи и графики, осваивал новые художественные методы, экспериментировал в технологиях, именно там он обрел творческую самобытность. Его творческий метод постоянно совершенствовался, начиная от первых опытов в искусстве станковой графики и заканчивая монументальными сериями, выполненными гуашью и тушью, а также живописными работами маслом. Каждое произведение мастера демонстрировало движение вперед, постоянный поиск нового, пытливость и творческую неутомимость художника. В творчестве Д. Амгалана сформировался определенный круг тем и образов: будни процветающей Монголии, современный быт

простого человека, национальные традиции, сильные, благородные и смелые характеры людей. Художника интересовала тема современной жизни, ее реального движения. Наряду с большими композициями и сериями графических работ в архиве мастера множество набросков, рисунков, этюдов тушью, гуашью, карандашом. Именно окружающая жизнь вдохновляла Амгалана и являлась единственным источником творчества.

После окончания института Амгалан работал в художественном училище г. Улан-Батора вначале преподавателем, а затем художественным руководителем и директором. Педагогическая деятельность это еще одна грань таланта Д. Амгалана, более 40 лет он воспитывал не одно поколение монгольских художников-графиков. Своих учеников он учил мастерству понимания границ основного изображаемого мотива, а также умению удачно расположить его на холсте, наиболее точно и выразительно. Главным в творчестве считал способность художника-графика мыслить, осознанно относиться к реальной действительности и глубже понимать ее. Художник сам обладал богатым мировоззрением и учил студентов вдумчиво относиться к миру, наставлял расширять свой интеллектуальный потенциал, изучать историю и теорию искусства, аналитически подходить к изображаемому материалу.

Эволюция творческого метода представлена в многочисленных работах художника. Еще, будучи студентом Академии художеств, Д. Амгалан пишет серию работ «Арканщик» (1958 г.). Даже в набросках художник детально прорабатывает построение композиции, это для него не менее важно, чем самостоятельное художественное произведение.

Оригинальны в творчестве Д. Амгалана плакатные работы. Ярким произведением этого плана является плакат-символ «От феодализма к социализму», где художник-график лаконично и колоритно изображает всадника на коне с национальным знаменем в руках, совершающий прыжок от одной формации к другую. Мастер выполнил несколько работ на этот сюжет. Есть мнение, что изображение монгола на белом

коне ассоциируется с годом Белой лошади (по восточному календарю), которая олицетворяет революцию. Две революции пережила Монголия: 1921 года и 1990 года. Последнюю художник предвидел своим произведением.

Графические работы Амгалана свидетельствовали о широком спектре таланта художника. Идеи гражданственности и любви к стране отразились в серии линогравюр «Утро моей Родины» (1962). Понимание родины у художника связано с преобразованиями в стране. Особенно популярен лист линогравюры «Доброе утро, мама!», где изображена трогательная фигурка ребенка, который выбегает из юрты навстречу матери, идущей с полными ведрами чистой воды. В этой же канве сделана гравюра «В школу», в которой богато использованы отдельные элементы национальной традиционной живописи «монгол-зураг».

Особое место в творчестве Амгалана занимает лирическая тема, которая проявилась в работах «Бабочка» (1966 г.) и «Новорожденный» (1966 г.). В этих оригинальных лаконичных композициях присутствует светлое восприятие жизни, особый колорит Монголии того времени. Используя в этих работах активный цвет, мастер добивается выразительности силуэта, создает целостный образ, дает прочувствовать ритм жизни. Художник много экспериментировал, пытался соединить различные стили, техники. Работы Амгалана уникальны, он использовал живописные приемы, характерные для монгольской живописи на свитках и элементы «монгол-зураг», творчески сочетал их, из этого соединения рождался свой собственный творческий стиль и почерк. Работа «Красная пыль» (1967 г.) из собрания Государственного музея искусства народов Востока (Москва) это одно из значительных программных произведений художника, в котором проявились особые черты таланта Амгалана.

Амгалан как педагог внес большой вклад в формирование школы графического искусства в Монголии. Его преемниками стали современные художники-графики. Их творчество это яркий пример синтезированного художественного опыта, где

органично сочетаются традиции и инновации в творчестве [3, с.41].

Дагдан Амгалан открыл новые возможности в изобразительном искусстве Монголии, объединив цвет и монгольские техники живописи с западными решениями. Он всесторонне овладел мастерством гравюры. Главным для него стало полное освоение техники и эксперимент с ее возможностями. Амгалан создал свой стиль в искусстве графики, в полной мере овладел острым линейным характером современного графического рисунка, нашел живое динамичное решение формы гравюры. Его талант проявлялся в разных видах деятельности. Кроме гравюры художник написал много акварельных работ, путевых зарисовок, работал над созданием эмблем-символов, преуспел в преподавании. Амгалан стал основателем художественной школы графики и внес неоценимый вклад в развитие искусства Монголии.

Список литературы:

1. Абмад Д. Монгольское изобразительное искусство // Современная Монголия. – 1959. – № 1.
2. Ломакина И. И. «Улан-Батор». Серия «Города и музеи мира». – М.: Искусство, 1977. – 200 с.
3. Мелехова К. А. Этнические традиции в монгольском изобразительном искусстве // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. – 2019. – №49. – С. 36-44.
4. Нехвядович Л. И. Теоретические ориентиры для изучения этничности как источника художественного своеобразия искусства // Мир науки, культуры, образования. – 2015. – № 5 (54). – С. 436-436.
5. Ринчен-Хабаева И. М. Изобразительное искусство страны вечного синего неба. – Улан-Удэ: Изд. Бурятского государственного университета, 2005. – 177 с.
6. Сборник документов 1921-1966. Сост. Гольцман М.И., Слесарчук Г.И. – М., 1966. – 360 с.
7. Сергеева Т. В. Национальные традиции и современность в живописи Монголии // Искусство и культура Монголии и Центральной Азии. Доклады и сообщения всесоюзной научной конференции. Часть II. – 1983. – С. 175-177.

8. Nekhvyadovich L. Genre as an actual category in art history of Russia // European Journal of Science and Theology. – 2017. – Т. 13. – № 4. – P. 161-171.

Сведения об авторе: Ксения Александровна Мелехова, кандидат искусствоведения, доцент кафедры искусств Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия), e-mail: kschut@mail.ru

Белова В.В.

Алтайский государственный университет, Барнаул (Россия)

Сохранение традиций и культурной памяти тюркских народов на примере живописи

В статье рассматривается вопрос о роли искусства в сохранении исторической и культурной памяти народа с помощью живописи. Рассматривается роль художника, как проводника между образами прошлого и интерпретацией этих образов с помощью художественных приемов и символов. Анализируется интерес ученых к богатейшей истории и культуре алтайских тюрков. Исследуется творчество алтайского художника Ю. Г. Бралгина в творчестве, которого, присутствуют мотивы связанные и культурой, бытом и традициями тюркских народов Алтая.

Ключевые слова: история, культура, искусство, память, тюрки, живопись, Алтай, Ю. Г. Бралгин.

V.V. Belova

Altai State University, Barnaul (Russia)

Preservation of traditions and cultural memory of the Turkic peoples on the example of painting

The article deals with the question of the role of art in preserving the historical and cultural memory of the people through painting. The role of the artist as a conductor between the images of the past and the interpretation of these images with the help of artistic techniques and symbols is considered. The interest of scientists to the richest history and culture of the Altai Turks is analyzed. The creative work of the Altai

artist Yu. G. Bralgin is being studied. In his work there are motives connected with the culture, life and traditions of the Turkic peoples of Altai.

Key words: history, culture, art, memory, Turks, painting, Altay Yu. G. Bralgin.

Искусство играет огромную роль в сохранение памяти о том или ином народе, цивилизации, человеке или событии. Именно искусство, в очень тонкой, ненавязчивой форме знакомит зрителя с прошлым. Безусловно, искусство может отражать и настоящее и даже пророчить о будущем. Искусство имеет силу аккумулировать в себе определенную форму, знак, мысль и титанический труд художника в широком смысле этого слова. Искусством является скульптура, литература, театр, музыка и живопись.

Живопись это большой пласт культурного наследия, который отражает изменчивость мира, нравов, уклада жизни. Живопись является своего рода фиксатором прошлого и настоящего. С помощью материальных предметов художник способен отражать нематериальную идею, а так же свое внутренне отношение к миру. Обладая обширными научным историческим знанием, он может создавать некие образ исторического прошлого, используя для этого различные знания в области культуры, традиции и истории. Эти образы помогут простому обывателю, зрителю взглянуть через призму художественной окраски на факты прошлого.

Художник, словно проводник, знакомит зрителя с определенной историей целого народа или конкретного человека. Нередко художник, находясь в определенных географических условиях, отождествляет себя с определенной культурной. Идеи и замыслы рождаются в ходе знакомства с этой культурой, например, в научных экспедициях, путешествиях, пленэрах по определенным местам, а так же непосредственным знакомствам с носителями культуры. Особенно для художников интересны места, где когда-то была богатейшая культурная общность, а сейчас мирно покоятся только памятники прошлого, которые напоминают нам об истории тех или иных народов. Один из таких богатейших культурных мест является горный Алтай, он таит в себе

множестве легенд и сказаний, которые рассказывают нам о жизни народов населявших эти места.

«Алтай не просто горы, леса, реки, водопады, а живой дух, щедрый, богатый исполин-великан. Сказочно красив он своей многоцветной одеждой лесов, цветов, трав. Туманы, его прозрачные мысли, бегут во все стороны мира. Озера – это его глаза, смотрящие во Вселенную. Водопады и реки – его речь и песни о жизни, о красоте земли, гор», – пишет знаменитый художник Г.И. Чорос-Гуркин [1]. Г.И. Чорос-Гуркин говорит об Алтае как о живом существе, он одушевляет его, наделяя человеческими чертами. Такое отношение к природе свойственно почти всем коренным народам Горного Алтая.

На территории горного Алтая проживают алтайцы – тюркский коренной народ Алтая. Алтай являюсь исторической прародиной тюрков, сохранил множество свидетельств существования целой тюркской цивилизации. В области искусства, археологии, музееведения и этнографии существует огромное количество свидетельств указывающих на богатейшую культуру. Интерес к культуре тюрков не угасает, и сейчас ученые археологи продолжают публиковать материалы археологических и этнографических исследований.

В этой связи интересен труд Р. Г. Фахрутдинова, Р. Р. Фахрутдинова «Алтай и Центральная Азия колыбель тюрков» [2] в котором, авторы описывают исторический процесс формирования татарского народа от древнейших предков – тюрков. Такие авторы как Серегин Н.Н., Леонов А.С. в научной статье «Тюркские изваяния из музея археологии и этнографии Алтайского государственного университета» [3], в контексте анализа каменных изваяний, авторы обосновывают, что каменные изваяния из музея демонстрируют различные этапы формирования и эволюцию создания скульптур раннесредневековыми тюрками Алтая. Особый интерес для исследователей представляет искусство тюрков. Так, Каипов Н. П. исследует достижения изобразительного искусства тюркских народов в VI-VII веках, для него интерес представляет монументальное и анималистичное искусство [4].

Таким образом, интерес к тюркским народам проявляется в самых разных областях научного знания. Важно понимать, что пока существует интерес к культуре прошлого, продолжает существовать и сохраняться культурно–историческая память народа. Культура тюрков настолько многогранна и уникальна, что она притягивает к себе не только ученых, молодых исследователей, историков, археологов, этнографов, но и деятелей искусства на протяжении многих лет.

Художник тоже, подобно ученым изучают и анализируют культуру народа, прежде чем создать сложный собирательный образ. Особый интерес в этом контексте представляет творчество знаменитого алтайского художника Юрия Егоровича Бралгина. Главной темой его творчества является многогранный Горный Алтай. В своих картинах он отражает быт культуру, мировоззрение алтайского народа. В картинах так же встречаются пейзажные мотивы, которые отражают красоту алтайских гор и степей. Творчество Ю. Бралгина привлекает исследователей искусствоведов. Например, Виноградская Н. В. рассматривая творчество Ю. Бралгина с точки зрения фольклорных мотивов и образов, выделяет основные темы в творчестве художника, прежде всего это:

- быт и традиции коренных алтайцев;
- народная культура и обряды;
- обращение к шаманизму как древней религии;
- бытовые сцены;
- философские образы единения человека с природой [5].

Художник, фиксируя все перечисленные мотивы и художественные образы на полотне, сохраняет их в истории. Рассматривая творчество художника через призму сохранения культурно-исторической памяти народа, мы можем увидеть, что художник часто обращается к бытовым сценам, лирическим и философским образам жителей Алтая. Экзотические пейзажи горного Алтая встречаются в таких картинах как «Лирическое настроение» (1987), «Качели» (1990). Нередко пейзаж в картинах Ю. Бралгина приобретает символическое значение и сливается воедино с главным персонажем на картине, художник словно хочет подчеркнуть монолитность и монументальность

фигуры, поэтическим пейзажем, встречается это в таких работах как, «Зов» (1988), «Спящий пастушок» (2002).

Особенно интересна картина Ю. Бралгина «Обращение к духам» (1986) она отражает высокодуховную культуру тюркских народов, предками которых являются и жители современной республики Алтай. Трепетное отношение к природе, любовь к своей просторной, могучей малой родине и уважение к духам природы той или иной местности, наиболее ярко заметно в жизни алтайского народа. Алтайцы через призму мифологического знания считают, что человека повсюду окружают божества и духи природы, к таковым относят духи, гор, рек, степи, огня, воздуха. Исторически так сложилось, что тюрки жили в тесной взаимосвязи с природой, отсюда и проистекает такое почтение к ней и отождествления её с живыми существами. Ю. Бралгин будучи художником пронизательным смог уловить, почувствовать и создать монолитные гармоничные образы.

Для алтайского народа характерно почитание не только природы, но и семьи. Семья для алтайцев это священный союз, где традиции, обряды уклад жизни передается от предков из поколения в поколение. Тему традиционной семьи Ю. Бралгин раскрывает в картинах «Алтайская семья» (1987), «Родился сын» (1985) это картины, которые изображают непреходящие человеческие ценности – любовь и материнство, стремление к счастью, радости [5,с. 50.]. Ю. Бралгин в своих работах стремится к обобщению образа, он подчиняет главной идеи все элементы композиции: цвет, линию, форму, пятно, формат. Художник в своих произведениях стремится показать зрителю слияние человека с миром традиционных ценностей, природы, и культуры.

Ю. Бралгин – художник, живописец, который смог создать целый пласт произведений искусства отражающих культуру алтайцев – тюркского коренного народа Алтая. С помощью живописи он зафиксировал культурно-историческую память в художественных образах, а так же отразил этнографическое своеобразие региона. Художник словно проводник между далеким прошлым, настоящим и будущим.

Потому как, за основу картин он берет традиционные сюжеты, которые сейчас так важны для сохранения культурно-исторической памяти современного поколения, а так же способны передать память о традиционном укладе жизни будущим потомкам.

Список литературы:

1. Республика Алтай : через века в будущее / Правительство Республики Алтай главный редактор Н. М. Екеева ; редакционная коллегия: Н. П. Антараданова [и др.] . – Белгород : КОНСТАНТА, 2021. – 228 с.

2. Р. Г. Фахрутдинов, Р. Р. Фахрутдинов Алтай и Центральная Азия: колыбель тюрков // Тюркологические исследования. 2018. №3. С.5-16. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/altay-i-tsentralnaya-aziya-kolybel-tyurkov> (дата обращения: 27.10.2022).

3. Серегин Н.Н., Леонов А.С. Тюркские изваяния из музея археологии и этнографии Алтая Алтайского государственного университета // Теория и практика археологических исследований. 2018. №1 (21).С.180-187. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tyurkskie-izvayaniya-iz-muzeya-arheologii-i-etnografii-altaya-altayskogo-gosudarstvennogo-universiteta> (дата обращения: 27.10.2022).

4. Каипов Нурлыбай Пишенбаевич Изобразительное искусство тюркских народов древних времен // Личность, семья и общество: вопросы педагогики и психологии. 2014. №36. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/izobrazitelnoe-iskusstvo-tyurkskih-narodov-drevnih-vremen> (дата обращения: 27.10.2022).

5. Веницкая Н. В. Фольклорные мотивы и образы в творчестве Юрия Бралгина // МНКО. 2011. №6-2. С. 49-51.URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/folklornye-motivy-i-obrazy-v-tvorchestve-yuriya-bralgina> (дата обращения: 31.10.2022).

Сведения об авторе: Белова Виктория Владимировна, Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия), e-mail: viktoria4891@mail.ru

Уметалиева Ч.Т.

Институт философии и социально-политических наук
Национальной академии наук Кыргызской Республики, Бишкек
(Кыргызстан)

**Древние эпические истоки кыргызской музыки и ее
локальное своеобразие: общность славянского и
кыргызского музыкального мышления**

Искусство кыргызов уходит корнями в глубокую древность, поэтому кыргызская музыка в своих истоках имеет эпическую основу. Понятия «эпичность» и «программность» пронизывают всю кыргызскую музыку. Её стилевые особенности произросли из недр культурно-исторического прошлого народа, относящихся к глубинным и архаическим пластам времени. Именно поэтому мы наблюдаем своеобычность, постоянство, «незыблемость» явления – кыргызская мелодика. Её уникальность ставило в тупик и приводило в недоумение многих исследователей. "Увертюра на русские и кыргызские народные темы" (соч.115) Д.Шостаковича поднимает проблему родства музыкальных культур, идентичности музыкальных систем народов, относящихся к разным языковым семьям.

Ключевые слова: эпико-повествовательный, программный симфонизм, народные традиции, кыргызская мелодика, русско-кыргызский, увертюра, диатоника, генетическое родство.

Umetalieva Ch. T.

Institute of Philosophy and Socio-Political Sciences of the National
Academy of Sciences of the Kyrgyz Republic, Bishkek (Kyrgyzstan)
**Ancient epic origins of Kyrgyz music and its local originality: the
commonality of Slavic and Kyrgyz musical thinking**

Kyrgyz art has its roots in ancient times, so Kyrgyz music has an epic basis in its origins. The concepts of "epicness" and "programmability" permeate all Kyrgyz music. Its stylistic features grew out of the depths of the cultural and historical past of the people, belonging to the deep and archaic layers of time. That is why we observe the originality, constancy, "inviolability" of the phenomenon – Kyrgyz melodica. Its uniqueness has baffled and perplexed many researchers. D. Shostakovich's "Overture on Russian and Kyrgyz Folk Themes" (Op. 115) raises the problem of the kinship of musical cultures, the identity of musical systems of peoples

belonging to different language families.

Keywords: epic-narrative, program symphonism, folk traditions, Kyrgyz melodica, Russian-Kyrgyz, overture, diatonics, genetic kinship.

Искусство кыргызов эпично по своей сути, уходит корнями в глубокую древность. Поэтому кыргызская профессиональная музыка немыслима без творческого наследия *певцов-сказителей, комузчи, ырчи, манасчи*. Эстетические взгляды, национальное самосознание, художественное мировосприятие народа было сформировано многими поколениями народных акынов. Среди них Богачи, Келдибек, Токтогул, Чоюке, Барпы, Осмонкул, Коргол, Сагымбай и другие народные музыканты, жившие на рубеже XIX-XX вв. От них нить преемственности тянется к Мураталы Куренкееву, Карамолдо Орозову, Ибраю Туманову, Саякбаю Каралаеву и др. «Все эти музыканты и певцы являются представителями народного профессионального искусства, хранителями и творцами его наиболее совершенных, развитых форм, выразителями эстетических идеалов народа», - писал В.Виноградов [1, с.184].

Отдельную ветвь в устном поэтическом творчестве кыргызов занимают эпосы (малые и большие), в особенности эпос «Манас», который неотделим от сознания народа. Отсюда преобладание *героико-эпической, сюжетно-повествовательной линии* в художественном мировосприятии кыргызов.

В творчестве кыргызских композиторов преобладает **эпико-повествовательный симфонизм**. В этом отношении кыргызские композиторы-симфонисты являются преемниками традиции той ветви русского симфонизма, который ассоциируется с эпико-богатырским стилем *Бородина* и *Глазунова*.

Архаичные фольклорные формы (эпосы, обрядовый фольклор, старинные легенды, предания) стали истоком для программности во всем профессиональном музыкальном творчестве (симфонии, оперы, балеты, камерно-инструментальная музыка). Единение с поэтическими традициями устного народного творчества, со сказительским

искусством является важнейшей особенностью для кыргызской симфонической музыки.

«Понятия «эпичность» и «программность» пронизывают всю кыргызскую музыку. Такие характеристики, как *суровый, сдержанный, драматический, героический, эпический, программный, изобразительный* и т.д., стали для нее ключевыми и определяющими. Когда речь идет о симфонической музыке, то появляются новые сочетания эпитетов, как *суровый драматизм, героический драматизм, лирический драматизм, песенная лирика, пейзажная лирика, созерцательная лирика, проникновенная лирика*. Намного реже применяются термины *психологический, углубленно-психологический, экспрессивный, экзальтированный* и т.д.» [2, с.160].

Для кыргызских композиторов характерно обращение к **сюжетно-программному симфонизму**. В 1960-80-е гг. особой популярностью пользуются одностанные формы симфонической музыки: *симфонические поэмы, картины, увертюры*. В это время создаётся множество произведений с обобщённой программой.

В своем творчестве кыргызские композиторы обращаются к **литературным источникам**, к воплощению **сюжетных композиций**. Это симфонические поэмы К.Молдобасанова, М.Абдраева, Т.Эрматова, А.Джаныбекова и др. «Карагул Ботом» Э.Джумабаева (1972); «Рассказ Ильяса» М.Абдраева (1973); «В стане Манаса» К.Молдобасанова (1978); «Уркуя» А.Джээнбаева (1976); «Голубай» А.Мурзабаева (1970); «Жаныл Мырза» (1979), «Ажар» (1981) С.Бактыгулова; и др. Композиторы продолжают традиции эпико-программного симфонизма в жанре симфония, например: А.Тулеев – Симфония №2 “Атай” (1963); А.Джаныбеков – Симфония №1 “Памяти Токтогула Сатылганова” (1967) и Симфония №2 “Земля моих предков” (1977); Э.Джумабаев “Эпическая симфония” (1974); С.Осмонов - Симфония “Ак Мөөр” (1974); В.Роман – Симфония №1 “Джамия” (1970), и др.

В кыргызской симфонической музыке, как и в других видах музыкального искусства, сильны **народные традиции**. В этом отношении интересно творчество **Эсенгула Джумабаева**,

который своеобразно преломил традиции народного искусства в симфонических произведениях. В его «*Этической симфонии*» (1974), симфонических поэмах «*Кыргызстан*» (1971), «*Карагул Ботом*» (1972) многопланово представлено национальное начало: далёкое прошлое сквозь мысли и чувства современника.

Э.Джумабаев умеет активно, симфонически масштабно развивать музыкальный материал. Его форма характеризуется развёрнутостью, пластичностью, гибкостью. Прочно опираясь на основы музыкального языка кыргызской народной музыки, он смело использует и современные средства музыкального воплощения. Оркестр Джумабаева необычайно красочен, в чём немалую роль сыграла его деятельность главного дирижёра и художественного руководителя оркестра народных инструментов им. Карамолдо Орозова. Им создана одна из первых кыргызских сюжетно-программных симфонических поэм «Карагул Ботом».¹

Многообразны проявления народных истоков в балет-оратории **Калыя Молдобасанова** «Материнское поле» (1975; «Саманчынын жолу») по одноимённой повести Чингиза Айтматова. Исходя из особой возвышенности и символичности образов «Материнского поля», помимо *языка хореографии* композитор использует возможности такого монументального жанра музыки как *оратория*, а также *драматическое чтение*. Народный пласт в музыке «Материнского поля» естественно вписывается в контекст авторского интонационного строя. «Язык» композитора и «язык» народа слиты воедино.

«Прежде всего, выявляются связи с эпическим творчеством кыргызского народа, в частности, с эпосом «Манас».² Раскрывается многообразие воздействия этого памятника сказительского искусства на балет-ораторию.

¹ Произведение основано на старинной легенде «Карагул Ботом». Это острая драматическая, глубоко трагическая сага, в которой воплощена тайна священного единства человека и природы. Когда человек действует только в своих интересах и не знает границ, он сталкивается с печальным, непоправимым событием. Ему преподносится знак судьбы, чтобы остановить его на этом пути.

² Эпос «Манас» считается одним из крупнейших в мире, он вмещает миллион строк.

Влияние это многоуровневое. Во-первых, повышенный эмоциональный тонус, внутренняя динамика, концентрация трагического – восходят к стилистике «Манаса». Исполнительская манера манасчи-сказителя полна душевного накала, отличается экспрессивностью, даже экзальтированностью. Широкий эмоциональный диапазон исполнителя: он с помощью жестов, мимики, выражения глаз передаёт необычайно широкую гамму человеческих чувств. Это свойство – страстность, драматизм, особая приподнятость интонации, резкие эмоциональные перепады характеризуют и стилистику балета» [3, с.7].

Во-вторых, композитором используется подлинная тема из «Манаса», которая звучит в партии хора (конец I акта). Она появляется в один из кульминационных моментов, где передается героическая решимость народа к борьбе. В партии хора, олицетворяющего обобщённый образ «Матери-Земли» (он звучит в прологах балета), оригинально претворена характерная ритмика пунктира, свойственная эпосу. Это придаёт звучанию хора сказово-эпический характер.

В-третьих, в трактовке образа Толгонай возникают параллели с героями «Манаса» и других эпосов. Например, эпос «Джаныл-Мырза» (Женщина – воин, батыр). Эпическая фигура матери, величавость и монументальность её облика непосредственно связаны с этими персонажами, то есть имеют в своей основе народные истоки.

И, наконец, включение *драматического чтения* в музыкальную ткань балета также связано со спецификой национального поэтического мышления, склонного к художественному слову. Интенсивное развитие и расцвет сказового и эпического жанра во многом предопределили и особое тяготение народа к поэзии, к драматическому театру.

Композитор точно уловил самую суть литературного первоисточника, верно схвачена основная идея повести, ее драматический и эпически-монументальный дух. Истоки народного творчества, в особенности героико-эпического, в немалой степени определили облик балета-оратории К.Молдобасанова. Фольклор органично вошёл в

художественный мир «Материнского поля».

Таким образом, преобладание **программного симфонизма** в кыргызской музыке связано со спецификой народного художественного мышления, тяготеющего к конкретности и опоре на поэтические прообразы народного творчества. История, природные условия, образ жизни кыргызов (быт кочевника-скотовода) – всё это на протяжении многих веков и тысячелетий сформировало особенности национального характера кыргызского народа, что получило своеобразное отражение в искусстве. О программности кыргызской народной музыки исследователь В.С.Виноградов писал: *«Программность – душа кыргызской инструментальной музыки. Вероятно, 90% всех бытующих в настоящее время кю так или иначе связаны с каким-либо конкретным жизненным фактом, явлением, сказанием, вызваны ими. Если и не всегда удаётся докопаться до этого первоисточника, не всегда программность выражается в форме музыкальных инсценировок, изобразительными приёмами, не всегда выступает она, так сказать, в обнажённом виде, то, во всяком случае, о большинстве кю можно собрать сведения, раскрывающие их программное содержание»* [1, с.153].

Судя по историческим данным, опираясь на труды многих исследователей древней истории кыргызов (Южной Сибири, Семиречья и т.д.), а также этнографические и антропологические данные, можно сделать вывод, что формирование историко-культурных особенностей *протокрыгыз* началось, в I тыс. до н.э., а возможно, еще раньше. В связи с этим, формирование и дальнейшее развитие традиционной культуры кыргызского этноса началось приблизительно в нач. I тыс. до н.э., когда на территории Евразии появляется новое самобытное явление – кочевничество. По-видимому, кыргызами оставались называться представители таштыкской культуры, группы пазырыкской, уюкской культур, часть кипчаков, кангюйцев, усуней и т.д. Самыми устойчивыми преемниками таштыкской культуры были Енисейские кыргызы.

Стилевые особенности кыргызской народной музыки, как части традиционной культуры, произросли (как видно из исторических фактов) из недр культурно-исторического прошлого кыргызов, относящихся к наиболее глубинным и архаическим пластам времени (Афанасьевско-Андроновский период, и более ранний). Именно поэтому мы наблюдаем своеобычность, постоянство, «незыблемость» явления – *кыргызская мелодика*. На протяжении многих веков кыргызская культура, фольклор, традиции и т.д. существовали по соседству с инокультурами, во многом противоположными по своему складу мышления, особенностям и структуре духовности. В консервации культурных традиций кыргызов, их художественного мышления не последнюю роль играло естественно-природное положение этноса. Действительно, условия бытования кыргызов (географическая и климатическая среда, в частности закрытость горами Саяно-Алтая и Тянь-Шаня) характеризовались труднодоступностью и изолированностью от другого мира. Возможно и отсюда эта «непохожесть» и отличительная особенность кыргызской музыки, даже в ряду родственных по языку культур. Именно это ставило в тупик и приводило в недоумение многих исследователей. И только советскому музыковеду В.С.Виноградову удалось выделить данную особенность и акцентировать на ней свое внимание, тем самым приблизиться к неожиданной разгадке причин этой *уникальности кыргызской музыки*.

Что касается взаимодействия *русско-кыргызского симфонизма*, в этом отношении важную веху в творчестве кыргызских композиторов обозначила **"Увертюра на русские и кыргызские народные темы"** (соч.115) **Д.Шостаковича**, написанная к юбилейной дате - столетию добровольного вхождения Кыргызстана в состав России (1963). Увертюра - красочная жанровая пьеса, тематизм которой основан на фольклорных образцах русской и кыргызской народной музыки. Здесь использованы интонации русских тем, и кыргызские

народные песни "Шырылдан"³ и "Оп майда"⁴. Тематическое развертывание произведения обнаруживает удивительную общность кыргызского и русского мелосов, лишняя раз доказывая, что из всех центральноазиатских музыкальных культур кыргызская наиболее близка русской народной музыке. «Только гений мог так исподволь, интуитивно почувствовать эту «необъяснимую» близость и родство славянского и кыргызского мелосов» [2, с.176]. "... киргизская музыка напоминает русскую. Речь здесь идет не только о сходстве отдельных мелодий, но о более органичной общности самих музыкальных систем (диатонических, семиступенных), об общности художественных норм, образного строя и т.п." - пишет В.С.Виноградов [4, с.88].

Сам Д.Шостакович писал: «Новая, «киргизская», как я ее называю, увертюра для симфонического оркестра – это мой скромный дар гостеприимной братской Киргизии, где, как я заметил, все люди поют» [5], «Признаюсь, я не думал, что эти песни так глубоко западут мне в душу, посеют в моем сердце такие глубокие семена (курсив мой – Ч.У-Б.). Но вот вчера я отдал в переписку мое новое, только что законченное сочинение – Увертюру на русские и киргизские народные темы» [6].

В аннотации к партитуре «Увертюры» сказано, что Шостакович использовал мелодии русской народной песни «Эх, бродяги вы, бродяги», записанной А.Медведевым в Омской области в 1959 году, и киргизских народных песен «Шырылдан»

³ Шырылдан – обрядовая песня-колядка конских пастухов. Исполнялась она обычно ночью перед юртой. Песня содержит благопожелания по адресу хозяина юрты. Хозяин юрты, услышав пение, выносил поющим подавание. И мелодика и слова ее относительно устойчивы. Ритмический рисунок стабилен. Шырылдан исполняется в строгом ритме, говорком. Старики говорили, что песни пелись и каждым поочередно, но и одновременно целой группой исполнителей (В.Виноградов).

⁴ Оп, майда – песня, исполняемая во время молотбы. Погонщик лошадей пел ее во время обмолота зерна. На току расстилалась сжатая пшеница. Лошади ходили по кругу и копытами обмолачивали зерно. Погонщик, сидя верхом на одной из них, звонко пел песню, в которой одновременно понукал лошадей, воспевал урожай и процесс обмолота (В.Виноградов).

и «Оп, майда» из сборника В.Виноградова «100 киргизских песен и наигрышей» [7].

Композитор своим сочинением засвидетельствовал этот непостижимый для многих исследователей народной музыки факт – родство музыки у народов разных языковых семейств. Он разрушил тот стереотип, существующую схему, что музыку народов республик Средней Азии надо однозначно относить к общей формуле – Советский Восток. «Донести до слушателя всю неординарную прелесть киргизского фольклора, «чуждость» его ко всему, что слышится и звучит рядом, вокруг – вот цель Шостаковича. А может быть, желание показать, раскрыть богатейшие музыкально-художественные возможности тематизма русско-славянского и киргизского, убедительно продемонстрировать их родственную схожесть – это подпитывало творческую фантазию композитора? К сожалению, нам это неизвестно, но ясен факт – гений симфонизма XX века создал очередной шедевр на материале музыкального фольклора, назвав его «Киргизская увертюра» [2, с.176-177].

О родстве киргизского и русского (славянского) мелосов писал В.С.Виноградов: «Ряд путешественников в прошлом и музыканты в наше время, единодушно подчеркивая эти родственные связи, говорят о том, что мелодика этих народов (киргизов, хакасов и части алтайцев) *напоминают русские напевы*» [1, с.23-24]. В связи с этим встает проблема родства музыкальных культур, идентичности музыкальных систем народов, относящихся к *разным* языковым семьям.

Неоспоримое родство *русского и киргизского мелодических тем* «затрагивает основу основ их мелосов, т.е. саму систему древнекиргизского и древнеславянского музыкального истока, а именно: **и киргизская, и русская музыка – диатонична**, опирается на семиступенный натуральный звукоряд [2, с.167]. «... киргизская песня являет собою целое море нераздельного и безусловного *диатонизма!* По крайней мере, записав до 1500 этих песен, я нигде не встретил ни одного увеличенного интервала, ни одной хроматической последовательности!» [8, с.12].

В.С.Виноградов в книге «Киргизская народная музыка» приводит прекрасные образцы схожести песенных стихий этих двух культур. Например, сравнивается русская «Калинушка» с кыргызской песней «Куйдумчок»:

The image shows two musical staves. The first staff is for the Russian song 'Kalinushka' in 4/4 time, with lyrics 'Ой да ты ка — ли — нуш — ка (да)'. The second staff is for the Kyrgyz song 'Kuydumchok' in 6/4 time, with lyrics 'Күй дүм бир га на күй дүм (и) — — күй дүм чок (ой)'. Both staves show melodic lines with notes and rests, and a double bar line at the end of each line.

Такая близость и слияние народных мелосов возможны были только при очень большом родстве музыкальных основ.

«Киргизская увертюра» в своем зашифрованном музыкальном тексте доказывает нашу смелую гипотезу о несомненном генетическом родстве кыргызского и славянского (русского) и шире – европейского мелосов. Ведь не написал же Шостакович симфонического произведения на грузинские, армянские и русские темы или на узбекские, таджикские, азербайджанские и русские темы, хотя неоднократно бывал на Кавказе, а также был знаком с музыкальным фольклором и других народов.

По-моему, здесь есть над чем серьезно задуматься будущим ученым: этнографам, искусствоведам, культурологам, музыковедам и т.д. в дальнейшем развитии этой, безусловно, большой и интересной темы.

Список литературы:

1. Виноградов В.С. «Киргизская народная музыка». Фрунзе, 1958 – 335с.;
2. Уметалиева-Баялиева Ч.Т. «Этногенез кыргызов: музыковедческий аспект. Историко-культурологическое исследование». Бишкек, 2008 – 290с.;
3. Уметалиева Чынар Темиркул кызы. «Балет-оратория К.Молдобасанова «Материнское поле». К 90-летию

Ч.Айтматова. К 90-летию К.Молдобасанова. Бишкек, 2019 – 242с.;

4. Виноградов В.С. «Киргизское народное музыкальное творчество как источник изучения проблемы происхождения киргизов». Труды киргизской археолого-этнографической экспедиции, ч.3. Фрунзе, 1959 – С.84-89;
5. Шостакович Д.Д. Мое новое сочинение – «Киргизская увертюра». – Литературная газета, 1963, 12 октября.
6. Собр. соч. Д.Шостаковича. Т.11, изд. «Музыка», М., 1984. Аннотация к партитуре «Увертюра на русские и киргизские темы»;
7. Виноградов В.С. «100 киргизских песен и наигрышей». М., 1956. – С.78;
8. Затаевич А.В. «1000 песен киргизского народа (напевы и мелодии)». Оренбург, 1925 – 403с.

Сведения об авторе: Уметалиева Чынар Темиркуловна, доктор культурологии, зав. отделом “Культурологии и искусствоведения” Института философии и социально-политических исследований Национальной академии наук Кыргызской Республики (Бишкек, Кыргызстан), e-mail: consa77@mail.ru

Назаров И.И.

Алтайский государственный университет, Барнаул (Россия)

Алтайско-кыргызские этнографические параллели в контексте экспедиционного изучения

Статья подготовлена в рамках госзадания Алтайского государственного университета Тюрко-монгольский мир «Большого Алтая»: единство и многообразие в истории и современности (проект номер – 748715Ф.99.1.ББ97АА00002)

Публикация содержит сведения о реализованных международным коллективом ученых летом 2022 года экспедиционных исследованиях на юге Кыргызской Республике и в Республике Алтай на территории Российской Федерации. В результате обследования хозяйства и культуры кыргызских и алтайских скотоводов зафиксирована устойчивость традиционной системы

жизнеобеспечения, прослежена трансформация отдельных ее элементов, а также описаны современные практики населения по изучению, сохранению и развитию традиционных ремесел.

Ключевые слова: этнография, экспедиционное изучение, Россия, Кыргызстан, алтайцы, кыргызы, скотоводство, традиционная пища, традиционное жилище, этногенетические связи, ремесло.

Nazarov I.I.

Altai State University

Altai-Kyrgyz Ethnographic Parallels in the Context of Expeditionary Study

The publication contains information about expeditionary research carried out by an international team of scientists in the summer of 2022 in the south of the Kyrgyz Republic and in the Altai Republic on the territory of the Russian Federation. As a result of a survey of the economy and culture of Kyrgyz and Altai pastoralists, the stability of the traditional life support system was recorded, the transformation of its individual elements was traced, and modern practices of the population in the study, preservation and development of traditional crafts were described.

Keywords: ethnography, expeditionary study, Russia, Kyrgyzstan, Altaians, Kyrgyz, cattle breeding, traditional food, traditional dwelling, ethnogenetic ties, craft.

В данной работе будут представлены основные сведения направлениях и главных результатах работы международной этнографической экспедиции «Большой Алтай» в Кыргызстане и России летом 2022 года.

В ходе реализации Алтайским государственным университетом научной части проекта «Тюркский мир "Большого Алтая": единство и многообразие в истории и современности» была сформирована международная проектная группа, обозначившая в качестве одной из задач своей работы этнографическое изучение современного тюркского населения, проживающего в различных регионах Большого Алтая и Центральной Азии. Задача была оформлена в виде постояннодействующей международной этнографической экспедиции под общим названием «Большой Алтай».

Основу коллектива экспедиции в первые два года реализации проекта составили ведущие ученые-этнологи из образовательных, академических и музейных организаций Российской Федерации и Кыргызской Республики. В работу экспедиции на разных этапах включались сотрудники и из других образовательных организаций и музейных центров названных выше стран. Общее руководство экспедиционным проектом осуществляют директор института истории и международных отношений Алтайского государственного университета И.И. Назаров и директор Института истории, археологии и этнологии им. Б. Джамгерчинова, академик Национальной академии наук Кыргызской Республики А.А. Асанканов.

Изначально при проектировании экспедиционных работ планомерное этнографическое изучение было нацелено на выявление этнокультурных связей между обследуемыми группами, в частности между кыргызами и алтайцами. По указанной причине районами полевых работ были избраны в первую очередь скотоводческие регионы Кыргызстана. Осенью 2021 года Международная этнографическая экспедиция «Большой Алтай: Россия-Кыргызстан, 2021» в составе двух отрядов, включивших 20 исследователей, провела полевое изучение оседлого и полукочевого кыргызского населения в северных и центральных регионах: Иссык-Кульской и Нарынской областях Кыргызской Республики. Руководством проекта было принято решение в 2022 году продолжить экспедиционное изучение в Кыргызстане, охватив при этом южные регионы этой страны [1, 2, 3].

В июле 2022 года Международная этнографическая экспедиция в составе 15 ученых осуществила свои работы в Чон-Алайском районе Ошской области Кыргызстана. Организаторами исследований выступили: Ошский государственный университет (руководитель от вуза Т.А. Айтбаев), Алтайский государственный университет (руководитель от вуза И.И. Назаров) и Кыргызский национальный университет им Ж. Баласагына (руководитель от вуза А.Р. Бикбулатова). Этот экспедиционный проект получил

название «Большой Алтай: от Алтая до Чон-Алая», обозначив символическую связь этнической истории кыргызов, сохраняющих до настоящего времени устойчивое представление об Алтае, как о своей прародине.

Кыргызы, проживающие в Чон-Алайском районе Ошской области Кыргызстана – это самая южная в пределах страны кочевая группа, освоившая высокогорные пастбища Памиро-Алайской горной системы. Данная территория с особым климатом, включающая остепенённые ландшафты на высоте свыше 3500 метров над уровнем моря, предопределила преобладание здесь полукочевого скотоводства с ограниченным орошаемым земледелием и огородничеством. Чон-Алайские кыргызы в силу изолированности и природно-климатической специфики территории их проживания сохранили наиболее архаичные элементы скотоводческого хозяйства и системы жизнеобеспечения. Вместе тем, местное кыргызское население испытало заметное влияние таджиков, проживающих в соседних с Чон-Алаем районах Таджикистана. Указанные особенности – архаичные элементы скотоводческой культуры, претерпевшие адаптацию к местным условиям, а также результаты кыргызско-таджикского культурного взаимодействия оказались в фокусе работы экспедиции.

Экспедиционный отряд в качестве базы избрал районный центр с. Дорот-Коргон, выезжая из него в близлежащие и отдаленные аулы (Кара-Мык, Кара-Теит, Жаш-Телек, Чак, Кок-Суу, Жар-Баши) и стойбища (Арча-Кечуу, Чолок-Кайен). Маршрутно-кустовой метод позволил обследованием значительную часть территории Чон-Алайского района, получить широкий срез сведений по специфике родо-племенной структуры, хозяйственной деятельности, домостроительству, семейной обрядности, пищевым традициям, развитию ремесел и особенностям духовной культуры местного кыргызского населения.

В ходе экспедиционного изучения в частности установлено, что в указанной местности благодаря высокой роли скотоводческого хозяйства, предполагающего летний выпас скота на высокогорных пастбищах хорошо сохранились

традиции изготовления и использования войлочной юрты (*боз уй*). В отличие от юрт из других районов Кыргызстана, *боз уй* из Чон-Алая менее украшены, но заметнее утеплены, их конструктивные элементы более функциональны и связаны с местными суровыми природными условиями.

Как и в других регионах Кыргызстана, отличающихся высокой ролью скотоводства, в Чон-Алайском районе отмечена высокая сохранность традиционной системы питания, в которой значительное место занимают мясные блюда (баранина, конина), кисломолочные продукты (*айран*, *курут* и т.п.) а также различные лепешки домашнего приготовления (*паттыр-нан*, *казан-нан*, *каттама*, *чабатти* и др.). На летней стоянке (*джайлоо*) Чолок-Кайен члены экспедиции смогли наблюдать различные способы приготовления лепешек, в том числе, и видимо архаичный способ выпекания над костром в большом казане.

В августе 2022 года полевое этнографическое изучение в рамках международного экспедиционного проекта было перенесено на территорию Российской Федерации. Экспедиция получила название «Большой Алтай: тюркское наследие, 2022» и осуществила свои работы на территории Шебалинского, Усть-Канского и Онгудайского районов Республики Алтай. Объектом изучения отряда, включившего 15 исследователей из России и Кыргызстана, стали южные алтайцы (алтай-кижи), сохраняющие скотоводческие традиции. Организаторами экспедиции выступили Алтайский государственный университет (руководитель от вуза И.И. Назаров), Горно-Алтайский государственный университет (руководитель от вуза С.Б. Сарбашева) и Институт истории, археологии и этнологии им. Б. Джамгерчинова Национальной академии наук Кыргызской Республики (руководитель А.А. Асанканов).

Работа экспедиции была выстроена по маршруту: Барнаул, Горно-Алтайск, Черга, Каспа, Шыргайта, Усть-Кан, Кырлык, Мендур-Соккон, Ябоган, Ело, Кулада, Боочи, Бичикту-Боом, Онгудай, Купчегень, Горно-Алтайск, Барнаул. Обозначенный маршрут позволил охватить территорию центральных районов Республики Алтай и исследовать

особенности хозяйства и культуры групп алтайцев в разных природно-климатических зонах.

В ходе работы выявлены в частности, устойчивые практики приготовления традиционных алтайских блюд (*чегень, курут, питтак, талкан* и др.), высокую роль мясной пищи, сохранение норм в подношении частей туши барана разным категориям населения в зависимости от пола, возраста и статуса. Как и в Кыргызстане, на Алтае исследователи отметили высокую сакральную роль традиционного жилища (у кыргызов юрты *боз уй*, у алтайцев – *чадыр*, или *айил*) в современной семейной обрядности. Сооружаемые сегодня традиционные дома (*айилы*) это не просто объекты хозяйственного назначения (летние кухни), или главный элемент свадебного обряда, но также и своего рода способ выражения этнической идентичности. В селах Каспа и Бичикту-Бом были зафиксированы два старинных конусовидных жилища – *аланчык*. В настоящее время этот древний тип жилища выходит из быта алтайцев, уступая место современным и более функциональным вариантам. Сохранившиеся образцы традиционного *аланчыка* позволили описать все детали и архитектуру старинного жилища.

Во всех населенных пунктах Республики Алтай, где работала экспедиция, была отмечена высокая активность алтайского населения по сохранению и возрождению своей традиционной культуры. Мастера-ремесленники воссоздают как необходимые для современной системы жизнеобеспечения предметы (конскую упряжь, плетки, головные уборы, одежду, обувь, орудия труда и т.п.), а также производят сувенирную продукцию на продажу. Значимость этого вида деятельности для устойчивого развития местных сообществ осознается руководством муниципалитетов. По инициативе районных администраций Усть-Канского и Онгудайского районов на их территории были организованы научно-практические семинары по развитию традиционных ремесел, в работе которых приняли участие мастера-ремесленники и члены экспедиции.

Во многих населенных пунктах, где осуществляла свои работы экспедиция, алтайцы по-прежнему алтайцы занимаются

скотоводством. В этих селах в последние годы приобрела большую популярность национальная игра «Кök бөрү». Известно, что идею проведения этой конно-спортивной игры алтайцы в 2003 году позаимствовали из Кыргызстана. Сегодня игра «Кök бөрү» получила развитие во многих районах Республики Алтай и стала одним из видов состязаний на Межрегиональном празднике Эл Ойын. Кыргызско-алтайские этнокультурные контакты, ставшие главным предметом экспедиционного изучения международного российско-кыргызстанского коллектива, в ходе полевой работы обозначили таким образом и аспекты современного взаимодействия народов и культурного обмена между ними.

В ходе названных выше экспедиций лета 2022 года их участники таким образом сконцентрировали внимание на изучении отдельных тем кыргызской и алтайской этнографии. Это позволило зафиксировать и детально описать сохранившиеся явления традиционной культуры кыргызов и алтайцев: скотоводство, систему питания, мужскую и женскую одежду, орнамент, жилище и его убранство, традиционные ремесла, народные знания, религиозные верования и обряды, орнамент, фольклор, сакральные места и языковые практики. Особое внимание было уделено изучению механизмов сохранения и воспроизводства традиций в современном кыргызском и алтайском обществе. Многие из зафиксированных в экспедиции явлений сохраняются в силу их большой функциональной значимости в современной скотоводческой деятельности и в семейной обрядности кыргызов и алтайцев. В крупных и малых населенных пунктах Иссык-Кульской, Нарынской, Ошской областей Кыргызстана и в Республике Алтай в России, встречена высокая активность населения по изучению сохранению своего этнокультурного наследия. Это выражается в частности в формировании специфических локальных музейных собраний, в создании в сельских населенных пунктах этнических визит-центров, в воспроизводстве современными ремесленниками явлений традиционной кыргызской или алтайской культуры на продажу, в том числе и в туристической сфере.

Высокая сохранность явлений традиционной кыргызской и алтайской культуры позволяет на этой основе изучать общие для всех тюркских народов Большого Алтая и Центральной Азии цивилизационные ценности и практики. Собранные международной экспедицией сведения в Кыргызстане и на Алтае позволили по-новому взглянуть на этногенетические и этнокультурные взаимосвязи кыргызов и алтайцев. Результаты аналитической работы нашли отражение в совместных научных публикациях членов экспедиции [4]. Ведется работа над коллективной монографией об этнокультурных параллелях кыргызов и алтайцев. Предварительные итоги этнографических экспедиций 2022 года позволили ее организаторам наметить на 2023 год продолжение совместной этнографической работы в Кыргызстане и на Алтае.

Список литературы:

1. Асанканов А.А., Октябрьская И.В., Назаров И.И. Об итогах первой международной этнографической экспедиции "Большой Алтай: Россия - Кыргызстан, 2021" // Тюрко-монгольский мир Большого Алтая: историко-культурное наследие и современность: материалы II международного алтаистического форума. - Барнаул, 2021. - С. 58-62.
2. Назаров И.И., Бикбулатова А.Р. О работе первой международной этнографической экспедиции "Большой Алтай" в Кыргызской Республике // Полевые исследования в Верхнем Приобье и на Алтае: археология, этнография, устная история и музееведение 2020-2021: Сборник научных трудов. Под ред. Т.К. Щегловой, М.А. Демина, Н.С. Грибановой, Н.Н. Головченко. - Барнаул, 2021. - С. 238-243.
3. Октябрьская И.В., Нехвядович Л.И., Назаров И.И. Комплексные этнографические и этнокультурологические исследования общности тюркских народов Большого Алтая // Культурное наследие Сибири. [Международный научный журнал]. - Барнаул, 2021. - № 2 (32). - С. 44-49.
4. Oktyabrskaya I.V., Alymkulova S.K., Nazarov I.I., Samushkina E.V. The Kyrgyz Republic: Concept, Strategies, and Practices for the Preservation of the National Cultural Heritage // *Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia*. 50/2. (2022). S. 128–139.

Сведения об авторе: Назаров Иван Иванович, кандидат исторических наук, доцент, директор Института истории и международных отношений Алтайского государственного университета, эксперт научно-образовательного центра алтаистики и тюркологии «Большой Алтай» (Барнаул, Россия), e-mail: nazarov@email.asu.ru

Гречнева Н. В., Чурикова Т. И.

Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

**Женские традиционные украшения коренных жителей
Республики Алтай (конец XIX - начало XXI в.)**

Украшения являются неотъемлемой и важной частью народного костюма, в украшениях заложен глубокий сакральный смысл. По идентификации украшений, нетрудно установить культурную связь алтайского народа с бурятами, хакасами и др. народами тюркоязычной группы. Термин «алтайцы» авторы статьи используют в собирательном значении, традиционно выделяют две большие группы населения Горного Алтая: северные алтайцы и южные алтайцы. Авторы рассматривают технологию и материалы, из которых изготавливались женские украшения. Приведены примеры современных коллекций дизайнеров одежды и украшений.

Ключевые слова: алтайцы, этнический костюм, женские украшения, наконники, серьги, кольца.

Grechneva N. V., Churikova T. I.

Altai State University (Barnaul, Russia)

**Women's traditional jewelry of the indigenous inhabitants of the
Altai Republic (late XIX - early XXI century)**

WOIJewelry is an integral and important part of the folk costume, often a deep sacred meaning is embedded in the jewelry. By identifying jewelry, it is possible to establish a cultural connection between the Altai people and the Buryats, Khakasses and other peoples of the Turkic-speaking group. The authors of the article use the term "Altaians" in a collective sense; they traditionally distinguish two large groups of the population of Gorny Altai: northern Altaians and southern Altaians. The authors consider

the technology and materials from which women's jewelry was made. Examples of modern collections of designers of clothes and jewelry are given.

Key words: altaians, ethnic costume, women's jewelry, braids, earrings, rings.

Актуальность темы исследования определяется той ролью, которую играл и продолжает играть национальный костюм в традиционной культуре народа, в определении своего этнического самосознания, поскольку традиционная одежда несет в себе закодированную информацию о религиозных верованиях, раскрывает глубокие культурные связи с другими народами. На современном этапе в связи с ростом национального самосознания и возрождением традиционной культуры, интерес к народному костюму возрастает. Осмысление и трансформация народного костюма находит место в творческом поиске современных дизайнеров одежды, создающих на основе лучших образцов национального костюма новые неожиданные и яркие образы.

Задачей данной статьи является проведение классификации женских украшений, определение основных материалов которые использовались для изготовления украшений и способы их ношения. А также выявление влияния на современные направления моды традиционных женских национальных украшений.

Ранее тема национальной одежды и украшений в том числе, как важной части традиционного костюма, исследовалась в работах крупных ученых XIX-XX вв., таких как: Г.И. Спасский, К.Ф. Лебедур, В.В. Радлов. Знаковую сторону одежды алтайцев изучали Н.Ф. Прыткова, А.В. Эдоков. Потапов Л. П. подробно проанализировал одежду алтайцев, украшения, прически и разделил их по полу, возрасту и принадлежности к этнической группе в своей статье «Одежда алтайцев»[1]. Глубокое исследование по семантике костюма проведено в работах Л.И. Нехвядович и А.С. Нечаевой «Семиотика национального костюма в системе алтайской традиционной культуры» [2], Т.П. Алексеевой, Н.В. Виночкиной «Символика и эстетика декора алтайского национального

костюма» [3]. Наиболее ценное значение для нас имеет статья Н.И.Клюевой, Е. А. Михайловой «Накосные украшения у сибирских народов» [4], где авторы изучали смыслы и значение накосных украшений алтайских женщин. В статье С. В. Романовой «Новые источники по костюму Алтай-кижи и теленгитов в фондах российского этнографического музея (по материалам экспедиции 2006 года)» содержатся ценные сведения по украшениям и фотоматериалы [5].

Большинство авторов определяют влияние на алтайский костюм двух основных факторов: природно-климатических условий и торгово-экономических и культурных связей с другими регионами (например, с Китаем, Монголией, Россией). В этнографических исследованиях ученых-алтаеведов принято выделять две большие группы населения горного Алтая, в быте и одежде которых имеются существенные отличия: это северные и южные алтайцы. Например, в северной части, у тубаларов Турочакского района, традиционная одежда и украшения почти не сохранились, а в южных районах, среди теленгитов, сохранилась лучше. Типология украшений разрабатывалась разными исследователями, например, Яковлева К. М. приводит следующую классификацию украшений алтайцев:

Женские украшения можно разделить на следующие большие группы:

1. Накосные украшения – чач – пууш, тана;
2. Ушные – сырга;
3. Нагрудные – тоштик;
4. Поясные – кур;
5. Ручные (кольца, перстни, браслеты) [6].

Длинные и густые волосы считались всегда признаком женской красоты, поэтому алтайские девушки и женщины удлинняли свои косы специальными съёмными украшениями – накосниками, верхние концы которого вплетались в косы, а нижние в виде низок бисера и раковин каури спускались до пояса (Рис.1). Волосы девушки обязательно должны быть украшены, считалось, что такое украшение, выполняет роль оберега. Уже при рождении девочки родственники дарили ей

бисер, бусы, раковины каури для будущих украшений. Алтайцы считали, что раковины каури оберегают малышку от сглаза, бусины принесут богатство, а круглые пуговицы подарят долголетие. У алтайских девочек принято было заплетать много тонких косичек (обычно заплетали нечетное число). Девичье украшение называлось «чач-пууш», женское украшение – «тана» [4]. Когда девочка достигала брачного возраста, ее прическу украшали специальным накосником – «шанкы». Это украшение состояло из кусочков парчовой ткани и разной длины низок бус, в конце украшенных раковинами каури. «Шанкы» могло быть очень длинным и для удобства его заправляли под пояс, при движении девушки раковины слегка позвякивали. «Девушки брачного возраста отпускали волосы спереди и носили их, разделив пробором. И эти пряди, и накосные украшения назывались шанкы. Косы на затылке украшались так же, как и у девочек, но к их концам прикрепляли еще деревянные палочки. У замужних женщин должно было быть четное количество кос, чаще всего две, и назывались они тулун. Их носили спущенными ниже пояса. Отправляясь в гости, или принимая гостей, женщина перебрасывала косы на грудь. Соединялись они между собой несколькими нанизываниями из пуговиц и раковин каури (ъяламаш). На конце кос прикрепляли иногда и ключи. Алтайские женщины вплетали в косы низки раковин каури, заканчивающиеся железными стерженьками (темир токпок) [7, с. 133].

Важным элементом брачной церемонии было переплетение девичьей прически, невесте заплетали две косы, как символ удачного замужества, и украшали каждую из кос, вплетая в нее темные нити с перламутровыми круглыми пуговицами (обычно по 6 штук) или металлическими бляшками. У теленгитов встречается парный накосник, состоящий из нанизанных на тонкие кожаные тесемки связок раковин каури, которые могли чередоваться с металлическими кольцами. Прическа показывала социальный статус женщины, например, вдова должна была соединять две косы в одну и не носить украшений, женщина, имеющая внебрачного ребенка, заплетала

волосы в три косы. В настоящее время алтайские мастерицы изготавливают традиционные накосники, стараясь соблюдать традиции, но вместе с тем, они вносят и современные элементы, делают украшения более легкими и удобными в использовании. Надевают алтайские женщины такие украшения чаще всего во время проведения национальных праздников или обрядов, таких как Эл Ойын, Чага – байрам, свадьба.

Из поясных украшений встречаются медные пряжки, но традиции их изготовления в настоящее время утеряны, а сохранившиеся считаются семейными реликвиями. В современной коллекции сценических алтайских костюмов дизайнера Аржаны Кензиной можно увидеть обращение к подобному поясному украшению.

В традиционном женском алтайском костюме существовало важное дополнение к костюмному комплексу - украшение “бельдуш” (в разных источниках его называют “бель”, “пельдуш”), которое надевали поверх чегедека. Это украшение представляло собой медную фигурную бляху, прикреплявшуюся на левом боку. К нему прикрепляли нитки бисера или бус, ключи, навешивали мешочки с пуповинами детей, огниво, кисет (*калта*) из кожи с тиснением или нашитым кожаным орнаментом и украшением из бус на цветных шнурках с концами в виде кисточек из цветной шерсти, игольницу. « К поясу женщины подвешивают особое украшение *бель* или *пельдуш*, состоящее из медной фигурной бляхи, к которой подвешены нитки бисера или бус; к ним подвязывают ключи от сундуков или ящиков, находящихся в ведении хозяйки дома» [1, с. 43].

Для многих народов проживающих на территории Сибири является типичным особое отношение к детским пуповинам (киндик). От их сохранности зависела судьба и здоровье ребенка, поэтому на поясе матери прикреплялся особый аксессуар в виде сшитых чехольчиков, иногда могли крепиться к накосникам матери. Бельдуш был не только украшением, но и давал важную знаковую информацию - по нему можно было определить сколько детей имеет женщина. Это количество равнялось количеству мешочков, закрепленных на украшении.

Мешочки для пуповин были разные, их форма менялась в зависимости от пола ребенка: мешочки треугольной формы указывали на женский пол, а стрелообразные мешочки - на мужской пол ребенка [1, с. 43]. Треугольная форма в мешочках для девочек указывала на предназначение в будущем. Имелось ввиду то, что девочке предстоит стать хранительницей огня и она, буквально, будет проживать жизнь у треножного очага.

Бельдуш имел важное значение для статуса женщины, потому, что алтайцы считали достоинством женщины наличие у нее детей. Часть с пуповинами считалась в старину оберегом для здоровья и жизни матери и детей. Бельдуш носили только в сочетании с классической длиннополой безрукавкой, с ее стилизованным вариантом бельдуш не использовался.

В настоящее время алтайцы используют длиннополую безрукавку с застежкой в виде крючков и пуговиц, что отличает ее от своих предшественников, а металлическую подвеску не используют совсем, вместо нее пришивают детали, имитирующие игольницу и пуповины детей. Игольницы представляют собой кожаный мешочек, украшенный бисером, бусами или раковинами.

Излюбленным украшением девушек и женщин были и остаются кольца и серьги. «Девушки носят серьги, а отсюда и наименование девушки – невесты сыргалу «имеющая серьги» [1, с. 44]. Серьги изготавливали из медной проволоки, скрутив ее в кольцо, на проволоку нанизывали бусины. Иногда серьга состояла из ушка и подвески. Для ушка проволоку изгибали и приделывали к ней медную ажурную пластинку. Пластинка украшалась насечкой в виде стилизованного орнамента, в нижней части пластинки делали отверстия для крепления низок бисера. Кольца носили в основном гладкие или с небольшими насечками. Для изготовления женских украшений алтайцы чаще всего использовали серебро, бронзу, ткань, кожу, раковины моллюсков, бисер. Несмотря на годы гонений на национальный костюм, прически и украшения в начале и середине XX века традиции не были полностью утеряны. В настоящее время алтайские мастерицы могут изготовить национальное украшение высокого качества с использованием мотивов

народного творчества. Эти украшения очень востребованы, алтайские женщины предпочитают носить их во время проведения обрядов и народных праздников.

В 2018 году в Горно-Алтайске состоялся фестиваль этнической моды «Алтын Оймук». В нем приняли участие сразу несколько дизайнеров, работающих над возрождением наследия алтайского национального костюма. Это Зинаида Таханова, Кемине Сатунова, Айжана Какпакова, Валентина Саксаева, Айсулу Такина, Чейнеш Саданчикова, Валерия Пакшина. Дизайнеры одежды представили на фестивале современные стилизованные и традиционные костюмы народов Горного Алтая. Часть этих дизайнеров также участвовали в конкурсе «Этно-Эрато». В номинации «Лучший ретро этнический костюм» самую высокую награду получила дизайнер одежды Айсулу Такина, а третье место заняла Валентина Саксаева с войлочной коллекцией. В номинации «Лучший костюм Сибири и Дальнего Востока» второе место заняла Зинаида Таханова. Айсула Такина также является народным мастером РФ, проводит выставки своих работ, посвященных возрождению алтайского национального костюма.

Ведущие дома моды, дизайнеры одежды периодически обращаются к этнической теме в костюме, такие как Gucci, Dior, Elie Saab, Dolce & Gabbana, Louis Vuitton, Valentino и др. Данные модельеры, дома мод используют в своем творчестве, в целом, азиатскую тему. Модный дом Dior в 1953 году создал платье «Японский сад», украшенное ветками сакуры. Волосы моделей также были украшены веткой сакуры.

Локальные бренды и дизайнеры одежды в России активно развивают тему азиатского костюма, а именно - алтайского национального костюма в своих работах, наиболее интересного нам в рамках данного исследования. Так, Аржана Кензина, уроженка Горно-Алтайска, ныне дизайнер из Москвы занимается возрождением алтайского национального костюма - создает коллекции одежды и украшений для сценических выступлений с использованием традиционных мотивов алтайского национального костюма. Аржана является победителем межрегионального национального праздника «Эл-

Ойын”, призером конкурса высокой моды национального костюма “Этно-Эрато”, участником мирового конгресса в Нью-Дели. Дизайнер выпустила альбом “Куулгазынду кулжалар” (“Волшебные узоры”) с иллюстрациями стилизованных современных и традиционных костюмов. Альбом включает в себя мужские и женские традиционные костюмы, свадебные наряды, вечерние платья, сценические костюмы для фольклорных ансамблей [8].

Подводя итог можно констатировать, что передавая традиции изготовления и ношения украшений, от поколения к поколению алтайцы сумели сохранить неповторимые особенности национальной ювелирной культуры. Данная тема, как и публикации по ней будет интересна не только этнографам и дизайнерам по костюму, но и широкому кругу интересующихся историей и культурой тюркских народов.

Рис. 1 Накосное украшение девушки-телеутки.
(Фото из статьи Потапова Л. П. «Одежда алтайцев»)

Список литературы:

1. *Потапов Л. П.* Одежда алтайцев. // Сборник Музея антропологии и этнографии. Москва. 1951. - Вып. 13. - С. 5-59.

2. *Нехвядович Л. И., Нечаева А. С.* Семиотика национального костюма в системе алтайской традиционной культуры // Костюмология. 2020. № 4. Т. 5.
3. *Алексеева Т. П., Виницкая Н. В.* Символика и эстетика декора алтайского национального костюма // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2016. № 2 (22). С. 5–20.
4. *Клюева Н. И., Михайлова Е. А.* Накосные украшения у сибирских народов.// Материальная и духовная культура народов Сибири: Сб. Музея антропологии и этнографии, Т. ХЛП - / Клюева Н. И., Михайлова Е. А. - Л.: Наука, 1988. – С. 113 -128.
5. *Романова С. В.* Новые источники по костюму Алтай-кижи и теленгитов в фондах российского этнографического музея (по материалам экспедиции 2006 года) // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2008. - Вып.1. - С. 241-249.
6. *Яковлева К. М.,* Типология украшений народов тюркской и монгольской группы алтайской языковой семьи Сибири конца XIX начала XX вв. //Известия Алтайского государственного ун-та. – 2011.- № 4 – 21 (72). – С. 220 - 225.
7. *Радлов В.В.* Образцы народной литературы Тюркских племен, живущих в Южной Сибири и Дзунгарской степи – Ч. 4: Наречия барабинцев, тарских, тобольских и тюменских татар / Радлов В.В. - Санкт-Петербург: типография Императорской академии наук, 1866. - 411 с.
8. Альбом «Волшебные узоры» <https://altapress.ru/afisha/story/v-gornom-altae-izdali-albom-وناتsionalnih-kostyumah-molodogo-kutyure-arzhani-kenzinoу-119687> (Дата обращения 20.10.2022)

Сведения об авторах: Гречнева Наталья Владиславовна, к. искусствоведения, доцент, ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет» (Барнаул, Россия), e-mail: grechneva-nata@mail.ru;

Чурикова Татьяна Ивановна, магистрант 2 курса института гуманитарных наук ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет» (Барнаул, Россия), e-mail: tatyana.churikova.96@mail.ru

Нечаева А.С.

Алтайский государственный университет, Барнаул (Россия)
**Орнаментальное декорирование в ювелирном искусстве и
обработке металла тюркских народов Горного Алтая**

В статье рассматривается орнамент как один из наиболее устойчивых элементов декоративно-прикладного искусства тюркских народов Горного Алтая, сохраняющийся в течение тысячелетий. Автор анализирует состояние научной разработанности темы, причины востребованности орнамента в декоративно-прикладном искусстве алтайцев на протяжении веков, основные орнаментальные мотивы в ювелирном искусстве и обработке металла тюркских народов Горного Алтая. В декоративно-прикладном искусстве Горного Алтая существуют устойчивые орнаментальные традиции, связанные с определенными этапами истории и культурными традициями алтайского этноса. Знаково-символический язык, имеющий непосредственное отношение к жизнедеятельности человека, представляет определенные аспекты картины мира.

Ключевые слова: этнокультурная традиция, орнаментика, семантика орнамента, национальная культура, тюркские народы, ювелирное искусство.

A.S. Nechaeva

Altai State University, Barnaul (Russia)

**Ornamental decoration in jewelry and metalworking of the
Turkic peoples of the Altai Mountains**

The article considers the ornament as one of the most stable elements of decorative and applied arts of the peoples of Gorny Altai, which has been preserved for thousands of years. The author analyzes the state of scientific development of the topic, the reasons for the demand for ornament in the decorative and applied arts of the Altaians for centuries, main ornamental motifs and traditions of their use in the decoration of the jewelry art and metalworking of the Turkic peoples of the Altai Mountains. In the DPI of Gorny Altai, there are stable ornamental traditions associated with certain stages of the history and cultural traditions of the Altai ethnic group.

Keywords: ethnocultural tradition, ornamentation, ornament semantics, national culture, Turkic peoples, jewelry art.

Актуальность исследования. Изучение декора в ювелирном искусстве и обработке металла тюркских народов Горного Алтая актуально как при изучении истории Алтая, так и в процессе формирования современных этнокультурных традиций. **Объект исследования** - декоративно-прикладное искусство тюркских народов Горного Алтая; орнаментальное декорирование в ювелирном искусстве и обработке металла рассматривается как **предмет** исследования. **Целью исследования** является анализ орнаментальных традиций алтайского национального искусства, через семантику орнаментальных мотивов ювелирных изделий и художественной обработки металла. Это предполагает постановку следующих **задач**: 1) выявление в ходе эмпирического анализа материала характерных особенностей алтайской орнаментики; 2) изучение орнаментального декора в ювелирном искусстве и обработке металла тюркских народов Горного Алтая. В работе использован метод ретроспективного анализа развития традиционной культуры алтайцев, свидетельствующей о древности возникновения ювелирного искусства и обработки металла: от скифского периода пазырыкской культуры до изделий современных мастеров, а также методы описания и искусствоведческого анализа произведений декоративно-прикладного и народного искусства. Тема статьи рассматривается с позиций принципов генерализации, в основе которых лежит мифология, символика, эмблематика, что позволяет раскрыть понятие образности орнаментального декорирования в ювелирном искусстве и обработке металла тюркских народов Горного Алтая.

Литературный обзор. Первой попыткой дать характеристику развитию металлообработки древнего населения Горного Алтая стали работы В.В. Радлова, изданные во второй половине XIX в. В более поздний период С.И. Руденко дал характеристику развитию металлообработки у населения раннего железного века. Раннесредневековые тюркские бронзовые и серебряные изделия, найденные на Алтае, изучены Н.В. Росляковой и Ю.Г. Щербаковым. Исследования орнаментального декорирования в ювелирном искусстве и

обработке металла тюркских народов Горного Алтая проводили С.В. Иванов, С.Н. Киселев, В.Н. Чепелев, Г.А. Федоров-Давыдов, Л.Р. Кызласов, Г.Г. Король и др.

Обсуждение. Ювелирное искусство и художественная обработка металла тюркских народов Горного Алтая, как часть их материальной культуры, имеет многовековые традиции. При изучении украшений металлических изделий автором исследования изучены не только признаки, определяющие сущность понятия «орнамент» (элементы, мотивы, композиции), и украшения, имеющие форму того или иного орнаментального мотива, но и отдельные изображения и фигурки животных.

Результаты исследования. В исследовании применялся комплексный подход, предполагающий анализ исторических, искусствоведческих, этнографических трудов и полевых материалов. Известно, что одним из основных принципов орнамента является ритм и четкая повторяемость его мотивов. Однако при изучении орнамента как составной части декоративно-прикладного искусства невозможно оставаться в строгих рамках определений. Ювелирные украшения отражают особый эстетический строй алтайского орнамента, а изображения животных являются деталями композиций. В сочетании с ритмично расположенными элементами растительных мотивов они образуют целостный сюжет. Полную характеристику звериных образов и их семантику затруднительно определить без привлечения отдельных изображений животных, птиц и рыб, которыми украшаются поверхности изделий из металла. Дополнительным материалом для исследования зооморфных мотивов могут служить бронзовые рельефы, изображающие реальных животных. Это один из ярких образцов алтайского прикладного искусства средневекового периода. Кроме мотивов птиц и рыб, мастерами художественной обработки металла Горного Алтая использовались мотивы, изображающие зверей. Распространены сцены «терзания животного» - также отголосок древнего искусства скифского времени. В.Д. Кубарев отмечает совпадение иконографической схемы сцены терзания с изображениями петроглифов, выявленное отличие лишь в том,

что в наскальной композиции жертвенное животное замещается фигурой человека. Все животные представлены шестью наиболее часто встречающимися изображениями: тигра, снежного барса, степной собаки, кабана, лани и горного козла. Они дополняют набор уже известных зооморфных образов. Рассмотренные особенности орнаментации и искусства художественной обработки металлов алтайских мастеров заключаются в следующем: черты анимализма в трактовке животных и птиц, центральная роль зооморфных мотивов при связи с растительными на предметах с небольшой украшаемой поверхностью, изготовление отдельных фигурок животных в виде рельефов или плоских амулетов и т.п.

Для художественных традиций скифо-сибирского звериного стиля характерно стилевое единообразие рисунков, которое можно обозначить как стиль аппликации. Контур силуэтных фигур не перегружен деталями, плавные линии передают характерные черты, помогающие идентифицировать видовые признаки и несовершенное действие, угадываемое в статичных профилях персонажей. Ажурные элементы - миндалевидные глаза, солярные знаки-волюты, сложное переплетение линий и «шевроны» на туловище, оскаленная пасть и когтистые лапы зверя - акцентируют важнейшие семантические качества воплощенных образов. Десятки однотипных мотивов, созданных будто по лекалам, свидетельствуют об устойчивом навыке художников-аппликаторов, сложившемся в работе с иными материалами - деревом, костью, войлоком и пр. Для орнамента в ювелирном искусстве древнего Алтая характерны три основных вида симметрии: розетки, бордюры, сетки. По мнению С.И. Иванова, наиболее древними следует считать символы, свойственные всем материалам или их большинству. Бордюры с зооморфными символами он считает типичными для тюркоязычных народов Сибири и Средней Азии. Розетки получают распространение в орнаментике и характеризуют орнаментацию металлических изделий. Наиболее характерны симметричные розетки, составленные в основном из растительных мотивов, а также зооморфных и криволинейных геометрических мотивов,

украшающих небольшие поверхности бляшек и других изделий. Сетки практически отсутствуют в орнаментации [1, с. 66].

Орнамент на металлических изделиях включает три типа: геометрический, растительный и зооморфный. Происхождение каждого типа раскрывает, с одной стороны, генетическую связь деятельности древнетюркских мастеров с опытом и художественными традициями предшествующей культуры и сохранение ряда особенностей, являющихся пережитками скифо-сибирского «звериного стиля». С другой стороны, орнаментальное искусство представляет собой одно из наиболее ярких выражений универсальности стиля степного орнаментализма, заключающегося в распространении растительной орнаментации, что отвечало новым взглядам на содержание художественного образа украшаемого предмета.

В курганах Курая, Туекты и Катанды впервые стал появляться рогообразный мотив «кульдя», ставший позднее неотъемлемым элементом орнамента тюрков и монголо-язычных народов». Г.А. Федоров-Давыдов обращает внимание на то, что характерной чертой орнаментального искусства степных народов в раннем Средневековье является победа «собственно орнаментального начала», господствующая роль растительного орнамента, подчинение ему зооморфного. Структура узора, связанность всех его деталей составляют стилистическую основу нового орнаментализма. Все это характеризует тонкий вкус и высокий уровень мастерства древнетюркских ювелиров и художников, их умение в прикладном искусстве находиться на уровне высших достижений искусства самых высокоразвитых, цивилизованных стран того времени [2, с. 106]. Зооморфный орнамент на металлических изделиях в декоративном искусстве Горного Алтая представлен изображениями хищников и фантастических животных, бляхами-фигурами и бляхами с концами в виде голов животных, копытными животными. Стоящие, скачущие животные (бляхи, фигуры), амулеты-обереги в виде парных голов или фигурок животных, повернутых в разные стороны; птицы - фениксы, петухи, парные уточки, порхающие птички; рыбы [3, с. 102]. В орнитоморфном декоре металлических

изделий встречаются круговые композиции из трех голов грифонов, изображенных в трехмерном пространстве. Одним из ярких образов звериного стиля эпохи раннего железа на территории Южной Сибири являются профильные и объемные золотые изображения горных козлов (та-утеке). В торевтике эпохи раннего железа это животное достаточно хорошо идентифицируется по форме своих рогов: они изображались изогнутыми, а не закрученными, как у архара. А.П. Бородавский высказывает предположение о том, что изображение рогов горных козлов без рельефа на объемных изделиях из золота могло отражать не столько технологические, сколько стилистические особенности и, возможно, половую принадлежность изображенных животных [4, с. 76]. Геометрические мотивы в алтайском ювелирном искусстве представлены простейшими горизонтальными прямыми линиями, часто входящими в композиции с центральными геометрическими розетками. В древнетюркской культуре они украшают четырехугольные и пятиугольные уздечные и наременные бляшки. Интересны бронзовые бляшки, напоминающие раскрытую книгу. Они известны с разветвленных поселений Хакасско-Минусинской котловины. Отнести их к IX-X вв. позволяет аналогичная находка на Алтае в датированном тем же временем тюркском погребении с конем. Геометрические мотивы включают прямые, зигзагообразные, ромбические, треугольные фигуры и криволинейные мотивы (сердцевидные, спиральные и розетки). Прямые линии в виде выпуклых валиков украшают сегментовидные и сердцевидные литые из бронзы или штампованные из серебра поясные и портупейные бляшки. Зигзагообразным мотивом, выполненным серебряной инкрустацией по железу в сочетании с растительными мотивами, украшали стремена.

В источнике из фондов МАЭ И 122-35 «Стремена» Алтайцы. Этнографический рисунок Г.И. Чорос-Гуркина, используется геометрический орнамент, мотивы которого размещаются по всей форме предмета и подчеркивают ее. В нижней части стремян изображен меандровый орнамент «алака». Декорацией верхней дугообразной части стремян

является орнамент «чычалкай» (облепиха). Два орнамента объединяет мотив, имеющий сходство с символом «древо жизни». Учитывая, то что меандром «алака» украшаются мужские предметы, а символом «чычалкай» женские, можно сделать вывод о том, что мотив «древо жизни» в рассматриваемой композиции является связующим элементом. Проявлением ритма является повторность элементов, мерность их чередования. Отдельные узоры орнаментики подчинены общему замыслу, пространственно не обрываются, предполагают целостность и цикличность. Анализируя источники Оп.Б 808/232; ГИМ 78209/232 «Наконечник щитовидный», Оп.Б 808/265; ГИМ 78209/265 «Бляшка вырезная», Оп.Б 808/214; ГИМ 78209/214 «Наремная бляшка», Оп.Б 808/295; ГИМ 78209/295 «Наремная бляха», Оп.Б 808/239/2; ГИМ 78209/240 «Наконечник щитовидный», Оп.Б 808/241; ГИМ 78209/242 «Бляшки-лунницы», Оп.Б 808/298; ГИМ 78209/298 «Наремная бляха», Оп.Б 808/225; ГИМ 78209/225 «Наремная бляшка», находящиеся на хранении в фондах Государственного исторического музея, автор применяет методы описания и искусствоведческого анализа произведений декоративно-прикладного и народного искусства. Все источники объединяет материал, техника: серебро. Место находки: Россия, Алтай, Ойротская авт. обл., Кош-Агачский аймак. Характерной чертой орнаментальных мотивов всех предметов является господствующая роль растительного орнамента, подчинение ему зооморфного. Структура узора, связанность всех его деталей составляют стилистическую основу орнаментальных композиций. Орнаментальные мотивы: «древо жизни», разные виды лотосного орнамента, цветочные розетки. Мотивы орнамента размещаются по всей форме предметов, подчеркивая ее. Орнаментальные композиции одномотивные, статичные. В основе организации композиции лежит симметрия. Мотивы выглядят орнаментально, использованы приемы стилизации природной формы.

Искусствоведческий анализ этнографических рисунков Г.И. Чорос-Гуркина МАЭ И 122-32 «Узда», МАЭ И 122-37

«Украшение к женскому седлу», МАЭ И 122-36 «Металлические украшения от сбруи лошади» из фондов Кунсткамеры, позволяет сделать выводы о художественных особенностях орнаментации конного снаряжения народов Горного Алтая. Все исследуемые предметы, изображенные на рисунках, предназначены для верховой езды на лошади и зарисованы Г.И. Чорос-Гуркиным в 1930 г. Декорации предметов заполняют большую часть изделий. Зоны орнаментальных украшений взаимодействуют с общими формами предметов и подчеркивают их. Орнаментальные мотивы растительные, геометрические, встречается солярная символика. В композициях используются принципы рядоположенности, симметрии. Следует отметить приемы стилизации природных растительных форм. Основные орнаментальные мотивы: «Глаза» - изображены по три, что означает духа Прародителя Буркана, земля-вода, покровитель животных и священное дерево; круг с точкой в центре; «чечектеп» - многолепестковые розетки, имеющие деление на 6 и 8 частей; линии как символы гор и воды; роговидный узор как благопожелание богатству. Материалы: кожа, металл. Техника: чеканка, тиснение по коже, аппликация. Композиции как рапортные, так и одномотивные, в зависимости от назначения украшаемого предмета. Вышеописанные орнаментальные мотивы украшают этнографический рисунок «Огниво» МАЭ И 122-64 и серьгу, изображенную Г.И. Чорос-Гуркиным в источнике МАЭ И122-62 «Серьга», что может указывать на тенденцию универсального использования орнаментальных мотивов в алтайском декоративно-прикладном искусстве начала XX в.

Выводы. Современное искусство художественной обработки металла представляют успешно работающие ремесленные мастерские. В Республике Алтай отмечаются тенденции восстановления аутентичных традиций в области художественной торевтики. Современные мастера информируют о том, что в своей работе ориентируются на «алтайский конный образ XIX-XX вв.», где традиционная орнаментика наносилась на конное снаряжение как украшение.

С максимальной точностью художниками по металлу реконструируются традиционные формы и декор изделий. Образцами при изготовлении современных изделий декоративно-прикладного искусства являются фотографии археологических находок и образцов музейных фондов. Помимо копирования артефактов, мастера создают уникальные предметы конской сбруи, украшений и других изделий из металла. В настоящее время в технологиях отсутствуют четкие границы, разделяющие орнаментику, используемую в разных видах декоративного искусства.

Заключение. Автор исследования акцентирует внимание на тенденции, характерной для современного декоративно-прикладного искусства Горного Алтая. Это комплексный подход мастеров к орнаментальным традициям предшествующих эпох. Интеграция скифского звериного стиля и орнаментальных традиций тюркской орнаментики, творчески переосмысленные и стилизованные орнаментальные мотивы успешно применяются в изделиях современных мастеров декоративно-прикладного искусства Горного Алтая.

Список литературы:

1. Иванов, С. В. Орнамент народов Сибири как исторический источник: (по материалам XIX – нач. XX вв.). Народы Севера и Дальнего Востока / С. В. Иванов. – Москва; Ленинград: Изд-во АН СССР, 1963. – 500 с. – Текст: непосредственный.
2. Федоров-Давыдов, Г. А. Искусство кочевников и Золотой Орды / Г. А. Федоров-Давыдов. – Москва, 1976. – 245 с. – Текст: непосредственный.
3. Переводчикова, Е. В. Язык звериных образов: очерки искусства евразийских степей скифской эпохи / Е. В. Переводчикова. – Москва: Восточная лит-ра, 1994. – 206 с. – Текст: непосредственный.
4. Бородовский, А.П., Бородовская, Е.Л. Археологические памятники горной долины нижней Катунь в эпоху палеометалла / А.П. Бородовский, Е.Л. Бородовская. - Новосибирск: Издательство Института археологии и этнографии СО РАН, 2013. - 220 с. - Текст: непосредственный.

Сведения об авторе: Нечаева Анна Сергеевна, доцент кафедры искусств Института гуманитарных наук, ФГБОУ Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия), e-mail: as_nechaeva@mail.ru

Кирюшина Ю.В.

Алтайский государственный университет, Барнаул (Россия)

Мотивы рогатого орнамента в декоративно-прикладном искусстве Алтая

Статья посвящена вопросам орнаментального искусства. Рассматривается один из архаичных мотивов тюркской орнаментики - рогатый орнамент, наглядно отражающий специфику жизни кочевых народов (казахи, киргизы, буряты, якуты, алтайцы). Мотивы рогатого орнамента были заимствованы русскими переселенцами в Алтайском крае, что нашло воплощение в орнаментальном декоре сельской домовой резьбе. В 80-х годах XX века можно наблюдать трансляцию элементов рогатого орнамента в современную культуру через текстильный рисунок. Мотивы рогатого орнамента просматриваются также в керамике современных мастеров декоративно-прикладного искусства.

Ключевые слова: декоративно-прикладное искусство, искусство кочевых кочевников, рогатый орнамент, мотив, «бараньи рога».

Yu.V. Kiryushina

Altai State University, Barnaul (Russia)

Motifs of horned ornament in the decorative and applied art of Altai

The article is devoted to the issues of ornamental art. One of the archaic motifs of Turkic ornamentation is considered - a horned ornament, which clearly reflects the specifics of the life of nomadic peoples (Kazakhs, Kirghiz, Buryats, Yakuts, Altaians). The motifs of horned ornaments were borrowed by Russian settlers in the Altai Territory, which was embodied in the ornamental decoration of rural house carvings. In the 80s of the XX century, one can observe the translation of elements of the horned ornament into modern culture through a textile pattern. The motifs of the horned ornament are also seen in the ceramics of contemporary masters of arts and crafts.

Keywords: decorative and applied art, the art of nomadic nomads, horned ornament, motif, "ram's horns".

Орнамент (лат. *ornamentum* – украшение) является одним из наиболее устойчивых элементов народного искусства. Изменение технических приёмов орнаментации и материала влияет на формирование некоторых узоров, но обычно не ведёт к исчезновению исходных мотивов, которые нередко сохраняются в течение тысячелетий. Вместе с тем орнамент развивается и обогащается в результате влияния культур других народов. Одна часть новшеств, проникших извне, вскоре отмирает, другая органически входит в национальную культуру и участвует в её дальнейшем развитии.

Рогатый мотив орнамента является одним из наиболее распространённых разновидностей алтайского национального орнамента. А.В. Эдоков называет его позднекочевническим (середина I тыс. н.э.- начало II тыс. н.э.) [1, с 137]. Для этого вида орнамента характерны определённые формы роговидного узора, крестовидные фигуры с рогообразными ответвлениями или ромбовидными утолщениями на концах (иногда они сочетаются в одной фигуре), ромбовидные фигуры с ромбовидными ответвлениями, круг, рассечённый крестом с обращёнными к центру пальметовидными элементами, четырёхлепестковая розетка в сочетании с кружковым орнаментом. Мотивы роговидных очертаний берут своё начало в искусстве степных кочевников. Роговидные мотивы присутствовали в различных вариациях в орнаменте якутов, бурят, народов Саяно – Алтая, Средней Азии (казахи, киргизы) и турок Малой Азии. Это те народы, у которых в основе хозяйства лежало кочевое скотоводство – разведение баранов, горных козлов. Поэтому у некоторых из этих народов даже стилизованные мотивы роговидных узоров носят название «бараньи рога» [1, с. 138]. Священный баран — древний символ благодати и жизненной энергии — свойственен многим культурам от Тихого океана до Средиземного моря. Его культ был широко распространён как среди древнеиранских, так и среди древнетюркских племен. У казахов баран считался наиболее чистым существом,

обладавшим небесной, солнечной природой. Образы барана и близких ему диких животных — архара (горного барана) и сибирского козерога (таутеке), являются наиболее распространенными темами в древневосточном искусстве, начиная с эпохи неолита и кончая поздним средневековьем. В облике священного барана выступали древнеегипетский бог Амон и индийский бог Индра. Даже Зевс, согласно Лукиану, имел на некоторых изображениях бараньи рога.

К началу II тыс. н.э изображение рогатой головы горного козла или барана утрачивает конкретную связь с образом животного и превращается в абстрактную орнаментальную вариацию. Некоторые элементы звериного орнамента теряют свой первоначальный смысл, превращаясь просто в растительные завитки.

Различные модификации роговидного орнамента используются современными алтайцами преимущественно в художественной обработке металла, резьбе по дереву и для украшения ковров.

На рубеже XIX – XX века рогатый орнамент был заимствован русскими переселенцами в Алтайском крае. Н.И. Каплан приводит несколько примеров воспроизводства типичных мотивов народного алтайского орнамента для украшения наличников в сельской домовой резьбе [2, с.22].

Предметы скифского искусства, выставленные впервые в залах Эрмитажа в конце 50х-начале 60х годов XX века, публикации в журналах ЮНЕСКО вызвали мировой интерес к традиционному искусству кочевых народов, их подражание.

В 80-х годах XX века можно наблюдать трансляцию элементов рогатого орнамента в современную культуру через текстильный рисунок. Например, работы заведующего художественной мастерской Барнаульского Хлопчатобумажного комбината Г.А. Бельшева, известного в России художника по текстилю [3]. В основе его творчества всегда лежали элементы народного орнамента, навеянные окружающей природой. Изучая традиционные орнаменты Горного Алтая, он разработал текстильные композиции для сатины, в основу которых легли мотивы рогатого орнамента.

Сатин «Алтайский сувенир» или «Сувенирная салфетка» (1980). Автор – Г.А. Бельшев [4, с. 104]. Назначение ткани сувенирное, декоративное. Безраппортная купонная композиция. Орнаментальная композиция построена по принципу создания восточного ковра, который символизировал в древности своей формой и орнаментом плоскостную картину мира. В середине размещается изображение круга в квадрате как центра мироздания. Таким образом, художник использует базовую орнаментальную композицию, состоящую из взаимодействующих архетипических символов – квадрата, креста и круга. Композицию ограничивает каймовый орнамент, построенный из ритмически повторяющихся мелких ромбов, образующих непрерывную цепочку. Основными орнаментальными мотивами являются элементы национального рогатого орнамента – крестовидные фигуры с рогообразными ответвлениями и ромбовидными утолщениями на концах. Так как ткань декоративная, то цветовая гамма мажорная. Художник использует яркие тёплые цвета: малиновый, оранжевый, жёлтый, белый.

Ткань – сатин, плательного назначения (1984) так и называется «Алтайский ковер» [4, с. 103]. Сложная геометрическая композиция строится на сочетании прямых и зигзагообразных линий. Из элементов рогатого орнамента выстраиваются цветы разных размеров. Орнаментальные пятна расположены в шахматном порядке. Используются замкнутые геометрические фигуры: квадраты, ромбы, треугольники. Преобладание в композиции тяжелых фигур с острыми углами, зигзагообразных и зубчатых линий создает впечатление тяжести и напряженности. Но имеются и волнообразные, мягкие линии и очертания. Художник умело совмещает статику и динамику.

В 1984 году появился сатин плательного назначения «Алтайская дорожка» в двух вариантах. В первом варианте композиция строится на чередовании полос различной ширины и насыщенности орнаментом [4, с. 103]. В широких полосах размещен мотив рогатого орнамента из симметричных дугообразных фигур. Это четырехтоновая композиция,

состоящая из сочетания коричневого, белого, черного и бордового цветов. В целом композиция статична, но используются и элементы динамичных волнистых асимметричных линий.

Алтайский народный орнамент явился основой для второго варианта сатина «Алтайская дорожка» [4, с. 104]. Композиция строится из чередования полос, наполненных простыми ромбами, ромбами с крючками и стилизованными элементами рогатого орнамента. В целом композиция статична, так как все ее элементы симметричны относительно горизонтали. Цветовая гамма сдержанна. Сочетание черного, белого и светло-коричневого характерно для алтайского народного орнамента.

Тему скифского «звериного стиля», родственного рогатому орнаменту, развивала в своих работах одна из учениц Глеба Александровича Бельшева – Татьяна Дедова. Под скифским «звериным стилем» в декоративно-прикладном искусстве принято понимать зооморфно-орнитоморфный орнамент, состоящий из стилизованных фигур баранов, кабанов, оленей, горных козлов, тигров, барсов, орлов. Сатин «Скифы» (1980-е гг.). Татьяны Дедовой - ткань декоративная, яркая. Стилизованные фигуры львов и грифонов смешиваются с элементами рогатого орнамента, что делает композицию динамичной. Художница четко передаёт сцены борьбы животных, что характерно для скифского «звериного стиля». После закрытия Барнаульского хлопчатобумажного комбината Татьяна Дедова продолжает работать в области декоративно-прикладного искусства в народном художественном промысле «Турина Гора». Испытывая интерес к архаичным культурам, искусству алтайских скифов, художница развивает тему скифского «звериного стиля» в керамике (например, скульптура «Скифия»). Мотивы рогатого орнамента просматриваются также в керамике Татьяны Матвейчук (скульптура из композиции «Скифия» и сосуд «Грифон»).

Мотивы рогатого орнамента широко используются в домовой резьбе, текстиле, керамике, металле, коже, что отражает непрерывную тенденцию преемственности

архетипических мотивов в различных видах декоративно-прикладного искусства Алтая.

Список литературы:

1. Каплан Н.И. Очерки по народному искусству Алтая. - М.; Гос. издат. Местной промышленности и худ. Промыслов РСФСР, 1961, - 146 с.

2. Кирюшина Ю.В., Степанская Т.М. Искусство художественного текстиля на Алтае: монография / Кирюшина Ю.В., Степанская Т.М. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2005. – 124 с.

3. Личный фонд Г.А. Бельшева. ЦХ Архивного фонда Алтайского края. Отдел спецдокументации.

4. Эдоков А.В. Декоративное искусство Горного Алтая. С древнейших времен до наших дней. - Горно–Алтайск, 2002, - 208 с.; ил.

Сведения об авторе: Кирюшина Юлия Владимировна, кандидат искусствоведения, доцент, заведующая кафедрой культурологии и дизайна, ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет» (Барнаул, Россия), e-mail: ykirushina@mail.ru

Сатыбалдиева Ч.Т.

Ошский государственный университет (Кыргызская Республика, Ош)

Особенности процесса крашения в традиции ковроткачества южных кыргызов

В данной статье будет повествоваться о колористике и процесса крашении традиционных ковров и ковровых изделий. Для ковроткачества употребляли специально крашенные нити. Окраска во многом определяла качество создаваемых вещей. Кыргызы для этого употребляли корни, стебли, плоды различных растений. Цвет в узорах, как и в искусстве вообще, играет огромную роль, без него невозможно существование многих видов кыргызского декоративно-прикладного творчества. В кыргызских изделиях цветовой текст очень лаконичный. Используя чередование цветов, мастерица усиливает динамичность узора или, наоборот, ослабляет её. Цвет четко выступает

в качестве композиционного фактора, позволяет менять внутренний строй ковровых изделий.

Ключевые слова: ковроткачество, ковер, крашение, колористика, творчество, исторический памятник

Satybaldieva Ch.T.
Osh State University, Osh, Kyrgyz Republic
**Features of the dyeing process in the tradition of carpet
weaving of the southern Kyrgyz**

This article will talk about the coloring and dyeing process of traditional carpets and rugs. For carpet weaving, specially dyed threads were used. Coloring largely determined the quality of the things created. For this, the Kyrgyz used the roots, stems, fruits of various plants. Color in patterns, as well as in art in general, plays a huge role; without it, the existence of many types of Kyrgyz arts and crafts is impossible. In Kyrgyz products, the color text is very concise. Using the alternation of colors, the craftswoman enhances the dynamism of the pattern or, conversely, weakens it. Color clearly acts as a compositional factor, allowing you to change the internal structure of carpet products.

Keywords: carpet weaving, carpet, dyeing, coloring, creativity, historical monument

Круг вопросов, связанных с изучением ковра, широк. Говоря о ценности ковра как продукта народного творчества, исследователи отмечают два аспекта его изучения: ковер как исторический памятник, источник познания истории народа, его характера, быта, связей с другими народами и ковер как произведение народного искусства, имеющее тенденцию к дальнейшему развитию. Ковроткачество - одно из видов декоративного искусства кыргызов которое имеет глубокие народные традиции. В отличие от других некоторых вещей, существовавших в кочевой период ковер и ковровые изделия на современном этапе сохранили свое утилитарное, то есть практическое значение.

По словам К.И.Антипиной в сохранившейся до настоящего времени примитивной технике ткачества остаются без изменений многовековые традиции и навыки. Каждая

пожилая женщина может быть названа хранительницей этих традиций. [1. с. 69-70]

Надо заметить, что, в традиционном ковроткачестве участвуют исключительно женский пол, и соответственно преобладал женский труд.

А на сегодняшний день, на юге Кыргызстана в частности Баткенском и Ляйлякском районах очень актуально изготавливать традиционный ворсовый ковер, используя не окрашенные волокна овечьей шерсти. В основном используется натурально белые и черные цвета. Этот своевременный метод тканья ворсового ковра в несколько раз облегчает труд мастериц в том плане, что крашение процесс долгий и очень трудоемкий. Если мастерица сама не разбиралась в искусстве крашения шерсти, то она была вынуждена пригласить за определенную плату красильщицу.

Выразительность на ворсовых вещах усиливается цветовым эффектом. В кыргызских изделиях цветовой текст очень лаконичен. Лучшими считались красители растительного происхождения. Для этого употребляли корни, стебли, плоды различных растений. По поводу естественных путей крашения И.И. Гейер описывает народные промыслы туркестанцами получение ими натуральных красок путем кустарного производства, а также окрашивание овечьей шерстью природными красками. [2. с.144] Применялись излюбленные кыргызами цвета – красный, пунцовый, синий, зеленый, белый, желтый, реже коричневый. Основным цветом можно считать красный – цвет огня и гор, видимых при восходе и на закате солнца. Различные цвета имели своеобразные семантическое значение.

Для традиционных кыргызских ковров характерно ограниченное сочетание цветов. В тканых шерстяными нитками ковры, приготовленными ковровщицами, применялись наиболее любимые цвета – красный, темно-красный, зеленый, белый, синий, желтый реже коричневый. Основным цветом можно считать красный – цвет огня и гор, видимых при восходе и на закате солнца. Красный цвет, вероятно, своей яркостью, заметностью символизирует, высокие горы "улуу тоо", те, что

видны издалека. Языки пламени по своей форме тоже напоминают горы. О преобладании красного цвета у южных кыргызов также свидетельствуют найденные в Ферганской долине окрашенные красным цветом кувшины принадлежащие эйлатанской культуре [3. с.49]. Синий цвет – это цвет неба, воды, в сочетании с орнаментом передавал значение реки ("суу", "булак" – завиток, спираль); включал такое смысловое значение, как начало, спираль жизни с ее перекатами, круговоротом, повторениями судеб, белый – цвет снега, света, чистоты; желтый – цвет степи, выжженной травы, лета; коричневый – цвет земли.

Для получения цветов имелись растительные красители почетного возраста и заслуженной репутации: китайское и индийское индиго, марена, гардения, желуди и воробьиное семя. Мареновые растения культивировались с древности в Передней и Средней Азии, Китае. В прошлом веке их разводили в Самаркандской, Ферганской областях, а также в Бухаре, Шахрисабзе [4. с.206-213.] [5. с. 22-23.]

Для получения красноватого цвета употребляли корни и кору тутового и урючного деревьев, которые выкапывали поздней осенью. Корку граната использовали для получения зеленоватого цвета; для получения мутно – аранжевого цвета – луковую шелуху. Применяли скорлупу грецкого ореха для окрашивания в черный цвет. Процесс крашения у южных кыргызов особой сложностью не отличался. Шерсть не подвергалась специальному протравливанию или сложному квасцованию перед крашением, как это было принято у других народов Азии, её обязательно предварительно мыли в теплой воде. Корни растений, стебли, плоды высушивали, толкли и употребляли в виде порошка. Иногда после очистки их просто кипятили в сыром виде и в насыщенный кипящий раствор опускали вымытую шерстяную пряжу. Для придания окраске крепости и стойкости прибавляли добываемые в горах квасцы (ачык таш). Иногда их заменяли солью. Перед крашением квасцы размельчали, заливали водой, кипятили и употребляли отстоянную жидкость. Пряжу, хлопок, шерсть красили в больших котлах в домашних условиях. Во многих случаях для

крашения вызывали красильщиц – специалистов «боекчу»* за определенную плату. Это давало гарантию, что окрашиваемые вещи достигнут желаемой окраски. Она, то есть «боекчу» знала дозу добавляемой краски, а также при помощи комбинирования красителей могла получить разные цвета. При крашении участвовали еще две помощницы, каждая из них выполняла определенный вид работы – кипятила воду, помешивая и проверяя степень насыщенности красителя. Они советовались, когда окрашиваемый предмет следует вынимать из раствора. Окрашенные вещи складывали в посуду, которую накрывали и после полного охлаждения развешивали для просушки. Красили обычно рано утром или к вечеру. К. Антипина отмечала, что в синий цвет кыргызы сами не красили [6. с.22]. Материал, предназначенный для окраски в синий цвет, мужчины отвозили на рынки больших городов – Ферганы, Андижана, Коканда, Маргелана, Оша, Узгена и других. Здесь существовали несложно устроенные красильные предприятия, владельцами которых были бухарские евреи или узбеки. В небольших помещениях стояли корчаги, наполненные раствором индиго различной крепости. Вещь красили в присутствии заказчика и в непросушенном виде возвращали.

Применение привозных ниток и анилиновых красителей изменило цветовую гамму кыргызских ковров, в нее стали вводить многие и другие цвета, вплоть до фиолетового. Надо отметить, что при подборе цветных нитей для ковров мастерицы проявляют чувство меры. Ни крайней яркости, ни тусклости в кыргызских ковровых изделиях не встречается, заметны художественные подборы гаммы цветов, строгая согласованность тонов. Для кыргызских ковров на черном фоне характерно контрастное сопоставление цветов, общим для нее является спокойный мягкий тон с преобладанием красной расцветки. Вводятся белый и желтый цвета, для заполнения какой-либо детали орнамента. Как отмечалось выше, очень важную роль во всех видах творчества играет колорит – сочетание цветов и их оттенков. Каждому народу с его многовековыми традициями свойственны свои цветовые сочетания, объединенные в основной и господствующий тон.

Колорит изделий является, как бы определяет быт, жизнь того или другого народа. Чтобы все цвета гармонично сочетались между собой и с фоном изделия, необходимо знать основные законы цветоведения.

Все цветные оттенки сочетания можно разделить на две группы: хроматические, то есть цветные (от греческого «хрома» – цветные), и ахроматические, то есть бесцветные. К хроматическим относятся цвета солнечного спектра: основные – красный, желтый и синий и промежуточные – оранжевый, зеленый и фиолетовый. Промежуточные, или дополнительные, цвета получаются при смешивании двух основных: оранжевый – из красного и желтого, зеленый – из синего и желтого, фиолетовый – из красного, синего и желтого. Есть также бесцветные, или нейтральные цвета, то есть такие, которые не имеют ярко выраженных признаков. К ним относятся белый, черный, серый и все их оттенки.

Хроматические цвета, в свою очередь, делятся на теплые и холодные. К теплым относятся наиболее яркие цвета, которые напоминают нам солнце и огонь – желтый, оранжевый, красный; к холодным – синий, зеленый. Самый теплый цвет красный, а самый холодный – синий. В зависимости от насыщенности цвета могут быть светлыми, темными, а их сочетание называется контрастностью.

Хроматические цвета характеризуются цветовым тоном – отношением одного цвета к его оттенкам, а также различных цветов – друг другу: насыщенностью или густотой, и светлостью или яркостью – степенью освещенности того или другого цвета. Ахроматические цвета определяются только степенью светлости, или относительной близостью данного цвета к белому. В рукоделии рекомендуется использовать не только чистые цвета спектра, но и промежуточные оттенки.

Гармонически сочетание часто заключается в уравновешанности теплых и холодных тонов, темных и светлых. Один и тот же орнамент приобретает новое звучание от изменения цвета ниток в вышивке. От этого он мог быть ярким и красочным или сдержанным и блеклым, нужно помнить, что фон изделия всегда дополняет узор, и поэтому его цвет должен

подчеркивать ритмичность повторения каждого отдельного мотива или фигуры.

В народном творчестве у кыргызов наряду с одноцветными (монохромными) узорами широко известны двух-, трехцветные, а также многоцветные (полихромные). [7.с.90] В ковроткачестве хорошо сочетались такие цвета: красный с черным, желтым, оранжевым, синим; синий с голубым, желтым; желтый с красным, оранжевым, голубым, синим, фиолетовым; зеленый с желтым, оранжевым, коричневым; фиолетовый с розовым, желтым;

Таким образом можно сделать вывод о том, что в композиции ковров и ковровых изделий можно проследить оттенки красок окружающей среды флоры и фауны. Если рассмотреть рисунков, то композиция кыргызских стриженных ковров состоит из крупных масс цвета и обладает простотой и ясностью художественного замысла, лаконизмом и очень своеобразной декоративностью геометризованного линий растительного орнамента. А так же может послужить своеобразным ценным источником как для выявления самобытных особенностей культуры и традиций, так и для изучения этногенетической и этнокультурной связи кыргызов с другими народами.

Список литературы:

1. Антипина К.И. Особенности материальной культуры и прикладного искусства южных кыргызов. – Фрунзе: Изд-во АН Кирг.ССР, 1962. – С.69-70.
2. Гейер И.И. Туркестан. (сост. А.Л.Кирснером.-2-ое издание испр. и доп. автором). Ташкент, 1909. -346 с.
3. Вайнберг Б.И., Ставиский Б.Я. Орто Азиянын илгерки замандагы тарыхы менен маданияты (б. з. ч. VII к. – б.д. VIII к.) Котор. А.Мырзаев. – Бишкек. Кыргызстан – Сорос фонду, 1996. – Б. 49.
4. Краузе И. О красильном искусстве туземных жителей Туркестанского края. // Сб. Русский Туркестан. – М., 1872. – Вып.2. – С.206-213.
5. Лубо-Лесниченко Е. Древние китайские шелковые ткани и вышивки. – Л., 1961. С. 22-23.

6. Антипина К.И. Ткачество // Особенности материальной культуры и прикладного искусства южных кыргызов. – Фрунзе, 1962. – С. 22.

7. Сатыбалдиева Ч.Т. Традиционное вышивание кыргызов во второй половине XIX - начале XX вв.- Ош: Изд. дом. Максимум. 2009 – С. 70-71.

Сведения об авторе: Сатыбалдиева Чыныхан Топчубаевна, кандидат исторических наук, доцент, Ошский государственный университет (Ош, Кыргызстан), e-mail: chynuhan@bk.ru

Бексултанова Ч.Д.¹, Бикбулатова А.Р.²

¹Институт истории, археологии и этнологии НАН КР, г.Бишкек, Кыргызстан

²Кыргызский национальный университет им. Ж. Баласагына, г. Бишкек, Кыргызстан

Сравнительный анализ техники изготовления войлочных изделий между кыргызами и алтайцами (на основе полевых этнографических экспедиций)

В статье рассматриваются особенности технологий изготовления войлочных ковров между кыргызскими и алтайскими мастерицами. Используются материалы полевых этнографических экспедиций, проведенных в Чон-Алайском районе Ошской области Кыргызстана и Шебалинском, Усть-Канском, Онгудайском районах Алтая.

Ключевые слова: шерсть, войлок, ковер, процесс, техника изготовления, кыргызы, алтайцы

Beksultanova Ch.D.¹, Bikbulatova A.R.²

¹ Institute of History, Archeology and Ethnology of the National Academy of Sciences of the Kyrgyz Republic, Bishkek, Kyrgyzstan

² Kyrgyz National University named after J. Balasagyn, Bishkek, Kyrgyzstan

Comparative analysis of the technique of making felt products between the Kyrgyz and Altaians (based on field ethnographic expeditions)

The article discusses the features of felt carpet manufacturing technologies by Kyrgyz and Altai craftswomen. Materials of field ethnographic expeditions conducted in the Chon-Alai region of the Osh region of Kyrgyzstan and Shebalinsky, Ust-Kansky, Ongudaysky regions of Altai were used.

Key words: wool, felt, carpet, process, manufacturing technology, Kyrgyz, Altaians.

Войлок – один из древнейших природных материалов, элемент традиционной культуры всех кочевых народов. Самые древние образцы изделий из войлока известны по археологическим материалам Пазырыкских курганов V–IV вв. до н.э., показавшие многообразие техник изготовления и декорирования войлоков, известных центральноазиатским кочевым племенам. Границы распространения техники изготовления войлока, в настоящее время охватывает территории от Центральной Азии до Северного Кавказа.

Основным сырьем для изготовления как кыргызских, так и алтайских войлоков является овечья шерсть осенней стрижки. Алтайцы местами использовали и весеннюю шерсть. В отличие от весенней, осенняя шерсть считается более эластичной, так как имеет больший процент жирности.

Рунообразующими признаками являются густота, длина, тонина, строение и форма (извитость), а также процент жироплотности шерсти. [1, с. 7]. На эти признаки большое влияние оказывают питание и физиологическое состояние овец.

История развития техники валяния чрезвычайно интересна. Много веков назад для кочевников, овцеводство было широко распространенным, доминирующим видом хозяйства. Из шерсти изготавливали войлочные покровы для традиционного жилища (юрты), предметы домашнего быта, а также одежду, предметы внутреннего убранства (войлочные подушки, дорожки, ковры, коврики), скотоводческое снаряжение (подстилки для новорожденных телят, детали вьючного седла верблюда, чепраки и попоны для коня, большие войлочные переметные сумы для перевозки грузов).

Технология изготовления войлочных ковров одинакова в культурах многих народов, представлена следующими видами:

1. Техника мокрого валяния – это традиционный ручной способ изготовления войлока, при котором шерсть взаимодействует с горячей водой и мыльным раствором. Под воздействием горячей воды или пара и щелочи происходит сваливание шерстяных волокон. Эта техника позволяет создавать как плоские декоративные детали, так и объемные изделия.

2. Техника сухого валяния – создание изделий из шерсти при помощи специальных игл. При проникновении данной иглы в шерсть, волокна шерсти спутываются между собой. Так достигается эффект валяния. Техника сухого валяния помогает создать изделие, отличающееся красотой узора, гармоничностью сочетания цветов, совершенством пропорций.

У кыргызов и алтайцев до сегодняшнего дня сохранились различные виды войлока, называемые у кыргызов - *кийиз*, *шырдак*, у алтайцев - *кийис* и *ширдек-кийис*. Схожесть в названиях данных войлочных изделий отражает общие черты материальной культуры двух народов, в то же время имеет особенности в технике изготовления.

Самый первоначальный технологический прием – это стрижка шерсти с овец. Кыргызы стригли шерсть с помощью специальных ножниц для стрижки – *“жуушан кайчы”* (Рис.1). Стригаль должен был обладать особыми навыками.

После взбивания, рассортированную шерсть складывали горкой на мешковине или выделанной из кожи теленка или коровы подстилки, называемой *“талпак”*. Женщина, чаще две или несколько женщин, сидя на корточках друг против друга, сильными, короткими ударами, то правой, то левой рукой поочередно взбивали ее длинными и гибкими прутьями – *“сабоо”*, у алтайцев данные шестобитные палки называются – *“тук сабары”*. Для изготовления сабоо использовали ветви кизильника (*кырг.* – *ыргай*, *тальник*, *ыргай –алтайцы*), которые тщательно очищали от коры и выступающих почек. Кизильник (*ыргай*) широко распространен в лесостепной и

горной местности, имеет длинные и гибкие ветви, покрытые темно-коричневой коркой.

В результате данной процедуры шерстинки растрепывались, отделялись друг от друга, что придавало им еще большую пушистость. Также шерсть становилась однородной и очищалась от грязи, соринки, пыли, колючек, которые оставались под взбитой шерстью. Для придания более белого цвета, шерсть мыли, затем высушивали, периодически переворачивая на солнце. Следующий этап – распушевание шерсти руками, когда левой рукой придерживая клок шерсти, правой вытягивали, придавая ей объем. (Рис.2). Таким образом, шерсть полностью являлась подготовленной для изготовления войлока – **кийиз** (кырг.), алтайцев – **“кийис”**.

Следующим этапом является равномерное распределение подготовленной шерсти на циновке (**чий**), изготовленной особым образом из тростника, являющимся высоким многолетним травянистым растением, с крепкими и длинными подземными ветвистыми корнями [2, с. 57].

Вышеуказанный процесс у алтайцев имеет отличие, при раскладывании шерсти они используют плотную ткань, циновку (**чий**) не используют, видимо это связано с тем, что на Алтае (**чий**) данное растение не произрастает.

Затем, рыхлую шерсть сбрызгивают очень горячей водой для того, чтобы шерстинки сцепились друг с другом.

У алтайцев более распространено использование в этом процессе сыворотки. Они также как и кыргызы, сыворотку используют в горячем виде. В последнее время встречается и использование вместо сыворотки воды, они это объясняют недостаточностью сыворотки в нужный момент.

Все женщины, участвующие в процессе изготовления войлока (**кийиз**), помогая друг другу, подготовленную смоченную горячей водой рыхлую шерсть туго сворачивают вместе с циновкой в рулон, данный процесс называется – **ороо**.

После начинается процесс прессовки шерсти (**бышыруу**). Сворачивание рулона с шерстью требует особых навыков, так как необходимо плотно свернуть его, покрыв тканями домашнего производства или мешковиной, в середине и с двух

краев и перевязав крест-накрест толстыми веревками (*аркан*). [3, с. 58]. Далее перекатывают рулон, с помощью второго аркана, два конца которого соединены между собой и привязан к рулону таким способом, что если один конец накручивается на рулон, то второй конец – остается свободным для следующего перекатывания.

Затем применяется технологический прием – перекатывание и топтание рулона ногами (*басуу*) [4, с. 29]. Завернутую в чий шерстяной рулон, женщины и дети ритмично, силой распинали более часа, в тоже время одна из них периодически поливала рулон горячей водой.

У алтайцев в процессе прессования принимают участие только женщины. Обычно 4 женщины, они прессуют шерсть исключительно ладонями рук и придавливая локтевой частью. [5, с. 12]. У них техника перекатывания, топтания ногой отсутствует. Видимо, это связано с тем, что алтайцы не изготавливают войлочные изделия больших размеров как кыргызы.

Затем шерстяной рулон извлекали из циновки, заново сворачивали. Женщины, засучив рукава до предплечья, сидя на корточках, производя ритмичные выпады вперед, затем обратно, захватывая рулон к себе ладонями обеих рук, прессовали его локтями. [Бексултанова Ч. Полевая тетрадь. – С.9]. Этот процесс также назывался - *басуу*.

Особенностью данного технологического приема является то, что с правой и левой стороны, в соответствии с шириной войлока, устраивали возвышение. Края войлока касались возвышений и не растягивались в стороны, сохраняя ровность. Это продолжалось в течение одного часа, пока шерсть не спрессовалась в достаточной степени, а шерстинки плотно скрепились друг с другом.

Следующий технологический прием – мытье спрессованного войлока. Его сворачивают так, что края с двух сторон на 1/3 от размера войлока, загибают к середине, затем сворачивают в виде рулета. [6, с. 11]. В середину свернутого войлока просыывают толстую палку, и подняв с двух сторон, относят для мытья к проточной воде и погружают его в ручей.

Вода смывает всю грязь, остатки жира. После того как стекла вся вода, войлок разворачивают и сушат на солнце, расстелив на траве. Таким образом, изготавливают неорнаментированный войлок - *кийиз*. Изготовление орнаментированного войлока – *Ала кийиз*, заключается в вкатывании орнамента из окрашенной шерсти на черный войлок, или накладывания вырезного узора из окрашенного тонкого войлока.

В быту кыргызов известны два типа войлочных изделий – это одноцветный (белого и темного цвета) – *кийиз* (у южных кыргызов – *өрө кийиз*), орнаментированный – *ала кийиз* (у южных киргизов - *түр кийиз*). [3, с. 23].

В современный период алтайцы в большей степени изготавливают однотонный кийис, либо черно-белый, сочетая шерсть натуральных расветок. Технология изготовления ала – кийиза как у кыргызов, встречается редко. Для нанесения орнамента, они вырезают узоры из разноцветного войлока и применяя технику вваливания, (поверх войлока кладут узоры и катают) получают войлок с орнаментом. (Рис.3). В последнее время также больше встречается нанесение орнамента путем вшивания узоров из ткани, в основном из бархата.

На основе полевых исследований, проведенных экспедиционной группой в Чон-Алайском районе Ошской области Кыргызстана выявлено, что наиболее распространенными техниками изготовления войлочных изделий, является валяние и вваливание. (Рис.4). У алтайцев Шебалинского, Усть-Канского, Онгудайского районов встречаются изделия, выполненные в технике фальцевания. (Рис.5).

Алтайцы, в прошлом, применяли для окрашивания шерсти натуральные краски. Они их получали путем кипячения в воде коры дерева (ель-чет) получали красный цвет, из листьев березы-зеленый и т.д. Кыргызы использовали корни, стебли, различных красящих растений, листья деревьев. Так из стеблей ревеня (*кырг. -ышкын*), получали оттенки от красного до бардового, из шелухи дикого лука – от желтого до коричневого цвета. С развитием промышленности стали использовать покупные краски.

Таким образом, результаты этнографических экспедиций, проведенных в Кыргызстане, показали, что стрижка овечьей шерсти, ее подготовка, а также технология изготовления предметов из войлока, необходимые в повседневном быту кыргызов, в своей основе, не претерпели больших изменений. Изготовление войлочных изделий на Алтае имеет свои особенности, сложившиеся в отличных от Кыргызстана географических, климатических условиях. Войлочные изделия имеют большое этносоциальное значение в жизни кыргызской и алтайской семьи, где от поколения к поколению передаются знания, навыки, умения изготовления различных предметов из войлока.

Список литературы:

1. Луцихин М.Н. Биологические основы формирования руна. – Ф., 1973. 125 с.
2. Губанов И. А. *Phragmites australis*. Иллюстрированный определитель растений. – М., 2002. 370 с.
3. Акматалиев А. Кыргыздын кол өнөрчүлүгү. – Ф., 1975. 257 с.
4. Махова Е.И., Черкасова Н.В. Орнаментированные изделия из войлока // Труды института этнографии (далее Труды ИЭ). Нов. сер. Т. 37. – М., 1958.
5. Бикбулатова А.Р. Материалы полевых этнографических исследований. – Полевая тетрадь № 2. Алтай. 2022.
6. Бексултанова Ч.Д. Материалы полевых этнографических исследований. – Полевая тетрадь № 4, Нарынская область, 2017; Полевая тетрадь № 5. Иссык-Кульская область, 2020.

Рис. 1. Техника стрижки овцы с помощью ножниц – Жушан кайчы (Баткенская область, с.Аустан).

Рис.2. Техника распушевания мытой шерсти (Иссык-Кульская область, с.Оргочор).

Рис.3. Техника вваливания (Алтай. Усть-Канский р-н).

Рис.4. Техника вваливания узора на войлок (Иссык-Кульская область, с. Кызыл-Суу).

Рис.5. Войлочное панно в технике фальцевания. (Алтай. Шебалинский район).

Шайгозова Ж.Н.¹, Нехвядович Л.И.², Ибрагимов А.И.¹

¹КазНПУ им. Абая, Алматы (Казахстан)

²Алтайский государственный университет, Барнаул (Россия)

**«ПУТИ, ПО КОТОРЫМ ДВИЖУТСЯ ДУХИ»: К
ПРОБЛЕМАТИКЕ ИССЛЕДОВАНИЯ САКРАЛЬНОГО
ЛАНДШАФТА (на примере казахстанских памятников)**

Статья подготовлена в рамках госзадания Алтайского государственного университета Тюрко-монгольский мир «Большого Алтая»: единство и многообразие в истории и современности (проект номер – 748715Ф.99.1.ББ97АА00002)

В своей публикации «Волшебные пути, по которым движутся духи» С.Э. Ермаков [1], основываясь на результатах анализа большого количества археолого-историографических данных и материалов собственных полевых исследований культовых сооружений (места захоронений, курганы, православные храмы и т.д.), сделал ряд теоретических предположений, которые, на наш взгляд, применимы и к казахстанскому сакральному ландшафту. Авторы настоящей статьи, стремясь обозначить перспективы исследования рукотворных сакральных мест Казахстана сосредоточились на разновременных мавзолеях, находящихся в значительной удаленности друг от друга. В выборку вошли мавзолеи (мазары), имеющие общенациональное и сугубо региональное значение.

Ключевые слова: мавзолей, мазар, сакральная география, Казахстан, подземные и наземные водные источники, лей-линии

Shaigozova Zh.N.¹, Nekhvyadovich L.I.², Ibragimov A.I.¹

¹KazNPU im. Abaya, Almaty (Kazakhstan)

²ALTAI State University, Barnaul (Russia)

**"THE WAYS IN WHICH SPIRITS MOVE": ON THE
PROBLEMS OF THE STUDY OF THE SACRED
LANDSCAPE (on the example of Kazakhstani monuments)**

S.E. Ermakov, in his publication "Magical Paths along which Spirits move" [1], based on the results of the analysis of a large amount of archaeological and historiographical data and materials of his own field studies of religious buildings (burial sites, burial mounds, orthodox churches, etc.), made the following conclusions about the problems of the study of the sacred landscape (on the example of Kazakhstan monuments):

a number of theoretical assumptions, which, in our opinion, are applicable to the Kazakhstan sacred landscape. The authors of this article, in an effort to identify the prospects for the study of man-made sacred places in Kazakhstan, focused on multi-temporal mausoleums located at a considerable distance from each other. The sample includes mausoleums (mazars) of national and purely regional significance.

Keywords: mausoleum, mazar, sacred geography, Kazakhstan, underground and surface water sources, ley lines

Введение. В тюркской культуре любой мазар всегда почитаем, а мавзолеи святых - аулие - места активного паломничества. Особая энергетика, присущая подобным местам, относящихся к категории духовных святынь все больше и больше привлекает внимание паломников, туристов и исследователей.

Родоначальниками сакральной географии по праву называют А. Уоткинса [2], Ф.М. Бутби [3] и В. Тойдта [4]. Некоторые аспекты, интересующей нас проблематики отражены в трудах зарубежных культурологов, этнологов и религиоведов таких как: Дж. Фрэзера [5], Р. Отто [6], М. Элиаде [7], И. Гольдциэр [8] и многих других.

Значительных успехов в исследовании культа святых и практики поклонения священным местам достигла российская наука. Прежде всего, работы Ю.В. Кнорозова [9], В.Н. Баилова [10], С.М. Абрамзона [11], Г.П. Снесарева [12], Рассудовой Р.Я. [13] и других.

В интересующем нас контексте особое внимание привлекают работы таких российских ученых как: В.Л. Огудин [14;15], С.М. Неополитанский и С.А. Матвеев [16], С.Э. Ермаков [1; 17; 18], Е. Окладников [19] и мн. др. Несомненный интерес представляют работы И.В. Стасевич [20], посвященные практике поклонения сакральным объектам в казахской и кыргызской культуре; К. Банникова [21], исследующего спиритуальные представления чабанов-казахов плата Укок.

В контексте нашего исследования мы обращались к широкому кругу археолого-этнографических трудов, раскрывающих проблематику культовых сооружений, мемориального зодчества и похоронной ритуальной традиции

казахов. Исследованию курганной культуры скифо-сакского периода посвящены работы М.П. Грязнова [22], А.Х. Маргулана [23], К.А. Акишева [24], А.З. Бейсенова [25] и др. Мемориальное зодчество Казахстана и золотоордынского периода в целом рассмотрены в трудах Г.Г. Герасимова [26], Гарустович Г.Н. [27], Э.М. Байтенова [28;29;30], Е.Х. Хорош [31], С.Е. Ажигали [32], Байтанаева Б.А. и др. [33].

Погребальной традиции казахов посвящены работы А.Т. Толеубаева [34], А.Б. Калышева [35], А.К. Галимовой [36] и других. Но, все же доля исследований в области сакрального пространства казахской культуры и, в частности святых мест крайне незначительна. Можно назвать лишь несколько работ, посвященных феномену сакрального в казахской культуре в целом. Так, сакральное пространство музыки исследуется С.А. Елемановой [37], С.Ш. Аязбековой [38], Т. Асемкуловым [39] и др., некоторые вопросы сакрального рассмотрены в трудах З. Наурызбаевой [40; 41] и др., сакральное пространство казахской культуры и искусства нашло отражение в ряде публикаций М.Э. Султановой [42] и Ж.Н. Шайгозовой [43 и др.]. Сакральной географии Мангыстау и Устюрта посвящено исследование С. Кондыбая [46], сакральный ландшафт Алмаатинской области и культ поклонения рукотворным святым местам у тюрков и казахов рассматриваются Г.Н. Биляловой, Н.В. Ивлевой, М.Э. Султановой [46; 47].

Опираясь, на труды перечисленных ученых мы задались целью исследовать святые места (мавзолеи) Казахстана через призму теории сакральной географии и попытались определить дальнейшие пути научного поиска в этом направлении.

Авторы предполагают, что принципы выбора места захоронения и строительства мавзолея в казахской культуре могут соотноситься с разработанными в мировой науке теоретическими положениями сакральной географии. Данное вовсе не исключает, а как раз предполагает наличие региональных, в определенной мере синкретических форм местной традиции сакрализации ландшафта.

Некоторые аспекты ритуальных традиций кочевников-казахов: принципы выбора места захоронения.

Исследуя, принципы выбора места захоронения и последующего строительства мазара (а иногда и наоборот) в казахской культуре мы исходили из мысли о том, что строительство надгробных сооружений прошло долгий путь эволюции от курганной культуры скифо-сакского периода, получив наивысший расцвет в эпохе караханидов и тимуридов значительно укрепилось в тюрко-монгольский период и, дошло до современников в виде уникальной архитектурной традиции строительства мавзолеев различных типов, территориально широко «рассыпанных» по всему Казахстану.

Топография. По поводу местности нахождения того или иного священного объекта интересную мысль, ссылаясь на А.А. Панченко высказывает Д.Д. Петров [48]: сакральный объект зачастую «привязан» к конкретной пространственной точке – месту, где он расположен. Именно поэтому перемещение почитаемого объекта рассматривается как «святотатство». Таким образом, само место оказывается «сакрально отмеченным» посредством находящегося там предмета культа [48, с.6]. Одним из таких сакрально «отмеченных» мест, благодаря его маркированию предметом культа в казахской культуре выступают родовые кладбища или место – географическая точка, где находится тот или иной мавзолей/мазар. Не вдаваясь в подробности этимологии понятия мазар, который достаточно широко представлен в научной литературе отметим, что любой мавзолей в казахской культуре называют мазар. Мы в своем исследовании будем использовать их как равнозначные понятия.

Исторически кочевники-казахи усопших всегда стремились похоронить на родовых кладбищах, а мавзолей знаменитых людей непременно воздвигались в наиболее приметных и красивых местах, которые впоследствии становились неким центром притяжения, концентрировавшим вокруг себя захоронения сородичей и людей, кто считал большой честью упокоиться рядом с таким человеком. Поэтому очень часто рядом с мавзолеями знаменитых людей со временем образуются целые некрополи. К примеру, вокруг мавзолея Х.А. Ясави (Туркестанская область) со временем сложился

некрополь, состоящий из мавзолеев Рабиги Султан-Бегим (XV в.), хана Есима (XVII век) и других ханов и государственных деятелей.

Для выяснения топографических характеристик местности возьмем в пример несколько мазаров. Первый – это мавзолей Алаша хан. Мавзолей находится в 90 км к северу от города Жезказган (Улытауская область) на правобережье реки Кара-кенгир. Он стоит на холме в окружении небольшого некрополя, представленного сырцовыми мавзолеями и другими надмогильными сооружениями, датируемыми XVIII – началом XX веков. Сам мавзолей считается вершиной зодчества золотоордынского периода, не имеющего аналогов в Казахстане и относится специалистами к среднеазиатской периферийной архитектурной школе.

Основными характеристиками местности, где находится мавзолей Алаша-хан можно считать: возвышенность, которая позволяет мазару выступать доминантной точкой в окружающем ландшафте и поверхностный водный источник – река Кара-кенгир. Этот мавзолей целиком и полностью отвечает характеристикам мавзолеев золотоордынского периода, которые по Г.Н. Гарустовичу [27] имеют ряд принципов: возвеличивание представителей степной аристократии; придание общественной значимости возводимым зданиям; мавзолеи строились «в центральной части местных кочевий, там, где общины скотоводов с сезонной регулярностью появлялись вместе со своими стадами и где собирались народные собрания» [27, с.98]; мавзолей позиционируется как семейная усыпальница; месту строительства характеризуется открытым степным пространством, где мавзолей воспринимается как мощный эстетический объект.

Рассмотрим другой пример из Карагандинской области. По устным источникам казахов Бердыкожа завещал похоронить его на таком месте, где проходят оживленные дороги и где путники могли бы прочесть у его могилы молитву. Действительно, мазар расположен на трассе древних караванных сообщений [33, с.6], на пересечении троп между поселениями округа и старинной Каркаралинско-

сергиопольской дороги. Помимо дорог среди принципов выбора места для строительства мазара ученые выделяют следующие ландшафтные характеристики: возвышенность, с которой объект просматривается на значительном расстоянии и наличие водных источников в непосредственной близости от памятника протекает река Дагандалы. При этом, мазар в течении столетий «являлся значимым ориентиром, что подтверждается М. Копеевым а также картографическими данными XIX столетия, где мазар Бердыкожа батыр указан рядом с другими важнейшими ориентирами: горами Кокшетау, р. Дагандалы и другими объектами» [40, с.113]. Сама местность, где похоронен Бердыкожа батыр определяется как место захоронения казахских батыров XVIII-XIX вв., что дало возможность дать название этой долине - «Долина батыров» [30, с.8].

Согласно описанию археологов, проводивших раскопки мавзолея Жанибек хана, расположенного в 100 км южнее Астаны «для постройки мавзолея, было выбрано очень удачное место. Мавзолей находится на вершине высокой сопки, с поверхности которой открывается широкая панорама степи, виден противоположный берег озера и прилегающая округа. Мавзолей был виден издалека и доминировал над окружающим пространством» [50]. В описании отмечается возвышенность и наличие водного источника.

Другие примеры. Самый высокий глиняный мавзолей Восточно-Казахстанской области – это мазар Балтабека-кажи, расположенный на пологой каменистой возвышенности левого берега реки Ай. Мавзолей является доминантной точкой всего окружающего ландшафта не только благодаря своей внушительной высоте 16 м., но и открытому пространству вокруг. Другой мавзолей в Восточно-Казахстанской области – это глиняный мазар султана Барака, который по свидетельствам очевидцев отчетливо виден с трассы Алматы - Усть-Каменогорск.

Практически всем традиционным критериям отвечает древний некрополь Бейнеу (Западный Казахстан), который расположен на пересечении торговых и кочевых маршрутов; местность отличается своеобразным природным ландшафтом со

сложным рельефом и наличием священного водного источника – благодатного родника.

Итак, в большинстве случаев мавзолеей позиционируется как некая доминантная точка окружающего пространства или использовался путниками в качестве маяка, указывающего дорогу в бескрайних степных просторах Казахстана. Данное подтверждается и многолетними исследованиями Э.М. Байтенова. Ученый по этому поводу отмечает: расположение мемориалов обязательно учитывало особенности ландшафта, обычно с этого места (водоразделы, чинки, возвышенности) открывался красивый вид и сами они были видны издалека, причем из-за отсутствия других ориентиров на местности казались значительно крупнее. Видимые за много километров, они акцентировали возвышенности, организовывали и одухотворяли пространство [29, с.10]. Это характерная особенность собственно казахских мавзолеев, которые отвечают выделенному В.Л. Огудиным [15, с. 69] обязательному условию – аттрактивности – «зрелищности».

Правда, среди казахстанских мавзолеев встречаются и исключения. Например, Г.Г. Герасимов, описывая один из старейших мавзолеев Центрального Казахстана Аяк-Хамыр, ориентировочно датируемый караханидской эпохой пишет: «он расположен в низинной части долины реки Улькен-Джезды - притока реки Кара-Кенгир, на правом ее берегу. В топографическом отношении территория вокруг мавзолея представляет собой сильно всхолмленную местность, с большим количеством сопок, оврагов и балок. Поэтому, даже на близком расстоянии, это сооружение можно обнаружить не сразу» [26, с.9]. Возможно и, в «сокрытых» от посторонних взглядов казахстанских культовых сооружениях есть определенный смысл. Вероятно, впечатление, складывающееся у паломников от столь редко встречающихся и необычных форм местности, было направлено на усиление эффекта от созерцания сакрального объекта. В этом смысле безусловно правда Е.А. Окладникова отмечая, что архитектурные сооружения древности, входившие в систему сакральных ландшафтов,

являлись частями сложных механизмов, которые были способны «говорить о вечных ценностях» [19, с.23].

Водные источники. В теории сакральной географии существует интересная закономерность - наличие подземного водного источника непосредственно под сакральным объектом. Данный факт подчеркивает исследователь С.Э. Ермаков [1], ссылаясь на ряд западных археологов таких как К. Бутби, Р.О. Смит, В.Х. Ленд, М. Лэнгдон и др. Подобная закономерность обнаружена и на российских материалах. Группа ученых и археологов во главе с С.Э. Ермаковым провела аналогичные изыскания в России, что подтвердило связь культовых сооружений с подземными водами. Результаты полевых материалов опубликованы в работе [17], где в качестве объектов выступили православные церкви, разно удаленные от города Москвы. В рамках этого же проекта А.И. Цыгановым изучены буддийские храмы в Иркутской области. Результаты идентичны первым.

Попытаемся проследить связь всех типов водных источников (поверхностных и подземных вод) с казахстанскими сакральными объектами так как исследование сакрального места с подземными водами предполагает гораздо больше информации геолого-геоморфологического характера, которыми мы пока не владеем. Практически все известные науке скифосакские курганы расположены в долинах рек/озер, т.е. поверхностных вод. Например, Бешатырский могильник расположился на правом берегу реки Или (Алмаатинская область); некрополь Иссык расположен на левом берегу горной реки Иссык (Алмаатинская область); в долине реки Талды расположен одноименный комплекс памятников Талды-2 (Карагандинская область); большинство курганов Берель, Катон, Майэмир в Восточном Казахстане сконцентрированы в долинах рек Иртыш и Бухтарма. Но, в любом случае каждый казахстанский курган отвечал «как требованиям ритуальной составляющей, так и реальных условий (климат, рельеф, строительные материалы и т.д.)» отмечает Э.М. Байтенов [28, с.104].

Возможно, что и под курганами находятся запасы подземных водных источников. К примеру, Алмаатинская область согласно А.А. Абдуллину, обладает значительной сетью подземных вод, которые «в основном артезианские и относятся к Арало-Балхашскому, Алакольскому, Копа-Илийскому, Кегень-Каркаралинскому, Текесскому бассейнам. Пластовые и трещинные воды тяготеют к межгорным впадинам и принадлежат Джунгарскому и Кунгей-Алатаускому бассейнам. Подземные воды северо-восточной части области входит в состав Северо-Балхашского бассейна трещинных вод» [51, с.400]. Более точные данные можно получить, изучив геолого-геоморфологическую карту каждого конкретного региона.

В долинах рек расположены и казахстанские мавзолеи, относящиеся к разным историческим периодам. Например, кирпичные мавзолеи Айша-биби и Бабаджи хатун находятся на берегу реки Асы (Жамбульская область); мавзолеем Байдибек Карашаулы находится на берегу реки Балабоген (Южно-Казахстанская область); в долинах рек Кара-кенгир и Сарысу Алаша-хан, Жоши-хан и целый ряд других мавзолеев и памятников Карагандинской области; мавзолеем Дондагул (Восточно-Казахстанская область) и в целом некрополь расположен на левом берегу р. Шет-Бугаз. И, этот список можно продолжать еще долго.

Примечательно, что у многих знаменитых мавзолеев существуют колодцы и родники, которым народная молва приписывает исцеляющие/целебные свойства. Например, около мавзолея Арыстан баб (Южно-Казахстанская область) находится колодец с горьковато-соленой водой; *зам-зам су* называют в народе целебную воду из 30-метрового колодца у мавзолея Укаш – ата (Южно-Казахстанская область); колодец с лечебной водой есть и мавзолея Гаухар-ана (Южно-Казахстанская область), которой паломники обливают себя считая, что она придает жизненную энергию; родник со святой водой есть у мавзолея Ак-буры; родник с целебной ледяной водой есть и у мавзолея Альмерек-баба (Алмаатинская область), из которого омываются в специальных кабинках паломники; подземными водами, расположенными между мавзолеем

Алаша-хана и Жоши-хана (Карагандинская область) снабжают жителей питьевой водой целого города уже с советских времен. И, таких примеров можно привести достаточное количество.

В исследуемом нами контексте заслуживают особого внимания научные поиски ученых из Сарыаркинского археологического института КарГУ им. Е.А. Букетова. В рамках проекта «Сакральная география Казахстана» ученые реализовали программу «Летающее око археолога». С помощью летающих дронов археологи собираются выяснить соответствует ли месторасположение культовых мест законам древних учений о гармонизации среды обитания с потоками космических энергий.

В качестве первого объекта исследования выступает буддийский монастырь Кызыл-Кент, расположенный в Карагандинской области. Один из авторов «Летающего ока археолога» археолог Э.Р. Усманова⁵ подчеркивает связь буддийских монастырей с геомантической традицией, предполагающей строительство культового места по определенным законам: обязательно южный берег реки, северное направление входа, наличие высокой горы и т. д. В планах у карагандинских ученых исследование следующего не менее значительного культового места Сары-Арки – сопки Алтыншоки (Карагандинская область). Но, официальных публикаций результатов данного проекта пока еще нет.

Простое перечисление казахстанских сакральных объектов, а именно казахстанских курганов и мавзолеев подтверждает их связь с водными источниками, причем как поверхностными, так и подземными. У нас на этот счет есть несколько предположений. Первое – это традиционное почитание водных источников (поверхностных и подземных) кочевниками-казахами вообще, свойственное и широко

⁵ Эмма Радиковна Усманова – ведущий археолог Сарыаркинского археологического института КарГУ им. Е.А. Букетова, занимается исследованием памятников Лисаковской округи, буддийского монастыря Кент и другими не менее известными археологическими памятниками. Одна из первых казахстанских исследователей, обративших внимание на связь культовых построек Казахстана с древней геомантической традицией.

распространенное в разных регионах мира поверх любых конфессиональных границ.

Второе, связь подземного водного источника с сакральным объектом можно объяснить, опираясь на исследования С.Э. Ермакова [1]. Он предполагает, что подобным оригинальным способом в древности маркировались места скопления пресной воды. И, такая мысль не представляется алогичной. Ведь, ресурсы пресной воды – это стратегический запас устойчивого развития любого этноса/народа, а в резко континентальном и засушливом климате Казахстана сродни драгоценному кладу.

Третья версия, возможна наиболее устойчивая. Любые водные источники в тюркской культуре относятся к потустороннему миру, такое понимание которых восходит к древнейшим пластам культуры Казахстана. Так, в индоарийской горизонтальной структуре мира «река соединяет небо со средней зоной, где живут кяфиры, и с царством мертвых близ выхода из долины» [52, с. 86] и в более поздней тюркской трехчастной модели мира – река, и вообще любой водный источник относится к Нижнему миру.

Мотив реки как дороги в мир мертвых извечный сюжет мифологии практически всех народов мира: река Стикс (или Ахеронт) в царство мертвых в древнегреческой мифологии; аналогичную функцию в индийской мифологии играет река Вайтарани, разделяющая мир живых от мира мертвых и во многих других культурах. Глубокое исследование реки в погребальной обрядности народов Сибири представлено у Е.Г. Федоровой [53], где автор обосновывает ее роль в двух планах: как реки дороги и реки как преграды. Ученый пишет: «в мировоззрении ряда народов Сибири река представляет собой связующее звено между различными мирами Вселенной, т.е. ее можно рассматривать в качестве космической модели, Верхний мир - это и небо, и верховья реки, Нижний - и определенная часть подземного пространства, и низовья реки» [53, с.220] В то же время, ссылаюсь на В.П. Дьяконову, продолжает автор: «согласно мировоззрению некоторых групп тувинцев -

шаманистов, страна умерших находится в низовьях какой-либо большой реки, текущей на север или на запад [53, с.220].

В тюркской культуре согласно В.Л. Огудину «родники, бьющиеся из-под земли» называют «Кара-Су» («Черная вода»), а «каналы, арыки, колодцы, реки, стекающие с ледников» называют «Ак-Суу» («Белая Вода»). «У каждого источника есть свой дух-хозяин» [15, с.30]. Казахская топонимика сохранила в достаточном количестве названий таких рек как Кара-су, Ак-су, Сары-су и др., которые проясняют источник мифологического происхождения реки, озера, водоема – подземный, верхний или срединный мир. В исследуемом нами контексте М.Э. Султанова и А.Р. Хазбулатов уместно замечают, что текучесть воды как непостоянство и изменчивость материи осмысливалась и использовалась шаманами в высших магических практиках для телесного перехода в другую реальность. Часто в этих «путешествиях» шаманов вели их животные или птицы, имеющие прямое отношение к воде: гагары, лебеди и утки у казахов, алтайцев, бурятов, сойотов, тувинцев, тлинкитов и т.д. [48, с.368].

Для более глубокого и комплексного осмысления связи казахстанских священных мест с водными источниками и другими критериальными показателями сакральной географии (к примеру залежей полезных ископаемых, руд и т.д.) необходимо их исследование в совокупности геологических, гидрогеологических, геоморфологических и геофизических характеристик. Данное входит в группу критериев, под которыми С.Э. Ермаков и Т.В. Фаминская понимают «наличие скрытых или выходящих на поверхность разломов, открытых и подземных водных источников, скоплений подземных вод, пустот; залежей различных руд и минералов; участков с ярко выраженной неоднородностью рельефа» и др. [18, с. 38]. Думается, что исследование сакральных объектов Казахстана в обозначенном ракурсе прольет свет на малоизученные аспекты традиционной картины мира древних номадов.

Исследуя, связь водных источников (подземные и поверхностные) с сакральными местами мы обнаружили еще

одну закономерность: связь казахстанских культовых сооружений с горами.

Гора/горы. Почитание гор широко распространенное явление по всему миру, которое можно проследить в ракурсе связи с культовыми сооружениями. Захоронения в горах или у ее подножия встречаются в разных регионах евразийской культуры. Так, Г.Н. Гарустович [28], ссылаясь на В.В. Бартольда и Ю.И. Дробышева отмечает, что чагатайского хана Барака по приказу хана Кайду похоронили на высокой горе [28, с.102]. По мнению В.Л. Огудина [16] под горой Тахти-Сулейман в Ферганской долине - древнейшем культовом месте сформировались обширные кладбища с многочисленными мазарами.

Теперь казахстанские примеры. Культ горы Бегазы (Карагандинская область) связывается специалистами с древними могильниками у ее подножия. Например, горы Кзыл-Арай и Бегазы составляют самую высокую точку Арало-Иртышского водораздела, что неизменно создавало большие удобства для хозяйственной и культурной деятельности древних скотоводов. В этой местности археологами обнаружены скальные гробницы, датируемые XII–IX вв. до н. э. Некрополь Бегазы исследован А.Х. Маргуланом [23].

Знаменитый могильник Иссык находится на берегу Или у подножия самого высокого пика Зайлийского Алатау – Талгар. Анализируя, искусство и мифологию саков данного и других казахстанских некрополей А.К. Акишев пишет: космографическая структура учитывалась при организации любого сакрального предмета: от орнаментов на инструментах племенных культов (курильницы, алтари, котлы), устройствах скифских, сакских (включая иссыкскую клеть) погребений и капищ до планировки царских тронов, индуистских, буддийских, исламских и прочих храмов, мечетей и городов (принцип магической космограммы отражен в символике мандалы) [24, с.27].

Связь с сакральными в народном понимании горами и с захоронениями царственных особ прослеживается и на Улытау. Протяженность горного массива Улытау составляет 240

километров. Гора Аулиетау является самой высокой и получила свое название получила в честь пяти святых, похороненных на ней. Она разделяется на горы Едыге и Кишитау. На вершине горы Едыге согласно древнеказахской легенде захоронены ханы Едыге и Тохтамыш. Думается примеров по Казахстану можно привести еще много.

Роль горы в традиционной практике захоронения еще предстоит тщательно исследовать. Но, вероятно она зиждется на понимании горы как наивысшей точки пространства, самого близкого места к верхнему миру, соответственно и похороненному здесь человеку было больше гарантий в достижении Мира богов. Данная мысль находит подтверждение в более ранней работе одного из соавторов, где М.Э. Султанова пишет: вершина горы с сакральных позиций – единственное место, более всего приближенное к Тэнгри. С одной стороны, вершина горы является для человека видимой и потому понятной», а с другой, ссылаясь на Содномпилову М.М. автор отмечает: «в мировоззрении тюрко-монгольских народов существует и совершенно противоположный образ горной вершины: вершина воспринималась как недостижимый рубеж, конец, естественное завершение горы, что проявилось в обозначении горной вершины терминами туйл - «конец, край/горный пик» [47, с.369]. В этом контексте горный пик стал своеобразным Великим Пределом, который можно увидеть своими глазами, познать скорее всего только в Ином мире.

Солнце. Другой принцип, который заложен в практике строительства мавзолея как ни странно на первый взгляд – это солнце. Его отношение к ритуальной постройке в казахской культуре выявлено казахстанским архитектором Э.М. Байтеновым [30]. О нем автор пишет следующее: «интереснейшим проявлением «степной психологии» является выявленный нами прием расположения мемориалов так, чтобы его освещали последние лучи заходящего между двух гор солнца, тогда как все вокруг было уже в тени. В одном случае это был сакский курган, в другом же - казахский мавзолей, построенный через две тысячи лет [30, с.10].

Н

а наш взгляд, этот своеобразный архитектурный прием восходит к культу солнца, наделенного в сознании кочевников чертами бессмертия, воскресения и вселенской закономерности, а возможно этот короткий момент захода солнца, отражающийся на мавзолее символизирует быстротечность жизни, идею жизни как одного краткого мига. Ведь, известно, что выбор местности и, прежде всего: смещение всего на несколько километров затрудняет наблюдения за восходами и закатами небесных светил. Так, представление о магической силе луча заходящего солнца в казахской культуре живет до сих пор, что широко проявляется в бытовой обрядности и фольклоре. Например, сакральную роль луча/света солнца в казахской мифологии можно проследить в древней легенде о красавице, которая забеременела от луча солнца и, от ее сына Солнца и сыновей великого кюйши Домбаула пошел род кият. Мавзолеем Домбаула находится у села Улытау Карагандинской области, который ученые относят к доисламскому периоду (VIII - IX в.в.).

В этом аспекте, нельзя забывать, что жизнь ранних и поздних кочевников упорядочивалась в зависимости от фаз луны и положения созвездий, а солнце в этой системе занимает особое место.

«Осиет». В качестве принципа выбора места захоронения и строительства мавзолея/мазара в казахской культуре выступает традиционное понятие «осиет» - последняя просьба или предсмертное желание. Тому пример, сохранившиеся в народной памяти сведения. Как мы уже отмечали Бердыкожа батыр завещал похоронить его у оживленных дорог; согласно легенде Райымбек-батыр наказал похоронить его там, где остановится его верблюд; даже современная этнографическая реальность демонстрирует нам живучесть этой древней традиции, так по завещанию знаменитого казахстанского этнографа А. Сейдембека его похоронили на сопке Кара-оба (Карагандинская область). По этому поводу архитектор Э.М. Байтенов пишет, что по выявленным им старинным преданиям «друзья указывали место своего будущего захоронения с таким

расчетом, чтобы их мавзолеи «видели» друг друга» [30, с. 10]. Думается, что в казахской устной традиции найдется не мало подобных примеров выбора места захоронения «заведомо для себя» и выбора места захоронения верблюдом сакральном в понимании казахов животным. Об последнем А.Т. Толеубаев пишет, что среди казахов широко бытует легенда о «некрополе Камысбая в Мангистауской области, Мулкилана в Кзыл-Ординской области, Раимбека в Алма-Ате» [34, с.99] о верблюде, который определяет место захоронения.

Дорога, перекресток. Еще один принцип выбора места захоронения в казахской культуре – дорога, перекрестки караванных и кочевых путей, о которых мы уже упоминали ранее, т.е. в казахской культуре явно присутствует практика захоронения на распустьях и вдоль дорог.

По этому поводу В.Л. Огудин на примере жителей Ферганской долины пишет: «еще одним важным местом в жизни населения были дороги, их перекрестки и развилки. Близ них всегда устраивали места поклонения для того, чтобы проходящие и проезжающие могли приветствовать святого и двигаться дальше, надеясь на его помощь. Даже сейчас водители, проезжающие на машине мимо придорожного мазара или кладбища, приветствуют лежащих в могилах, проводя руками по лицу и тихо произнося «Омин, Улло акбар!» [16, с.70]. Подобное характерно и для современных казахов.

В целом, концепт дорога в казахской культуре соотносится с пониманием Пути – обратимого (жизненного) и необратимого (мертвого) Пути. Вообще, для кочевника «путь являл собой квинтэссенцию бытия» - пишет И.В. Октябрьская [54, с.326]. Сакральное понимание обратимого и необратимого Пути заложено в народных эпосах. Так, обратимый Путь любого героя казахского, и шире тюркского эпосов начинается от порога родного дома, что сохранилось в реликтах древнейшего обряда тысау кесу у ребенка (разрезание пут). Необратимый Путь – это соответственно Путь в царство Эрлика, в царство мертвых, который в казахской культуре как мы видим мог совершаться по реке (или любому водному источнику), или в гору, или по дороге (перекрестку) и т.д.

Перекресток как место средоточия демонических сил и особое сакральное место представляется во многих культурах мира. Например, в древнегреческой мифологии богиня Геката – демон перекрестка, хтоническое существо; в римской мифологии богиня трех дорог – Тривия и многие другие. Сакральное значение перекрестка достаточно полно сохранилось у тюркских народов. Например, о тюркских алтайцах И.В. Октябрьская отмечает: в шаманском пантеоне Алтая фигурировал персонаж Кагыр-ган (Каарган), посредник между Ульгеном и Эрликом. Он жил на перекрестке семнадцати дорог, где вершился суд и наказание человека [54, с.326]. Следовательно, перекресток – сакральное место, где вершится Высший суд. Существовали в тюркской мифологии и божества Путей («бог путей на пегом коне» и «бог путей на вороном коне»), реликты которых сохранились и у казахов. Когда у почтенного старца спрашивают его возраст, он отвечает, что ему уже необходимо отправлять в Путь на кара-жорга (вороной конь).

Ю. А. Разинов, исследуя символику перекрестка отмечает, что он «символизирует пересечение и, как следствие, инверсию путей «жизни» и «смерти» [55, с.126], что никак не укладывается в утилитарную функцию доступности захоронения, ведь «обычай захоронения в труднодоступных местах (на вершинах гор, в расщелинах и даже отвесах скал...)» опровергают подобную постановку вопроса. И, практика захоронения у дорог, скорее всего связаны с «символизацией жизненного пути как дороги к смерти, где развилка – место прерывания пути» [55, с.126]. Более детально сакральное значение практики захоронения в казахской культуре на перекрестках и вдоль дорог мы планируем в будущем исследовании.

Изучение принципов выбора места захоронения и строительства мавзолеев в казахской культуре позволяет нам сказать, что в нем присутствуют некоторые позиции, соотносящиеся с общей теорией сакральной географии и, коренящиеся в глубинах автохтонных традиций сакрализации ландшафта. Их творческий союз предрасполагает к

обязательному присутствию водного источника; мавзолеи как правило строились на некой возвышенности/сопке, с которой прекрасно обозревается окружающий ландшафт; практика захоронения в горах и у их подножья; особое расположение небесных светил; а также дороги, перекрестков и распутья. Возможно, последний принцип логически взаимосвязан с лей-линиями или линейными структурами.

Лей-линии/линейные структуры. Следующий критерий в теории сакральной географии, на котором нам бы хотелось остановиться подробнее – это лей-линии. А. Уоткинс называл их волшебной цепочкой, связывающей одну горную вершину с другой, насколько могут видеть глаза [2, с.1]. К лей-линиям исследователи относят прямые радиальные линии, которые связывают между собой святые места или их называют некими энергетическими линиями на поверхности земли, объединяющими культовые и священные места.

Данная закономерность по сведениям С.Э. Ермакова [1] обнаружена на разных континентах земли. Например, у североамериканских индейцев, в Западной Боливии, Германии и многих других. Также С.Э. Ермаков пишет, что истинное назначение этих линий все еще остается тайной, а «единственным ключом» к разгадке могут служить «слова некой индейской женщины, о том, что линии были в свое время *«путями, по которым двигались духи»*» [1, с. 4], а в некоторых традиционных мифологических системах лей – линии называют еще и путями дракона.

Большой интерес в контексте проблематики лей-линий представляет труд В. Мизина [56], раскрывающий материалы нескольких полевых исследований автора на Северо-Западе России (Ленинградская область). Автором с 2001 года проведен ряд исследований сакральных объектов на вышеназванной территории, где обнаружены определенные линейные закономерности. Правда, исследователь оговаривается, что обнаруженную им линейную закономерность нельзя отнести «к лей-линиям в классическом западноевропейском их понимании» [56, с.1] поскольку они не представляют собой линии визирования, а скорее представляют собой «линейную

организацию культовых и природных объектов (естественные пещеры, резкие повороты рек на 180 градусов, доминирующие возвышенности и т.п. дополняются почитаемыми местами образуя линии, идущие на десятки километров) [56, с.1].

Анализ работы В. Мизина показал несколько главных моментов, выявленных автором, где отмечается взаимосвязь линейных структур с реками, берегами крупных водоемов, особенностями старой дорожной сети; взаимосвязь линейных структур с тектоническими разломами; взаимосвязь с кольцевыми природными образованиями; линейная структура как известный путь паломников; связь линейных структур с перекрестками и похоронными процессиями [56, с.2] и многие другие составляющие, которые задают основной тон будущим исследованиям.

Исследование лей-линий или линейных структур на казахстанских материалах нам неизвестны. Но, попытаемся обозначить хотя бы «зацепки» в искомом нами направлении. М.П. Грязнов [22], исследовавший курганную культуру на обширной территории евразийских кочевников отмечают одну закономерность – наличие каменных колец вокруг курганов. Ученый отмечает, что подобного рода оградки, также расположенные полукольцом или несколько иначе вокруг больших царских курганов времени ранних кочевников, известны в нескольких пунктах Казахстана. Однако более широко они распространены в Туве, Монголии и Забайкалье [22, с.64]. М.П. Грязнов предполагает, что оградки сооружались на месте совершения жертвоприношения коня во время поминальных тризн [22, с.64].

Согласно мнению специалистов [30; 31] вокруг казахских мавзолеев также ставились кругообразные каменные ограды, которые по мнению В.Л. Огудина в мусульманской культуре определяют сакральную зону. Так, «в условном центре находится главное почитаемое место (объект поклонения), например, могила... Центр окружает сакральная зона (араб, «харим» - «запретное», слово, относящееся к территории, - например, земли вокруг почитаемых мест или части жилища (гарем), в отличие от «харам» - слова, относящегося к

осуждаемым поступкам, запретам какой-либо деятельности). Зоне свойственны чистота и бережное отношение со стороны верующих [15, с.26]. Следовательно, круг и, его вариант полукруг в виде каменных оград, встречающиеся на казахстанских сакских курганах и мусульманских мавзолеях с позиции теории сакральной географии можно рассматривать как один из распространенных видов лей-линий, нанесенных на земную поверхность вокруг сакрального объекта.

На своеобразные умозаключения наталкивают нас наблюдения Э.М. Байтенова, который пишет: в представлениях строителей курганов сакского времени была заложена идея ритуального Пути, чем и объясняется ориентация погребенных (на запад или восток) и, чтобы «не мешать» посмертному путешествию в этом направлении соседние курганы располагались с обеих сторон в цепочку (север-юг) [30, с. 9] и определенная линейную организацию можно проследить в расположении казахских мавзолеев. О которых Э.М. Байтенов также отмечает: казахские мавзолеи часто выстраивались в «шеренгу» из двух, трех и более построек, памятники же следующего поколения располагались за ними [30, с.10]. Отсюда, можно сказать, что определенная линейная (возможно лучше сказать геометрическая) организация мест захоронений на казахстанских материалах все-таки присутствует. И, не эти ли лей-линии сакский «ритуальный Путь» духов, или выражаясь словами безвестной индийскому женщины «Волшебные пути по которым, движутся духи»? Думается, что приблизится к ответу на этот главный вопрос можно, используя комплекс методик, начиная от несложной методики наложения поверочной линейки на три или четыре характерные точки на крупномасштабной карте до аэрографических съемок сакральных объектов с помощью летающих дронов.

Выводы. Очевидно, что в рамках одного небольшого исследования невозможно в полном объеме охарактеризовать мавзолеи Казахстана в контексте теории сакрального ландшафта. Поэтому, суммируя результаты исследования еще раз подчеркнем основные его моменты. Сакральные рукотворные места, в данном случае казахстанские мавзолеи

имеют прямую связь с сакральными природными местами, то есть в натурфилософии кочевников-казахов наблюдается их гармоничное сочетание и взаимосвязь. Например, связь сакральных объектов (курганов, мавзолеев и т.д.) с водными источниками, горами, возвышенностями, долинами и т.д.; нельзя забывать и о связи рукотворных сакральных объектов с астрономическими и пространственными представлениями кочевников и, о линейных закономерностях (например, в виде круга/полукруга и просто прямо образных линий) казахстанских курганов и мавзолеев.

Разумеется, исследование сакральных ландшафтов Казахстана носит реконструктивный характер. Следовательно, и обозначенные в настоящей статье выводы и предложения нуждаются в дальнейшей проверке и доработке. Но, несомненно их изучение должно происходить, «опираясь не только на явную составляющую, но и тайную. Только в этом случае и сакральная география, и паломничество предстанут перед нами в более адекватной по отношению к своей сущностной природе интерпретации» [58, с.110].

Поэтому авторы полагают, что мавзолеи (мазары) как осмысленная среда общения человека с высшим миром, с духом предков - *Аруахов* не могла ограничиться «умелыми руками» и «техникой» зодчих, а опиралась на традиционные эзотерические знания кочевников, исходящие из тенгрианского прошлого, где выделенные принципы – ключ к их осмыслению.

Список литературы:

1. Ермаков С.Э. Волшебные пути, по которым движутся духи//Мифы и магия индоевропейцев. – М.: Менеджер, 1997. – Вып. 3. – С. 122-153.
2. Watkins A. Early British Trackways. London: SIMPKIN, MARSHALL, HAMILTON, KENT & Co., Ltd, 1922. – 82 p.
3. Boothby F.L.M. The Religion of The Stone Age//JBSD II, No.10, Dec 35, pp.115-16.
4. Teudt W. Germanische Heiligtümer, Jena: Diederichs, 1936. - 378 s.
5. Фрэзер Дж. Золотая ветвь: Исследование магии и религии. – М.: Политиздат, 1980. – 832 с.

6. Отто Р. Священное. – СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2008. – 272 с.
7. Элиаде М. Очерки сравнительного религиоведения. М.: Ладомир, 1999. - 488 с.
8. Гольдциэр И. Культ святых в исламе (Мухаммеданские эскизы). – М.: Государственное антирелигиозное издательство. – 1938. – 178 с.
9. Кнорозов Ю.В. Мазар Шамун-наби (Некоторые пережитки домусульманских верований у народов Хорезмского оазиса) // Сов. этнография (далее - СЭ). 1949. № 2. С. 86-92.
10. Басилов В.Н. Культ святых в исламе. М.: «Мысль», 1970. - 144 с.
11. Абрамзон С. М. Предметы культа казахов, киргизов и каракалпаков // Материальная культура и хозяйство народов Средней Азии и Казахстана. Л., 1978. С. 44-67 (Сб. МАЭ. Т. XXXIV)
12. Снесарев Г.П. Хорезмские легенды как источник по истории религиозных культов Средней Азии. М., 1983.
13. Рассудова Р.Я. Культовые объекты Ферганы как источник по истории орошаемого земледелия // СЭ. 1985. № 4. С. 94-104.
14. Огудин В.Л. Экологическая функция религии//ЭО, № 1. - 2001. – С. 23-38.
15. Огудин В.Л. Места поклонения Ферганы как объект научного исследования//ЭО, № 1. – 2002. – 63 -79.
16. Неопалитанский С.М., Матвеев С.А. Сакральная геометрия. – СПб.: Издательство института метафизики, 2004. – 632 с.
17. Ермаков С.Э. Сакральные места с точки зрения лозоходца // Парапсихология и психофизика. - 1994. - №3 (15). - С. 21-28.
18. Ермаков С.Э., Фаминская Т.В. Тайны Живой Земли. - М.: Изд-во «Северный ковш», 2001. - 220 с.
19. Окладникова Е. А. Сакральный ландшафт. - М.- Берлин: Директ-Медиа, 2014. – 230 с.
20. Стасевич И.В. Практика поклонения сакральным объектам и предметам в традиционной и современной культуре казахов и киргизов (в контексте изучения культа святых)//Центральная Азия: традиция в условиях перемен. - 2012. - Вып. 3. - С.270-301.
21. Банников К. Спиритуальные представления чабанов плато Уюк//Социальная реальность. – 2008, № 5. - С. 22 – 35.
22. Грязнов М.П. Аржан. Царский курган раннескифского времени. Каменные кольца вокруг кургана//Л.: 1980. – 64 с.
23. Маргулан А.Х. Древняя культура Центрального Казахстана. - Алма-Ата: Наука, 1966. - 445 с.

24. Акишев К.А. Искусство и мифология саков. - Алма-Ата: Наука, 1984. - 176 с.
25. Бейсенов А.З. Погребально-поминальный комплекс «курган 37 воинов»//Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». - № 1. – 2015. – С.6-12.
26. Герасимов Г.Г. Памятники архитектуры долины реки Кара-Кенгир. – Алма-Ата: Издательство Академии наук КазССР. – 1977. – 54 с.
27. Гарустович Г.Н. «Теория мавзолеев» или региональные особенности культового мемориального зодчества Урало-Поволжья эпохи Золотой Орды//Золотоордынское обозрение. - № 2 (4). – 2014. – С.95-119.
28. Байтенов Э.М. Конструктивные особенности берельского кургана № 11 (Казахский Алтай)//Строительство и архитектура. – 2007. - № 2. – С. 100-105.
29. Байтенов Э.М. Мемориальное зодчество Казахстана: эволюция и формообразование: Дисс...док.архитектуры. – М., 2004. – 398 с.
30. Байтенов Э.М. Фазы формообразования в мемориальном зодчестве Казахстана// Строительство и архитектура. – 2007. - № 2. – С. 105-109.
31. Хорош Е.Х. Мавзолей Алаша-хан//Роль номадов в формировании культурного наследия Казахстана. Научные чтения памяти Н.Э. Масанова: Сб. мат-лов Межд.науч.конф. – Алматы: Print-S, 2010. – 544 с.
32. Ажигали С.Е. Очерк культурного наследия Арало-Каспийского региона [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/v/ocherk-kulturnogo-naslediya-aralo-kaspiyskogo-regiona>. Дата обращения: 16 ноября 2017 года.
33. Байтанаев Б.А., Касымбеков Б.А., Ахатов Г.А., Смагулов Т.Н., Жанисов А.Т. Археологические исследования мавзолея Бердыкожа батыра//Труды IX Евразийского научного форума, посвященного 100-летию со дня рождения Льва Николаевича Гумилева / Под ред. Е.Б. Сыдыкова. – Астана: Издательство ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, 2012. – 735 с.
34. Толеубаев А.Т. Реликты доисламских верований в семейной обрядности казахов: (XIX - нач. XX в.). - Алма-Ата: Гылым, 1991. - 213 с.
35. Калышев А.Б. Культура и быт современного сельского населения Павлодарского Прииртышья: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. - М., 1989. - 24 с.

36. Галимова А.К. Традиционные компоненты в погребально-поминальной обрядности казахов (на материалах Павлодарской области) // Евразийское сообщество. Алматы, 1999. № 4. - С. 30 – 52.
37. Елеманова С.А. Наследие тюркской культуры. – Алматы: Кантана-пресс, 2012. – 250 с.
38. Аязбекова С.Ш. Картина мира этноса: Коркут-ата и философия музыки казахов. – Изд. 2-ое. – Астана, 2011. – 284 с.
39. Асемкулов Т. Казахский эпос: человеческий Дух в поисках изначального смысла. В книге Наурызбаевой З. Вечное небо казахов. – Алматы: «СаГа», 2013. – 704 с. – С.657 -683.
40. Наурызбаева З. Вечное небо казахов. – Алматы: «СаГа», 2013. – 704 с.
41. Наурызбаева З. Четыре облака. Сборник очерков. – Алматы: Научно-образовательный фонд «Аспандау», 2017. – 592 с.
42. Султанова М.Э. Ткачество как священное искусство//Материалы международной научно-практической конференции «Непрерывное художественное образование Республики Казахстан: Декоративно-прикладное искусство 2012», 28 апреля 2012. - С. 249-252.
43. Хазбулатов А.Р., Султанова М.Э., Шайгозова Ж.Н. Анималистическая вселенная казахской культуры в диаграмме эпох: Монография. – Астана: КазНИИК, 2017. – 519 с.
44. Шайгозова Ж.Н. Сакральное пространство Кокше: метафоризм живописи Дужана Магзумова// Научно-методический журнал «Педагогика и психология» КазНПУ им. Абая, № 3, 2016. – С.45-55.
45. Кондыбай С. Толық шығармалар жинағы. 3-том. Маңғыстау географиясы. Маңғыстау мен Үстірттің киелі орындары. – Алматы: «Арыс» баспасы, 2008.-288 бет.
46. Билялова Г.Н., Ивлева Н.В., Султанова М.Э. Сакральные места Алматинской агломерации (на примере духовно-оздоровительного комплекса Унгуртас). – Алматы: ОО «OST-XXI век», 2007.
47. Султанова М.Э., Хазбулатов А.Р. Культ поклонения рукотворным святым местам у тюрков и казахов: культурологический и этнографический контекст// Вестник ЕНУ им. Л.Н. Гумилева. I часть. – 2015, №5(108). – С. 371-374.
48. Петров Д.Д. Сакральная география восточных районов Архангельской области: Дис. ... канд. ист. наук. М., 2015. - 131 с.
49. Көпейұлы М.Ж. Шығармалары. – Павлодар, 2005-2007, 9-том. - С.112-113.

50. Археологи обнаружили мавзолей Жанибек хана еще 5 лет назад [Электронный ресурс]. - Режим доступа: http://old.e-history.kz/ru/project/view/3?type=publications&material_id=1012.
Дата обращения: 16 ноября 2017 года.
51. Абдуллин А.А. Геология и минеральные ресурсы Казахстана. Алма-Ата: Ғылым, 1994. - 400 с.
52. Йеттмар К. Религии Гиндукуша. М.: Наука, 1986. – 505 с.
53. Федорова Е.Г. Река в погребальной обрядности народов Сибири. – МАЭ РАН, Реки и народы Сибири: Сборник научных статей / Отв. редактор Л.Р. Павлинская. СПб.: Наука, 2007. - 281 с.
54. Октябрьская И.В. Путь через перевалы. Концепция пути в фольклорно-поэтической традиции Алтая // Проблемы истории, филологии, культуры. 2012. № 3 (37). - С. 325-334.
55. Разинов Ю.А. Символика перекрестка//Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия «Философия. Филология». - № 1 (7). – 2010. – С.123 -130.
56. Мизин В. Линейные структуры и закономерности в ландшафте, геологии и сакральной географии Ленинградской области [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://antisys.ru/wpq/2015/10/30/мизин-в-г-линейные-структуры-и-законом/>. Дата обращения: 16 ноября 2017 года.
57. Завгородний Ю.Ю. Сакральная география и феномен паломничества: тайное или явное?// Філософія і релігієзнавство. Перший науковий філософсько-релігійний портал. – Режим доступа: <http://tureligious.com.ua>. – Дата обращения: 16 ноября 2017 года.

Сведения об авторах: Шайгозова Жанерке Наурызбаевна, кандидат педагогических наук, ассоциированный профессор КазНПУ им. Абая (Алматы, Казахстан), e-mail: zanna_73@mail.ru;

Нехвядович Лариса Ивановна, доктор искусствоведения, профессор, директор Института гуманитарных наук (Барнаул, Россия), e-mail: lar.nex@yandex.ru;

Ибрагимов Аман Илесович, канд. пед. наук, и.о. ассоциированный профессор, Казахский национальный педагогический университет им. Абая (Алматы, Казахстан)

Раздел III. Традиционное право и современные политико-правовые системы стран тюркского мира Большого Алтая

Сорокин В.В.

Алтайский государственный университет, Барнаул (Россия)

О фундаментальных основах единства славянских и тюркских народов России и Центральной Азии

Текст подготовлен в рамках госзадания Алтайского государственного университета «Тюркский мир Большого Алтая: единство и многообразие в истории и современности»(проект номер – 748715Ф.99.1.ББ97АА00002)

На протяжении своей тысячелетней истории Российское государство приобрело уникальный опыт согласования и умиротворения разнообразных национальных интересов. В настоящее время сложилась необходимость системного взаимодействия с тюркскими государствами Центральной Азии. России необходимо поддерживать безопасность на своих границах.

Для достижения этой цели необходимо представить научно обоснованную систему социально-культурных, мировоззренческих ценностей и практик, основанных на историко-цивилизационном наследии славянских и тюркских народов России и государств Центральной Азии и подтверждающих их историко-культурное единство.

В основе системы социально-культурных, мировоззренческих и других ценностей и практик представлены обобщающие и объясняющие идеи славяно-тюркского единства в их возникновении, развитии и дальнейшем применении. Важно сделать акцент на общую историю взаимодействия славянских и тюркских народов с учетом их опыта совместного проживания, межэтнического взаимодействия и нахождения в составе тюркских, монгольских и славянских государственных образований - Тюркских каганатов, Золотой Орды, Российской империи, СССР. Важно учитывать, что славяно-тюркские

отношения не исчерпываются рамками современных отдельных государств, а охватывают период 1000-летней истории и в силу этого имеют прочный фундамент для дальнейшей интеграции.

Тысячелетняя история взаимоотношений славян и тюрков – цивилизационное наследие и геополитическая ценность. Тюрко-славянская тысячелетняя общность – это цивилизационное основание и фундамент интеграции России и Центральной Азии, базирующейся на генетической, исторической, территориальной, государственно-правовой, культурной основе и позволяющей добиться более масштабных результатов, но с меньшими социальными издержками. Основным смысловым ядром интеграции, проектом её будущего развития и укрепления является славяно-тюркское единство. Это двуединый славяно-тюркский, христианско-мусульманский, и социально-объединительный геополитический проект – Евразийского союза.

Концепция славяно-тюркского единства основывается на общей территории проживания, на которой происходили процессы возрождения, переселения, ассимиляции и объединения многих народов, преимущественно тюрко-монголо-славянских [1, с. 45]. Развитие и продвижение тюркских народов с VI века шло с востока на запад и включало в свое влияние и славянские народы. Становление России с XIV века, её расширение до границ Российской империи в XIX веке и до СССР происходило преимущественно за счет включения неславянских народов, преимущественно тюркских.

Необходимо давать своевременный ответ на современные вызовы, которые возникают в России и Центральной Азии. В первую очередь – это турецкое влияние – пантюркизм; создание «Союза тюркских государств» и принятие в 2021 г. декларации «Видение тюркского мира 2040», направленной в том числе на продвижение общей тюркской идентичности, основанной на исторической общности. Выступая в качестве альтернативы пантюркскому проекту, представленная концепция наделяет российский Алтай историко-цивилизационным статусом прародины тюркских народов, а Россию – гаранта сохранения их национальной и культурной самобытности, а также

обосновывает естественный и взаимовыгодный характер славяно-тюркской интеграции на евразийском пространстве.

В настоящее время необходимость интеграции с тюркскими государствами Центральной Азии значительно усилилась вследствие реакции Запада на специальную военную операцию на Украине, обострение китайско-американских отношений, решения ОДКБ по вводу в Казахстан контингента миротворческих сил. Данная концепция является платформой, которая содержит набор инструментов для выработки практических решений (программ, документов и т.д.) и углубления интеграции и усиления российского влияния в Центральной Азии.

Укрепление российской государственности подразумевает славяно-тюркское единство в рамках российского государства. Трансграничные регионы России получают дополнительные гарантии безопасности от налаживания добрососедских связей со странами Центральной Азии.

Мы исходим из закономерности, что только Россия всегда справлялась с миссией умиротворения региона Центральной Азии, предотвращения между народами национальных и религиозных конфликтов и сбережения их культурной идентичности. В периоды, когда влияние России в этом регионе ослаблялось, там начиналась резня, нашествие терроризма и обнищание основной массы местного населения.

Сохранение и развитие объединяющей системы ценностей составляет предназначение Концепции славяно-тюркского единства России и стран Центральной Азии. Такая концепция разработана научным коллективом ученых России и стран Центральной Азии на базе НОЦ алтаистики и тюркологии «Большой Алтай» Алтайского государственного университета.

Отдельные положения концепции нашли закрепление в законодательной сфере России и стран Центральной Азии в виде законов и государственных программ. В Российской Федерации приняты Стратегия национальной безопасности России (июль 2021 г.), Закон Российской Федерации «О языках народов Российской Федерации», Федеральный закон «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской

Федерации», реализована Федеральная целевая программа «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России». Администрацией Президента Республики Казахстан в 2010 г. одобрена Доктрина национального единства Казахстана. В Кыргызстане реализуется Концепция укрепления единства народа и межэтнических отношений в Кыргызской Республике (2013 г.) и др.

Реализация Концепции в рамках культурно-гуманитарного сотрудничества предполагает работу с университетами и научными организациями стран Большого Алтая и Центральной Азии, между молодежными организациями, медиа-изданиями. Требуется продвижения проект «Алтай – территория этногенеза тюркских народов».

Разработка и реализация программ поддержки славянского населения в странах Центральной Азии должно происходить через развитие русского языка и культуры в странах Центральной Азии, как средства гуманитарного и межнационального общения.

Основываясь на представлениях об Алтае как сакральном центре, необходимо развивать и популяризировать общие для тюркских и славянских народов сакральные природные и историко-культурные объекты на этой территории.

«Алтайская» гипотеза происхождения тюрков находит подтверждение, как в письменных памятниках, так и в археологических материалах [2, с. 112]. Согласно одной из легенд, представленной в китайских летописях, в 460 г. на Алтай переселилось племя Ашина. На новом месте предкам тюрков пришлось взаимодействовать с местным населением. В результате именно на Алтае с течением времени сложился союз племен, получивший название «Тюрк». Сведения письменных источников подтверждаются результатами раскопок археологических памятников в горной части Алтая. К настоящему времени только на этой территории известны наиболее ранние объекты (2 пол. V – сер. VI в. н. э.), демонстрирующие процессы формирования тюркской общности. Это памятники Кок-Паш, Кудырге, Усть-Карасу и

др., расположенные в горах Республики Алтай в Российской Федерации.

Современные данные показывают, что 2 пол. 1 тыс. – период, имеющий огромное значение для целостного понимания истории Центральной Азии и сопредельных территорий. В это время произошло формирование новой общности кочевников, ставшей ядром одной из крупнейшей империи раннего средневековья – Первого тюркского каганата. В последующее время масштабы данного политического образования, выходящего далеко за пределы центрально-азиатского региона, определили влияния тюрков на исторические судьбы многих народов Евразии. Тюркские каганаты в период раннего средневековья простирались на огромные территории Евразии.

Имеющиеся материалы свидетельствуют о значительных перспективах дальнейшего комплексного изучения археологических памятников тюркского периода на Алтае. Актуальной представляется реализация программы междисциплинарного исследования, в том числе проведение серии гуманитарных и естественно-научных анализов антропологических и остеологических материалов из археологических комплексов.

Список литературы:

1. Ибрагимов Ж. Институты монгольского права периода Золотой Орды // Российско-азиатский правовой журнал. 2022. № 3.
2. Аюпова З.К. О социо-культурных особенностях формирования мировоззрения тюрков//Евразийский союз. 2021. № 6.

Сведения об авторе: Сорокин Виталий Викторович, доктор юридических наук, профессор, зав. кафедрой теории и истории государства и права Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия), e-mail: sorokin.v.v@yandex.ru

Кусайнов Д.У.

Казахский национальный педагогический университет им. Абая,
Алматы (Казахстан)

Мировоззренческие истоки доисламских верований тюрков

Текст подготовлен в рамках госзадания Алтайского государственного университета «Тюркский мир Большого Алтая: единство и многообразие в истории и современности» (проект номер – 748715Ф.99.1.ББ97АА00002)

В традиционной культуре тюркского и монгольского народа значительное место всегда занимали календарные обычаи и обряды. Это были обряды, отмечающие изменение природного цикла, переход от одного времени года к другому. Но, прежде всего, это были обряды, связанные со скотоводством. Снежные, суровые зимы, с резкими ветрами, жаркое, засушливое лето, малочисленность естественных водных источников - все это в совокупности с другими факторами оказало огромное влияние на жизнь тюрков-кочевников. От капризов природы зависело не только благополучие, но и само существование людей. На основе тесного сосуществования с природой и сложилась национальная тюркская религия - тенгрианство и календарные праздники. Большое число тюркских обычаев и обрядов взяло свое начало в тенгрианстве. Это связано с тем, что сама религия состояла из двух различных направлений: веры и поклонения. Вера была обращена к обожествленной природе, источнику жизни.

Ключевые слова: мировоззрение, миропонимание, вера, обычаи, традиции, быт, шаманизм, тенгрианство, тюркология.

Kussainov D.U.

Kazakh National Pedagogical University named after Abai
(Republic of Kazakhstan)

Ideological Origins of Pre-Islamic Beliefs of the Turks

Calendar customs and rituals have always occupied a significant place in the traditional culture of the Turkic and Mongolian people. These were rituals marking the change of the natural cycle, the transition from one season to another. But, first of all, these were rituals related to cattle breeding. Snowy, harsh winters, with sharp winds, hot, dry summers, a small number of natural water sources - all this, together with other factors, had a huge impact on the life of the nomadic Turks. Not only the well-being, but also the existence of people depended on the vagaries of nature.

On the basis of close coexistence with nature, the national Turkic religion was formed - Tengrianism and calendar holidays. A large number of Turkic customs and rituals originated in Tengrianism. This is due to the fact that religion by itself consisted of two different directions: faith and worship. Faith was turned to the deified nature, the source of life.

Keywords: worldview, understanding of the world, faith, customs, traditions, way of life, shamanism, tengrianism, turkology.

В основе создания календарных обычаев и обрядов тюрков можно выделить три главных компонента: трудовую деятельность, связанную с животноводством, поклонение обожевленным силам природы и культ предков. В дальнейшем оседлые народы позаимствовали этот календарь, приспособили под свои местные климатические условия и традиции. Поскольку календарная обрядность всегда несла социальную нагрузку, являясь важной составной частью духовной и культурной жизни общества, тюркские правители в древние и средние века использовали ее в качестве идеологии объединения народа, узаконивая наиболее важные праздники в качестве государственных [1 с.5].

При внимательном исследовании древнетюркских календарных праздников обращает на себя внимание их неразрывность с ритмом природы, с человеческой деятельностью, с биоритмами человеческого организма. Календарные праздники, связанные с временами года, с трудовой деятельностью общества, являлись как бы перерывами в бесконечном течении времени. Каждый праздник становился символом новой жизни, в которой соединялись прошлое, настоящее и будущее. Календарные праздники годового цикла обозначали традиционные обряды, обычаи, проводимые в установленные дни, даты, связанные как со сменой времен года, так и с важнейшими рубежами в хозяйственной, трудовой деятельности людей (скотовода, земледельца, охотника). Эта связь отражалась как в самом празднике, так и в календарных обрядах, игравших важную роль в его структуре.

Составной частью этой структуры уже на ранних этапах развития календарного праздника становятся развлечения, игры, народные зрелища, утверждение опыта и знаний об

окружающем мире. Праздник, будучи сам по себе целостной системой символов, принадлежит к более обширным символическим системам, воплощенным в годовом цикле. Он выражает полноту жизни, представленную в контрастных формах обыденного и священного времени, поддерживает культуру. Праздник всегда несет в себе нечто из ряда вон выходящее, избыточное, создает атмосферу всеобщего возбуждения. В календарном празднике общество опознает и утверждает себя. Большой этнографический материал о жизни и обрядах древних тюрков содержится как в фольклоре - песнях, сказках, поговорках, так и в произведениях тюркской и монгольской средневековой литературы. Календарные народные обычаи и обряды заняли свое место как отражение традиционной культуры, как выражение национального своеобразия и самосознания тюрков [2 с.51].

Тюркско-монгольский календарь 12-летнего животного цикла основывается на трех естественных показателях: месячном обращении Луны вокруг Земли, годичном обращении Земли вокруг Солнца и периоде обращения Юпитера вокруг Солнца. Тюркские астрономы древних веков установили, что Юпитер делает полный оборот примерно за 12 лет. Разделив круг Юпитера на 12 равных частей по 30 градусов, каждой из этих частей дали наименование определенного животного:

Так сложился календарь 12-летнего животного цикла. Каждый год, согласно народным представлениям, имел свои признаки и особенности. Из древних и средневековых письменных источников (тюркских, монгольских, китайских, византийских, арабских, персидских и др.) видно, что среди тюркских и монгольских божеств, первенство принадлежало Тэнгри. У тюрков и монголов культ Тэнгри был устойчивым, и он частично сохранился у алтайских народов вплоть до сегодняшнего дня. Тюркские народы называли Духа Неба почти одинаково: татары - тэнре; алтайцы - тенери, тенгери; турки - танри; хакасы - тигир; якуты - тангара; балкаро-карачаевцы - тейри; кумыки - тенгири, монголы - тэнгэри и т.д.

По представлениям тюрков и монголов, все сущее на Земле подвластно Тэнре - воплощению небесного начала,

создателю вселенной «Духу Неба». Именно Тэнре выступал, прежде всего, как верховное божество, находящееся в небесной зоне Вселенной, распорядитель судьбами как целых народов, так и их правителей - каганов, ханов и т.д. [3 с.222].

Кюк-Тэнре (Голубое Небо) - это небо не материальное, противопоставленное обычному, видимому небу. Облик Тэнре никому не известен. Понятие о нем было отвлеченным. Тэнре – дух. Его не представляли в виде человека или животного. Слова «Тэнре» и «Небо» для тюрков и монголов были синонимами. Эпитеты «кюк» давались и некоторым животным, - таким как конь (күк ат), баран (күк тәкә), бык (күк үгез), олень (күк болан), собака (күк эт), волк (күк бүре). Этот эпитет означал не масть животного (сивый), а его принадлежность к Небу, Кюк Тэнре, т.е. божественное происхождение.

Иер (Земля) и Тэнре (Дух Неба) у тюрков воспринимались как две стороны одного начала, не борющиеся друг с другом, а взаимопомогающие. Человек рождается и живет на Земле. Земля - его среда обитания. После смерти Земля его поглощает. Но Земля дарует человеку только материальную оболочку, чтобы он создал и этим отличался от других живущих на Земле. Тэнре при рождении человека дарует ему кут, а после смерти забирает ее. Тут есть элемент дуализма, но Тэнре остается главным. Из китайских источников известно, что древние тюрки продолжительность жизни человека ставили в зависимость от воли Тэнре. Билге-каган по поводу смерти Кюл-тегина сказал: «Человеческие сыны все рождены, чтобы умереть в установленное Тэнре время». И поэтому за помощью тюрки обращались к нему, а если обращение было к Земле, то обязательно упоминался и Тэнре. Если Тэнре мог упоминаться без Земли, то Земля без Тэнре - никогда. Тэнре считался отцом, Земля - матерью.

Тэнре был свободен в своих поступках, но справедлив, он награждал и карал. От его воли зависело благополучие людей и народов. Выражения «тэнре - джарылкасын» - да наградит тебя Тэнре, «күк суккан» (проклятый небом) и «күк сугыр» (небо проклянет) сохранились с древнетюркских времен до наших дней и связаны с верой в Тэнре.

Всевышнему Тэнре поклонялись, поднимая руки вверх, и клали земные поклоны, чтобы Тэнре дал хороший ум, разум, здоровье, помогал в справедливом деле в борьбе против врагов; другого не просили. И Тэнре оказывал помощь тем, кто его почитал и сам был активным. Тэнре являлся Богом Неба и был главным в мире. Прибавлением к его имени титула «хан» старались подчеркнуть его величие.

В памятнике в честь Кюл-тегина далее читаем: «Тэнре (Небо), руководя со своих (небесных) высот отцом моим Ильтеришем - каганом и матерью моей, Ильбильгя - катун, возвысил их (над народом)». «Так как Тэнре (Небо) даровало (им) силу, то войско моего отца - кагана было подобно волку, а враги его были подобны овцам» [4 с.64].

Тэнре дарует каганам (ханам) мудрость и власть. На памятнике в честь Билге-кагана читаем: «После смерти моего отца, по воле тюркского Тэнре (Неба) и тюркской священной Йер-суб (Земли и Воды) я стал ханом». «Тэнре, дарующее (ханам) государства, посадило меня самого, надо думать, каганом, чтобы не пропало имя и слава тюркского народа».

После того как каган восходил на престол, он становился в государстве первосвященником и для народа, и для вельмож. Его почитали как сына Неба. Тэнре дарует кагану народ и наказывает согрешивших против кагана, «приказывая кагану, решает государственные и военные дела». Преступления или проступки против своего кагана обязательно карались Тэнре (или по его воле), ибо власть кагана давалась им. По воле Тэнре человек становился каганом и являлся как бы его ставленником до тех пор, пока сам был в согласии с Тэнре, был у него в милости. Но существовал институт выборности кагана, и во время выборов беки в душе чувствовали и говорили, что на него указывает сам Тэнре. Законный хан мыслился как «тэнгриподобный, возникший в Тэнре, тюркский мудрый каган». К выбору кагана относились со всей ответственностью. Каган (хан) должен был быть храбрым, умным, честным, энергичным, справедливым, по всем свойствам быть настоящим Бозкуртом (волком), иметь уважение среди народа и у знати.

С помощью таких качеств каган объединял все подчиненные ему тюркские племена и роды в единый народ - войско и становился во главе их. Только очень энергичные ханы умели «держать в руках» эту грозную для врагов силу. Каган (хан) должен был заботиться о своем народе и о Родине.

На древних каменных изваяниях VI-IX вв., найденных учеными на берегах рек Орхона, Толы, в Алтайском крае и в Туве, тюркские ханы - богатыри оставили потомкам такие обращения: «Вперед, вплоть до солнечного восхода, направо, вплоть до полудня, назад к солнечному закату, налево, вплоть до полуночи... Ради тюркского народа я не спал ночей, дней, не имея покоя... Да не исчезнет тюркский народ! Имя и слава тюркского народа да не исчезнет!». «Серебряный мой народ, свободу, богатство, добро увеличивает...» Когда же каган управлял неправильно, то говорили, что Тэнре лишает его разума, требует его переизбрать. Обычно каган случайно погибал, т.е. отправлялся к Тэнре [5 с.58].

В материалах о тюрках, особенно в рунических надписях содержатся отдельные факты, из которых можно извлечь данные о наказании людей, а порой и целого народа высшим божеством Тэнре как смертью, так и другими карами за те или иные совершенные ими преступления или проступки.

Наказания Тэнре боялись и сами каганы, несмотря на то, что свою власть они объявляли дарованной им. В китайской летописи описан случай, когда один из тюркских каганов решил было не выполнить своего обещания и не отдать свою дочь в жены императору династии Северная Чжоу. Однако он отказался все-таки от такого намерения, причем только потому, что побоялся кары Тэнре. Идеи греха в смысле христианском и исламском не было. От Тэнре зависело благо и худо, добро и зло, счастье и несчастье во время земной жизни, а благодать и кара следовали тотчас за совершенные проступки. После смерти человека власть Тэнре над ним прекращалась.

В заключение хочется отметить, что одной из основополагающих ценностей культуры центральноазиатских народов с древних времен является любовь и уважение к природе. В философии и религии тюркских народов

отсутствовало понимание человека как хозяина природы. Им не была присуща философия преобразования, насилия над природой, которая рассматривалась как универсум, источник жизни, естественно, включающий в себя и человека. Эти универсальные основания тенгрианства говорят о том, что оно продолжает жить в сознании народа и является практическим наполнением жизни людей.

Список литературы:

1. Бартольд В.В. Тюрки. Двенадцать лекций по истории тюркских народов Средней Азии. – М., 1926.
2. Бартольд В.В. Сочинения. Т. II, часть 1 Общие работы по Истории Средней Азии. Работы по истории Кавказа и Восточной Европы. – М., 1963.
3. Юсуф Баласагуни. Кутадгу билик. – М.: Наука, 1983 – 560 с.
4. Алпысбес М.А. Шежире казахов: источники и традиции. – Алматы, 2015.– 211 с.
5. Аюпов Н.Г. Тенгрианство как мировоззрение тюрков. – Алматы: СаГа, 2001. – 240 с.

Сведения об авторе: Кусаинов Дауренбек Умирбекович, доктор философских наук, профессор Казахского национального педагогического университета им.Абая (Алматы, Казахстан)

Аюпова З.К.

Казахский национальный аграрный исследовательский университет, Алматы (Казахстан)

Традиционное право и некоторые особенности современной правовой системы Республики Казахстан

Текст подготовлен в рамках госзадания Алтайского государственного университета «Тюркский мир Большого Алтая: единство и многообразие в истории и современности»(проект номер – 748715Ф.99.1.ББ97АА00002)

Развитие правовой системы Республики Казахстан происходит в условиях реформы национального законодательства и модернизации

системы права. Правовая система охватывает такие значимые общественные явления, которые включают основные составляющие национальной правовой культуры: право и законодательство, юридическую практику, доминирующую в стране правовую доктрину. Правовая система Республики Казахстан, наряду с правовыми системами некоторых преимущественно континентальных европейских стран, относится к романо-германской (континентальной) правовой системе. В отличие от англосаксонской правовой системы, где основным источником права выступает судебный прецедент, романо-германская правовая система имеет единую иерархично построенную систему источников писаного права. Среди источников права в романо-германской правовой системе главенствующее место занимает Конституция - основной закон, обладающий высшей юридической силой.

Ключевые слова: право, правовая система, система права, система законодательства, правовое государство, унитарное государство, обычаи, традиции, кочевая цивилизация.

Ayupova Z.K.

Kazakh National Agrarian Research University (Republic of
Kazakhstan)

Tradition Law and Some Peculiarities of the Modern Legal System of the Republic of Kazakhstan

The development of the legal system of the Republic of Kazakhstan takes place in the context of the reform of national legislation and modernization of the legal system. The legal system encompasses such significant social phenomena that include the main components of the national legal culture: law and legislation, legal practice, the legal doctrine dominating in the country. The legal system of the Republic of Kazakhstan, along with the legal systems of some predominantly continental European countries, belongs to the Romano-Germanic (continental) legal system. Unlike the Anglo-Saxon legal system, where the main source of law is judicial precedent, the Romano-Germanic legal system has a single hierarchically constructed system of sources of written law. Among the sources of law in the Romano-Germanic legal system, the dominant place is occupied by the Constitution - the basic law, which has the highest legal force.

Keywords: law, legal system, system of law, system of legislation, law-abiding state, unitary state, customs, traditions, nomadic civilization.

На этапе становления независимости Казахстана, еще в 1994 г., была принята «Государственная программа правовой реформы в Республике Казахстан (основные направления)», в которой отмечалось: «В целом вся система юстиции все более обнаруживает несостоятельность усилий по охране законности и правопорядка на прежней нормативной и организационной базе», требуется очищение «юридической системы от унаследованных пороков советского тоталитаризма», «юридическая система республики переживает глубокий кризис» и этим вызвана необходимость «глубокого реформирования юридической сферы общества», а принятые в последние годы законодательные акты в юридической сфере «носят несистемный характер, нередко противоречат друг другу, правам и законным интересам граждан, хозяйствующих субъектов, в них откровенно преобладает ведомственный интерес» [1].

Казахстанское общество стоит перед необходимостью неотложной, глубокой, комплексной и всеобъемлющей правовой реформы с целью создания качественно новой подлинно правовой системы, которая может быть создана с учетом апробированного мировой практикой опыта, основанного на принципах демократии, рыночной экономики, гуманизма и социальной справедливости.

Одним из этапных моментов является «Концепция правовой политики Республики Казахстан» до 2030 года, от 15 октября 2021 г., где отмечается, что в Республике Казахстан создано новое конституционное право, произошло разделение единой государственной власти на три ее ветви, создана единая судебная система, происходит освобождение казахстанской правовой системы от мелочного регламентирования... жизни общества, от карательно-репрессивных методов деятельности правоохранительных органов, обвинительного уклона в судопроизводстве и пр. [2].

А также определяются направления дальнейшего развития правовой системы Республики Казахстан, «развитие ее судебной системы, действующее законодательство, обеспечивающее функционирование правовой системы страны, требует своего дальнейшего развития, а правовая политика должна отражать

государственное видение основных направлений, базовых механизмов развития правовой системы.

В настоящее время правовая система в посттоталитарных странах сформирована как обособленная социальная система от политической организации общества. Правовая система представлена как независимая и саморегулирующая, как особый порядок общественных отношений, требует и соответствующего подхода к ее элементам, являющимся минимальными носителями субстанционального качества правовой системы, тот есть социального качества. Правовое качество рассматривается как системное образование, производное от социального качества системы, в совокупности всех их элементов, отношений, проявлений, процессов, учреждений, форм существования в их единстве и взаимодействии, а также в их совокупной роли общезначимого и эффективного фактора общественного развития во взаимосвязи с другими социальными факторами.

Правовая система является самостоятельным образованием, отдельным от политической организации общества (в отличие от прежних трактовок), выступает и предварительным, и самодостаточным, и дополнительным фактором общественного развития наряду с социально-экономическими, государственно-политическими и духовно-культурными структурами.

Система права как основной элемент правовой системы - феномен более объективный, ценный, значимый, гуманный и стабильный. Система законодательства - формирование более субъективное, искусственное; у нее есть много элементов отчуждения от политического государства, она менее стабильна.

Категория «правовая система» носит нормативный характер и требует толкования, при котором необходимо исходить из следующего: а) Толкование категории правовая система Республики Казахстан должно осуществляться исходя из признания самостоятельности существования двух правовых систем - международного и права Казахстана; б) Категория «правовая система Республики Казахстан» является нормативной и требует известной строгости в подходах к ее

толкованию. Иногда в литературе понятие правовая система Республики Казахстан отождествляется с понятием право Республики Казахстан; в) Для выяснения нормативного содержания категории правовая система Республики Казахстан не могут быть использованы те определения правовой системы, которые носят характер общетеоретических рассуждений.

Современная правовая система Республики Казахстан - сложнейшая конструкция, состоящая из элементов, структур, норм, идеологических течений, психологических реакций, образов, традиций культурно-исторической, социально-политической, технико-юридической специфики. В широком понимании - это целый правовой мир, имеющий свою жизненную композицию, источники, образы, историю и перспективы развития на будущее.

Академик НАН РК М.Т. Баймаханов в работе «Верховенство права как системообразующий признак понятия правового государства» утверждает, что «...системообразующим признаком понятия правового государства является право, характеризующееся свойством верховенства и по отношению к институтам государственности являющееся приоритетным. Признак верховенства права в концентрированном виде высвечивает наиболее важные особенности правового государства, отличающие его от государства этатистского, и в полной мере отвечает его характеру и природе. Именно благодаря признаку верховенства, взятому в сочетании со всеми другими юридическими признаками и свойствами, право оказывается в состоянии способствовать глубокому преобразованию всей деятельности государства, накладывает на него неизгладимый демократический и гуманистический отпечаток, задает его развитию направленность по пути превращения в такой компонент политической системы, который действует в интересах народа» [3 с. 36].

В определенной (а может быть, даже в значительной) степени категория правовой системы и многие проблемы темы относятся к философии права, социологическим проблемам структурно-функционального анализа и др. Казахстанские праведы отстают здесь от российских коллег, которые более оживленно обсуждают вопросы философии права, ими издан ряд монографий. А поскольку

философия каждого народа имеет значительные национально-культурные особенности, то они отражаются и в философии права. Поэтому в казахстанской науке должны развиваться собственные философско-правовые исследования, в том числе и по проблемам системности права и правовых явлений.

В 2006 году сектор общей теории и социологии права Института государства и права Российской академии наук в рамках исследовательского проекта, поддержанного грантом Российского гуманитарного научного фонда, провел «круглый стол» на тему: «Правовая система России в условиях глобализации и региональной интеграции». Впоследствии был издан Сборник материалов «круглого стола» под названием «Правовая система России в условиях глобализации и региональной интеграции: теория и практика». Отмечалось, что «развитие внутреннего права государств всегда в большей или меньшей мере представляет интернациональный интерес. Формируя свою правовую систему, государства заимствуют опыт друг друга. Взаимодействие весьма многопланово - от правосознания до правоприменения».

В мире юридических категорий правовая система является самым объемным понятием, рассмотрение которого необходимо с различных сторон. Именно поэтому в диссертации правовая система рассматривается в широком смысле как совокупность всех правовых явлений, конечной целью которой является единое, слаженное, гармоничное функционирование правовой жизнедеятельности общества.

Основными компонентами правовой системы являются источники (формы) права, правосознание, правовая культура и юридическая практика. Кроме того, мы включаем в эту структуру систему права и систему законодательства, правоотношения.

Юридическая практика играет важную роль в формировании и развитии правовой системы как деятельность органов государственной власти и управления, правоохранительных органов по изданию и применению нормативных актов.

Только системное взаимодействие между гражданским обществом и правовой системой, гражданским обществом и правовым государством, частным и публичным правом является

наиболее оптимальным и эффективным, более способным менее болезненно разрешать взаимные противоречия и конфликты.

Правовая культура и правовые ценности выполняют в правовой системе немалые гуманистические, нравственные функции и способствуют наполнению ее естественно-правовым содержанием.

Взаимовлияние и взаимодействие политической и правовой систем имеют свои особые механизмы.

Конституция Республики Казахстан является главным правообразующим и системообразующим актом правовой системы, фундаментом, на основе которого строится вся правовая система общества и государства.

Правовые реформы в отдельных основных сферах жизнедеятельности Республики Казахстан способствуют совершенствованию казахстанской правовой системы.

Пути совершенствования правовой системы Республики Казахстан и перспективы ее гармонизации. Она имеет своей конечной целью функциональное равновесие нормативных правовых актов и призвана создать определенный баланс, позволяющий эффективно и динамично развиваться правовой системе.

Правовая система основывается на праве, хотя и значительно шире его; она является одним из важнейших инструментов преобразования многих сторон социальной жизни. Составные элементы правовой системы многообразны: от явлений мировоззренческого, духовного характера до правовой практики и юридической техники.

Правовые системы классифицируются на различные группы в зависимости от особенностей их исторического формирования и структуры. Общеизвестны следующие правовые семьи: романо-германская, англо-американская, латино-американская, скандинавская, японская, социалистическая, дальневосточная, мусульманское право, индусское право, обычное право Африки.

В традиционном Казахстане в своеобразной форме существовали оптимально отвечающие условиям места, времени, образа жизни следующие политико-правовые институты и отношения: существовали представительная демократия,

политический плюрализм, разделение властей, развитые судебная система и система права, гражданское общество, гласность, так называемая четвертая власть и др.

Известный ученый и высокопоставленный российский чиновник

А.И. Левшин в первой трети XIX века оценивает законодательную деятельность хана Тауке с подобной деятельностью античных авторитетов Солон и Ликурга.

Таким образом, теория правовой системы дает возможность глубже изучить проблемы правового регулирования, правоотношений, правосознания, правовой культуры, деятельность государственных органов по совершенствованию законодательства, а также различных учреждений и институтов. С одной стороны, эта теория вызывает неподдельный интерес у исследователей, так как право оказывает непосредственное влияние на развитие духовной культуры. С другой стороны, нет единого мнения среди юристов по проблемам правовой системы, структуры ее элементов, функциям, этапам становления и т.д.

Для правовой системы весьма важна общая характеристика всех систем - наличие в них процессов передачи информации и управления. Правовая система относится к наиболее сложным, целенаправленным типам систем, функционирование которых подчинено достижению определенной цели. Правовая система представляет собой и самоорганизующуюся систему, способную в процессе своего функционирования изменять структуру. Это мы наблюдаем в нашей стране в настоящее время - увеличение удельного веса и значения частного права, расширение естественно-правовых начал, развитие институтов гуманитарного права и др.

Правовая система, гибко отражающая связи и структуру правовой материи, выступает интегральной и дифференциальной категорией, сочетающей такие аспекты, как многоэлементность и иерархичность, целостность и комплексность.

Правовая система не является аморфным или застывшим образованием, она всегда находится в динамичном развитии, поэтому и наши представления о ней постоянно изменяются и развиваются.

Сегодня представляется особенно актуальным проведение последовательной демократизации правовой системы, правовое закрепление результатов демократических и политических преобразований, необходимость опережающего и последовательного построения адекватной условиям рынка правовой системы.

Правовую систему можно рассматривать как полисистемный комплекс нормативного, идеологического, организационного уровней правовой действительности, взаимосвязь которых направлена на осуществление интегративной, регулятивной, коммуникативной функций с целью укрепления конституционного строя.

Становление и развитие правовой системы Республики Казахстан происходит в совершенно новых условиях, в отличие от времен социализма, когда во главе угла стоял такой критерий, как подчинение права политике. Вообще, государство, отягощенное тоталитарным прошлым, излишне увлекшись социально-экономической деятельностью, легко может вернуться в первоначальное состояние. Определить и соблюсти «меру социальности» государства при неразвитости либерально-демократических традиций и правовых ограничителей политической власти весьма сложно.

Акад. С.С. Сартаев отмечает, что «нет нужды доказывать важность знания законов, по которым развиваются государство и право, их природы, характера и структуры: оно имеет большое теоретическое и практическое значение, влияет на содержание и формы конструирования многих теоретико-методологических проблем науки. Оно позволяет предвидеть последствия их действия, делать научные прогнозы и, соответственно, корректировать политику, стратегию и тактику, выбирать оптимальные варианты действий» [4 с.21].

Таким образом, в условиях формирования Нового Казахстана, социальной справедливости нет никаких объективных преград к тому, чтобы правовая система гибко улавливала все потребности общественного движения вперед, способствовала экономическому и социальному прогрессу [5 с.64].

В заключение отметим, что эволюция становления и формирования современного права Республики Казахстан - это многогранный процесс со своими особенностями, что во многом затрудняет отнесение его к одной из существующих правовых семей. Оно в различные исторические периоды тяготело то к восточному и кочевому типу (в досоветский период), то к западному (в советский период), но всегда имело присущие только ему черты, которые связывались исследователями с особенностями менталитета казахского народа.

Список литературы:

1. Постановление Президента Республики Казахстан от 12 февраля 1994 года № 1569 «О Государственной программе правовой реформы в Республике Казахстан» (основные направления) // <https://online.zakon.kz>

2. Об утверждении Концепции правовой политики Республики Казахстан до 2030 года. Указ Президента Республики Казахстан от 15 октября 2021 года № 674 // <https://online.zakon.kz>

3. Баймаханов М.Т. Верховенство права как системообразующий признак понятия правового государства // Научные труды Әділет. – 2020. – № 1 (9). – С. 36-46.

4. Сартаев С.С. Назидание. – 2-е изд., доп. – Алматы: ТОО РПИК «Дәуір», 2017. – 315 с.

5. Аюпова З.К., Матаева М.Х. Конституция Республики Казахстан: доктрина и практика (к 25-летию Конституции РК). – Монография. – М.: РИОР ИНФРА-М, 2021. – 359 с.

Сведения об авторе: Аюпова Зауре Каримовна, доктор юридических наук, профессор Казахского национального аграрного исследовательского университета (Алматы, Казахстан)

Ибрагимов Ж.И.

Евразийский национальный университет им. Л.Н.Гумилева,
Астана (Казахстан)

Решение споров в шариатских судах

Текст подготовлен в рамках госзадания Алтайского государственного университета «Тюркский мир Большого Алтая: единство и многообразие в истории и современности»(проект номер – 748715Ф.99.1.ББ97АА00002)

Статья посвящена анализу историко-теоретических основ шариатского правосудия. А также автором анализированы некоторые аспекты практики действия шариатских судов в тюркских этносах. Показано место шариатских судов в судебной системе средневекового тюркского государства. В настоящее время шариатские суды заметно отличаются от аналогичных структур, которые существовали в прежние исторические эпохи. Организация и практика функционирования этих институтов позволяют выделить характерные особенности шариатского правосудия. По конкретным делам аспектам организация и практика функционирования судов позиции ведущих школ мусульманской правовой доктрины (фикха) не всегда совпадают, можно выделить некоторые общие черты их подхода к решению некоторых споров обществе.

Ключевые слова: Коран, тюрки, государство, право, суд, общество, закон, народ, спор, решение.

Ibragimov Zh.I.

L.N.Gumilyov Eurasian National University, Astana (Kazakhstan)

Dispute resolution in Sharia courts

The article is devoted to the analysis of the historical and theoretical foundations of Sharia justice. And also the author analyzes some aspects of the practice of Sharia courts in the Turkic peoples. The place of Sharia courts in the judicial system of the medieval Turkic state is shown. At present, Sharia courts are markedly different from similar structures that existed in previous historical eras. The organization and practice of the functioning of these institutions make it possible to single out the characteristic features of Sharia justice. On specific aspects of the organization and practice of the functioning of the courts, the positions of the leading schools of Muslim legal doctrine (fiqh) do not always coincide;

one can single out some common features of their approach to resolving some disputes in society.

Key words: Koran, Turks, state, law, court, society, law, people, dispute, decision.

В настоящее время в правовом развитии государства правовое сознание, правовая культура совершенствуется, уделяется большое значение постулатам гуманизма чем религиозным нормам.

В пункте один статьи один Конституции Республики Казахстан закреплено: «Республика Казахстан утверждает себя демократическим, светским, правовым и социальным государством, высшими ценностями которого являются человек, его жизнь, права и свободы» [1, с.4].

Согласно данному положению в повседневной жизни уделяется большое внимание чести, достоинству и цивилизованной морали, дающей право выбора.

В гражданской жизни государства взаимодополняющие друг друга мораль и право не должны рождать спор. Проблема в согласии с друг другом явлений, связанных с моральными и правовыми понятиями, в дополнении друг друга, в наличии механизма взаимодействия и утверждении на правовом языке этих моральных ценностей в законных актах.

Данная проблема требует глубоких и обширных исследований. Исследование взаимодействия морали и права в отношениях граждан государства это не только теоретическая задача, у этой проблемы есть следующие практические грани, это: распространение, действие международно-правовых документов относительно указанной проблемы, защита права и свобод и т.д. людей, находящихся вне индивидуальных особенностей правовой системы государства.

Наряду с этим, взаимосвязь моральных и правовых факторов, сохраняя гармонию общественного развития не рождает противоречие совести и права. А мы при решении споров рассматриваем историко-правовые основы этих ценностей. Один из первоначальных составителей обычного права казахов А.И.Левшин оставил противоречивые мнения о религиозных взглядах кочевников. В своем труде «Описание

киргиз казачьих или киргиз кайсацких орд и степей» в разделе относительно религии исследователь пишет о том как он спрашивал у нескольких казахов «Какого Вы вероисповедания?» : «Какой вы веры?», - спросил я однажды двух киргиз – казаков. «Не знаем», - отвечали они. Ответ сей услышите от большей части их соотечественников. И в самом деле трудно решить, что такое киргизы – магометане, манихейне или язычники?». Нам сейчас известно, что данное высказанное мнение исследователя конечно же является поверхностным. Сам Ч. Валиханов из за несоответствия данных взглядов подверг А.И.Левшина критике.

Однако, А.Левшин несколько раз повторяет в своих следующих разделах признание казахским народом бога: «Все они вообще имеют понятие о высочайшем существе, сотворившим мир, но одни поклоняются ему по законам Корана, другие смешивают учение исламизма с остатками древнего идолопоклонства, третьи думают, что кроме божества благого, пекущегося о счастливых людей и называемого ими кудаи, есть злой дух, или шайтан, источник зла. Сверх того киргизы признают существование многих других духов, верят колдунам, ворожеям. Однако же, из всех частей сего смешения различных исповеданий преимущественно пред прочим обнаруживается магометанское и, хотя оное совсем не производит в казачьих ордах того фанатизма, которым одушевлены прочие мусульмане, но они уверены, что люди, не чтущие их Пророка, суть неверные (кафир), которых можно мучить и против которых должно употреблять оружие. Киргизы так думают не только о христианах, ламайцах или народах всякого другого исповедания, но даже о магометанах шиитского толка, ибо сами себя причисляют к суннитам или, лучше сказать, не понимая сего различия, знают только, что турки, татары, бухарцы, хивинцы и другие соседи одинакового с ними вероисповедания, а персиян и прочих последователей Али почитают раскольниками. По сей-то причине ни один суннит не может быть рабом в киргизских ордах, в шиит, христианин и калмык, взятые в плен, продаются и содержатся одинаково» [2, с.38-39].

В качестве объяснения этому А.И.Левшин приводит несколько норм казахского обычного права:

«Богохульника, избличенного семью свидетелями, должно убивать камнями;

Ежели кто примет христианскую веру, у того родственники отнимают все его имение;

Духовные завещания делаются при родственниках и муллах» [2, с.120-121].

Все вышеуказанные три положения, безусловно, в основном служат при регулировании общественных отношений. Потому что, насколько бы сведения не описывали бы кочевников в качестве индифферентного сообщества, их правовые нормы в отношении религии придерживаются очень строгих правил. Во-первых - это смертный приговор человеку оскорбившему Бога. Человек, оскорбивший Бога, если данное оскорбление подтвердили семь человек, приговаривается к смертной казни. Смертная казнь в соответствии с требованиями шариата исполнялось в виде забивания камнями.

Во-вторых - лишение семьи и имущества казаха, принявшего христианскую веру. Об этом у казахов есть понятие: «у неверующего скот годный, дочь неоскверненная». Человек принявший другую веру, в том числе христианскую лишается своего имущества, прав на жену и детей. Потому что на имущество, людские души претендует род. По этой причине раздел родственниками между собой имущества и семьи «крещенного» не является преступлением. О правовом положении людей, принявших христианство, служащие русской администрации докладывали следующее: «За ним принимая внимание, что киргизам принявшим христианскую веру дозволяется или оставаться в своих обществах или прикочевывать к русским селениям в степи сохранивший предоставленных прав» [3, с. 123].

В тот период при осуществлении методов и способов духовной, правовой колонизации русская администрация использовала все политические приемы. Людям, получившим звания, чины, награды со стороны русского правительства разрешалось придерживаться требований своего закона.

Прилагались усилия в реализации статей Временного ереже, принятых в результате административных реформ: : «в параграфе 94 положения 1868 года киргизы принявшие христианство или получившие награды, поименованных в параграфе 250 за исключением почетных граждан, таким могут, если пожелают, подлежит за преступление и проступки их суду по народным обычаям, с применением правил, изложенных в V полож. к 168 стат. улож. о наказаниях 1866г. относительно решения дел о кражах, но потомственные и личные дворяне, граждане и имеющие чины приобретенные при существовании прежних узаконении, а такие служили в действительной государственной службе толмачами и письмоводителями, за преступления и проступки совершенными ими, должны подлежит, в виду 181 ст. уст. о наказаниях налаг. мировыми судьями русскому суду на общем основании» [4, с.124].

Люди, имевшие медали с крестом российского колониального правительства, с гордостью носившие на груди символы русской власти в казахском обществе объявлялись вне закона, то есть казахское традиционное право активизировало регулирующие механизмы против крещения.

И русская администрация людям, принявшим другую веру при решении споров, касающихся их требовала от них подчинения суду биев. И служащие русского правительства того периода говорили о необходимости признания суда биев, об этом в сведениях архивных документов указано следующее:

«Если выкрещенные киргизы оставлении на положении киргизов, то взаимные иски с киргизами магаметанами должны непременно решиться судами биев, если обе стороны не пожелают решиться судом по общим законом Империи. Киргизы имеющие чины и состоящие на должностях письмоводителей, по мнений его, не вправе отказываться от суда биев, на том основании, что они состоять таком же положении киргиз и чинам волостях участвуют в избрании биев, следовательно и должны беспрекословно подчинятся бийскому суду» [5, с.119].

Нормы шариата применялись наряду с составными частями обычного права. О влиянии норм шариата, суда

шариата при решении споров, о влиянии на памятник традиционного казахского права «Жеті жарғы» ученый С.Өзбекұлы оставил следующее высказывание: нельзя не заметить прямого влияния ислама, т.е. законов шариата на «Жеті жарғы» [6, с.59].

Если целиком анализировать казахские традиционные законы, то в их содержании при решении споров можно наблюдать несколько требований относительно религии.

Прямое влияние шариата на традиционное казахское право можно заметить из нижеследующих положений Жарғы:

-самоубийцам не читают молитву, их хоронят отдельно от родовых захоронений.

Человек перед смертью должен огласить свое завещание перед родственниками и муллой. Если в ауле не будет муллы, завещание оглашается в кругу близких родственников, друзей. Кун за женщину выплачивается в два раза меньше чем за мужчину. Вместе с тем, если муж убьет свою жену, то он по требованию родственников жены платит кун, а если жена убьет своего мужа, то она приговаривается к смертной казни. Если женщина беременна, то ее прощают, но перед родственниками она остается наказанной (қарабет).

Русская администрация, не понявшая регулирования семейных отношений со стороны народной традиции, в соответствии с обычным правом казахского общества стала применять различные хитрые приемы. О другом взгляде русской администрации на правовое положение женщин в казахском обществе, в соответствии с шариатом можно увидеть из следующих архивных сведений: «Может быть такому отношению администрация киргизским женщинам, сии последние туго воспринимают магаметанские обычаи. Нынче в области учреждены школы для образования киргизских женщин. Из этих школ они выходят с некоторым развитием, благодаря которому им слишком тяжело будет переносить то унижительные и хуже рабское положение, какое для них создано народным обычаями и чуждыми для них, но усердно пропагандируемыми началами шариата» [7, с. 3]. Нормы шариата основываются в начале на Коран карим, затем на

хадисы и сунны. Решение по спорным вопросам (делам) должны сказать кази или имам, хорошо знающие шариат и известные своей справедливостью.

Кази или имам (муфти), шариатский суд, судебные дела ведут устно перед большинством. По спорному делу человека, дающего клятву представляют обе стороны самостоятельно. Человек, дающий клятву не может отказаться от предложения, если откажется, то должен освободить одного раба или накормить 10 человек. Ложная клятва дается лишь человеком другой веры для защиты своего родственника.

Классифицируя сведения касательно системы «споров» в традиционной общественно-правовой сфере, мы видим, что в казахском обществе наряду с решениями, основывающимся на нормах обычного права применялись и нормы шариата. Законы шариата по сравнению с нормами народного права, основывающихся на традиции более строгие, их решения являются основательными. Регулирование отношения в обществе таких гармоничных правовых норм, вызвало необходимость уделения к данной проблеме особого внимания со стороны русской администрации. Частое проведение правовых мероприятий в казахской степи, дало смысл проведения конкретных мероприятий колониального русского суда, не сумевшего подчинить путем определенных реформ.

Колониальная власть признала, что русский суд не может достичь результативных судебных приговоров при решении спорных вопросов, регулировании семейно-брачных отношений между казахским населением:

«Поэтому чтобы довести до конца брачный или посемейный процесс киргиза, возникший в пределах русских поселений, русскому суду пришлось бы играть только пассивную роль и обосновывать свои решения на заявлениях сторон и сведущих людей (то есть народных судей) о неведомых суду народных обычаях или даже на заключениях мусульманского духовенства» [8, с. 20]

Процедура проведения русского суда, решения, его состав чужды натуре казахского народа. При реорганизации судебной системы в степных регионах судебным служащим

было необходимо глубоко понять основные преимущества местных народных традиции, мусульманского права.

Однако, служащие русского суда не смогли полностью овладеть особенностями решения споров общественно-правовой сферы в шариатских судах. Данную проблему ясно демонстрируют следующие архивные документы, описывающие доклады руководителям высших чинов российского правительства: «Русскому суду не может быть предъявлено требование подробного изучения местных обычаев, мало исследованных вообще, а также положения мусульманского права, коими руководствуются в своей деятельности народные суды, а с другой стороны вся сила и значение русского суда в том и состоять, что он является проводником русского правосознания и начал русской государственности. При таких условиях взаимное сочетание народного и русского суда на наших окраинах только и может следовать по пути постепенного поглощения первого вторых, а отнюдь не посредством прямого вмешательства русского суда в жизнь и деятельность народного» [9, 53]. Здесь мы в целях указания регулирующей деятельности при решении споров шариатского суда, систематизируя некоторые правила, порядок, нормы, стремились открыто показать их сущность.

По шариату кредитор не имеет права вернуть свой долг с процентом. Человек, не вернувший долг деньгами, должен погасить его работой. В архивных документах встречаются очень много сведений о необходимости регулирования споров гражданских дел, возникших в некоторых случаях:

«Что касается исковых гражданских дел, то казались бы целесообразным, в видах при личных интересах, киргизам, перешедшим в другое состояние и после окончательного перехода, предоставить право пользоваться судом по народным обычаям» [10, с.127]

Влияние норм шариата при решении споров в казахском обществе особенно чувствуется в южных регионах. В определенной степени этому процессу оказывала влияние близость крупных религиозных центров Средней Азии, соседей узбеков. О требованиях судов Шариата сказано и в работе

Н.И.Гродекова «Между киргизами существует стремление к шариату, изучаемому их более учеными муллами. Так напр., Авиз (Перов. уезда), высказал: «жаль, что при взятии края мы не выпросили себе шариата; адата нет, есть шариат». На вопрос о статьях шариата, непредусмотренных адатом, напр, о праве соседа (шафи), как привилегированного покупателя, бий Умурбек, Аулиеатинского уезда, признавал шариат важнее адата. На вопрос о столкновениях шариата и адата, он сказал: «мы рабы шариата, за адат не стоим» (шариатка кулмыз адатка таласпаймыз). Только по поводу непокрытия лица женщинами он допустил, что это обычай (минез расм) киргизов, которые пользуются большею свободою (казак кенг булады). Торгай об адате отозвался так: «адат есть прямо поросенок» (чучканынг бельги баласы): он не подчиняется адату. По выражению киргиза Кураминского уезда Кюльбаева, адат есть конюх шариата (адат шариатынг йилаукери). В Кураминском уезде небольшая часть оседлых киргизов приняла шариат; большая же часть их держится адата; но к администрации неоднократно поступали просьбы о введении у них шариата. Лучшие люди судятся у казия, где они скоро могут очиститься личною присягою, тогда как у биев присяга налагается на родню в третьем колени и далее, что затрудняет положение тяжущегося» [11, с.153].

Необходимо напомнить, что нормы казахского обычного права до начала XX века в основных сферах права сохранили свое превосходство и не оставили особого места шариату. Влияние нормы шариата в казахском обществе мы можем увидеть в выделении доли имущества, брачной сфере: «одно радует, что казахи при окончании споров не растаются со своими обычаями. На шариат не полагаются. В настоящее время дела о выделении доли имущества или браке заканчиваются через муллу шариатом. Остальные дела завершают бий, решающие споры и скандалы или уважаемые люди. И это хорошо» [12, с.236].

Мнение о том, что шариат оказывает сильное влияние в целом на систему казахского обычного права требует еще более глубокого и детального изучения. Одним из примеров этого

может служить неукоснительное выполнение порядка «жеті ата», сохранившегося до сих пор среди казахов. И. Алтынсарин об этом говорил следующее: «Надо заметить при этом, что собственно магометанский закон позволяет жениться даже на близких родственниках, что и соблюдается у всех мусульман, кроме киргизов» [13, с.21].

В казахском обществе споры решали с точки зрения права наряду с обычаями, шариатские суды, положения шариата. О жизнеспособности правовых регулирующих механизмов при решениях споров по шариатскому суду, возникающих в обществе подтверждают и архивные сведения:

«Вообще то имеющиеся сведения сводить при всякой удобной случае за притеснением народных обычаев и киргизскому судопроизводству, а так как киргиз производящие судов и расправу, в приговора и решениям своим руководствуются нередко шариатом и прочими частями Корана источника всех законотворений мусульманских , также сюнатами или сборников преданий оставшийся от Мухамеда и его первых учеников, то называется и определение, по сводящих отношений его к Корану и Сюнну было бы весьма поверно» [14, с.95]. Наследство от отца делится в следующем порядке, на сыновей вдвойне, на дочерей доля в один раз меньше.

Если у покойника не было детей, братья получают наследство вдвойне, на сестер доля в один раз меньше.

Муж не может претендовать на имущество жены, на это у него нет прав.

Если от мужа не осталось потомков, жена может владеть лишь одной четвертой частью наследства мужа.

Если у покойного были долги, то дети обязаны его возместить.

Если вор совершил кражу на более 10 дирхеменов (тенге), то ему отрезают одну руку.

Кража мелких вещей (мыло, рыба, птица) не считается воровством и наказанию не подлежит.

При решении споров по шариатскому суду не проводятся предварительные следственные работы.

Грабеж (хараба) считается одним из очень тяжелых преступлений:

- а) если получил имущество другого путем устрашения;
- э) если раздал полученное имущество
- б) если целиком потратил на себя;
- в) если грабеж был сопряжен гибелью, тогда вор-грабитель приговаривается к смертной казни.

В соответствии с шариатским судом за супружескую измену (зина), если это подтвердят 4 свидетеля, приговаривают к смертной казни (избиение камнями). Человек, давший ложное свидетельство, связанное с зиной подвергается избиению плеткой в 30 ударов. В целом нормы шариата служили в основном для регулирования социальных отношений, в особенности семейно-брачных, при решении споров в данной общественно-правовой сфере. Анализируя архивные документы, мы можем встретить в данных документах сведения об их деятельности при решении спорных вопросов в шариатских судах: «Холостой ордынца за изобличений с блудь с девушкой или незамужней предпринято приговаривать каждый по 100 ударов. За блудь ордынца совершивший блудь замужней женщиной, и женщину и ордынец причинивший оный приговаривает оба лица побитием камнями» [15, с.61].

В материалах второй половины XIX века пишется об использовании понятия «талак» в шариате, связанного с разводом в казахских семьях: «После троекратного произнесения» слова талак (развод) или талак койдым (я дал развод), развод, по шариату, становится действительным. Обыкновенно, впрочем, разведенною считается жена, когда она уходит в отцовский дом или к тому, кто ее выдал замуж. Она с собою не берет имущества, но муж дает ей что-нибудь, напр. 1/8 часть своего имущества, если она не была виновна в разводе» [11, с.162].

Наряду с этим, в целях сохранения основ семьи встречались случаи возвращения в свои семьи. В таких случаях при решении споров, возникших вследствие противоречий в семейно-брачных отношениях о существовании влияния шариата Н.Гродеков писал следующее:«Бывшие супруги могут

снова сочетаться браком, даже до трех раз. В четвертый раз женщина может выйти за своего прежнего мужа только в том случае, если она после третьего брака была замужем за посторонним. В Казалинском уезде разведенная только в том случае может выйти замуж во второй раз за своего мужа, если она была за другим, получила от него развод и прожила незамужнею сто дней. Здесь сказалось влияние шариата» [11, с.163].

Возникало множество споров, в связи с неурегулированностью определенными нормами гражданских дел в казахском обществе.

Особенно решения некоторых споров, связанных с семейно-брачными отношениями стали основой формирования должностей кази, шариатских судов. Если будем анализировать архивные документы относительно данной проблемы, то можно понять следующее положение: «Но так как компетенция волостных судов значительно разнится от таковой же народного киргизского суда, при чем в число дел, подведомственных волостным судам, никаких брачных дел не входит, то упомянутые киргизы и возбудили вопрос о подсудности этих последних дел, выразив пожелание, чтобы разрешение их было предоставлено тоже волостным судам, при полной же невозможности этого были-бы учреждены должности казиев, которые разрешали бы эти дела на основании обычаев и шариата» [16, с.30]

Согласно развитию политико-правового положения в казахском обществе, русская администрация, понимая возможность формирования шариатского суда, стало часто информировать об этой проблеме представителей высшей власти. В документе написанном генерал-губернатору Туркестана докладывается о сущности данной проблемы: «председатель Верненского Окружного Суда на просьбу мою дать заключения по этому предмету в ответе своем, отрицая всякую в настоящее время надобность в учреждения суда казиев, сообщили, что если при переходе киргиз в оседлые состояние окажется почему-либо неудобным сохранить организацию народного суда, то следует перейти к волостному

суду, распространив его компетенцию и на духовные дела магометан» [16, с.30].

Касательно проблемы, оказывающей негативное влияние на будущее нации в нашем государстве, по шариатскому суду человеку за пьянство грозит порка розгами до 80 раз, однако такие события в казахском обществе встечались крайне редко, поэтому об особенностях их применения сведений нет.

За отречение от веры -иртидад (ислам) приговаривают к смертной казни (избиение камнями до смерти). За нарушение общественного порядка, восстание против главы государства, правительства приговаривают к смертной казни. Запрещается отклонение кази или имама при вынесении приговора от требования шариата. Чиновники русской администрации, следившие за сущностью рассмотрения и решения дел шариатскими судами в казахской степи, в связи с требованиями людей, принявших христианство докладывали о неудовлетворенности их решениями: «Военный губернатор выразил опасение, что ответчиков принявших христианство, бии будут не правильно обвинять по религиозному фанатизму и что ответчики имеющие чины и занимающие должности письмоводителей и толмачей будут считать себя униженными разбирательствами перед биями, по отношениям. Эти судьи высказались не по указаниям опыта, а на основании одних только гадательных своих предположений» [17, с.129].

За совершение преступления, убийства человека кази приговаривают преступника к смертной казни (қысас). В случае когда родственники убитого человека простят, то преступник платит кун (дийа). Если вид преступления или решение спора не указано в шариате (коран, сунна, хадис), тогда кази выносит приговор по своему усмотрению (тазир). В ходе проведения административно-правовых изменений в казахском обществе, при сборе материалов касательно народных традиции в обществе, русское правительство не упускало из внимания решения споров шариатских судов. Служащим, направленным в казахскую степь, и чиновникам возглавлявшим казахские аулы давали срочные поручения об оказании повышенного внимания к данной проблеме: «предписан правителям всех частей

области, чтобы как они, так и все частные и дистанчные начальники в донесениях своих об окончании дел, по народным обычаям, непременно прописывали обстоятельства дел, и полные его решения указывая при том, что именно они руководствовались при определении приговора, то есть преданиям или священным, временным или постановлением шаригата» [18, с.214].

Чиновники русской администрации, понимая политико-правовое положение в казахской степи, для овладения оказывала особое значение делам, рассматриваемых с участием шариатского суда. Участвовали при решении регулирования споров, решаемых согласно шариату в казахском крае совместно со служащими и султанами- правителями , об этом ясно указывают архивные документы: «Обязать султановы Правителей доставить свод ныне существующих обычаев, которым суд-биев руководствуются по делам брачным, об имуществе, по насильствам, по опекам, по разводам то есть на предания шаригат или на толковании мусульманских законотрапов и наконец, предписать контрольными чиновниками и переводчикам во время командировки их в степь, присутствовать при решении дел по народным обычаям и результаты своих наблюдений сообщить в канцелярии генерал-губернатора» [18, с.214].

Наряду с этим, российское правительство при сборе материалов относительно народных традиции, традиции каждого региона казахской степи в особенности норм шариата, указывало на то, что общее описание решения споров шариатскими судами дается по разному. Этому оказывают влияние различные факторы в государстве, в особенности повышенное внимание к международным отношениям.

Сотрудники российской администрации докладывают о такой ситуации представителям верховной власти: «Чтобы собрания лишь по обычаям вводной части Восточной части целиком много различествовали о существующий обычаях в других частях покорной степи, в своих коренных но жалких, однако договорки их обычаями в других частях Орды; удержался от общего взгляда на Киргизские обычаи и от

определения отношения и к Аль-Корану и вообще шаригату или законам Магаметанским потому, что Киргизы Восточной части, в которой составили сборник, заметно отличаются от своих соплеменников, кочующих в прочих частях как по понятиям, своим, так и образу быту Киргизов Восточной части, имеющим по своим торговым оборотам без притеснения сношения с другими народами: Бухарский, Хивинцами, Кокандцами, Русскими легко может действовать чуждое влияние, могущее, значительно значить самобытность не родного характера, и следовательно и его обычаи, потому. А равно, и имели в виду» [19, с.119].

В связи с этим, при решении споров в казахской традиционной политико-правовой сфере наряду с народными традициями можно указать и на регулирующую деятельность норм шариата. Служению основ мусульманства в казахской степи, их влиянию другим нормам требует научного анализа.

Историко-правовые сведения проблеме зекета показывают в прямой связи с государством и обществом. Хотя о нем и не говорится в положениях «Жеті жарғы» зекет является обязанностью для всех свободных граждан, имеющих хозяйство. В сведениях относительно раннего периода истории государства и права Казахстана говорится о проблеме зекета, однако он проводился в виде налога, предназначенного в определенной степени для покрытия расходов государства. Теперь рассмотрим правила касательно вопроса зекета. По договору «обеспеченный человек раз в год должен отдать одну сороковую часть имущества неимущим» [20, с.25]

Если его доход или продукция от его хозяйства достаточны и превышают содержания его самого, жены и детей, покрывают летнюю, зимнюю одежду, транспорт, пищу, посуду и другое домашнее имущество, тогда он должен платить зекет.

Профессор Юнус Апай в своем труде «Право мусульманина» положения общественного порядка делит на несколько видов: «правовые положения», «религиозные положения», «моральные положения» и «положения соблюдения приличия» и многие события в один миг могут противоречить данным порядкам общественного положения.

Например, кража, убийство в праве считаются преступлением, в религии грехом, в морали-невоспитанностью или стыдом [21, с. 3]. Вместе с тем, мнение профессора о том, что «правила приличия не полностью разделенные от правовой концепции перемешались с концепцией религии и морали» является очень важным для раскрытия правовой грани при исследовании нашего вопроса [21, с.4].

Исследователи напоминают нам, что с давних времен все социальные постулаты имели религиозный оттенок и в настоящее время в составе концепции, регулирующих жизнь религиозные постулаты занимают важное место[21, с.3].

В качестве обобщения таких важных постулатов мы в первую очередь называем зекет, потому что зекет является самой сложной проблемой общества, механизмом координации взаимоотношений различных социальных групп.

Зекет в первую очередь считается долгом при оказании помощи бедным, нищим, больным, для расходов в интересах народа, помощью для неимущих людей, совершающих хадж, для людей познавших лишения в результате долгих скитаний. По правилам шариата каждый человек, дающий зекет от своего имущества вначале должен помочь своим нуждающимся родственникам, соседям. Для обеспеченных казахов считается обязанностью помогать близким людям, соседям. В архивных документах имеются следующие сведения относительно зекета: «Одни ханы имеют право собирать с казахов зякет. Сбор зякета производится с баранов, верблюдов и рогатого скота» [22, с.153]. На людей, имеющих меньше пяти верблюдов нет зекета, для людей, имеющих от пяти до девяти верблюдов-один баран, от десяти до четырнадцати верблюдов-два барана. От пятнадцати до двадцати-три барана, от двадцати до двадцати пяти четыре барана, от двадцати пяти до тридцати один верблюжонок, т.е. должен оплатить одной голове верблюжонок, от тридцати шести до сорока шести-верблюдица трехлетка, от девяносто одного до ста двадцати-две верблюдиц четырехлетки, более сто двадцати на каждую пять верблюдов прибавляется по одному барану. На меньше тридцати коров

зекета нет. От человека, имеющего от тридцати до сорока коров-берется одна годовалая корова.

От сорока коров-трехлетний бычок, шестьдесят коров-два годовалых бычка. Затем каждой девятой корове прибавляется одна годовалая коров, каждой сороковой корове прибавляется одна двухгодовалая корова. Если количество овец и коз составляет от сорока до сто двадцати голов-один двугодовалый баран. От ста двадцати одного до двухсот-два барана, двести одному овцу-три барана, от двухсот одного до четырехсот-четыре барана, затем каждой сотой овце-один баран.

На золото меньше шести золотников зекет не является долгом, от двадцати золотников нужно отдавать половину золотников.

На серебро меньше двухсот дирхамов зекет не является долгом. От двухсот дирхамов нужно дать зекет в пять дирхамов, т.е. от сорока тенге золота-серебра нужно отдавать одну тенге. После этого идут драгоценности, жемчуг, рубин, коралл, если они хранятся не для себя, а для продажи то и с них нужно давать зекет. Смотри по их цене, т.е. если цена вещи равна двести дирхамам, то нужно дать зекет в пять дирхамов. Зекет зерна, урожая, если посажено в поле и выросла под дождем, то зекет составляет одну десятую часть, т.е. от десяти пудов один пуд, если урожай был выращен поливом из ведра, бадьи, то дается половина одной части, т.е. от десяти пудов половина пуда, от двадцати один пуд.

В казахском обществе обращали внимание на значение, качество, размер зекета, на то кто его и как собирал. Информацию о наказании лиц неправильно собиравших зекет подтверждают архивные документы: «Подозреваемый мулла в неправильном сборе зякета лишается выгодного своего места» [22, с. 152]. Значение этой нормы, сформированной историко-правовой преемственностью и в настоящее время находится на повестке нашего народа. Любой гражданин казахского общества по возможности дает зекет, исполняет свой долг без всяких указаний.

Влияние шариата на казахское обычное право связано с распространением ислама в казахской степи. Здесь большую

роль сыграло наличие фактора взаимоотношения казахского государства с ханствами Хивы и Коканда. Влияние ислама получило свое развитие с монгольского периода, упрочилось в казахском государстве. В первой половине XIX века шариат стал применяться в качестве механизма справедливых судебных процессов в казахском обществе. д, Андрэ приехавший в казахскую степь для собирания материалов по традициям и обычаям, в своих докладах русской администрации пишет, что шариат играет большую роль в решении некоторых спорных дел. Мы из этих докладов видим регулятивную роль шариата, его влияние на обычное право казахов.

Во второй половине XIX века влияние шариата на обычное право казахов начала ослабевать. В некоторых случаях было даже обращение казахских биев к русскому правительству о применении норм шариата при решении определенных споров. Однако, представители власти колониального правительства применяли действия по отдалению шариата в казахском обществе. Через свои административно-правовые реформы начали вносить множество изменений в дела судебного производства. Ограничив список, рассматриваемых биями дел, переделав авторитет биев в должности, начали нарушать систему казахского обычного права. Русская администрация внесла положение о выборности биев, требовала их обязательного утверждения. Законы российского правительства утвердили требование о том, что звание бия могут получить только султаны, аульные старшины, прослужившие не менее 6 лет и лица, награжденные царской администрацией.

Основной целью таких постановлений была замена старых казахских биев судебными чиновниками, подчиняющимися русскому правительству. Однако, колониальная власть не сразу достигла своих целей.

Потому что бии, имевшие высокую оценку в казахском обществе, данную им народом и далее проводили свою судебную власть.

В соответствии с российскими законами, вновь назначенные бии недостаточно знали нормы шариата и

казахского обычного права. Теперь дела рассматривались в соответствии с законами русского правительства, поэтому регулирующая роль шариата стала снижаться.

Несмотря на применение специальных политико-правовых методов и способов простые положения шариата достаточно укрепились в правовом сознании граждан. Нормы шариата до сих пор не утратили своей жизнеспособности, на сегодняшний день являются правовыми ценностями любого гражданина государства, призывающего к честности, справедливости. Мы думаем, что в сегодняшнем развитии государства, приоритетом которого является право, оно внесет большой вклад в укреплении, утверждении, пробуждении правового сознания, правовой культуры.

Правовая культура казахов подверглась влиянию не только русского законодательства, но и шариата. В 60 годы XIX века стало укрепляться мусульманское общество, поддерживаемое колониальной властью. 1860 годы в Оренбургской степи в каждой дистанции было 10-17 мулл, у каждого из них было по 10-12 учеников. В городах Орск, Троицк, Оренбург были медресе, имеющие не менее 100 учеников.

«Временные ереже» стали ограничивать права руководства мусульманской религии. Русское правительство поддерживало миссионеров. В некоторых статьях Ереже говорилось о распространении христианства. Для того чтобы снизить влияние ислама в традиционной общественно-правовой сфере, русское правительство отделило казахскую степь от Оренбургского муфтиата, предложило утвердить должность муллы только для проживающих там казахов. В каждой волости было по одному мулле, должность муллы утверждало и освобождало от должности областное управление.

В течение XIX века на казахской земле расширилось влияние шариата, это можно увидеть в правовых сборниках. Сведения архивных документов представляют данные о влиянии татаров и мулл, об увеличении заявлении о решении споров народными

судами по шариату, о необходимости строительства мечетей, о том, что казахи признают клятву данную на Коране.

Список литературы:

1. Конституция Республики Казахстан [Текст]. – Астана, 2011. – 28 с.
2. Левшин, А.И. Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких орд и степей. – Санкт-Петербург, 1832. – Ч. 3. – 331 с.
3. ЦГА РК. Ф. 396. Оп. 1. Д. 1. Л. 124.
4. ЦГА РК. Ф. 396. Оп. 1. Д. 1. Л. 119.
5. ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 1923. Л. 3.
6. Өзбекұлы С. Көшпелі қазақ өркениетіндегі құқық. Право кочевой цивилизации казахов. - Алматы, 2002. - 224 с.
7. ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 1923. Л. 20.
8. ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 767. Л. 53.
9. ЦГА РК. Ф. 396. Оп. 1. Д. 1. Л. 127.
10. ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 2382. Л. 95.
11. Гродеков, Н.И. Киргизы и каракиргизы Сыр-Дарьинской области Т. 1. – Ташкент, 1889. – 544 с.
12. «Газета Дала улайаты газеті»-Этнографические рассказы. – Астана, 2007. 389 с.
13. Алтынсарин, Ы. Этнографиялық очерктер және ауыз әдебиет үлгілері. Астана, 2007. - 166 с.
14. ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 2380. Л. 61.
15. ЦГА РК. Ф. 369. Оп. 1. Д. 8752. Л. 26.
16. ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 1923. Л. 30.
17. ЦГА РК. Ф. 396. Оп. 1. Д. 1. Л. 129.
18. ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 2382. Л. 214.
19. ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 2382. Л. 119.
20. Өсерұлы Н., Аққошқарқызы А.С. Мұсылмандық негіздері. Алматы, 2001. - 82 б.
21. Юнус, А.К. Мұсылман құқығы. –Түркістан, 2007. – С. 78.
22. ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 2380. Л. 153.

Сведения об авторе:

Ибрагимов Жамаладен Ибрагимович, доктор юридических наук, профессор, кафедра конституционного и гражданского права факультет Юридический Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева (Астана, Казахстан), e-mail i.zhamaladen@gmail.com

Зеленин Ю.А.

Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

**Проблема идентификации политико-правовых взглядов
Юсуфа Баласагуни**

В данной статье автор рассматривает проблему идентификации политико-правовых взглядов Юсуфа Баласагуни, автора знаменитой поэмы «Кутагу билиг» (Благодатное знание). В историографии нет единой оценки идеологической идентификации Ю. Баласагуни. Его воззрения оценивают в таких терминах как тюркский традиционализм (тюркская традиция), просветительство, гуманизм, патриотизм, ислам и др. Делается вывод, что основными причинами разночтения в понимании идейного облика Юсуфа Баласагуни является художественная форма данного трактата, наряду с различными методологическими и идеологическими установками исследователей.

Ключевые слова: Юсуф Баласагуни, тюркский, просветительство, гуманизм, патриотизм, ислам

Yu.A.Zelenin

Altai State University (Barnaul, Russia)

**The problem of identifying the political and legal views of Yusuf
Balasaghuni**

In this article the author explores the problem of identification of political and legal views of Yūsuf Balasaguni, author of the famous poem "Kutagu bilig". There is no unified assessment of the ideological identification of Yusuf Balasaguni in historiography. He is identified in terms of Turkic traditionalism (Turkic tradition), enlightenment, humanism, patriotism, Islam, etc. The author concludes that the main reason for discrepancies in the understanding of Yusuf Balasaguni ideological image is the artistic form of this tractate, along with different methodological and ideological schools of thought.

Keywords: Yusuf Balasaguni, Turkic traditionalism, enlightenment, humanism, patriotism, Islam

Тюркский поэт, мыслитель и государственный деятель XI в. Юсуф Баласагуни широко известен, прежде всего, как автор дастана «Кутагу билиг» (Благодатное знание). Эта поэма является не только высокохудожественным произведением, но и

этико-дидактическим, политико-правовым трактатом, оказавшим несомненное влияние на дальнейшее развитие политико-правовой мысли тюркских народов. Однако в исследовательской литературе до сих пор нет единства в оценке идеологического облика великого тюркского мыслителя.

Ряд исследователей оценивают Ю. Баласагуни условно как тюркского традиционалиста. Так, по мнению турецкого историка права, выходца из Российской империи Садри Максуди Арсала «Кутагу билиг» является, прежде всего «тюркским произведением», выражающее традиционные представления древних тюрков о праве, власти и государстве: «несмотря на то, что это произведение было написано приблизительно через сто лет после распространения ислама в Восточном Туркестане, размышления автора об общественной жизни, нравственности, об управлении государством основаны полностью на представлениях тюрков доисламской эпохи» [1, с. 97]. В целом он высоко оценивает политико-правовые взгляды Юсуфа Баласагуни, хотя и признает, что автор поэмы дает несколько идеализированное представление о тюркской государственности того времени [1, с. 98]. Садри Максуди Арсал считает, что «Кутадгу билиг» является «самым важным произведением, оставшимся от уйгуров и любой, изучающий право древних тюрков «должен с начала и до конца прочесть это произведение и исследовать его с точки зрения права» [1, с. 31]. По мнению исследователя, поэма носит также отчетливую антибуддийскую направленность, что прослеживается в идейном противостоянии двух персонажей - Огдюлмюша (олицетворяет «здоровую жизненную философию тюрков») и Одрумуша (олицетворяет дух буддийского отшельничества и ухода от жизни). Он полагает, что Огдюлмюш убедительно доказывает, что «лучше работать в области внедрения в жизнь справедливых законом, служащих народу и государству, чем заниматься благочестием, которое проявляется в том, что человек отдаляется от народа и от мира» [1, с. 94]. Исследователь, в том числе подчеркивает несомненное влияние на формирование политико-правовых взглядов Ю. Баласагуни идей Аль-Фараби и Конфуция [1, с.115-116]. Также он считает

тюркского мыслителя одним из основоположников концепции разделения властей задолго до Дж. Локка и Ш. Монтескье[1, с.122-123].

Известный отечественный тюрколог С.Г. Кляшторный тоже придерживается мнения, что поэма Юсуфа Баласагуни в полной мере отражает традиционные политико-правовые идеалы тюрков, так как она была создана в переходный период, когда Караханидское государство уже включилось в систему исламской цивилизации, но ещё сохранило архаичные институты древнетюркского времени. Он подчеркивает, что политико-правовые идеалы Юсуфа Баласагуни (иерархичность, антииндивидуализм, сословность), несмотря на апелляцию к исламу во многом соответствуют общественным ценностям и реалиями доисламского периода. В тоже время автор на наш взгляд преувеличивает милитаристскую направленность поэмы, утверждая что «война ради добычи, усердие в её поиске и щедрость при распределении добытого среди войска представляются Юсуфу едва ли не главными добродетелями правителей» [2, с.122-123].

По мнению философа Р.М. Амирханова, взгляды Ю. Баласагуни относятся к светски ориентированным этическим учениям мусульманского средневековья, имевшим своим теоретическим источником рационалистическую философию восточного перипатетизма (Аль-Фараби, Ибн Сина). Он подчеркивает, что вся последующая тюркская общественная мысль, у истоков которой стоит «Кутадгу билиг» «решала в мировозренческой сфере тот круг социально-этических проблем на пути к благу, совершенному обществу», заложенный в проблематике этой поэмы [3, с.15-16]. В целом автор характеризует Ю. Баласагуни как мыслителя-гуманиста, прогрессивного мыслителя, остававшегося «на идеологической платформе ислама»[3, с.22].

Кыргызские исследователи О. Козубаев и К. Карабукаев схожим образом оценивают мировоззрение Ю. Баласагуни в терминах «просветительство» и «гуманизм». По их мнению, мыслитель «во главу угла своего этического учения поставил приоритет человека» [4, с.104]. Другие авторы, которые тоже не

делают акцент на исламской идеологии, позиционируют Ю. Баласагуни как идеолога патриотизма[5].

Некоторые ученые настаивают, что, несмотря на элементы «тюркской фольклорной традиции»[6] или «вкрапления шаманизма»[7], Ю. Баласагуни выражал в своей поэме, прежде всего, идеологию ислама. Правда, эти исследователи диаметрально противоположно оценивают отношение мыслителя к суфизму. По мнению М.С. Фомкина, для поэмы Ю. Баласагуни характерна в большей степени антисуфийская направленность: «отрицая отшельнический уход от жизни, он – за активное, плодотворное служение людям по законам добра и человечности»[6]. Калбердиев А.Р. же настаивает на суфийской направленности мировоззрения Ю. Баласагуни: «Источником веры и повиновения служит суфизм, точнее тарикат (путь исламского аскетизма) и ибадат (богослужение и повиновение Богу в исламе). Поэтому Одгурмиш в поэме является ключевым героем. Одгурмиш не только хороший человек, но и мудрец и пример для общества. Он живет в одиночестве и считает, что главная польза человечеству от личности - не мудрые советы людям, а чтобы не обидеть человека и не навредить обществу. Одгурмиш считает благо в мирской жизни обманом, поэтому каждый человек должен готовиться к жизни вечной. Путь к вечной жизни - это жизнь в одиночестве в стороне от социума, посвящение себя поклонению Богу. Такой сценарий наводит на мысль, что автор призывает к суфизму и тарикату»[7].

Таким образом, среди исследователей нет единой оценки идеологической идентификации Ю. Баласагуни. Его идентифицируют с такими мировоззрениями и идеологическими комплексами как тюркский традиционализм, просветительство, гуманизм, патриотизм, ислам и др. Причинами такого разнообразия можно считать художественную форму «Кутадгу билиг», а также различия в методологических и идеологических установках исследователей.

Список литературы:

1. Садри Максуди Арсал. Тюркская история и право. – Казань: Изд-во «Фэн», 2002. – 412 с.
2. Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г. Степные империи древней Евразии. – СПб: Филологический факультет СПбГУ, 2005. – 346 с.
3. Амирханов Р.М. Общественная мысль средневековья: основные течения и их истоки // Очерки татарской общественной мысли. – Казань: Татар.кн.издво, 2000. – 191 с.
4. Козубаев О., Карабукаев К. Этические учения Ал-Фараби и Юсуфа Баласагуни в контексте истории номадизма // Известия НАН КР. – 2022. – № 1. – С.101-107.
5. Шадинова Г.А., Тулеев М.Т. Тюркский мыслитель Юсуф Баласагуни – история и современность // Аллея науки. – 2018. – №4. – С.306–309.
6. Фомкин М.С. Поэтическая картина мира Юсуфа Баласагуни (к 950-летию поэмы "Кутадгу билиг") // ART LOGOS. – 2019. – №4 (9). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/poeticheskaya-kartina-mira-yusufa-balasaguni-k-950-letiyu-poemy-kutadgu-bilig>
7. Калбердиев А.Р. Религиозно-философские аспекты поэмы «Кутадгу билиг» «Благодатное знание» Юсуфа Баласагуни // Исламоведение. – 2020. – №2 (44). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/religiozno-filosofskie-aspekty-poemy-kutadgu-bilig-blagodatnoe-znanie-yusufa-balasaguni>

Сведения об авторе: Зеленин Юрий Александрович, кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права юридического института Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия), e-mail: uri-zelenin@yandex.ru

Раздел IV. Тюркский мир в медиа-пространстве стран Большого Алтая

Ахметова Л.С.

Казахский Национальный Университет им. Аль-Фараби,
Алматы (Казахстан)

Тюркский мир в медиапространстве Казахстана

Статья подготовлена в рамках госзадания Алтайского государственного университета Тюрко-монгольский мир «Большого Алтая»: единство и многообразие в истории и современности (проект номер – 748715Ф.99.1.ББ97АА00002)

Тематика «тюркского мира» является притягательной и интересной для казахстанской общественности и аудитории. Данная область актуальна в разных контекстах: политических и дипломатических, культурных и социальных, научных и образовательных. Релевантность тематики и заинтересованность общественности относится ко всем названным сферам, в то время как информационных поводов для освещения тематики в широком смысле – множество, даже в течение небольших периодов, где представлено все разнообразие тематических сообщений. В рамках сотрудничества между странами Большого Алтая, Центральной Азии и тюркского мира в целом, развиваются различные проекты. Активное взаимодействие на разных международных и социальных площадках пользуется вниманием как со стороны средств массовой информации, так и со стороны публики. Информирование, освещение, анализ данной тематики и событий со стороны медиа Республики Казахстан рассмотрено и изучено в рамках данного исследования для поддержки дальнейшего развития международного взаимовыгодного сотрудничества в данной области.

Ключевые слова: СМИ, Республика Казахстан, тюркский мир, рубрики медиасообщений, жанры статей, информационные агентства

Akhmetova L.S.

Kazakh National University named after. Al-Farabi, Almaty
(Kazakhstan)

The Turkic world in the media space of Kazakhstan

The theme of the "Turkic world" is attractive and interesting for the Kazakh public and audience. This area is relevant in different contexts: political and diplomatic, cultural and social, scientific and educational. The relevance of the topic and public interest applies to all of these areas, while there are many informational occasions for covering the topic in a broad sense, even for short periods, where the whole variety of thematic messages is presented. Within the framework of cooperation between the countries of the Greater Altai, Central Asia and the Turkic world as a whole, various projects are being developed. Active interaction on various international and social platforms attracts attention from both the media and the public. Informing, coverage, analysis of this topic and events by the media of the Republic of Kazakhstan is considered and studied in this study to support the further development of international mutually beneficial cooperation in this area.

Keywords: Mass media, Republic of Kazakhstan, Turkic world, headings of media messages, genres of articles, news agencies

Данное исследование продолжает обозревать, описывать, фиксировать, анализировать и делать выводы относительно работы СМИ и медиапространства Республики Казахстан в целом по части освещения тематики «тюркского мира». Данный аспект можно рассматривать в контексте формирования и как один из дополняющих, позитивных факторов в развитии качественной медиакультуры, которая пропагандирует такие ценности как сотрудничество между странами, совместное изучение общей истории, продвижение молодежных образовательных проектов, способствование развитию межкультурных связей и международной общенаучной деятельности.

Если рассматривать медиакультуру как «совокупность информационно-коммуникативных средств, материальных и интеллектуальных ценностей, выработанных человечеством в процессе культурно-исторического развития, способствующих формированию общественного сознания и социализации личности» [1, 42 с.], то такая тематика как «тюркский мир» в широком смысле и ее освещение, способствует этому процессу, поскольку, как показывают исследования медиапространства РК, сообщения медиа информируют, описывают, дают обзоры и пр. на события, связанные с миром культуры, науки,

образования и технологий, экономики, международных связей, внутривнутриполитических и социальных событий, которые поддерживают процессы общественной (аудитории этих медиа) консолидации как внутри страны, так и в международном масштабе.

Представленность тематики, ее разнообразие, диверсификация подачи, количество и набор медиа, заинтересованных в освещении тематики «тюркского мира» в широком смысле, демонстрирует работу СМИ на самые различные целевые аудитории. «Общество неоднородно, оно состоит из социальных групп и общностей, различных по своему составу. Различия определяются материальным положением, культурными предпочтениями, возрастом, родом занятий, национальной идентификацией и т.д.» [2, 99 с.], и каждая подобная группа или даже индивид, потребляет контент разного характера, контент разных медиа. И представленность тематики в прессе, на ТВ, на интернет-площадках и т.д., косвенно показывает заинтересованность целевой аудитории этих разных медиа в подаче информации по данной тематике.

Этими факторами обуславливается актуальность нашей задачи – исследования медиапространства РК относительно тематики «тюркского мира». В данной работе, которая развивает предыдущую работу хронологически (теперь рассмотрены медиасообщения августа и сентября 2022 г.), рассматривается медиапространство РК с разных перспектив и позиций, что позволяет проанализировать подачу тематики «тюркского мира», используя разные подходы и выдать наиболее точные заключения и выводы.

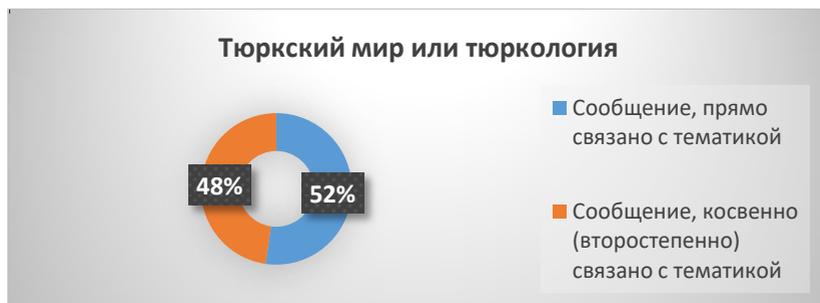
В рамках данной работы были проведены количественный и качественный анализ сообщений средств массовой информации в течение двух периодов: с 24.08.2022 г. по 31.08.2022 г. и с 27.09.2022 г. по 30.09.2022 г. Нужно уточнить, что выбор двух данных периодов – последние дни двух месяцев – был отчасти произвольным. Как показало дальнейшее исследование, общее количество сообщений медиа относительно «тюркского мира», зависел не от выбора конкретных периодов, а от событий, произошедших в этот

период. Например, если президент Республики Казахстан совершил рабочие визиты в такие страны, как Азербайджан или Турция, то количество сообщений, включающих в себя тэги «тюрки» или «тюркский мир» - значительно возрастают и, кроме того, повторяются разными медиа. Рассматривать такие сообщения по отдельности и включать их в количественную статистику не имеет никакого смысла, т.к. функции медиа заключаются, в числе остального, в «информировании о событиях и условиях жизни в обществе и мире» [3, 15 с.], и медиа стремятся сделать это первыми. Поэтому в данном аспекте, были выбраны сообщения тех медиа, которые первыми всплывают в поисковиках и электронных системах мониторинга, конечно, только в том случае, когда сообщение идентично.

Мониторинг СМИ и сообщений по контекстам «тюркология» и «тюркский мир» был произведен при помощи системы «Медialogия». Используя выданный системой дайджест, была проведена выборка по русскоязычным казахстанским СМИ. Все сообщения были изучены и проанализированы. Повторяющиеся сообщения были исключены из итоговой выборки.

Итого, в августовский период было проанализировано 24 сообщения, а в сентябрьский – 20. На основании всех сообщений (44) и их качественного анализа, было выработана статистика, которая будет рассмотрена ниже.

Диаграмма 1. Тюркский мир и тематика сообщения.

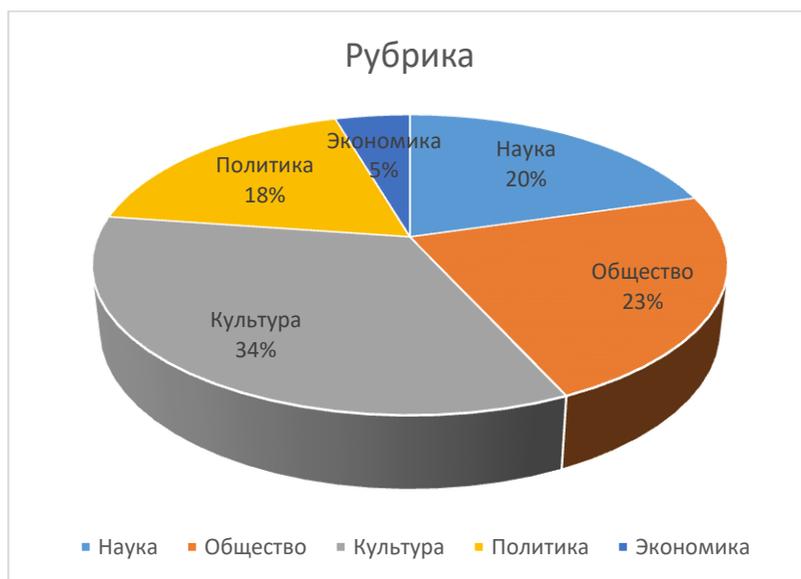

Нужно отметить, что в рамках данного исследования, каждое сообщение было прочитано и проанализировано как с позиции читателя, так и с позиции профессионального журналиста. В каждом из сообщений присутствовали слова «тюркский мир». Однако, статьи или заметки, касающиеся более широкого предмета, либо вовсе другой направленности, воспринимать как присутствие тематики «тюркского мира» и статьи, посвященной конкретно этому предмету, видится чрезмерным. Кроме того, статьи, особенно развернутые, действительно посвященные «тюркологии» или «тюркскому миру», в случае рассмотрения всех сообщений наравне, окажутся фактически бессмысленными в рамках общего количественного анализа. Например, можно ли рассматривать обзорное сообщение СМИ, подробно информирующее аудиторию о рабочей поездке президента в южный Казахстан, где лишь в одной цитате и лишь в одном абзаце упоминается слово «тюрки» и т.п., в то время как остальная часть сообщения посвящена экономике, спорту, туризму и т.д.? И правильно ли будет уравнивать такое сообщение с развернутой аналитической статьей на тему общего культурно-образовательного проекта нескольких стран Большого Алтая, посвященного изучению тюркского мира? С позиции данного исследования ответы на эти вопросы были даны отрицательные.

Исходя из этого, сообщения первого типа предлагается рассматривать как контент, косвенно связанный с тематикой «тюркского мира», а сообщения второго типа – контентом, прямо связанным или посвященным тематике. Как видно из диаграммы 1, сообщения распределились примерно поровну, с небольшим преимуществом сообщений, прямо связанных с «тюркским миром», посвященных непосредственно этой тематике, или те, где данная тематика превалирует. Нужно отметить, что сообщение под заголовком, к примеру: «Особая миссия визита Главы Казахстана в Баку: Транскаспийский маршрут, потенциал в развитии торговли, подарок Азербайджану» [4] – бесспорно, посвящено именно визиту президента в соседнее государство в первую очередь, и тем не менее, вследствие анализа текста сообщения было выявлено, что

«тюркский мир» упоминается в сообщении несколько раз, оба главы государства говорили о культурной и исторической составляющих в рамках тюркского мира, уделили внимание Организации тюркских государств и торгово-экономическим связям тюркского мира в целом, и двух государств в частности. Это позволило отнести данное сообщение именно в категорию контента, непосредственно связанного с тематикой.

Диаграмма 2.

Перейдем к рассмотрению рубрик сообщений, связанных с «тюркским миром». Следует уточнить, что не все информационные ресурсы обозначают рубрику сообщения. В рамках созданной выборки, таких медиа было даже меньшинство. Поэтому, рубрики и принадлежность сообщения к той или иной из них были обозначены автором для дальнейшего анализа.

В рубрику «культура», которая оказалась наиболее актуальной, попали сообщения, в том числе о спорте (конные

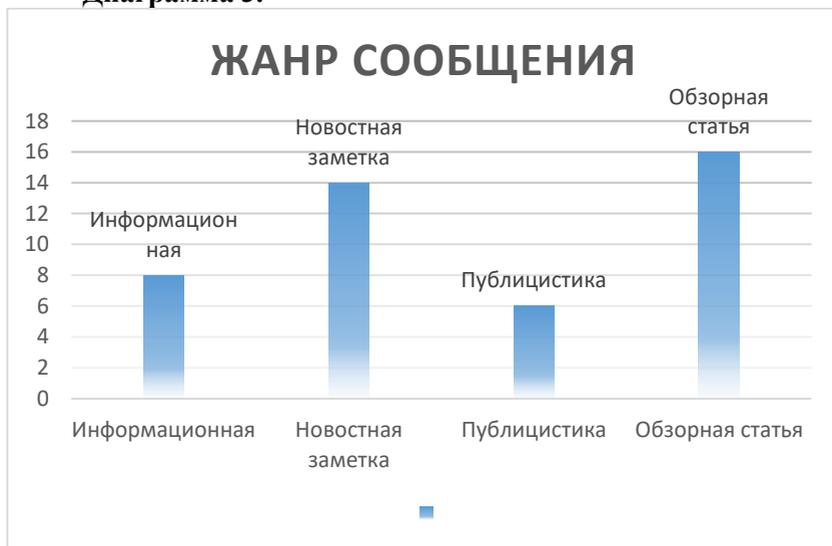
марафоны), о музыке, искусстве и т.д. В рубрику «политика» - в основном, новостные сообщения о государственных визитах, поездках, общей геополитической обстановке. Интересной получилась рубрика «наука», куда попали сообщения, связанные с историей, археологией, этнографией, IT-сферой, технологиями и т.д. В отдельную рубрику пришлось выделить «экономику», которая заняла всего 5% от общего количества сообщений, и тем не менее, развернутую финансово-аналитическая статью, посвященную экономике туризма, выданную информационным агентством «Деловой Казахстан», к примеру, представилось невозможным включить в какую-либо из прочих рубрик. Данный материал попал под категорию косвенно связанных с тематикой «тюркского мира», где можно выделить, что в рамках реализации программы «Туризм додасы» в Туркестанской области, «приняли участие творческие представители 5 тюркоязычных государств» [5].

Сложнее было обозначить рамки рубрики «общество» и выделить ее в отдельную категорию, т.к. общественно-значимыми событиями или заявлениями могут быть любые, входящие в другие рубрики от политики до науки. И тем не менее, как упоминалось выше, некоторые медиа категорируют свои сообщения самостоятельно и, что предсказуемо, вполне точно. Тем не менее, даже такие сообщения были проверены и, либо рубрика подтверждалась, либо сообщения включалось в другую рубрику. Например, сообщение о предстоящем заседании Народного курултая, как общественной, гражданской диалоговой площадки в городе Туркестан, который президент Токаев назвал: «гордостью всего казахского народа и колыбелью тюркского мира» [6], было включено в рубрику «общество».

На диаграмме 3 можно увидеть распределение сообщений медиа по жанрам. Бесспорно, на основании многих дополнительных критериев, таких как объем сообщения, видео-или фото-сопровождение материала и т.д., можно определить жанр еще более точно. Но тогда, как ни парадоксально, распределение получится не более точным, но более размытым. Так, одно и то же сообщение, применив наиболее строгие

критерии, можно было записать в обзор, интервью, новостную заметку и аналитику одновременно. Либо, получались сообщения типа информационно-аналитических или обзорно-публицистических.

Диаграмма 3.

В рамках каждого из выделенных жанров можно работать над вычислением поджанра, например, распределить информационные сообщения на репортажи, интервью, беседы, хроники и заметки. Остальные жанры также подвергаются уточняющему категорированию. Но, определение журналистского жанра медиасообщения не являлось задачей данной работы и, к тому же, распределение жанров в данной выборке оказалось не столь широким.

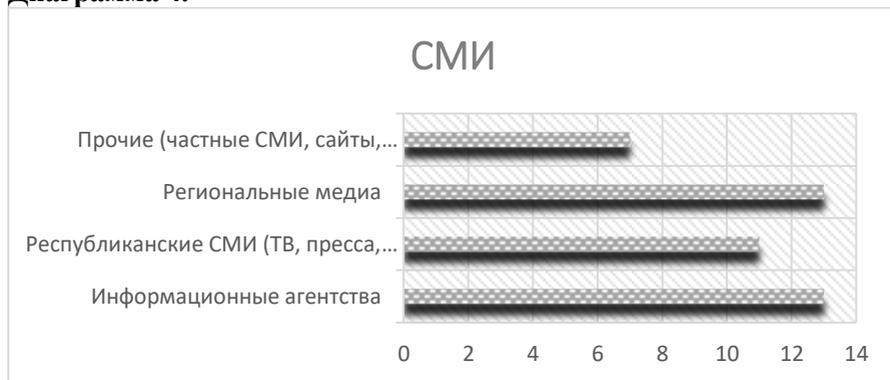
Исходя из вышеозначенного, в данной работе были выделены довольно широкотолкуемые жанры: информационные сообщения, новостные заметки (короткие), публицистические статьи и обзорные статьи. В первую категорию жанров вошли, в частности, календарные заметки. Интересные и значимые события подавались агентством информационно-

просветительским, занимательным характером сообщения. Так, информационное агентство сообщает любопытный факт о том, что «в 2018 году была одобрена Концепция генерального плана по развитию города Туркестана как культурно-духовного центра тюркского мира» [7].

Отдельно следует обратить внимание на количество публицистических статей, которые свидетельствуют об общем интересе к тематике. Конечно, здесь присутствуют статьи, посвященные не тюркскому миру непосредственно, однако, большинство были включены в категорию прямо связанных, т.к. «тюркология» и «тюркский мир» занимали особое место в материалах. Пример: «Все языковеды-тюркологи мира действуют по схеме, четко определенной в свое время Ахметом Байтурсиновым. Он писал: «Желательно иметь алфавит, который будет понятен всем тюркам». И еще: «Вначале все должны создать некий общий для всех тюркских языков образцовый алфавит» - в публицистическом материале «Казахстанской правды» [8].

Обзорные материалы по большей части посвящены описанию, подведению итогов, компоновке событий и подборке цитат в результате тех или иных событий или поездок, совершенных президентом РК. Новостные заметки – короткие сообщения – посвящены событиям, датам, состоявшимся и планируемым.

Диаграмма 4.

Выборка сообщений также была распределена на четыре вида СМИ. Все рассмотренные сообщения были выданы медиа, которые имеют интернет-площадки, будь то газеты, ТВ-каналы или официальные пресс-службы государственных структур. Данные медиа были категоризованы в четыре группы.

Наибольшее количество сообщений прогнозируемо выдавали информационные агентства. Они же лидируют по сообщениям новостного характера, рассмотренных выше.

Неожиданно большое количество сообщений – 13 – было выдано региональными медиа, такими как газеты «Акмолинская правда» или «Кызылординские вести» и другими. Это могло быть связано с рабочими поездками президента Токаева в Туркестанскую область, которая состоялась в рассматриваемый период, однако, как видно из названий и географии медиа, - такая связь не была подтверждена.

«Прочие» медиа были скомпонованы в одну группу, т.к. каждое из них в рассматриваемый период выделилось лишь одним сообщением. Это служба коммуникаций при президенте РК, сайт muslim.kzi т.д.

Несколько разнообразных сообщений выдало сетевое издание «Казахстанская правда», которые вошли в группу республиканских медиа. Для более точного понимания Диаграмм 1, 2 и 3, и для демонстрации полярности исследования приведем пример сообщения, косвенно связанного с тематикой «тюркского мира», рубрики «политика», жанра «публицистика». Статья на информационном портале «Русские в Казахстане» рассказывает о недавней истории, геополитических перипетиях и о межгосударственных приоритетах таких организаций как НАТО, ОДКБ, ШОС. Единоразы упоминается «тюркский мир» в политическом контексте. «Оно (российское военное присутствие в регионе) не выступает препятствием для интеграционных процессов в иранском и тюркском мире» [9]. Здесь, статью бесспорно трудно рассматривать, как посвященную непосредственно «тюркскому миру» или даже как информирующую о тематике хотя бы второстепенно, конечно, если не считать условное

упоминание любой страны, где живут люди с тюркскими корнями, - сообщением о «тюркском мире».

Данный аналитический обзор выявил некоторые очевидные тенденции, такие, как наибольшую представленность крупных информационных агентств в плане количества выдаваемых сообщений или большое количество новостных заметок по сравнению с другими жанрами сообщений.

Другим результатом работы стало понимание того, что государственные визиты, в частности президента (но и других высокопоставленных чиновников) как в соседние государства, такие, как Азербайджан, так и в регионы, вроде Туркестана в РК, стимулируют резкое увеличение количества сообщений, так или иначе связанных с тематикой «тюркского мира».

Одну пятую сообщений, к удовлетворению, занимают статьи обзорного характера, включенные в рубрику «наука». Совместные научные исследования ученых стран Большого Алтая и Центральной Азии, участия в образовательных проектах, практические и теоретические работы в самых разных областях, но, в частности, в археологических экспедициях, освещаются многообразно и качественно. По данной выборке, вероятно, нельзя сказать, что подобные экспедиции освещаются регулярно, т.к. судить по последним дням двух месяцев о регулярности было бы легкомысленно. И тем не менее, если два месяца подряд события вроде археологических раскопок и не обязательно сенсационных находках освещаются в СМИ, это говорит об интересе, прежде всего со стороны публики или целевой аудитории СМИ к такого рода взаимодействиям и научно-исследовательским мероприятиям.

Представленность шести публицистических материалов, в которых так или иначе упоминается «тюркология», «тюркский мир», «тюркская музыка», «тюркские спортивные игры», можно отнести к интересу со стороны журналистов, профессиональных публицистов и писателей, об их осведомленности и привлекательности тематики в целом.

В контенте Восточно-Казахстанской газеты сообщается, что конкурс-фестиваль тюркского творчества – это «мероприятие, направленное на развитие культуры, традиций,

обычаев тюркоязычных народов, с каждым годом становится всё более зрелищным» [10]. И подобного рода информационных, обзорных, публицистических материалов, включенных в рубрику «культура», оказалось большинство – 34% от общего количества сообщений, что не может не наводить на мысли о качественном взаимодействии, о разнообразном и взаимопользном сотрудничестве среди деятелей искусства, культуры, среди музыкантов и литераторов, художников и философов, которые наравне с учеными активно работают на внутренних и международных платформах в рамках коммуникаций между странами Большого Алтая, Центральной Азии и всех государств, связывающих себя с тюркским миром.

Список литературы:

1. Кириллова Н.Б. Медиасреда российской модернизации. – М.: Академический проект, 2005. – 400 с.
2. Фролова Т.И. Социальная проблематика. Проблематика СМИ: Информационная повестка дня. – М. Аспект Пресс, 2008. – 316 с.
3. Назаров М. Массовая коммуникация в современном мире: методология анализа и практика импледований. – М.: Едиториал УРСС, 2003. – 240 с.
4. Особая миссия визита Главы Казахстана в Баку: Транскаспийский маршрут, потенциал в развитии торговли, подарок Азербайджану, Kazinform, 28.08.2022, https://www.inform.kz/ru/osobaya-missiya-vizita-glavy-kazahstana-v-baku-transkaspiskiy-marshrut-potencial-v-razvitiitorgovli-podarok-azerbaydzhanu_a3970808
5. Развитие туризма в Казахстане после пандемии — подведены итоги первых шести месяцев 2022 года, МИА «DKNews», 27.08.2022, <https://dknews.kz/ru/v-strane/250151-razvitie-turizma-v-kazahstane-posle-pandemii>
6. Следующее заседание национального курултая состоится в Туркестане, Сетевое издание "otyrar.kz", 27.09.2022 г., <https://otyrar.kz/2022/09/sleduyushhee-zasedanie-natsionalnogo-kurultaya-sostoitsya-v-turkeстане/>
7. 29 сентября. Календарь Казинформа «Даты. События», Международное информационное агентство Kazinform,

- 29.09.2022, https://www.inform.kz/ru/29-sentyabrya-kalendar-kazinforma-daty-sobytiya_a3983996
8. Кажыбек Е. Заветы Учителя нации, Сетевое издание «www.kazpravda.kz», 26.08.2022, <https://kazpravda.kz/n/zavety-uchitelya-natsii/>
 9. Кузьмин Н., Новая безопасность для нового Казахстана, Сайт "Русские в Казахстане", 29.08.2022 г., <https://russianskz.info/about.html>
 10. Сарсембаева Б. Древние напевы Великой степи. Общественно-политическая газета «Рудный Алтай», 27.09.2022, <https://rudnyi-altai.kz/drevnie-napevy-velikoy-stepi/>

Сведения об авторе: Ахметова Лайла Сейсембековна, доктор исторических наук, профессор кафедры ЮНЕСКО по журналистике и коммуникации, Казахский Национальный Университет им. Аль-Фараби (Алматы, Казахстан), e-mail: laila_akhmetova@mail.ru

Михайлов А.В. , Михайлова Т.В.

Сибирский государственный университет науки и технологий имени академика М.Ф. Решетнева, Красноярск (Россия)
Дискурс новых медиа в организации коммуникаций тюркоязычных сообществ в Красноярском крае

Авторы исходят из факта дефицита интегрированности тюркоязычных народов Сибири. Совместное проживание в актуальном настоящем в малой степени опирается на совместный базис переживаний о генетическом родстве. С этой причиной может быть связано размытое представление о будущей совместной культурной, промышленной активности тюркских народов в азиатской части России. Констатация дефицита предполагает решение задачи консолидации в тюркоязычном коммуникационном сообществе через активность в средствах массовой информации, включая «новые медиа». В работе изучается активность некоторых тюркоязычных этнических сообществ в социальных сетях Красноярского края.

Ключевые слова: новые медиа, социальное взаимодействие, тюркоязычные сообщества, Красноярский край, взаимодействие этносов

A.V. Mikhaylov, T.V. Mikhaylova
Reshetnev Siberian State University of Science and Technology
(Krasnoyarsk, Russia)

**The discourse of new media in the organization of
communications of Turkic-speaking communities in the
Krasnoyarsk Territory**

The authors proceed from the fact of the lack of integration of the Turkic-speaking peoples of Siberia. Cohabitation in the actual present is to a small extent based on a joint basis of experiences about genetic kinship. This reason may be associated with a vague idea of the future joint cultural and industrial activity of the Turkic peoples in the Asian part of Russia. The statement of the deficit implies solving the problem of consolidation in the Turkic-speaking communication community through activity in the mass media, including "new media". The paper studies the activity of some Turkic-speaking ethnic communities in the social networks of the Krasnoyarsk Territory.

Key words: new media, social interaction, Turkic-speaking communities, Krasnoyarsk Territory, interaction of ethnic groups

Постановка проблемы. Для Красноярского края (и территорий и организационных структур, предшествовавших нынешнему делению регионов в России) многонациональность населения является историческим фактом и фактором существования. В настоящее время в нем представлено около 180 народов. Часть из них относится к автохтонным, относительно других специалисты-этнологи и историки могут высказывать противоречащие мнения, значительное количество оказалось в Восточной Сибири по разным причинам в разное время. В данной работе речь идет о новых медиа во взаимодействии ряда этнических тюркоязычных сообществ Красноярского края: татар, чувашей, долган, хакасов, тувинцев.

К сибирским тюркам, согласно описанию тюркоязычных народов, представленному в двух фундаментальных книгах серии «Народы и культуры» Российской академии наук, относятся долгане, якуты, хакасы, тувинцы, татары, сибирские татары, чулымские тюрки, шорцы, телеуты, теленгиты и другие народы [1; 2].

В Красноярском крае представлены не все из них. Справедливости ради нужно отметить, что современные административные границы регионов не всегда удачно определяют этническое распределение.

При всем этом можно констатировать относительную стабильность этнических образований со времени раннего СССР до постсоветского времени. Среди приобретений советского периода для многих из них — развитие собственной письменности, организация обучения на родных языках, формирование механизма воспроизводства кадров образования и культуры, вовлечение в процессы муниципального и государственного управления и многое другое. Л.Н. Евменова считает, что «перемены, происходящие в образе жизни и культуре этих народов, вхождение в социокультурное пространство современного мира, приобщение к благам цивилизации не привели к утрате их неповторимой самобытности <...> Несмотря на некоторую трансформацию культуры, эти народы сохраняют свою мировоззренческую основу. Современное российское общество должно использовать все возможности для сохранения и передачи новым поколениям национального культурного богатства народов Сибири» [3, с. 5].

Наряду с множеством благоприобретений тюркоязычных народов в XX–XXI вв. наличествуют и сложности в современном существовании этносов. Исследователями констатируются как многие негативные последствия научно-технического прогресса в стране, вхождения в промышленные цепочки, культурные процессы других народов, так и объективные трудности организации оседлого и/или кочевнического образа жизни в традиционных рамках при взаимодействии с современным образом бытия.

На это наслаиваются и процессы взаимодействия с волнами миграции в восточные районы России из европейской части России, с Северного Кавказа, из Закавказья, из Средней Азии, из Китая и других восточных стран.

В своей работе, посвященной культурологическому дискурсу и миграционным процессам в Восточной Сибири,

Т.В. Ступина описывает стратегии и механизмы аккультурации мигрантов, указывает вслед за американской исследовательницей Индирой Сомани (Somani Indira) [4] на положительное влияние средств массовой информации на процессы аккультурации и инкультурации мигрантов [5, с. 6]. Необходимо указать все же, что американская специалистка по межкультурным взаимодействиям исходит из аксиоматичной для нее ценности вхождения в американскую культуру приезжих лиц даже в возрасте 40 лет и старше. В то же время российская практика изучения межкультурных коммуникаций постепенно уходит от априорного признания аккультурации как заведомо положительного.

Исследовательница Т.В. Ступина также полагает, что необходим комплексный подход к формированию каналов культурной интеграции мигрантов в принимающее общество, а именно: язык, образование, религия, семейный уклад, пищевая модель, одежда, средства массовой информации, экономика, спорт и др. Успешная культурная интеграция способствует социальной, экономической и политической адаптации мигрантов [5, с. 13].

Учет исторического опыта, как указывают Т.В. Ступина, В.М. Антолиновская, может помочь осмыслить современные интеграционные процессы в Сибири, в частности, рассматривая материалы путешествий П.С. Палласа по Сибири [6, с. 268–275].

Исследователь Сибири Н.М. Ядринцев патетически провозглашал в своей книге «Сибирь как колония» (2-е издание, 1892 г.): «... союз народов, а не разъединение их» является целью движения на Восток [7, с. 708]. Отметим характерное для данного ученого, как и для многих представителей «имперского» по складу мышления, представление о цивилизационном движении на Восток с европейской части России, с некоторой недооценкой истории и современного состояния территорий, на которые прибывали новые поселенцы.

Можно назвать эту часть проблемной зоны **невозможностью смены** исследовательской (=ценностной, мировоззренческой) **позиции (точки зрения)** / парадигмы мышления большинства специалистов, занимающихся

изучением межкультурных взаимодействий, причем эта невозможность закрывает объективное и непредвзятое изучение межкультурных и межэтнических процессов.

Другая часть проблематики состоит в потребности формирования «общественности», «общественного мнения», «социальной позиции» в этнических сообществах и вне их на территории Сибири как мегасообщества. На это указывал уже цитировавшийся здесь Н.М. Ядринцев: «... нам недостает полного гражданского развития» [7, с. 709], «...телеграф еще не совершил свою чудодейственную работу объединения» [7, с. 719], «[в Сибири. — авторы] является потребность умственной жизни, стремление к гласности, разрабатывать общественные нужды путем печати; общество желает гарантий для жизни и защиты от местного произвола» [7, с. 712].

Если на недостаток общественного обсуждения живых вопросов для населения путем гласности, использования печати, печатного слова указывает представитель русского культурообразующего сообщества, то каковым могло быть положение в этом отношении этнических сообществ Сибири? Очевидно, что совершенно в зачаточном состоянии.

Но что же происходит сейчас, в начале XXI века? Насколько развиты средства массовой коммуникации в отношении освещения жизни тюркоязычных сообществ в Сибири? Каков состав и мощность (возможности) средств массовой коммуникации? Какими путями и для каких общественных групп доносится информация? Какие тюркоязычные общности более активно, а какие менее активно представлены в СМИ, включая новые медиа? Какие темы рассматриваются ими день ото дня? Какова в этом роль государственных структур, а какова роль отдельных персон и общественных групп?

В некоторых аспектах общественные представления научной общественности остаются столь же «глухими» к запросам формирования общественного интереса к разным, в том числе этническим, этнокультурным сторонам жизни Сибири. Свидетельством тому может служить ряд публикаций

весьма заинтересованных ученых, например, из Новосибирска, см. [8; 9]

В данном фрагменте можно лишь отчасти поставить эти вопросы, не мысля сколько-нибудь подробно их разобрать, и тем более разрешить.

Другой важной проблемой становится расхождение в исследовательских позициях в обсуждении дискурса средств массовой информации, в том числе отражающих наивную картину мира и «простое» мировидение, исследовательских методик.

Среди направлений медиалингвистики и изучения медиадискурса, при всей разработанности проблематики «новых медиа» и социальных сетей (а они активно существуют в России уже с начала 2000-х годов и активно используются персонифицирующимися СМИ с начала 2020-х гг.), еще не выработано общепризнанное научное представление о соотношениях между «новым» и «старым» в спектре СМИ, еще не полностью осмыслена «конвергенция» СМИ, не вполне понятны границы «инфотейнмента» и пр., ср. [10; 11; 12].

Важно и то, что этническая проблематика (и уж тем более сибирская, и уж еще менее — связанная с тюркоязычными народами Сибири) практически не становится предметом исследования в серьезных научных периодических изданиях о медиа. В частности, таковыми авторы считают «Медиаскоп» (издается факультетом журналистики МГУ им. М.В. Ломоносова и Высшей школой журналистики и массовых коммуникаций СПбГУ), «Вестник МГУ. Серия журналистика». В данных научных журналах за последние три года (конец 2019 г. – 2022 г.) из более чем 80 опубликованных статей лишь одна касается этнической журналистики [13], но и она связана с проблемами российского мегаполиса Санкт-Петербурга и социализацией в нем иностранных мигрантов.

Масштаб проблемы дефицита этнической тематики как предмета исследования и медиасообществом, и сообществом преподающих/ изучающих медиадискурс, осознан не в полной мере, как это видится авторам данного текста.

Такое же положение, как кажется, можно было бы констатировать в отношении религиозного дискурса и его отражения в медиадискурсе, но обсуждение проблем в данной области гораздо более интенсивно, насыщенно, углубленно, и не только благодаря наличию таких институтов, как телекомпания «Царьград», информационная работа Московской Патриархии Русской Православной Церкви, других церквей, конфессий.

Проведение научно-практических конференций, таких, как «Язык и религия», существенно оживляет научное обсуждение медиааспекта религиозных отношений в нашей стране [14; 15; 16]. Мы можем предполагать, что такой активный интерес исследователей к проблематике дискурса, обусловленного отношением к религии, вырабатывает в итоге как методики изучения, подходы к трактовке отдельных явлений и общих тенденций, так и позволяет держать в поле зрения положительный опыт носителей дискурса и их сообществ.

Поле изучения этнического медиадискурса, тем более его части — тюркоязычного дискурса Сибири в СМИ, — по сравнению с тем, как широко изучается политический, международный дискурс, дискурс цифровой среды, ср. работы, в частности, М.Г. Шилиной [17; 18] и многих других исследователей.

Итогом становится отсутствие признанных методик изучения этнического дискурса в медиаисследованиях. Самое большое, на что можно надеяться в текстах про медиадискурс и этнические отношения в нем, это ссылки на давние работы Т. Ван Дейка, Рут Водак, упоминания о «языке вражды», о «политкорректности» и т.п.

В нашем случае важны также относительно робкие постановки вопроса о предмете анализа медиадискурса социальных сетей, а через это можно идти и далее — до изучения этнического медиадискурса в них, до технологий изучения текстов и контекстов, в социальных сетях и мессенджерах.

В журнале «Современный дискурс-анализ» (Белгород, НИУ БГУ) представлена небольшая статья Е.В. Дык, в которой

рассмотрены единицы дискурса социальных медиа [19], что можно считать важным шагом вперед, но, конечно же, не исчерпывающим, поскольку в ней не даны образцы анализа текстов социальных сетей, позволяющие оценить возможности предлагаемых технологий.

Как пишет И.В. Савельева, «интернет-комментирование как массовое дискурсивное действие, как совокупность текстов, объединенных содержательно (обсуждением политической новости/статьи) и формально (расположенных в разделе «Комментарии» к одной / серии статей, касающихся последнего политического события) определяется нами как *непрофессиональный политический дискурс* [выделение наше. — А.М., Т.М.]» [20]. Перефразируя данного автора и продолжая его мысль, мы можем предложить для анализа этнического дискурса в социальных сетях **разделение** профессионального и непрофессионального контента. Имеем в виду четко прослеживающуюся в оценках, лексике, синтаксисе, а главное — в презумпциях и интенциях текстовых фрагментов, — отнесенность текстов к двум категориям: 1) порождаемые «официозным» и официальным Автором, 2) порождаемые непрофессиональным, «простым», неангажированным социальной ролью Автором.

В целом ряде случаев эти два типа Автора взаимодействуют между собой вполне дружелюбно, выражая согласные позиции, но есть ситуации, где наличествуют не только расхождения, но и наблюдаются непримиримые противоречия. Речь идет о русскоязычных сообщениях и в целом русскоязычных аккаунтах и группах. Что конкретно может происходить в разнотюркоязычных социальных сетях, еще предстоит вдумчиво анализировать.

Нами рассмотрены в качестве примера для начала работы публикации в социальных сетях за период с 31 августа по 31 октября 2022 года.

Сообщества в социальных сетях, которые можно квалифицировать как «официальные».

Азербайджанская региональная национально-культурная автономия Красноярского края (=АНКА_АМОР Красноярского

края, https://vk.com/anka_amor_krasnoyarsk, 652 участника) [21], Казахская национально-культурная автономия «Ак жайык» (<https://vk.com/public211868475>, 44 подписчика) [22], Кыргызская национально-культурная автономия (<https://vk.com/kyrgyzskayanka>, 734 участника) [23], Татарская национально-культурная автономия «ЯР» (указан адрес сайта www.yar24.ru, не функционирует) [24], Тувинская национально-культурная автономия «Бедик сулде» (<https://vk.com/public126855620>, 980 подписчиков) [25], Узбекская национально-культурная автономия «Хумо» (<https://vk.com/public191062360>, 286 подписчиков) [26], Хакасская национально-культурная автономия «Хада» (https://vk.com/hada_20, 2632 участника) [27], Якутская региональная общественная организация молодежи «Аартык» («Исток») (https://vk.com/krsk_aartyk, 1267 участников) [28], Чувашская национально-культурная автономия («Автономия Чувашская-Красноярская»), <https://vk.com/avtonomia1991> [29].

Не входит в систему культурно-национальных автономий, объединяемых Домом дружбы народов Красноярского края, «Сообщество долган Таймыра — Турубул» (<https://vk.com/public212712571>) этнокультурное сообщество долган, в котором всего лишь 6 подписчиков. Причина может крыться в специфичном географическом положении долган как народа на севере Красноярского края, где они компактно проживают на полуострове Таймыр, как этнос ощущают себя относительно изолированными среди нетюркских народов (энцы, нганасане, ненцы, эвенки, русские).

Кроме них, нами рассмотрены сообщения в чатах мессенджеров WhatsApp — «Чуваши Красноярского края» (206 участников), «Друзья Красноярской ЧНКА» (23 участника).

Тематика обсуждений за 2021-2022 годы сильно отличается: от сообщений о коронавирусе наблюдается резкий переход в начале 2022 года к Специальной военной операции России на Украине.

В сообщениях от 29 августа до 30 октября наблюдаем лишь 26 тем, причем количество постов и тем в разных

сообществах различается резко: от 1 новости до 45 постов за этот период.

При том, что Сибирский исторический форум специально рассматривал вопросы исторического родства ряда этнических групп, в том числе тюрков Азии, их современного положения, культуры и т.д., текстуального отражения эта тема в сообществах не нашла отражения, кроме сообщества Тувинской НКА, но и то только потому, что Председатель Хурала Республики Тыва специально в своей странице отметил это событие.

Председатель Верховного Хурала Республики Тыва Кан-Оол Даваа сообщает о своей встрече на площадках Сибирского исторического форума [в 2022 году он посвящен 200-летию Енисейской губернии] с руководителем национальной-культурной автономии тувинцев. «Работа у них многогранная — помогают адаптироваться студентам, учат детей тувинскому языку, проводят для наших земляков национальные праздники и другие культурно-массовые мероприятия...» [30, 14 сент. 2022 в 23:18].

Еще одна активная тема — Фестиваль «Азия – Сибирь», чье сообщество «Азия Сибирь Красноярск» насчитывает 9689 участников (https://vk.com/miss_asia_russia)

Следом по количеству сообщений идут посты о выступлениях народных самодеятельных коллективов, спортивных соревнованиях, достижениях «метрополии» (в случае, если это сообщества неавтохтонов).

Значительное место в постах якутов, татар, башкир, чувашей занимают этнические праздники — Ысыах, сабантуй, акатуй, чуклеме, дни национальной письменности, памятные даты, связанные с национальными героями, деятелями культуры, науки, общественными персонами и др.

Существенное место уделяется праздникам «официального календаря» (8 Марта, 1 Мая, 9 Мая, 12 июня, День флага, День народного единства). При этом наибольшей популярностью пользуется предсказуемо именно 4 ноября — День народного единства, когда этнические сообщества формально и неформально демонстрируют свое единство.

Практически уникальные сообщения появляются в группе ВК Якутской НКА «Аартык» — «Познакомимся с другими народами?» [29, 20 сент. в 16:40], где говорится о фестивале «Во имя укрепления мира и дружбы народов России», проводимом Центром дружбы народов СФУ и Советом национальных молодежных объединений «Мир» Красноярского края.

Специфичной чертой для ряда красноярских сообществ оказывается размещение информации о событиях в мире межэтнических отношений края. Ср., сообщества в «Одноклассниках» и в «ВКонтакте» «Типичный Зелек» (=Зеленогорск) — <https://ok.ru/tipzelek> и <https://vk.com/public33160704>, где изредка появляются сообщения о межэтнических культурных проектах.

Деятельность Дома дружбы народов Красноярского края и его активность в сообществах в социальных сетях «ВКонтакте» (<https://vk.com/ddn24>) и «Одноклассники» (<https://ok.ru/group/59643684585647>) не может, будучи ангажированной «сверху», полноценно заменить или дополнить взаимодействие этнических сообществ и отдельных групп и лиц «по горизонтали».

Таким образом, можно констатировать минимальное использование новых медиа в **межэтнических** контактах и **межкультурном** взаимодействии, даже в пределах тюркоязычного сообщества, которые чаще сосредотачиваются на отдельных событиях внутри сообществ, нежели открываются для информирования о межэтнических и общетюркских событиях и процессах.

Более того, многие тюркоязычные народы Сибири, Красноярского края не воспринимают себя частью большого целого — Тюркской Мегатерритории. Так же точно проект «Енисейская Сибирь», получивший известность с 2016-2017 гг. по инициативе нынешнего губернатора Красноярского края А.В. Усса, не стал знаменем для объединения этносов по Енисею, среди которых много тюркоязычных.

Новые медиа, включая и мессенджеры, не становятся площадками для консолидации тюркоязычного мегасообщества

в Красноярском крае, что можно экстраполировать и на другие регионы Сибири, и не только Восточной, и Дальнего Востока.

Самоосознание общего тюркского наследия и отдельных этнических культур, по всей видимости, требует целенаправленного формирования.

Как представляется, посредство русской культуры и максима аккультурации и инкультурации в русскую сверхэтническую культуру недостаточны для полноценного функционирования национальных культур и национального самоосознания тюркских народов Сибири.

Предстоит большая работа по организации этнически ориентированного журналистского сообщества «сверху» при помощи государственных усилий, усилий вузовских площадок, которое будет взаимодействовать с активом «народных корреспондентов» (=блогеров из этносов Сибири, активных в этническом отношении граждан).

Список литературы:

1. Тюркские народы Сибири / отв. ред. Д. А. Функ, Н. А. Томилов; Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН; Омский филиал Института археологии и этнографии СО РАН. М.: Наука, 2006. 678 с.

2. Тюркские народы Восточной Сибири / В. А. Тишков, С. В. Чешко, Л.И. Миссонова [и др.]; Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. М.: Наука, 2008. 422 с.

3. Евменова Л.Н. Этнические культуры Приенисейского края: монография. Красноярск: Поликом, 2007. 256 с.

4. Ступина Т.В. Современные миграционные процессы в культурологическом дискурсе (на материалах Красноярского края): Автореф. дис. ... канд. культурологии. Улан-Удэ, 2017. 24 с.

5. Somani Indira. Becoming American // Journal of International and Intercultural Communication February. 2010. № 3(1). Pp. 59-81. DOI:10.1080/17513050903428125

6. Ступина Т.В., Антолиновская В.М. Культурологический обзор взаимодействия коренного населения и переселенцев в Сибири в XVIII веке (на материалах трудов П.С. Палласа) // В мире научных открытий. 2014. № 5-1(53). С. 268–275.

7. Ядринцев Н.М. Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении. СПб.: Изд. И.М. Сибирякова, 1892. 720 с.

8. Сибирь как мегарегион: параметры и цели: колл. монография / под. ред. В.И. Супруна. Новосибирск: Фонд социопрогностических исследований «Тренды», 2018. 192 с.

9. Клисторин В.И. «Сибирь как колония». Взгляды Н. М. Ядринцева на проблемы и перспективы освоения Сибири // ЭКО. 2019. № 1 (535). С. 25–40.

10. Добросклонская Т.Г. Медиалингвистика: теория, методы, направления. М.: «КДУ», «Добросвет». 2020. 178 с.

11. Добросклонская Т.Г. Медиалингвистика: актуальные направления изучения медиаречи // Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2020. № 4. С. 26–38.

12. Вартанова Е. Л. Теория медиа: отечественный дискурс. М.: Фак. журн. МГУ; Изд-во Моск. ун-та, 2019. 224 с.

13. Блохин И.Н., Алсалиби Р.М.С. Этнические медиа в адаптации иммигрантов в российском мегаполисе (на примере Санкт-Петербурга) // Медиаскоп. 2020. Вып. 1. URL: <http://www.mediascope.ru/2598> (дата обращения: 19.10.2022). DOI: 10.30547/mediascope.1.2020.2.

14. Язык и религия: тез. докл. Междунар. науч. конф. (УрФУ, 15–17 сентября 2021 г.) / Отв. ред. Т.В. Ицкович. Екатеринбург: Издательский дом «Ажур», 2021. 132 с.

15. «Язык и религия»: международная конференция прошла в Институте славянской культуры // Институт славянской культуры РГУ им. А.Н. Косыгина [офиц. страница ВКонтакте]. 26 окт. 16:40. URL: <https://vk.com/@iskrgu-yazyk-i-religiya-mezhdunarodnaya-konferenciya-proshla-v-inst> (дата обращения: 26.10.2022).

16. Карасик В.И. Религиозный дискурс // Языковая личность: проблемы лингвокультурологии и функциональной семантики: Сб. науч. тр. Волгоград: Перемена, 1999. С. 5–19.

17. Шилина М.Г., Кравченко С.В. Интернет как фактор актуальных трансформаций моделей связей с общественностью в контексте медиатизации // Медиаскоп. 2021. Вып. 1. URL: <http://www.mediascope.ru/2681> (дата обращения: 26.10.2022).

18. Шилина М.Г. Блог как ресурс социальных интернет-коммуникаций // Вестник Московского университета. Сер. 10. Журналистика. 2007. № 4. С. 18–24.

19. Дык Е.В. Анализ текста как единицы дискурса социальных медиа // Современный дискурс-анализ. 2020. № 2-1(26). С. 88–94. URL:

http://www.discourseanalysis.ru/ada26_1/st294.shtml (дата обращения: 19.10.2022).

20. Савельева И.В. Непрофессиональный политический дискурс: вопросы моделирования // Современный дискурс-анализ. 2022. № 2(30). С. 89–95. URL:

https://elibrary.ru/download/elibrary_49564492_16239907.pdf (дата обращения: 19.10.2022).

21. Азербайджанская региональная национально-культурная автономия Красноярского края [официальная страница ВКонтакте]. URL: https://vk.com/anka_amor_krasnoyarsk (дата обращения: 26.10.2022).

22. Казахская национально-культурная автономия «Ак жайык» [общественная организация, сообщество в социальной сети «ВКонтакте»]. URL: <https://vk.com/public211868475> (дата обращения: 26.10.2022).

23. Кыргызская национально-культурная автономия [общественная организация, сообщество в социальной сети «ВКонтакте»]. URL: <https://vk.com/kyrgyzskayanka> (дата обращения: 26.10.2022).

24. Татарская национально-культурная автономия «ЯР» [официальный сайт]. URL: www.yar24.ru (дата обращения: 26.10.2022).

25. Тувинская НКА «Бедик сулде» [общественная организация, сообщество в социальной сети «ВКонтакте»]. URL: <https://vk.com/public126855620> (дата обращения: 19.10.2022).

26. Узбекская национально-культурная автономия «Хумо» [официальная страница ВКонтакте]. URL: <https://vk.com/public191062360> (дата обращения: 26.10.2022).

27. Хакасская национально-культурная автономия «Хада». [официальная страница ВКонтакте]. URL: https://vk.com/hada_20 (дата обращения: 26.10.2022).

28. Чувашская национально-культурная автономия («Автономия Чувашская-Красноярская») [официальная страница ВКонтакте]. URL: <https://vk.com/avtonomia1991> (дата обращения: 26.10.2022).

29. Якутская региональная общественная организация молодежи «Аартык» [официальная страница ВКонтакте]. URL: https://vk.com/krsk_aartyk (дата обращения: 26.10.2022).

30. Кан-Оол Даваа [Председатель Верховного Хурала Республики Тыва, аккаунт в социальной сети «ВКонтакте»]. URL: <https://vk.com/kdavaa> (дата обращения: 30.10.2022).

31. Фестиваль «Азия – Сибирь», сообщество «Азия Сибирь Красноярск» [официальная страница ВКонтакте]. URL: https://vk.com/miss_asia_russia (дата обращения: 26.10.2022).

Сведения об авторах: Михайлов Алексей Валерианович, кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой общественных связей Сибирского государственного университета науки и технологий имени академика М.Ф. Решетнева (Красноярск, Россия), e-mail: avm_2006_64@mail.ru

Михайлова Татьяна Витальевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры общественных связей Сибирского государственного университета науки и технологий имени академика М.Ф. Решетнева (Красноярск, Россия), e-mail: ta.rada@mail.ru

Джунушалиева Г.Д.

Кыргызско-Российский Славянский университет, Бишкек
(Кыргызстан)

Межкультурное взаимодействие стран тюркского мира в медиасреде

Статья подготовлена в рамках госзадания Алтайского государственного университета Тюрко-монгольский мир «Большого Алтая»: единство и многообразие в истории и современности (проект номер – 748715Ф.99.1.ББ97АА00002)

В статье раскрывается межкультурное взаимодействие стран тюркского мира в медиа среде как одно из проявлений их консолидации в условиях геополитического противостояния и глобального политического выбора. Медиапространство становится важным каналом продвижения идей объединения тюркских стран, информирования общественности о развитии гуманитарных связей и политико-экономических перспективах [1]. Роль Турции в данных интеграционных процессах значительна, но требует более длительных усилий от государства, чтобы стать реальным лидером тюркского мира.

Ключевые слова: медиа, СМИ, межкультурное взаимодействия, тюркский мир.

Dzhunushalieva G.D.

Kyrgyz-Russian Slavic University, Bishkek (Kyrgyzstan)
Intercultural interaction of the countries of the Turkic world in the media environment

The article reveals the intercultural interaction of the countries of the Turkic world in the media environment as one of the manifestations of their consolidation in the conditions of geopolitical confrontation and global political choice. The media space is becoming an important channel for promoting the ideas of unification of the Turkic countries, informing the public about the development of humanitarian ties and political and economic prospects [1].

Keywords: media, mass media, intercultural interaction, the Turkic world.

Средства массовой коммуникации на современном этапе стали той платформой, на которой разворачивается политическая коммуникация между странами и межкультурное взаимодействие в масштабах планеты в целом и тюркском в частности. На наших глазах разворачивается конкурентная борьба имиджей глобальных и региональных политических акторов, которые через медиасообщения апеллируют сочувствующим социальным группам и своей целевой аудитории, представленным социальными институтами, отдельными коммерческими организациями и конкретными индивидами.

Специфику текущего момента взаимодействию в медиа придает пересечение двух разнонаправленных процессов: глобализации, которая из-за международной политической нестабильности пребывает в состоянии неопределенности, и глокализации, с трудом реализующей себя в условиях сложившегося единого информационного пространства и распространения информационно-коммуникационных средств. Глобальный маятник стремлений глобальных политических акторов от большей открытости межкультурным взаимодействиям к попыткам изолироваться от глобального политического выбора (за или против атлантистского доминирования) дает возможность реализовать региональные геополитические проекты. Одним из таких проектов является консолидация тюркского мира.

Агентами межкультурного взаимодействия выступают как отдельные личности, так и государственные структуры, реализующие общие стратегические векторы

внешнеполитической деятельности национального государства. Нацеленность на получение конкретных результатов определяется комплексом стратегий и тактик, применяемых в межкультурном диалоге и должна отражаться в медийном пространстве, поскольку обеспечивает массовую аудиторию, возможность задавать параметры информационной повестки дня и укрепление имиджевого позиционирования субъекта международных отношений. В этом аспекте близость ценностных представлений культур играет большую, если не ключевую, роль. В контексте получения широкой общественной поддержки своих культурных инициатив наиболее эффективным инструментом является народная дипломатия, охватывающая сферы спорта, туризма, образования, здравоохранения и других неполитических международных взаимодействий профессионального уровня. Целью межкультурной коммуникации и взаимодействия является достижение взаимопонимания и сотрудничества в гуманитарной сфере. Культурные потребности народов выстраиваются в определенном порядке, в котором приоритет отдается прежде всего тем из них, что идентифицируются как родственные и близкие к общим ценностным установкам. В настоящее время как никогда прежде социализация личности проходит в медийном формате с возможностью приобщения к разнообразному социальному опыту и культуре [2].

Одним из следствий межкультурного взаимодействия становится изменение устоявшихся и однозначно воспринимаемых социокультурных моделей практик, стимулируется поиск новых ориентиров в различных областях жизнедеятельности общества и государства. Корни социокультурных особенностей социума уходя в культурную и религиозную идентичность. Перед лицом глобальных геополитических потрясений последних лет тюркский мир пытается осознать свои границы, обуславливаемые языковым, религиозными культурным родством. Достаточно четкое отклонение от политической повестки дня и уход в сферу культурного взаимодействия стран тюркского мира является ярким доказательством данному вектору. Политическая

составляющая все же проскальзывает в информационных сообщениях, но внимание на них не акцентируется. СМИ принадлежит решающая роль в наполнении и распространении медиаконтента, который помогает продвижению генерации идей и смысловых конструкций не только по отражению, но и по формированию реальности с перспективой влияния на поведение людей.

В данном контексте в тюркском мире очень активно действует Организация тюркских государств (ОТГ) [3, 4, 5]. Интегративные процессы последних лет отражают их возросшую динамичность. В медиапространстве обсуждается вопрос потенциала будущей интеграции тюркского мира: «...бесспорным остается тот факт, что страны Центральной Азии значительно усилили тюркский вектор в последние годы» [6].

Однако говорить о успешной интеграции тюркского мира говорить преждевременно. У Турции как одного из очевидных лидеров ОТГ на сегодняшний день пока нет финансовых и политических возможностей «подтвердить» свое лидерство. Более того Турция в своем взаимодействии с тюркским миром выступает проводником «интересов Запада в тюркском и мусульманском мире» [7].

Таким образом, в современном мире межкультурное взаимодействие в тюркском мире стало важным условием для поиска его самоидентичности, новых форматов взаимодействия с международными структурами (например, ООН) [8], оценки экономико-политических возможностей тюркского мира в региональной транспортно-логистической инфраструктуре, что будет способствовать дальнейшему укреплению позиций Турции.

Список литературы:

1. Кусов О. Тюркское сотрудничество: Москва отдаляется, Пекин ворчит, Анкара лидирует. 10 ноября 2022 г. [Электронный ресурс] URL:<https://news.ru/cis/tyurkskoe-sotrudnichestvo-moskva-otdalyaetsya-pekina-vorchit-ankara-lidiruet/>

2. Благов Ю.В. Межкультурное взаимодействие в СМИ // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. 2022. Т.1.№1. С. 20-27.
3. Сайфуллаев Д. Общие ценности и разнообразие культур тюркского мира - в основе долгосрочного и эффективного партнерства / Правда Востока. 9 ноября 2022 г. [Электронный ресурс] URL: <https://yuz.uz/ru/news/obie-tsennosti-i-raznoobrazie-kultur-tyurkskogo-mira---v-osnove-dolgosrochnogo-i-effektivnogo-partnerstva>
4. В культурной столице тюркского мира-2022 городе Бурсе состоялось рабочее заседание. 18 ноября 2022 г. [Электронный ресурс] URL: <https://www.turksoy.org/ru-RU/novosti/2021-11-18-619765b00983d>
5. АйданаБактыбек к. Важность Организации тюркских государств с точки зрения Узбекистана. 22 ноября 2022 г. [Электронный ресурс] URL: <https://www.ankasam.org/%D0%B2%D0%B0%D0%B6%D0%BD%D0%BE%D1%81%D1%82%D1%8C-%D0%BE%D1%80%D0%B3%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D0%B7%D0%B0%D1%86%D0%B8%D0%B8-%D1%82%D1%8E%D1%80%D0%BA%D1%81%D0%BA%D0%B8%D1%85-%D0%B3%D0%BE%D1%81%D1%83%D0%B4/?lang=ru>
6. Султанмуратов Н. Возрождается ли Тюркский Мир? 23 ноября 2022. [Электронный ресурс] URL: <https://www.caa-network.org/archives/24508>
7. Македонцев П. Тюркский мир: новый центр силы или придаток Запада? 19 октября 2022 г. [Электронный ресурс] URL: <https://eadaily.com/ru/news/2022/10/19/tyurkskiy-mir-novyy-centr-silyi-pridatok-zapada>
8. Ахунов А. Звенящие стрелы Эрдогана: объединится ли тюркский мир вокруг Турции? 21 ноября 2021 г. [Электронный ресурс] URL: <https://www.business-gazeta.ru/article/530078>

Сведения об авторе: Джунушалиева Гульмира Дженишевна, доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой рекламы и связей с общественностью Кыргызско-Российского Славянского университета (Бишкек, Кыргызстан), e-mail: dzun_gulmera@mail.ru

Ковалева А.В.

Алтайский государственный университет, Барнаул (Россия)
**Информационная повестка тюркского мира в
медиапространстве стран Центрально-азиатского региона**

Статья подготовлена в рамках госзадания Алтайского государственного университета Тюрко-монгольский мир «Большого Алтая»: единство и многообразие в истории и современности (проект номер – 748715Ф.99.1.ББ97АА00002)

Статья посвящена анализу динамики информационной повестки медиапространства стран Большого Алтая тематического сегмента «тюркский мир». Цель исследования - выявление основных информационных поводов для СМИ, характеризующих отражение проблематики тюркологии и тюркского мира в медиапространстве стран Центральной Азии. Методы исследования: мониторинг и контент-анализ СМИ. Результаты анализа характеризуют основные медиатренды в освещении ключевых событий тюркского мира, выявляют наиболее влиятельные СМИ, формирующие общественное мнение.

Ключевые слова: средства массовой информации, медиапространство, тюркский мир, информационная повестка, коммуникации, Большой Алтай

A.V. Kovaleva

Altai State University

**Information agenda of the Turkic world in the media space of
the countries of the Central Asian region**

The article is devoted to the analysis of the dynamics of the information agenda of the media space of the Greater Altai countries of the thematic segment "Turkic world". The purpose of the study is to identify the main informational occasions for the media, characterizing the reflection of the problems of Turkic studies and the Turkic world in the media space of the Central Asian countries. Research methods: media monitoring and content analysis. The results of the analysis characterize the main media trends in the coverage of key events in the Turkic world, identify the most influential media that shape public opinion.

Key words: mass media, media space, Turkic world, information agenda, communications, Big Altai

Учеными Алтайского государственного университета, инициирован и реализуется фундаментальный исследовательский проект «Тюркский мир Большого Алтая: единство и многообразие в истории и современности», направленный на изучение исторической ретроспективе богатейшего историко-культурного наследия тюркских народов и современного состояния этносов и социумов. Вместе с тем, анализируются проблемы межнациональных отношений, миграционных процессов, культурного обмена, образования, социальной безопасности в контексте развития международного сотрудничества, изучения обычаев и традиций тюркских народов, которые находят отражение в медийном пространстве.

Формирование повестки дня – одна из функций СМИ, которые, посредством повторения новостных тем, повышают значимость той или иной темы в сознании общества[1].

Информационная повестка медийного пространства как объект исследования представляет особый интерес в границах социогуманитарного знания, «поскольку информационная повестка, оказывая разноуровневое влияние на общественную повестку дня, выступает главным фактором формирования общественного мнения, под которым сегодня понимается выраженное отношение той или иной социальной группы к значимым и / или популярным вопросам» [2, 6-7].

В последние годы сформировался устойчивый запрос на анализ освещения в СМИ тематики тюркологии и тюркского мира, важность изучения которой подчеркивает Аватков В.А.: «На протяжении долгих лет многонациональный тюркский мир, являлся одним из наиболее важных компонентов, лежащих в основе системы международных отношений. В настоящее время политическая активность тюркских государств прямо или косвенно влияет на глобальные процессы мировой политики»[3, 12].

Сбор эмпирических данных для характеристики процессов, происходящих в медийном пространстве сегмента «тюркология», «тюркский мир» осуществлялся посредством мониторинговой системы «Медиалогия» (автоматической системы мониторинга и анализа СМИ) [4]. Ключевые слова для

запроса: «тюркология», «тюркский мир» период охвата: 01.01.2022 – 30.06.2022.

Оценка тематического информационного поля определялась через такие параметры, как: количество публикаций, доля оригинальных\перепечаток; информационные поводы; объекты; активность СМИ по количеству; СМИ, по категориям, отраслям; СМИ по регионам, странам; СМИ по жанрам, рубрикам, авторам. Представим оценки вышеуказанных параметров.

Общее количество публикаций. В период с 01.01.2022 по 30.06.2022 по исследуемому тематическому направлению сумма сообщений составила 5710, из них:

- оригинальных – 2781;
- перепечаток (перепечатки – похожие сообщения, совпадающие с оригинальной статьёй на 75% и более, свидетельствуют об интересе других СМИ к теме) – 2938.

Количество перепечаток составляет 51,3% от общего количества сообщений по данной тематике, что свидетельствует о достаточно высоком уровне интереса со стороны СМИ.

СМИ по категориям, отраслям, рубрикам, жанрам. Анализ СМИ по категориям, отраслям, рубрикам, жанрам, странам позволяет выявить наиболее активные СМИ по количеству публикаций тематики «тюркология», «тюркский мир».

1. Наибольшее количество сообщений по тематике «тюркология», «тюркский мир» размещают такие категории СМИ, как:
 - Интернет-СМИ (4792 сообщения),
 - информагентства (732 сообщения),
 - газеты (153 сообщений),
 - ТВ (11 сообщений),
 - радио (3 сообщения).
2. Наибольшее количество сообщений по тематике «тюркология», «тюркский мир» размещают СМИ отрасли (расположены в порядке убывания):
 - «Бизнес и общество» (3209 сообщений),

- «Новостные агрегаторы» (1063),
 - «Другое» (423),
 - «Учреждения» (243),
 - «Политика» (141) и
 - «Власть» (140),
 - «Пресс-релизы» (85),
 - «Финансы» (68),
 - «Культура» (66),
 - «Религия» (65).
3. Наибольшее количество сообщений по тематике «тюркология», «тюркский мир» представлено в жанре
- «Аналитика» (3266),
 - «Новости»(1765),
 - «Прочее»(550),
 - «Интервью» (60),
 - «Законодательство» (9),
 - «Ток-шоу» (2).
4. Наибольшее количество сообщений по тематике «тюркология», «тюркский мир» размещаются в рубриках:
- «Власть» (3344),
 - «Международные отношения»(1960),
 - «Наука и образование» (997),
 - «Прочее»(957),
 - «За рубежом»(603),
 - «Культура, искусство» (376),
 - «Общество и социальная сфера» (151).
5. **СМИ по авторам.** Наиболее активные авторы, пишущие по тематике: Admin Новости регионов России (newsregions.ru); Красная Иа (ИА Красная весна (rossarprimavera.ru) -; Савельев Александр.
6. **СМИ по странам.**

Из стран СНГ наибольшее количество сообщений публикуют (в порядке убывания):

- Россия (2711),
- Азербайджан (1202),

- Казахстан (794),
- Армения (239),
- Кыргызстан (226),
- Украина (189),
- Узбекистан (173).
- Беларусь (35),
- Туркменистан (34),
- Молдова(16),
- Нагорно-Карабахская Республика (6),
- Абхазия (5).

Наибольшее количество сообщений по тематике тюркологии публикуются в таких странах мира, как:

- Турция (111),
- США(12),
- Болгария (12),
- Грузия (11).

Таким образом, наиболее активными акторами медийного пространства тематического сегмента «тюркология», «тюркский мир» являются Интернет-СМИ отрасли «Бизнес и общество». Доминируют сообщения жанра «Аналитика», размещаемые в рубрике «Власть». Из стран СНГ наиболее активными являются СМИ России, из стран мира – Турция.

Информационные поводы. Характеризуя информационную повестку медиапространства центрально-азиатского региона в контексте тематики тюркского мира, отметим, что она задается инфоповодами, т.е. событиями или явлениями, ставшими поводом для публикации. В практике медиаанализа показатели, основанные на данном параметре, являются наиболее употребимыми, поскольку позволяют оценивать медиаэффект конкретных событий. Сортировка по колонке «Заметность» помогает проанализировать, какая статья или группа статей были наиболее заметны в СМИ. Заметность включает показатели влиятельности СМИ и заметности сообщений (размер, место выхода).

Приведем рейтинг (топ-10) инфоповодов по исследуемой тематике за январь-июнь 2022г.

Самым заметным инфоповодом за январь 2022 г. стала новость "Дезорганизация турецких государств: Анкара нацелилась на Казахстан". По данному инфоповоду опубликовано 69 сообщений с суммарным охватом аудитории в 10, 2 млн. человек. В целом, наиболее заметные инфоповоды данного периода связаны с реакцией на события, произошедшие в январе в Казахстане: «Казахстан: жесткая сила России и мягкая – Турции», «Разобраться в происходящем сложно»: мировые СМИ о событиях в Казахстане», «Турция взревновала к России и хочет сколотить свою общую армию "тюркских" стран», «Особое мнение», «Дорогие амбиции. Почему Эрдоган не смог возродить Османскую империю», «Кремль сделал за врагов Назарбаева грязную работу», «Зачем султану Эрдогану война на Украине», «Главы МИД Организации тюркских государств выразили поддержку Казахстану», «Эрдогана призывают создать тюркский военный блок».

Самым заметным инфоповодом февраля стало событие «Президент Токаев принял акима Туркестанской области Шукеева» с количеством сообщений – 39, охватом аудитории 9.56 млн. человек. Туркестан позиционируется как культурный и духовный центр тюркского мира, первый этап работ по формированию которой завершен и заложена основная социальная инфраструктура.

Далее в рейтинге инфоповодов февраля следуют: «"АЗЪ И Я" ОЛЖАСА СУЛЕЙМЕНОВА ПРОТИВ "ВЕЛИКОГО ТУРАНА" ЭРДОГАНА», «Турецкие СМИ вновь включили российские республики в "тюркский мир"», «Развалить Россию через диаспоры. В Сочи пытались столкнуть армян и азербайджанцев», «Секретно для Госдепа. 20 игроков, развязывающих войну на Украине», «"Усидеть на двух стульях": тюрколог Аватков объяснил реакцию Анкары на признание ЛДНР», «Научно-практическая конференция в честь памяти М. Барманкулова прошла в Алматы», «Кому пытается отомстить Турция, подогревая войну на Украине?» «Турецкий мир как часть Русского: Наш ответ на турецкую экспансию», «Амбиции Эрдогана растут: Великий Туран предлагает тюркскому миру независимость от России».

На первых позициях информационной повестки февраля по-прежнему *события политического характера*. Вместе с тем, достаточно заметным стало событие, связанное с проведением научно-практической конференции в честь памяти М. Барманкулова в Алматы, что указывает на *обсуждение в медиапространстве научной тематики*.

В марте 2022 самым заметным инфоповодом для сообщений политического характера, стало событие «Назарбаев и Эрдоган отметили важность дипломатического урегулирования ситуации на Украине», с количеством сообщений- 34 и охватом аудитории 9,9 млн. человек. Далее в рейтинге следуют такие инфоповоды, как: «Президент Токаев принял главу Тюркской академии Дархана Кыдырали», «Алтай 5000 лет назад. Что рассказал ученым самый древний курган Сибири?», «Известный ученый заявил об угрозах его жизни за позицию по Украине», «Эрдоган готовится к большому переделу: На какие территории претендует Турция», «Экобазар открылся в Туркестане», «Книгу о Жаксылыке Ушкempiрове представили в Турции», «Чапан надели на вице-президента Турции в Туркестане», «Узбекистан и Турцию свяжет транспортный коридор», «История украинского пограничья».

Следует отметить, что в марте в медиапространстве активно освещаются *события сферы науки, образования, экономики*.

В апреле 2022 г. наиболее заметными стали сообщения, освещающие события, связанные с сотрудничеством Турции и Казахстана в сфере образования и международного сотрудничества: «Сенаторы ратифицировали Соглашение о деятельности Тюркской Академии в Казахстане». Далее рейтинг представлен такими инфоповодами, как: «Умер президент Института стран Азии и Африки МГУ Михаил Мейер», «Рустам Минниханов поздравил журнал "Казан утлары" со 100-летием», «Жапаров: Кыргызстан готов провести пятые Всемирные игры кочевников», «Кровавый хаос не устраивал никого" 450 лет назад произошла битва, изменившая историю России. Почему о ней забыли?», «Визит Эрдогана в Узбекистан: подписано десять документов о сотрудничестве», «Татарстан представил книги

классиков татарской литературы на выставке в Горно-Алтайске», «Президенты Азербайджана и Кыргызстана выступили с заявлениями для прессы», «В Пензе открыта мемориальная доска Эдгему Тенишеву», «Голос Азербайджана: "У Пашинана выход один"».

Таким образом, события *культуры, образования, истории* определяли информационную повестку апреля. Особо отметим, что широко освещалась традиция проведения Всемирных игр кочевников, которые являются значимым событием для культуры тюркского мира.

Самым заметным событием мая стал выход публикации политического характера «Эксперт считает, что в Турции растет недовольство Североатлантическим альянсом» с количеством публикаций по данному инфоповоду – 6, охватом аудитории – 5.4 млн. человек. Далее в рейтинге инфоповодов следуют такие, как: «Провести в Туркестане саммит Тюркского совета предложили в 2023 году», «Город Шамахи избран туристической столицей тюркского мира», «Сотрудничество тюркских государств в области СМИ обсудят в Стамбуле», «Казахстан будет тратить по \$1 млн в год на Тюркскую академию: Токаев подписал закон», «Получится ли у Эрдогана Великий Туран? Согласна ли с этим Россия?», «Саммит ОДКБ - что это было?», «В Аскизе открыли памятник Николаю Катанову», «Евразийская интеграция. Часть 4: Казахстан», «Россия в Закавказье: накануне решительных перемен».

Итак, информационная повестка мая представлена, в первую очередь, *политическими вопросами, вопросами организационного взаимодействия и вопросами образования.*

В июне 2022 г. самым заметным (заметность 6,3 п.) стало событие «Ерлан Кошанов подвел итоги председательства Казахстана в ТюркПА», которое отражено в 15 публикациях с охватом в 2.5 млн. человек. Далее следуют события: «Истории тюркского мира в школах Казахстана будут преподавать факультативно», «Казахстанские ученые будут изучать в архивах Ватикана материалы о Золотой Орде», «Интерес довольно высокий - иностранный наблюдатель о референдуме», «Редкие фото снежного барса сделали в нацпарке "Алтын-

Эмель"», «Факультативы в школах по единым учебникам Тюркской истории появятся в Казахстане», «Спикер Сената встретился с Генеральным секретарем ТЮРКСОЙ», «Нарушений не выявили - Международная тюркская академия о референдуме», «А есть ли импортозамещение?», «Мы не хотим ваших церквей: В Татарстане нанесли удар по русским». Таким образом, в информационной повестке мая освещаются организационный вопрос взаимодействия стран тюркского мира, вопросы образования, истории, природы, религии.

В целом, информационная повестка медиапространства сегмента «тюркский мир» определяется сообщениями, освещающими развитие сотрудничества стран тюркского мира и различными аспектами их взаимодействия. В исследуемый период аналитические и информационные сообщения, связанные с освещением политических аспектов взаимодействия стран тюркского мира достаточно широко представлены, имеют большой охват аудитории. Активно освещается ситуация вокруг событий, произошедших в январе 2022 года в Казахстане и готовностью Турции предоставить помощь в урегулировании ситуации.

Освещаются события, происходящие в культурной, научной и образовательной сфере, а также события, связанные с интеграцией тюркских народов, весте с тем, уровень заметности таких сообщений оценивается как довольно низкий.

Наибольшее количество сообщений по данной тематике осуществляют интернет-издания, размещаются они, как правило, в рубрике «Власть», в жанре «Аналитика» отрасли СМИ «Бизнес и общество».

География выхода сообщений представлена следующим образом: в странах СНГ наибольшее количество публикаций имеют Россия, Азербайджан, Казахстан; в странах мира абсолютным лидером по количеству публикаций исследуемой тематики является Турция.

Таким образом, полученные аналитические данные характеризуют информационную повестку медийного пространства сегмента «тюркология», «тюркский мир»,

указывают на основные медиатренды в освещении происходящих событий.

Список литературы:

1. Severin W. J., Tankard J. W. (2001) Communication theories: origins, methods, and uses in themass media. New York: Addison Wesley Longman
2. Albig W. (2007) Public Opinion, Sturgis Press
3. Аватков В.А. Тюркский мир и тюркские организации // Мировая политика, 2018. № 2. С. 12
4. www.mlg.ru

Сведения об авторе: Ковалева Алла Владимировна, доктор социологических наук, профессор, Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия), e-mail: alla_k65@mail.ru

Краснобаева Н.Л.

Восточно-Казахстанский университет имени
СарсенаАманжолова, Усть-Каменогорск, (Казахстан)

СМИ как один из факторов формирования репродуктивных установок городского населения Казахстана

Статья подготовлена в рамках реализации научного проекта «Региональные особенности репродуктивного поведения городских казашек: тенденции и перспективы», финансируемого Комитетом науки Министерства образования и науки Республики Казахстан (грант АР09260600).

В статье рассматриваются тенденции, наблюдаемые в последние годы в современном общественном дискурсе по направлениям оценки репродуктивного поведения в рамках рассмотрения темы рождаемость, многодетность. В результате контент-анализа интернет-СМИ Казахстана представлены различные точки зрения, объясняющие корни современного репродуктивного поведения. Наибольшее число публикаций вопросы рождаемости, многодетности рассматривает через призму социально-экономических проблем.

Ключевые слова: Казахстан, рождаемость, репродуктивное поведение, многодетная семья, материнство, общественное мнение, население, занятость.

N.L. Krasnobayeva

Amanzholov East Kazakhstan university, Ust-Kamenogorsk,
(Kazakhstan)

MASS MEDIA AS ONE OF THE FACTORS OF FORMATION OF REPRODUCTIVE ATTITUDES OF THE URBAN POPULATION OF KAZAKHSTAN

The article examines the trends observed in recent years in modern public discourse in the areas of evaluation of reproductive behavior in the framework of consideration of the topic fertility, large families. As a result of the content analysis of the Internet media of Kazakhstan, various points of view are presented that explain the roots of modern reproductive behavior. The largest number of publications considers the issues of fertility, large families through the prism of socio-economic problems.

Key words: Kazakhstan, fertility, reproductive behavior, large family, motherhood, public opinion, population, employment.

В современных условиях развития общества практически любая общественно значимая тема порождает соответствующие информационные потоки в медиaprостранстве, основным объектом воздействия которых является общественное мнение. В казахстанских СМИ происходит формирование нового общественного дискурса, который отражает противоречивые оценки происходящих демографических событий, их проблемный характер.

Значительное внимание занимают вопросы репродуктивного поведения в рамках рассмотрения темы рождаемость и приобретают все большую актуальность.

Именно в репродуктивных установках населения Казахстана в настоящее время происходят серьезные изменения. При этом основным компонентом демографических преобразований являются представители казахского этноса. Увеличивается не только абсолютное число рождений и общий коэффициент рождаемости, во многом связанные с эволюциями

возрастной структуры, но и коэффициенты суммарной рождаемости. В результате наблюдается существенный рост естественного прироста населения, оказывающий все большее влияние на социально-экономические процессы.

Предметом исследования стало влияние интернет-СМИ на оценку рождаемости и отношение к многодетности, семейным ценностям. В частности, рассматривались социально-экономические факторы, современные и традиционные установки в репродуктивном поведении.

Проанализировано более 382 информационных сообщений на русском и казахском языках, содержащие слова, относящиеся к категории «рождаемость, семья, дети, многодетность, смертность, пособия и пр.», на 24 информационных интернет-сайтах с 01.01.2021 по 01.11.2022.

Популярные интернет-ресурсы были выявлены в рамках проведения мониторинга наиболее активных, локально ориентированных сайтов при использовании систем: <https://mediametrics.kz/rating/>, <https://zero.kz/zerotrends/>. За основу были взяты оригинальные материалы и тексты, релевантные теме исследования.

В целом, можно отметить, что обсуждение репродуктивного поведения казахстанских женщин актуализировалось с 2019 года, здесь основным тезисом стал - «В Казахстане бум рождаемости» и детерминирующей линией в большинстве публикаций выступала необходимость роста рождаемости, через призму геополитического фактора, в частности большая территория, население малочисленно.

Рассматривая данные показатели, в 2021-2022 годах тематика обсуждения смещается в сторону отношения к многодетным семьям, социальные льготы, связь многодетности и доходы семьи. Проблемы многодетных семей, продолжают, представляется через призму социально-экономического фактора - 44,6% публикаций.

Значительной число материалов посвящено всевозможным видам социальной поддержки многодетным семьям, а также семьям с низким уровнем дохода, а именно: пособия АСП (адресная социальная помощь), предоставление

квартир, бесплатных медикаментов и др. В части публикаций ставится вопрос, каким образом экономическое благополучие, занятость влияют на рождаемость, многие сосредоточиваются на вопросах социальной политики и ее влиянии на репродуктивное поведение. Необходимость дополнительных социальных преференций для многодетных объясняется ухудшением социального самочувствия казахстанцев.

Публикации дополняются информацией о выделяемых государственных пособиях, их недостаточном количестве, подтверждаются мнениями экспертов и результатами проводимых исследований о сложном положении многодетных семей.

«Почему помощь многодетным семьям важна для будущего всего Казахстана? Все меры должны быть направлены на повышение детского благополучия. Для этого модернизация адресной социальной помощи должна происходить в новом формате - через развитие модели интегрированных социальных услуг по принципу «пособия + услуги».[1]

«Должно ли государство повышать пособия для многодетных семей? Многодетные матери Мангыстау обратились с жалобой в областной акимат. Женщины высказали свое недовольство тем, как быстро растут цены на продукты, за которыми не поспевают низкие пособия по уходу за ребенком... Детей много — денег мало».[2]

«Какие проблемы волнуют многодетных матерей одного из самых отдаленных районов Алматы? Многодетные матери Наурызбайского района Алматы встретились с депутатами мажилиса от Народной партии Казахстана. Женщины озвучили проблемные вопросы по жилью, здравоохранению, образованию и назначению выплат государственных соцпособий».[3]

«Көпбалалы отбасыларға қандай әлеуметтік қолдау көрсетіледі және шарттары қандай? Қазақстанда кемелет жасына тоlm аган төрт және одан да көп баланы асырап отырған 440 мыңға жуық отбасы бар. Көпбалалы отбасылардың қолдаудың кешенді моделі құрылған.»

Оныңішінде мемлекеттікжәрдемақылар, әлеуметтіктөлемдер, жұмыспенқамтушаралары, салық салу жеңілдіктері бар».[4]

В публикуемых исследованиях стали говорить о бедности в стране, которую до эпидемии коронавируса (приведшей к росту безработицы и к падению уровня доходов у многих казахстанцев) не считали серьезной проблемой.

«В Казахстане формируется новое «потерянное поколение». Не просто бедность, а рост детской бедности является одной из самых серьезных угроз для национальной безопасности и для будущего страны». [5]

«Услышь нас, государство! Поддержим наших мам! Согласно статистике, 80 % многодетных семей Казахстана живут за чертой бедности. Уровень инфляции за этот год достиг 15 %. Пособий не хватает. Продукты дорожают. Важно помнить, что дети – это будущее нашей страны. Обеспечение детей — основная задача взрослых. Взрослые несут ответственность за их будущее...Казахстану пора вводить материнский капитал на государственном уровне». [6]

«Число получателей госпособий и АСП выросло в два раза, но это слабо помогает. В стране было 454,4 тыс. многодетных семей, в них более 2 млн детей. Доля бедного населения, проживающего в семьях из пяти и более человек — 89,6%. Для сравнения, в семьях из трех человек эта доля всего 3,6%. По исследованиям ЮНИСЕФ, 90% бедных семей в стране – многодетные».[7]

Представляют интерес отчет Международной организации «Human Rights Watch», где отмечается, что развитая система соцзащиты - прямая обязанность государства, и она не выполняется.

«Уязвимые слои населения в Казахстане не в состоянии добиться обеспечения своих базовых социальных и экономических прав. Казахстан, как «относительно богатая страна», может позволить себе гарантировать универсальный доступ к социальной защите всем нуждающимся гражданам. На деле люди сталкиваются со стигматизацией и бюрократическими препонами, из-за которых за бортом

оказываются те, кто находится в крайне бедственном положении».[8]

Согласно выводам организации, в Казахстане установлены «жесткие критерии приемлемости», которые не позволяют гражданам получать необходимое содействие. Кроме того, отказ в предоставлении такой помощи автоматически выводит их из разряда малообеспеченных, тем самым лишая права на другие льготы.

Репродуктивный блок материалов(15,8%) затрагивает вопросы увеличения рождаемости, репродуктивного здоровья будущих матерей. Авторы задаются вопросом, не приведет ли такой демографический рост в обозримом будущем к обострению социально-экономических проблем в стране – повышению уровня безработицы, увеличению нагрузки на социальную инфраструктуру (особенно в городах), трудностям с социальными выплатами при дефиците бюджетных средств и т.д.

«Демография дағдымпу.

Қазақстанда туу көрсеткіші бойынша тағы да рекорд жаңарды. 2021 жылы туу коэффициенті (23,5) рекордтық көрсеткішке жетіп, 10 мың қазақстандыққа 235 сәбиден келген. Жырма жыл бұрын 10 мың тұрғынға 149 бала данайналатын».[9]

«Сколько казахстанцев родилось в 2022 году. Численность населения в Казахстане увеличилась на 236,9 тыс. человек, или 1,2%, по сравнению с 1 мая прошлого года, и составила 19 199 800 человек».[10]

Отдельные публикации (31,6%), с привлечением экспертов (политологов, социологов, психологов), сосредоточены на исследовании характера отношения к многодетным семьям и их экономическим проблемам. Отмечается проблемный характер подачи материалов («Судьба многодетных семей в РК: перебиваясь с копейки на копейку»; «Многодетным матерям выплачивается минимальное пособие»; «Жизнь в съемных домах и мизерные выплаты вызывают у них отчаянное желание сдать родных детей в

детские дома»; «Дети, живут в подвалах, на чердаках и в вагончиках»).

Можно отметить, что в СМИ пространстве мнения разделились, одни осуждают родителей, которые рожают много детей, несмотря на отсутствие работы и бедность. С другой стороны, обвинения относились к государству, в котором не созданы условия для многодетных семей и нет социальных преференций. При этом сторонники традиционных ценностей считают, что многодетность – это казахская традиция, культурный код казахов.

С конца 2021 - 2022 годы эмоциональная направленность материалов меняется, вводится новый общественный дискурс, «многодетные в образе врага», формируется понятие «социальное иждивенчество».

В своём Послании народу глава государства Касым-Жомарт Токаев подчеркнул: «Казахстан – социальное государство. Всесторонняя помощь гражданам, оказавшимся в трудной ситуации, – один из наших приоритетов. Но, к сожалению, в обществе укрепляются патерналистские настроения и социальное иждивенчество».[11]

В СМИ появляются материалы о том, кто виноват в том, что некоторые родители используют своих детей как способ улучшения материального положения. Вокруг помощи государства многодетным семьям не стихают споры. Во многом они подогреваются регулярными протестами женщин, выходящих на митинги.

«Көп балалы аналар наразылығы. Себебітереңдеме? Қазақстандағы көпбалалы азаматтар шенеуніктерге тағы да наразылық білдіріп келді».[12]

«Десятки казахстанских женщин пришли 22 февраля 2022 к зданию Министерства труда и социальной защиты в Нур-Султане. Они потребовали от главы ведомства обеспечить их социальным жильем и назначить пособие на каждого ребенка до 18 лет и настаивают, что недостаточная государственная поддержка приводит к трагедиям.

Многодетные женщины считают, что выдвигаемые ими требования к властям обоснованы».[13]

«Около 60 многодетных матерей пришли 22 февраля к головному офису правящей партии «НурОтан». Женщины потребовали, чтобы государство платило каждому ребенку из многодетной семьи по 42 500 тенге, решило их жилищные проблемы». [14]

«Акцию протеста устроили многодетные матери в Шымкенте. Женщины ночевали на пороге акимата, требуя выдать им временное жилье. Съемные квартиры многим не по карману. А ждать очереди на квадратные метры они не хотят». [15]

При этом, кроме денежных выплат многодетные нуждаются в создании всесторонней поддерживающей программы. Такая программа должна включать в себя предоставление детских садов и хороших школ, а также развивающих кружков и спортивных секций. В СМИ много сообщений об отсутствие мест в школах и садиках, сложности оформления в секции и т.д.

«По 45 человек в классе. В школах Алматы складывается катастрофическая ситуация. В классах алматинских школ сидят по 40 человек. Если раньше были «А», «Б», «В», «Г» и максимум «Д», то сейчас появились такие редкие буквы, как «Ю» или «Й». Безусловно, такая тенденция не может не сказываться на качестве образования». [16]

«В Атырау не хватает школ и учителей. Последние 3 года количество детей в первых классах ежегодно увеличивается на 2 тысячи человек. В этом году, например, было подано 11 116 заявлений. Оформили заявки 8546 человек. А планировали мы принять 7 тысяч человек».[17]

Рассматривая традиционные установки в репродуктивном поведении (4%), используются материалы о национальных традициях и обычаях. Подробно рассматриваются традиции проведения казахских свадеб. В материалах отмечается, что у нас есть регионы республики, где женщина остается под властью семейной системы или родительской и потом переходит в родовую систему мужа.

«Современная казахская свадьба: традиции»; «Традиции и обычаи казахского народа от рождения до смерти»; «Чего мы не знаем об институте семьи в Казахстане?»; «Специалисты назвали причины феномена многодетности в Казахстане. Супруги чаще всего строят свою семью по подобию модели семьи их родителей и предыдущих поколений». [18]

Характеризуя современные установки в репродуктивном поведении, были проанализированы материалы содержащие информацию по темам «женщина и карьера», «женщина в бизнесе», «развитие собственного бизнеса многодетными матерями». Доля данного блока составила 4%. Отмечается слабая вовлеченность женщин, многодетных в различные государственные программы стимулирования предпринимательства или трудоустройства. Уровень участия в них не превышает 2%.

«Аққұлыдажас маркетинг «Бизнес бастау» жобасы бойынша жазғандардың пікірлері»; «Алты жылдан астам уақыттан астам араз болып қызмет атқарып жүрген Айжан апай қазіргі таңда «Қайнар» сауда орталығындағы астам араз салондарда жұмыс істейді»; «Гос программы для многодетных семей: плюсы и минусы. В Казахстане сегодня реализуется сразу несколько государственных программ, направленных на решение жилищных проблем, а также поддержку трудовой занятости и предпринимательства для социально-уязвимых слоев населения, в том числе многодетных семей. Однако, несмотря на их разнообразие и привлекательные условия, многие нуждающиеся граждане не спешат ими воспользоваться». [19]

Контент-анализ интернет-СМИ позволяет констатировать следующее. Наибольшее число сообщений относится к социально-экономическому блоку – 44,6%. Данное направление включало вопросы, связанные с адресной социальной помощью, пособиями, всевозможными видами социальной поддержки многодетным семьям, а также семьям с низким уровнем дохода (предоставление квартир, бесплатных медикаментов, социальных пакетов) и пр. В тоже время, отсутствуют сюжеты

решения проблем непосредственно участниками (многодетная семья), например, приобретение жилья самостоятельно.

Репродуктивный блок затрагивал вопросы рождаемости, здоровья матерей, комфортной среды. В структуре всех направлений данный блок занимает третье место – 15,8%. Авторы обращали внимание на сообщения по реализации проектов поддержки семьи и детства, а также публикацию материалов о недостатке школ и дополнительному их строительству.

За период 2021-2022 годы, большой объем материалов (31,6%) был опубликован в СМИ, где обсуждались отношения к многодетным семьям, социальные льготы. Публикации сосредоточены на исследовании характера отношения к многодетным семьям и их экономическим проблемам.

Необходимо отметить рост количества и изменение характера представления материалов в создаваемом образе многодетных семей. Так, например, представлены новые форматы подачи информации, в частности, «Многодетные в образе врага» (*Как демонизируют многодетных и что из этого получается; как митинги изменили образ многодетных в медиа; Многодетные матери: героини или халявищицы?*).

На фоне повышения пособий многодетным появляется требование искоренения иждивенчества. Формулируется понятие «Иждивенческое сознание». Приводятся материалы о митингующих многодетных матерях, плачущих и требующих социальных льгот, пособий. Высказывается мнение, что в казахском социуме наметился определенный раскол на «иждивенцев» и работающих, стремящихся содержать семью своими силами.

Следующий блок: «Традиционные установки в репродуктивном поведении» (4%). К данному кластеру относятся материалы о влиянии национальных традиций и обычаев, традиционных ценностей на семейное воспитание. Анализировался также материал по приобщению детей к достижениям национальной культуры, обучение их народным играм.

«Современные установки в репродуктивном поведении» отмечены в 4% материалов. Обращают на себя внимание сообщения по реализации проекта «Бизнес бастау» и участия в нем женщин. Однако, несмотря на реализуемые государственные программы поддержки, многие нуждающиеся граждане не спешат ими воспользоваться.

Итак, налицо обусловленность репродуктивного поведения населения Казахстана социально-экономическими факторами, которые, по результатам контент-анализа интернет-СМИ, вышли на первый план. Все остальные факторы, относящиеся к социокультурным: установки и ценности, традиции, трансформация семейных отношений и прочие, влияют на прокреационные установки опосредовано, в зависимости от того, насколько они детерминированы социально-экономическими проблемами.

Таким образом, особенности репродуктивного поведения и динамика социокультурного развития Казахстана тесно взаимосвязаны и требуют постоянного изучения и объективного освещения в СМИ. Необходимо комплексное исследование таких вопросов, как рождаемость, социально-экономические развитие регионов, уровень бедности, безработицы и т.д.

Характер эмоциональной подачи публикаций, связанных с репродуктивной проблематикой, в частности «многодетность» не только отражает стремление СМИ привлечь внимание читателя, но и, вероятно, сигнализирует о процессе социокультурной трансформации общественных норм в сфере рождаемости и социальной ценности материнства в условиях урбанизации, социально-экономической модернизации.

Список литературы:

1. Почему помощь многодетным семьям важна для будущего всего Казахстана. [Электронный ресурс]. – 2022. – URL: <https://ru.sputnik.kz/20190305/mnogodetnaya-semya-kazakhstan-pomosch-unicef-9509918.html>(дата обращения: 11.12.2022)
2. Должно ли государство повышать пособия для многодетных семей? [Электронный ресурс]. – 2022. – URL: <https://mk-kz.kz/social/2022/03/25/dolzno-li-gosudarstvo->

- povyshat-posobiya-dlya-mnogodetnykh-semei.html (дата обращения: 10.12.2022)
3. Какие проблемы волнуют многодетных матерей одного из самых отдаленных районов Алматы? [Электронный ресурс]. – 2022. – URL:<https://ru.sputnik.kz/20210304/kakie-problemy-volnuyut-mnogodetnykh-materey-odnogo-iz-samykh-otdalennykh-rayonov-almaty-16458820.html> (дата обращения: 11.12.2022)
 4. Көпбалалы отбасыларға қандай әлеуметтік қолдау көрсетіледі және шарттары қандай? [Электронный ресурс]. – 2021. – URL:<https://informburo.kz/kaz/elainasy/kopbalaly-otbasylarga-qandai-aleumettik-qoldau-korsetiledi-zane-sarttary-qandai> (дата обращения: 07.12.2022)
 5. В Казахстане формируется новое «потерянное поколение» [Электронный ресурс]. – 2021. – URL:<https://forbes.kz/life/opinion/dosyim-satpaev-v-kazahstane-fo-rmiruetsya-poteryannoe-pokolenie> (дата обращения: 05.12.2022)
 6. Услышь нас, государство! Поддержим наших мам! [Электронный ресурс]. – 2022. – URL:<https://adyrna.kz/ru/post/123876> (дата обращения: 08.12.2022)
 7. Число получателей госпособий и АСП выросло в два раза, но это слабо помогает [Электронный ресурс]. – 2021. – URL:<https://365info.kz/2021/11/pochemu-mnogodetnye-semi-chashhe-vsego-bednye-issledovanie> (дата обращения: 11.12.2022)
 8. Две яблони в счет дохода. Как в Казахстане (не) выдают адресную социальную помощь [Электронный ресурс]. – 2022. – URL:<https://rus.azattyq.org/a/v-labirintah-sistemy-adresnoy-sotsialnoy-pomoschi-kazahstana/32084664.html> (дата обращения: 15.05.2022)
 9. Демографиядағы дүмпу. Қазақстанда туу көрсеткіші бойынша тағы да рекорд жаңарды [Электронный ресурс]. – 2021. – URL:<https://qamshy.kz/article/69157-demografiyadaghy-dumpu-qazaqstanda-tuu-korsetkishi-boyunsha-taghy-da-rekord-dgan> (дата обращения: 05.12.2022)
 10. Сколько казахстанцев родилось в 2022 году. [Электронный ресурс]. – 2022. – URL:<https://kz.kursiv.media/2022-06-14/skolko-kazahstancev-rodilos-v-2022-godu/>
 11. (дата обращения: 12.11.2022)
 12. Послание Главы государства Касым-Жомарта Токаева народу Казахстана [Электронный ресурс]. – 2022. – URL:<https://www.akorda.kz/ru/poslanie-glavy-gosudarstva-kasym->

- zhomarta-tokaeva-narodu-kazahstana-183048 (дата обращения: 11.12.2022)
13. Көп балалы аналар наразылығы. Себебітөрендеме? [Электронный ресурс]. – 2022. – [URL:https://www.azattyq.org/a/kazakhstan-mothers-demands-reasons-for-discontent-for-are-much-deeper/29788784.html](https://www.azattyq.org/a/kazakhstan-mothers-demands-reasons-for-discontent-for-are-much-deeper/29788784.html) (дата обращения: 05.10.2022)
14. Называют матерей дармоедками и халявщицами!" Многодетные в Казахстане снова пришли с протестами к чиновникам [Электронный ресурс]. – 2021. – [URL:https://www.currenttime.tv/a/31115787.html](https://www.currenttime.tv/a/31115787.html) (дата обращения: 15.10.2022)
15. Многодетные матери в «НурОтане»: требуем платить пособие по 42 500 каждому ребенку [Электронный ресурс].– 2021. – [URL:https://www.lada.kz/another_news/88518-mnogodetnye-materi-v-nur-otane-trebuem-platit-posobie-po-42-500-kazhdomu-rebenku.html](https://www.lada.kz/another_news/88518-mnogodetnye-materi-v-nur-otane-trebuem-platit-posobie-po-42-500-kazhdomu-rebenku.html) (дата обращения: 15.11.2022)
16. В Шымкенте многодетные матери ночевали у здания акимата [Электронный ресурс].– 2021. – [URL:https://tengrinews.kz/accidents/mnogodetnyie-mamyi-nochevali-pered-akimatom-shyimkenta-436138/](https://tengrinews.kz/accidents/mnogodetnyie-mamyi-nochevali-pered-akimatom-shyimkenta-436138/) (дата обращения: 04.10.2022)
17. По 45 человек в классе". В школах Алматы складывается катастрофическая ситуация [Электронный ресурс].– 2022. – [URL:https://smi24.kz/ru/life/galereya/po-45-chelovek-v-klasse-v-shkolah-almatyi-skladyvaetsya](https://smi24.kz/ru/life/galereya/po-45-chelovek-v-klasse-v-shkolah-almatyi-skladyvaetsya)(дата обращения: 11.09.2022)
18. В Атырау не хватает школ и учителей [Электронный ресурс].– 2022. – [URL:https://azh.kz/ru/news/view/85988](https://azh.kz/ru/news/view/85988) (дата обращения: 10.11.2022)
19. Современная казахская свадьба: традиции [Электронный ресурс].– 2021. – [URL:https://www.nur.kz/leisure/holidays/1735739-sovremennaa-kazahskaa-svadba-tradicii/](https://www.nur.kz/leisure/holidays/1735739-sovremennaa-kazahskaa-svadba-tradicii/) (дата обращения: 15.05.2022); Традиции и обычаи казахского народа от рождения до смерти [Электронный ресурс].– 2021. – [URL:https://www.nur.kz/family/school/1797743-tradicii-i-obychai-kazahskogo-naroda-ot-rozdenia-do-smerti/](https://www.nur.kz/family/school/1797743-tradicii-i-obychai-kazahskogo-naroda-ot-rozdenia-do-smerti/) (дата обращения: 10.06.2022); Чего мы не знаем об институте семьи в Казахстане[Электронный ресурс].– 2021. – [URL:https://vlast.kz/obshestvo/45060-cego-my-ne-znaem-ob-institute-semi-v-kazahstane.html](https://vlast.kz/obshestvo/45060-cego-my-ne-znaem-ob-institute-semi-v-kazahstane.html) (дата обращения:

- 15.01.2023); Специалисты назвали причины феномена многодетности в Казахстане. Супруги чаще всего строят свою семью по подобию модели семьи их родителей и предыдущих поколений [Электронный ресурс]. – 2022. – URL: <https://www.zakon.kz/6020174-spetsialisty-nazvali-prichiny-fenomena-mnogodetnosti-v-kazakhstane.html> (дата обращения: 08.11.2022).
20. Акқулыдажас маркетолог «Бизнес бастау» жобасы бойынша жазғы дәмхана аспақ [Электронный ресурс]. – 2021. – URL: <https://pavlodarnews.kz/kz/pavlodar-oblysy/a-ulyda-zhas-ana-biznes-bastau-zhobasy-boynsha-zhaz-y-d-mkhana-ashpa/> (дата обращения: 10.05.2022); Алты жыл дана стамау ақыт шаштараз болып қызмет атқарып жүрген Айжана пайқазіргі таңда «Қайнар» сауда орталығындағы шаштараз салонында жұмыс істейді [Электронный ресурс]. – 2021. – URL: <https://top-news.kz/e-bek-adamy-shashtaraz-barly-ua-ytta-bol-an-zh-ne-bola-bermek/> (дата обращения: 15.07.2022); Госпрограммы для многодетных семей: плюсы и минусы [Электронный ресурс]. – 2021. – URL: <https://qmonitor.kz/economics/3068> (дата обращения: 05.06.2022).

Сведения об авторах: Краснобаева Нелли Леонидовна, кандидат исторических наук, Восточно-Казахстанский университет им. С. Аманжолова, ведущий научный сотрудник научно-исследовательского центра «Алтайтану» (Усть-Каменогорск, Казахстан), e-mail: krasn_nelli@mail.ru

Саркожоева А.Т., Кожомбердиева Ж.Т., Маманова Р.Б.
Кыргызский национальный университет им. Ж. Баласагына,
Бишкек (Кыргызстан)

**К вопросу об использовании этнокультурных образов,
символов в современной рекламе Кыргызстана**

Статья посвящена вопросам использования этнокультурных образов, символов в рекламе Кыргызстане. Отмечается важность использования культурных традиций, элементов в рекламе как

эффективного средства воздействия на потребителей и ее позитивного восприятия.

Ключевые слова: этнокультура, образ, символ, реклама, традиции, орнамент

A.T.Sarkozhoeva, Zh.T.Kozhombardieva, R.B.Mamanova
Kyrgyz National University named after J. Balasagyn, Bishkek
(Kyrgyzstan)

To the question of the use of ethno-cultural images, symbols in modern advertising in Kyrgyzstan

The article is devoted to the use of ethno-cultural images, symbols in advertising in Kyrgyzstan. The importance of using cultural traditions, elements in advertising as an effective means of influencing consumers and its positive perception is noted.

Key words: ethnic culture, image, symbol, advertising, traditions, ornament.

Этнокультурный рекламный образ является важной частью распространения культурных традиций. Под этнокультурным образом понимают образ, содержащий в себе особый набор свойств и качеств нации (страны), наиболее полно отражающих черты национального характера (самосознание, привычки, вкусы, традиции, связанные с национальными чувствами, национальную культуру и быт), который в свою очередь персонифицирует народ или страну [1, с. 180].

Ассоциирование образа страны с этнографией, т.е. поиск внешних атрибутов самобытности – простое и эффективное решение проблемы национальной идентификации. Этнокультурные особенности составляют портрет потенциальной группы потребителей и включают в себя ценности и стереотипы, сложившиеся исторически. Отечественные рекламапроизводители стараются отразить в рекламных сообщениях национальную самобытность посредством этнокультурных образов, символов, традиций, фольклора и истории. Они более приближены к отечественной

действительности, а значит легко читаемы и не вызывают у потребителя отторжения.

Определение «символа», согласно большому толковому словарю по культурологии –социально-культурный знак, содержание которого представляет собой идею, постигаемую интуитивно и не способную быть выраженной адекватно-вербальным способом; универсальная категория в культуре, раскрывающаяся через сопоставления предметного образа и глубинного смысла[2].

Особой популярностью пользуются кыргызские узоры и орнаменты. Они выступают как обрамление рекламных плакатов, используются в дизайне упаковок или как антураж рекламных роликов. Орнаменты присутствуют не только в рекламных объявлениях, но и в именах брендов, логотипах и т.д. Например: «Кыргызконьягы», «Илбирс»,«Тойбосс», супермаркет «Фрунзе» и т.д.

Орнаменты наглядно демонстрируют особенности кочевого образа жизни кыргызов, а также их мировоззрение. Многие орнаменты происходят от тенгрианской веры кыргызов и несут в себе изображение природы и животных. Например, национальная эмблема «Игр кочевников», которая состоит из круга, обозначающего Вселенную, лошади - главного символа кочевников и солярного человека (Солярный от лат. Солнце - культ почитания солнца). Солнце - символ чистоты и равенства, оно всем светит одинаково. Этот символ отражен и в наскальных рисунках Саймалуу-Таш [3]. Каждый символ в нём имеет особое значение: небо выполнено орнаментами, изображающими Мать-Олениху, облако-человека, солнце. Многие туристические логотипы Кыргызстана содержат стилизацию рекламных образов под орнаменты, передающие конкретную отрасль туристического бизнеса. Например, орнамент земля представляет собой сочетание ледников и зелёного джайлоо, вода символизирует Иссык-Куль и пляж [4].

Другим распространенным средством оформления рекламы в Кыргызстане является использование национальных символов. Ими выступают такие элементы кыргызской культуры, как: юрта, калпак, комуз, шырдак и т.д. Такая реклама

располагает к себе потребителей, так как потребитель узнает своё, «отечественное». Зарубежные рекламные производители рекламных сообщений используют эти особенности внешнего национального проявления именно с помощью подобных элементов. Ярким примером может служить реклама «Весёлого молочника», российского бренда, в котором образ молочника в «первоисточнике» представлен в поварском колпаке на фоне деревни. Эта реклама демонстрировалась на телевизионных экранах Кыргызстана. Сегодня мы видим молочника в другом одеянии: на голове национальный кыргызский калпак, а русская деревня заменена на юрту, окружённую горами.

Нужно отметить, что в кыргызских рекламных сообщениях, затрагивающих культуру, юрта является обязательным атрибутом. Смысловое значение этого образа имеет символическое наполнение. Для кыргызского народа юрта – это не просто жилище, а символ домашнего очага, уюта; түндүк, центр купола юрты, изображен на государственном флаге Кыргызстана. Эти элементы особенно популярны у отечественных рекламщиков и дизайнеров («ШОРО», «Каганат инвест», «Ихлас строй»)

Популярность использования национальных элементов в виде орнаментов и атрибутов говорит о том, что они играют важную роль в самосознании народа. Отечественные компании, используя подобные символы, подчёркивают свою «национальность», национальную идентичность, а зарубежные бренды стремятся проявить свое уважение тому народу, где они ведут бизнес. Выбранные элементы должны соответствовать установленным ценностям целевой аудитории, а ещё лучше отражать значимые символы и образы, чтобы компания была успешной и вызвала положительный отклик у их аудитории.

Еще одной особенностью рекламирования товаров и услуг в нашей республике - образ природы. Природа Кыргызстана - это величественные горы и богатые водные ресурсы. Ни одна отечественная реклама не обходится без демонстрации природных богатств Кыргызстана, так же, как и вышеприведённый пример «Веселого молочника», где вместо деревни были изображены просторы кыргызского джайлоо.

Особенно пейзаж Кыргызстана ярко отражается в рекламных кампаниях минеральных напитков («Legenda» [5], «Baityk», «Issyk-Ata», «Artezian», «Corona» [6]). Кыргызстан - это страна ледников, богатая чистейшими родниками. Это и является главным рекламным слоганом компаний по производству минеральных напитков, ведь вода из наших родников - главная гарантия. Для своих рекламных роликов и баннеров они выбирают живописные места нашей страны, в которых ледники и реки с озерами выступают обязательным фоном.

Горы – это стихия кыргызов и их дом. Для всех кыргызов белоснежные вершины прежде всего ассоциируются с родиной, поэтому даже простые треугольные штрихи выступают, как символ наших горных цепей и часто используются в кыргызской рекламе и логотипах («DordoiPlaza», банковские карточки Элкарт, «ЮКЦ», «AsiaNur», «Пик груп»).

Интересна рекламная кампания от сотового оператора Beeline– «Путеводитель по Кыргызстану» (2012 г.) [7], представляющий сеть 3G по всему Кыргызстану. Главным героем ролика выступает турист, путешествующий по Кыргызстану, чтобы составить путеводитель. В коротких двух тридцатисекундных роликах представлены горные пейзажи и джайлоо кыргызов, Иссык-Куль, башня Бурана, культурные традиции и люди. «Великая история, невероятная природа и... где бы я не оказался... люди...замечательные, гостеприимные, очень искренние и открытые. Это страна, где тебе всегда рады, и интересные факты: здесь проходил Великий Шелковый путь, три четверти территории – горы. Каждый день я узнаю, чувствую что-то потрясающее. Я покорён, не похоже, что я захочу уезжать», «Природа, люди, даже звезды... всё совершенно другое и уже такое близкое». Так описывает наш Кыргызстан герой этой рекламы. Данный проект занял второе место на международном фестивале рекламы ThebestofCentralAsia 2012.

Большое значение в рекламном нейминге Кыргызстана принадлежит животному миру Кыргызстана: это высоко летающий в небе гордый орёл (беркут), символический снежный барс (илбирс) и священные горные бараны (архары).

Беркут, которого также называют хозяином дождя, вступающий в спор с самим Богом, является символом Кыргызстана, изображен на гербе страны и занесён в красную книгу КР. Беркут выступает главным символом во всех промороликах, представляющих Кыргызстан.

Другим национальным символом является снежный барс, владыка снежных вершин, также занесённый в Красную книгу КР. На 2021 год их насчитывалось предположительно 300 особей. Это число ненамного больше, чем организаций в Кыргызстане, носящих имя «Илбирс»: трикотажная фабрика ОАО «Илбирс», национальная кинопремия «Ак Илбирс», образовательный центр «Илбирс Плюс», футбольный клуб «Илбирс», электронный кошелек от БТА банка «Илбирс», некоммерческая природоохранная организация по сохранению природного наследия Кыргызстана «Фонд Илбирс», ветеринарная клиника «Илбирс», пансионат «Илбирс Саадат», жилой дом «Илбирс Плюс» и другие мелкие бренды.

В отечественной рекламе часто находит отражение тема семейных ценностей. Для кыргызов семья, быт, дом и очаг – это первостепенные ценности в жизни. Так, в отечественной рекламе популярны такие тексты, как: «для всей семьи», «в кругу семьи», «семейный» и т.д., которые ставят в приоритет семейные ценности. В свое время международному бренду «Coca-Cola» пришлось менять свою рекламную политику в Кыргызстане, чтобы укрепиться на рынке Кыргызстана. Изначально представленная, как «напиток молодёжи», она сменила свой ориентир на «семейный напиток», что очень подходило ценностям местного населения. Заслуживает внимания также тот факт, что рекламные ролики «Coca-Cola» отражают и нашу национальную кухню. В рекламных видеосюжетах этой компании демонстрируется национальная еда кыргызов: бешбармак, боорсок, а также любимые кыргызстанцами блюда: манты, плов, лагман и др., которые сейчас воспринимаются как национальные.

В отечественной рекламе эта тема особенно прослеживается в рекламе чая. Чай является символом гостеприимства и радушия кыргызов. Поэтому во многих

рекламных сообщениях чай отражает семейный быт кыргызов и его колорит: пиала, украшенная кыргызскими орнаментами, обильный дасторкон с национальными блюдами и, конечно же, большая кыргызская семья. Эти примеры представлены в рекламных роликах и сообщениях чая «Smart&Rich» [8], «Аман».

Тема «семейные традиции» интересна в рекламе сотовых операторов. Обычно они носят юмористический характер и строятся на стереотипном образе семьи. В рекламе Megacom «Таласым» (2018 г.) [9], представляющая новую тарифную опцию, отражается традиция «куда тосу»; в рекламном ролике от Билайн (2016 г.) «Келинка» [10] в центре сюжета невестка, которая учится выполнять обязанности по дому: доить коров, месить тесто, готовить, принимать гостей.

Подобная концепция представлена и с помощью деревенских сельских образов. Обычно данный стиль используют при рекламировании молочных и мучных продуктов, ведь: лучшее молоко - деревенское, а лучший хлеб - у бабушки в деревне. В рекламном ролике Артезиан «Топленое молоко» [11] молоко ассоциируется со вкусом домашних традиций, который готовила главному герою его бабушка. «Топлёное молоко - это символ семьи и домашнего очага. Вкус бабушкиного молока не забудешь. С тех пор, Топлёное молоко для меня - как тепло дома». В рекламных роликах муки «Элине» [12] хоть и не показывается открыто деревенская картина, атмосфера чувствуется через джаргылчак (жернова) и руки бабушки, которая месит тесто. Деревенский образ вызывает положительные эмоции у аудитории. Кроме того, этот образ зачастую используется для того, чтобы показать экологичность продукта.

За деревенским образом следует джайлоо - летние пастбища кыргызов. Джайлоо туризм довольно популярен в нашей стране и считается нашим достоянием. Концепция джайлоо использовалась в рекламных роликах сети обувных магазинов «Lion» - «Обувь, которую не хочется снимать» (2018 г.) [13]; в рекламном ролике кондитерского дома «Ата» того же года [14] и др. Однако чаще всего рекламные и проморолики о

джайлоо довольно преувеличены и идеализированы. Поэтому рекламный ролик телевизоров от Samsung(2016 г.) [15] разительно отличается на их фоне. Данный ролик отражает жизнь в джайлоо без прикрас: «Ты покормила скот? Помыла посуду? Приготовила ужин?» - каждодневная работа, где нет времени любоваться природой и отдыхать. От всей этой рутины спасает телевизор, который хоть немного, но отвлекает от повседневной работы.

Отражение повседневной кыргызской жизни, образы невестки (келин), свекрови, доброй бабушки, мудрого дедушки приближают рекламу к потребителю. Однако она в основном построена на стереотипах. Такая реклама подчеркивает жизненные установки и их значимость, формируя таким образом стереотип поведения. Реклама, отражающая семейные традиции, соответствует нашему менталитету, но может также вызвать дискуссию в обществе. Например, В 2017 году вышел рекламный ролик строительной компании «CapStroy KG» [16], который сразу же стал очень популярным, но в то же время вызвал много споров. В данном ролике, в юмористической форме, представляется народная традиция кыргызов - кража невест «ала качуу». Невесту похищают самым грубым образом и одевают на голову мешок. Жертва противиться вступать в брак по принуждению, однако увидев роскошную квартиру будущего мужа, она меняет свое мнение, оставшись жить с похитителем. Реклама была преподнесена в юмористическом стиле. Она была понятна кыргызскому обществу и не вызвала отторжения. Но в то же время, она, в некоторой степени, пропагандирует подобные явления.

Итак, образ семьи распространен в самых разнообразных рекламных сообщениях товаров и услуг: от продуктов, техники, жилья до сотовых операторов. Популярность данного образа связан не только с особой ценностью «семьи» для кыргызов, но и тем, что вместе с семейными образами отражаются и ценности, и традиции, и менталитет, и юмор кыргызов.

В рекламных текстах часто используются слова, имеющие национально-культурный компонент. Такими символами могут служить, например, имена исторических и знаменитых

личностей или географические реалии (объекты физической географии; названия объектов, связанных с деятельностью человека; названия эндемиков). Кыргызская культура устроена так, что «древнее» всегда будет лучше «нового». Так, например, самый популярный напиток в Кыргызстане «Шоро» представлен, как «напиток предков»; ставший брендовым коньяк «Кыргызконьягы» - «Твой коньяк – твоя история», а их рекламный ролик сопровождается текстом «Слияние традиций, истории и опыта» [17].

Культурные, национальные мотивы и элементы становятся отражением не только культурной самобытности народа, но и показателем национальной индивидуальности страны. Использование этнокультурных образов в рекламе влияет на потребителей товаров и услуг исключительно положительно и вырабатывает у аудитории лояльность к бренду и товару. Население всегда уважительно относится к своей культуре и традициям. В отечественной рекламе показывается именно то, что является предметом гордости кыргызстанцев: родная природа, семейные ценности, исторические и фольклорные персонажи, национальная атрибутика, государственный язык и народные традиции. Создатели рекламы обращаются к патриотическим чувствам граждан страны и говорят о кыргызах как о людях, любящих свою страну и культуру. Даже если в рекламе используются традиции, которые сегодня воспринимаются обществом неоднозначно, а порой отрицательно, они преподносятся с юмором и не слишком бросаются в глаза местному населению, хотя могут быть непонятны и неприняты у зарубежной аудитории.

В современных реалиях одной из основных предпосылок, определяющих потребительское поведение, является то, что во многих случаях, потребители принимают решение о покупке, основываясь не на функциональности продукта, а на его символическом содержании. Посредством отражения культурных и национальных особенностей (символов, традиций, образов) реклама воздействует на все этапы принятия решения и увеличивает значимость товара.

Список литературы:

1. Чеснов Я.В. Лекции по исторической этнологии: Учебное пособие-М.: Гардарики, 1998.
2. Кононенко Б.И. Большой толковый словарь по культурологии. – М.: Вече: АСТ, 2003.
3. Секретариат Всемирных игр кочевников: <http://www.worldnomadgames.com/ru/>
4. Туристический логотип Кыргызстана: <https://www.sostav.ru/publication/kyrgyzstan-razrabotal-svoji-brend-6411.html>
5. Legenda: https://youtu.be/T_bgs4zbcV0
6. Corona: <https://youtu.be/vdyJ2s9MMr8>
7. Beeline Путеводитель по Кыргызстану: <https://youtu.be/MLbjmI3p8D4>
8. ЧайSmart&Rich: <https://youtu.be/5MTyE02yvMY>
9. Megacom «Таласым»: <https://youtu.be/tVmyfDLhujU>
10. Beeline «Келинка»: https://youtu.be/sQih_u9hKU
11. Артезиан Топленое молоко: <https://youtu.be/S4rg8aVrDGk>
12. Мука «Элине»: <https://youtu.be/7454HhQaQs>,
13. Lion – Обувь, которую не хочется снимать: <https://youtu.be/50dirOPfpWQ>,
<https://youtu.be/Cbp9W4Ptfgs>
14. Кондитерский дом «Ата»: <https://youtu.be/C9zb42tO3YA>
15. Samsung Телевизор: <https://youtu.be/vCJv2Mqfogo>
16. CapStory KG: <https://youtu.be/he8256TKQ1k>
17. Кыргызконьягы «Твой коньяк – твоя история»: <https://youtu.be/cbvfgYzy7T4>

Сведения об авторах: Саркожоева Анаркуль Тилековна, магистрант кафедры рекламного дела и связей с общественностью, Кыргызский национальный университет им. Ж. Баласагына, (Бишкек, Кыргызстан), e-mail: asarkozhoeva@gmail.com;

Кожомбердиева Жылдыз Телемишевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры рекламного дела и связей с общественностью, Кыргызский национальный университет им. Ж. Баласагына (Бишкек, Кыргызстан), e-mail: k.jyldyz@mail.ru;

Маманова Рейна Бакиевна, старший преподаватель кафедры рекламного дела и связей с общественностью, Кыргызский национальный университет им. Ж. Баласагына (Бишкек, Кыргызстан), e-mail: mamanova.reina@gmail.com

Маматова Я.М.

Национальный Университет Узбекистана имени Мирзо
Улугбека, Ташкент, (Республика Узбекистан)

**Экономическая пресса Узбекистана: типологическая
структура, проблемно-тематическое и жанровое
многообразие**

Экономика современного Узбекистана, которая оценивается международными экспертами как стабильно развивающаяся, базируется на активном улучшении привлекательности инвестиционного климата в стране, налаживании системы по эффективному использованию инвестиций и увеличению объемов экспорта. В этом смысле экономическая пресса страны, будучи важным фактором информационного обеспечения экономических преобразований, сама находится в состоянии трансформации и обновления, что диктует необходимость научно-теоретического осмысления её типологической структуры, актуальных проблемно-тематических направлений и жанровых образований.

Ключевые слова: экономическая журналистика, типологическая структура, деловое издание, финансовая аналитика, жанры, тематика.

Ya.M. Mamatova

National University of Uzbekistan named after Mirzo Ulugbek
(Republic of Uzbekistan)

**Economic press of Uzbekistan: typological structure, problem-
thematic and genre diversity**

The economy of modern Uzbekistan, which is assessed by international experts as steadily developing, is based on actively improving the attractiveness of the investment climate in the country, establishing a system for the efficient use of investments and increasing export volumes. In this sense, the country's economic press, being an important factor in the information support of economic transformations, is itself in a state of transformation and renewal, which dictates the need for scientific and theoretical understanding of its typological structure, topical problem-thematic areas and genre formations.

Keywords: economic journalism, typological structure, business publication, financial analytics, genres, subject.

Динамичному становлению и развитию экономической прессы в Узбекистане способствуют высокие темпы роста национальной экономики. В стране в последние 30 лет появились новые специализированные издания, телерадиоканалы и интернет-СМИ, которые функционируют как самостоятельный и полноценный сегмент в структуре национальных массмедиа. Их практика подтверждает расхожий в научных и исследовательских кругах тезис о том, что в странах «с разными типами хозяйствования, разным уровнем проникновения бизнес-отношений в жизнь общества, различной деловой культурой формируются значительно отличающиеся друг от друга модели функционирования»[1, с.3] экономической журналистики.

Типологическую структуру узбекистанской экономической прессы составляют деловые, финансово-экономические издания, теле- и интернет-каналы, корпоративные СМИ коммерческих организаций и ведомств, рекламно-информационные издания. На рынке массовой информации они занимают различные ниши и находятся на различных уровнях развития и вовлеченности в процессы рыночных преобразований.

Деловые издания своей главной целью ставят создание «информационной инфраструктуры, обеспечивающей потребности предпринимателей» [2, с.35]. Главная их функция «состоит в обеспечении бизнес - коммуникаций»[3, с.104]. Деловых изданий в Узбекистане пока немного, но они стремятся «держать руку на пульсе» актуальных событий в мире бизнеса. По своим типологическим признакам они являются деловыми изданиями общего характера, отраслевыми и изданиями органов государственной власти или госучреждений. «Бизнес-вестник Востока» («БВВ»), «Финансово-экономическая газета», «Банк ахборотномаси/Банковские вести», журналы «Экономическое обозрение/Иктисодий шарҳ», «Ҳаёт ва иктисод» («Жизнь и экономика»), «Бозор, пул ва кредит» («Рынок, деньги и кредит»), «O`zbekiston igtisodiy axborotnomasi» («Экономический вестник Узбекистана»), «Buzines-daily Биржа», Bright Uzbekistan, Review.uz, The

Tashkent Times и ряд других СМИ, исходя из информационных потребностей и вкусов своей аудитории, публикуют самую разнообразную информацию финансово-экономического характера.

Первым полноценным качественным деловым изданием Узбекистана можно считать журнал «Bright Uzbekistan», который издаётся с января 2021 года и распространяется на бортах самолетов UzAirways, высокоскоростных поездах Afrosiyob, в отелях, на международных выставках, через посольства республики в странах СНГ, Европы, Азии и Америки. Содержание журнала составляют хроника инвестиционных проектов, аналитические статьи о компаниях и их руководителях, об актуальных вопросах развития экспорта и импорта, делового и инвестиционного климата Узбекистана. Миссия «Bright Uzbekistan» - рассказывать об условиях ведения бизнеса в новом Узбекистане, формировать позитивный имидж отечественных предпринимателей, привлечь внимание иностранных инвесторов, объединить интересы и способствовать укреплению партнерских связей в единых бизнес-проектах[4]. Целевая аудитория журнала - субъекты предпринимательства разного уровня: от малого бизнеса до крупных холдингов в республике и за ее пределами, органы государственной власти и международные инвестиционные структуры, экономисты, аналитики и специалисты по внешнеэкономической деятельности. Журнал выпускается на узбекском, русском и английском языках, включает в себя каталог экспортеров и импортеров. Также функционирует его электронная версия на узбекском, русском и английском языках.

Как качественное СМИ позиционирует себя и интернет-издание The Tashkent Times, функционирующее с 2016 года на английском и русском языках. В рубриках «Дом», «Национальный», «Мир», «Экономика», «Бизнес», «Финансы», «Технологии», «Культура», «Наука», «Образ жизни» и др. публикуются актуальные новости, оперативные аналитические отчеты, репортажи из мира бизнеса и финансов, портретные зарисовки о людях, формирующих деловую среду Узбекистана. Материалы скомпонованы в соответствии с потребностями

целевой аудитории по принципу «заголовок-лид- картинка», позволяющий пользователю при навигации по всему контенту выбирать в условиях ограниченности времени «свой» материал. В рубриках «Самое читаемое» и «Мы рекомендуем» представлены комментарии, аналитические отчеты и анонсы по актуальным событиям в мире бизнеса, финансов, IT-технологий.

«БВВ» своим рождением обязана журналистам старейшей газеты «Правды Востока», поскольку именно они в 1991 году помогли подготовить первые 7 её выпусков. Начиная с 8-го номера газета стала выходить как самостоятельный 16-ти страничный еженедельник. «БВВ» является первым независимым экономическим изданием с текущим тиражом свыше 10 тыс. экземпляров. Учредитель газеты – информационно-рейтинговое агентство SAIPRO, которому также принадлежит портал UzReport.com. "БВВ" ныне - авторитетное в деловых кругах издание с солидной читательской аудиторией. 80% от общего тиража распространяется по подписке. С января 2012 года «БВВ» выходит в формате «Берлинер». С 2003 года редакция издаёт также финансово-экономический 16-ти страничный еженедельник на английском языке «BVV Business Report» тиражом в 2500 экземпляров. Еженедельник освещает экономическую, политическую жизнь Узбекистана и других государств региона, публикует аналитические материалы о развитии различных отраслей экономики, обзоры рынков, рейтинги, информацию о деятельности международных организаций и ННО. Издание имеет постоянных читателей в лице международных организаций и финансовых институтов, посольств, иностранных компаний, совместных предприятий, гостиниц, авиакомпаний, банков и т.д. Выходит также версия еженедельника на узбекском языке - "Шарк Бизнес Хабарномаси".

Газета «Bizines-daily- Биржа» специализируется на вопросах приватизации государственного имущества, деятельности бирж и рынка ценных бумаг, недвижимости, развития малого и частного бизнеса, рыночных реформ, в целом. Издание активно проводит в общество идеи

корпоративного управления, всесторонне анализирует процессы расширения частного сектора в экономике, зарубежный инновационный опыт, проводит расследования[5].

Интернет-издание Kapital.uz, рассчитанное на предпринимателей и экспертов, публикует материалы о слагаемых успеха в бизнесе, уроках и полученном опыте. Редакция публикует на сайте и видеоподкасты с успешными бизнесменами. В рубрике «Кейсы» публикуется контент, по характеру близкий к адаптивной журналистике. Это лайфхаки, советы по организации бизнеса в конкретной сфере и т.д. Ежедневно на Kapital.uz публикуются актуальные бизнес-новости, мнения, обзоры и аналитика. Материалы пишут и сотрудники редакции, и пользователи платформы.

К деловым изданиям можно отнести и журнал «*Ўзбекистон нефти ва гази - Нефть и газ Узбекистана*», в котором публикуется информация, практически полезная не только для работников нефтегазового сектора, но и для банкиров, финансистов, производителей специального оборудования, строителей, всех тех, кто имеет непосредственное отношение к данной отрасли. В журнале публикуются материалы, отражающие и ход социально-экономических реформ в стране, состояние нефтегазового бизнеса в регионе, государствах СНГ и дальнего зарубежья.

Журнал «Экономическое обозрение/Иктисодий шарҳ» издаётся Центром экономических исследований и реформ при Администрации Президента РУз на русском и узбекском языках с 1998 года. На протяжении более чем 20 лет журнал является ведущим аналитическим изданием, освещающим социально-экономические преобразования и рассчитан на управленцев госслужбы, бизнеса, ученых, преподавателей и студентов экономического профиля. Ведущие рубрики журнала – «В стране», «В мире», «Международное сотрудничество». В версии на узбекском языке – «Сотрудничество», «Узбекистан в мире», «Приоритетные вопросы», «Экономические раздумья предков», «В стране: территории».

С февраля 2015 года действует веб-сайт журнала – Review.uz, на котором представлены содержательные статьи, посвященные ходу реформ, освещающие важнейшие отраслевые и региональные показатели развития республики, а также архив всех номеров бумажного издания за последние 12 лет. Ныне Review.uz - самостоятельный информационно-аналитический портал и публикует материалы на русском, английском и узбекском (на латинице и на кириллице) языках. Одним из значимых проектов Review.uz является «Акселератор», суть которого заключается в том, что 3 рабочие группы в составе экспертов и независимых аналитиков в течение каждых 100 дней решают проблемные вопросы по таким направлениям, как оценка и мониторинг реализации реформ, переход на обеспечение потребителей электрической и тепловой энергией, а также стабилизация цен на топливо. Уникальность проекта состоит в том, что на платформе Review.uz собирается информация со всех существующих электронных информационных систем, разработанных министерствами и ведомствами, с целью мониторинга и оценки итогов работы, которая постоянно обновляется. Рабочие группы проводят исследования и сообщают широкой общественности о результатах как на домашней странице Review.uz, так и в других СМИ.

Информационно-аналитический еженедельник «Банковские вести»/«Банк ахборотномаси» выходит на русском и узбекском языках с января 1995 года. Ведущие рубрики издания - «Рейтинг», «Инновационная экономика», «Аналитика», «Банковская деятельность», «Финансовый рынок», «Цифровые технологии», «Мировые тренды». Эту же проблематику освещает и журнал «Бозор, пул ва кредит» («Рынок, деньги и кредиты»). Кроме того, на его страницах за последние 25 лет публикуются материалы по вопросам страхования, лизинга, налогообложения, таможенного дела, сферы экспорта-импорта, бухгалтерского учета и аудита, предпринимательства, цифровой экономики. Издание выходит на узбекском языке с анонсами публикаций на английском. В последние два года журнал представляет

видеозаписи наиболее интересных интервью с ведущими специалистами отрасли.

Журналу «O‘zbekiston iqtisodiy axborotnomasi» – «Экономический вестник Узбекистана» в 2019 году исполнилось 100 лет. Первый номер журнала 100 лет назад вышел под названием «Туркистон халқ хўжалиги» («Народное хозяйство Туркестана»). В 1998 году «O‘zbekiston iqtisodiy axborotnomasi» – «Экономический вестник Узбекистана» получил статус научно-практического журнала, на страницах которого широко освещаются новые направления экономического развития страны, вопросы макро- и микроэкономики, менеджмента и корпоративного управления, внешнеэкономической деятельности, малого и частного бизнеса, фермерского движения[6].

«Management»– ежеквартальный журнал, освещающий вопросы внедрения систем управления качеством (ISO 9001), охраной труда (ISO 45001), экологией (ISO 14001), информацией (ISO 27001), безопасностью пищевой продукции (ISO 22000) на базе международных стандартов ISO, практические аспекты применения современных методик и концепций менеджмента. Журнал ориентирован на менеджеров среднего звена, топ-менеджмент предприятий, специалистов по системам управления (ПРК, сотрудники служб качества, консультанты, эксперты-аудиторы), по стандартизации, метрологии и сертификации. Издание сотрудничает с консалтинговыми, инжиниринговыми компаниями, органами по сертификации, НИИ, с авторитетными экспертами из России, Словакии, Белоруссии, Казахстана.

Интернет-портал UzReport, функционирующий с 1999 года, стал первым негосударственным аудиовизуальным каналом оперативной экономической, политической и иной информации об Узбекистане. В 2009 году на базе интернет-портала было создано информационное агентство UzReport. Сегодня это наиболее востребованный среди широкой внутренней и внешней аудитории информационно-аналитический ресурс с ежедневным посещением вместе со страничками во всех ведущих социальных сетях мира несколько

десятков тысяч пользователей. Портал обладает максимальными индексами цитируемости среди узбекистанских СМИ в глобальных поисковых системах. Имеет три языковые версии: узбекскую, русскую и английскую. Зарегистрирован в двух доменных зонах одновременно (uz. и com.). База данных портала содержит ценный архив справочно-аналитической информации об Узбекистане (собранной за весь период существования UzReport), в т.ч. о банках, биржах, страховании, рынке ценных бумаг, о законодательно-нормативных документах, принятых в сфере развития экономики и предпринимательства и пр. География посетителей UzReport включает более 100 стран мира.

Кроме того, UzReport заключил соглашения о поставке информации в базы данных крупнейших информационных терминалов мира, в т.ч. «Factiva» (совместный продукт «Reuters» и «Dow Jones»), «ISI Emerging Markets» (проект «Euromoney»), «Asia Pulse» и прочие. UzReport неоднократно признавался лучшим интернет-изданием Узбекистана, а ряд его обозревателей и репортеров в разные годы получали престижные национальные и международные награды в области журналистики. В 2012 году агентство получило лицензию на оказание услуг по распространению в сети телепередач, что дало возможность открыть одноименный телеканал, освещающий новости экономики, политики, культуры, спорта, высоких технологий, прогнозы экспертов в сфере финансов, интервью с известными предпринимателями, обзоры деловой прессы, специальные программы, посвященные актуальным вопросам развития бизнеса и общества, в целом. UzReport является также ценным источником информации геополитического и культурологического характера.

На рынке экономической информации стремительно расширяется сегмент специализированных ресурсов политематического, новостного, аналитического характера, принадлежащие медиакомпаниям. Так, свыше 20 лет успешно функционирует многопрофильная медиакомпания NORMA, специализирующаяся на разработке информационных электронных и онлайн-продуктов, а также предоставлении

услуг и сервисов для представителей бизнеса. За годы существования компании NORMA число нормативных документов, разъяснительных, методических и справочных материалов в информационно-поисковых системах превысило отметку в 140 000, появились новые и нужные предпринимателям, руководителям предприятий различных отраслей продукты. Издательством NORMA выпускаются газеты «Норма», «Налоговые и таможенные вести»- «Соликлар ва божхона хабарлари», «Норма маслахатчи», а также книги для бухгалтеров, кадровиков и собственников предприятия. Успешно функционируют такие электронные ресурсы NORMA, как информационно-поисковая система «Законодательство Республики Узбекистан», экспертные

с
правочные

системы по 14 направлениям[7], а с 2013 года - «Газета online» - онлайн-версия газет «Налоговые таможенные вести» и «Соликлар ва божхона хабарлари» с объединенной редакцией.

Информационно-рейтинговое агентство SAIPRO осуществляет деятельность в информационной сфере, в сфере финансовых исследований и рейтинга с 1999 года. SAIPRO является владельцем ряда печатных изданий, интернет-ресурсов и других СМИ. Это - объединенная редакция газет "ББВ", "BVV Business Report", "Шарк Бизнес Хабарномаси", о которых говорилось уже выше, журнал «Sug'urta – Страхование», порталы UzReport.uz, UzJobs.com.

В жанровом отношении практически во всех типах экономической периодики востребованы экономические новости, обзор рынка, экспертное интервью, прогноз, рейтинг, комментарий, исследовательская, проблемная, теоретическая статьи. Журналисты специализированных аудиовизуальных каналов и интернет-изданий, широко используя возможности мультимедиа, стремятся ныне подавать экономическую информацию посредством различных видов инфографики, бизнес-ленты, подкаста, видеоматериалов. Они предлагают и платный контент, тем самым успешно апробируют практику ведущих зарубежных качественных СМИ.

Безусловно, многое еще предстоит освоить из передовой зарубежной практики с тем, чтобы и дальше работать в направлении повышения уровня экономической грамотности и экономической культуры населения, усиления своей роли как посредника между обществом, бизнесом и властью. Актуальным остаётся вопрос подготовки, переподготовки и повышения квалификации журналистов по данной специализации.

Список литературы:

1. Вырковский А.В. Сравнительный анализ моделей словых журналов США и России (на примере журналов «Форчун», «Форбс», «Бизнес уик», «Эксперт», «Деньги», «Смарт Мани»). Дисс. на соиск.уч.ст. канд.фил.н. –М., 2007.
2. Грабельников А.А. Работа журналиста в прессе. - М.: РИП-холдинг, 2002.
3. Поветкина А.О. Фндаментальные признаки деловых изданий на примере издания «Rbk»// <https://eduherald.ru/ru/article/view?id=19853>.
4. Типология периодической печати. Под ред. М.В.Шкондина, Л.Л. Реснянской. Учеб. пособ. - М.: Аспект Пресс, 2007.
5. Bright Uzbekistan: новые возможности для экспорта, импорта и инвестиций // <https://www.gazeta.uz/ru/2021/01/18/bright-uzbekistan/>.
6. <https://qomus.info/encyclopedia/cat-ou/ozbekiston-iqtisodiyoti-axborotnomasi-uz/>.
7. <https://www.norma.uz/o kompanii/o kompanii>.

Сведения об авторе: Маматова Якутхон Мухамаджоновна, доктор филологических наук, профессор, кафедра «Журналистики» Национального Университета Узбекистана имени Мирзо Улугбека (Ташкент, Республика Узбекистан), e-mail: ya_mamatova@mail.ru.

Максутова Б.Б.

Кыргызский национальный университет им. Ж. Баласагына,
Бишкек (Кыргызстан)

Фейковые новости как инструмент информационной войны

Статья посвящена исследованию фейков в информационной войне в период кыргызско-таджикского приграничного конфликта 2021 года. Анализ исследования медипространства показал, что фейки

являются частью информационной войны и активно используются противоборствующими сторонами. На основе изучения фейковых новостей в интернет-пространстве установлено, что медиа, социальные сети, чаты и являются главной площадкой для распространения потока непроверенной информации.

Ключевые слова: информационное общество; информационная война; медиaprостранство; социальные сети; конфликт; фейковые новости.

B. B. Maksutova

Kyrgyz National University named after J. Balasagyn, Bishkek
(Kyrgyzstan)

Fake news as a tool of information warfare

This article is devoted to the study of the fakes in the information war during the Kyrgyz-Tajik border conflict in 2021. An analysis of the study of the media space showed that fakes are part of the information war and actively used by the warring parties. Based on the study of fake news in the Internet space, it has been established that media, social networks, chat are the main platform for spreading the flow of unverified information.

Keywords: information society; information war; media space; social media; conflict; fake news.

Информационная война в настоящее время является одним из самых мощных инструментов, используемых в различных конфликтных ситуациях. Развитие информационно-коммуникационных технологий и появление глобального Интернет-пространства способствуют достижению высокой эффективности ведения борьбы в информационной войне. Появляются новые способы и методы ведения информационной войны, которые становятся предметом изучения ученых и являются актуальным направлением современных исследований.

В данной работе мы рассмотрели использование фейков в медиа в период кыргызско-таджикского конфликта в апреле-мае 2021 года. Как известно, столкновение с использованием оружия на границе Кыргызстана и Таджикистана сопровождалось активными выпадами друг на друга в медиaprостранстве. Медиа сыграла решающую роль в

происшедшем конфликте, так именно подача информации сторонами формирует общественное мнение по создавшейся ситуации.

В жизни современного общества информационные коммуникации стали неотъемлемой частью. Концепция информационного общества как постиндустриального общества были разработаны в трудах М.Кастельса, Д. Белла, Г.Бехманна, М.Маклюэна и др. Если обратимся к истории вопроса, то термин «информационная война» появился в западной теории. Несмотря на то, что существуют различные концепции и подходы теории вопроса, до сих пор по определению дифиниции «информационная война» (англ. Informationwar) в нет определенной согласованности, так как подходы в понимании информационной войны постоянно меняются. В данной работе мы придерживаемся мнения Г.Вирен, который считает, что «информационная война - это комплекс мероприятий по информационному воздействию на массовое сознание для изменения поведения людей и навязывания им целей, которые не входят в число их интересов, а также защита от подобных воздействий» [1].

Роль медиа в информационной войне очень важна. СМИ, социальные сети, блоги, чаты активно используются конфликтующими сторонами в определенных интересах. Как известно, в информационной войнеиспользуются такие методы, как манипулирование и пропаганда. Джозеф Манн считает, что пропаганда сейчас переживает грандиозную революцию и «сегодняшние пропагандистские кампании представляют наиболее изощренную и недооцененную угрозу национальной безопасности стран» [2].

Исследователи выделяют несколько этапов ведения информационной войны в интернет-пространстве. Первым этапом ведения войны является выброс информации с целью привлечения внимания к конфликтной ситуации и возникновения противоречий в обществе. Следующим этапом является сбор сторонников и консолидация в обществе по конфликтному вопросу. Третий этап характеризуется массированным выбросом материалов и конкретных сведений,

чтобы привлечь большое количество сторонников. Последний этап борьбы – самый важный, направление в нужное русло потока реакции аудитории в информационном пространстве, что обеспечит превосходство в информационной войне, управлять ситуацией, и способствует дальнейшему решению конфликта.

Вопросы государственных границ стран Средней Азии, находящихся на территории Ферганской долины, являются очень зыбкими, они поднимаются и муссируются систематически в определенных целях различными внутренними и внешними политическими силами. Попытки оспорить те или иные пограничные территории на локальном уровне местными жителями происходят систематически в виде бытовых стычек. Власти странна протяжении долгих лет пытаются решить вопросы о делимитации и демаркации государственных границ. В данном конфликте вопрос усложняется тем, что границы Кыргызстана и Таджикистана проходят через села, зачастую границы расположены в «шахматном» порядке, наличие анклавов также является «камнем преткновения» в решении проблемы. За тридцать лет суверинитета стороны так и не смогли прийти к решению приграничных вопросов в регионе.

Началом и предметом масштабного конфликта 2021 года Кыргызстана и Таджикистана считается водораздел «Головной», находящийся на территории Кыргызстана, с претензией таджикской стороны о принадлежности водозабора «Головной» [3]. Таджикские власти 29 апреля 2021 года заявили о том, что водораздел «Головной» оккупирован кыргызскими гражданами, и в СМИ Таджикистана активно начала распространяться такая позиция [4]. Это заявление можно считать первым этапом информационной войны.

Выбросу в информационное поле Таджикистана данной информации, как отмечено выше, предшествовали бытовые стычки в приграничных селах, систематически провоцируемые таджикской стороной. К примеру, задержание кыргызских граждан на границе спецслужбами Республики Таджикистан в феврале 2020 года, а 24 апреля 2021 года в селе Эски-Оочу

Лейлекского района ночью были похищены двое кыргызстанцев 19-20 лет [5].

В конце апреля 2021 года провокационные действия таджикской стороны, активизировались. 28 апреля 2021 года они начали устанавливать камеру, направленную на водораздел «Головной» с целью контролирования водораспределителя, с чем не согласились местные кыргызские жители. В этот же день жители обеих стран начали закидывать друг друга камнями, позже применили и огнестрельное оружие. Провокационные действия со стороны таджикских властей стали распространяться по всей приграничной территории. 29 апреля 2021 года зона конфликта расширилась, таджикские граждане начали забрасывать камнями проезжающие машины кыргызских граждан на автодороге Ош-Исфана (стратегическая автодорога расположена вдоль территории Таджикистана), а затем и обстреливать. Вооруженное нападение с применением огнестрельного оружия продолжилось, таджикские военные одновременно напали и начали обстреливать кыргызские пограничные заставы «Капчыгай», «Мин-Булак», «Достук», «Кожогар», «Булак-Баши». Таджикистан подтянул военные силы по периметру всей границы, в Лейлекском районе подверглись военному нападению и обстреляны села Максат, Арка, села Достук, Интернационал и другие приграничные села. Политологи, эксперты, СМИ, изучив все факты и материалы, пришли к мнению, что нападение на Кыргызстан с применением оружия было задолго запланировано таджикскими властями [6].

В Таджикистане официальная информация очень скупо давала информацию о конфликте. Государственные СМИ хранили молчание о ситуации на границе либо ограничились общей информацией о сложившейся ситуации. К примеру, официальный источник – правительственное агентство «Ховар» - за май месяц 2021 года опубликовало всего одно сообщение – о встрече главы ГКНБ Саймумина Ятимова и председателя Согдийской области Раджаббая Ахмадзода с жителями сел Ворух, Чоркух и Ходжа Аъло города Исфара [7]. Молчание государственных органов Таджикистана о текущей ситуации на

границе вызывало ряд вопросов у таджикских журналистов, активистов [8].

Кыргызские власти широко освещали ситуацию на границе, ежечасно проводились брифинги с участием представителей государственных структур, был организован пресс-тур для журналистов с выездом на места конфликта для освещения конфликта. «Из первых рук» в социальных сетях активно публиковались информации о нападении таджикских военных, фото и видеoinформация о сожженных и ограбленных кыргызских селах, убитых мирных жителях.

По официальной информации, в результате кыргызско-таджикского конфликта 2021 года со стороны Кыргызстана говорится о 36 погибших и 190 раненых. Среди погибших числятся и дети. Около 60 тысяч мирных жителей Кыргызстана были эвакуированы из зоны конфликта [9]. Таджикские власти, по данным пресс-службы хукумата Согдийской области, заявили о 19 погибших граждан, 87 раненых [10].

Символом жертв таджикской военной агрессии стала 12-летняя кыргызстанка Мадина Рахматжанова, которую 29 апреля 2021 года, убегающую из дома вместе матерью и младшей сестрой, военные расстреляли минометной очередью. Истекая кровью, она погибла на руках у матери [11]. Образ Мадины плачущую, в огне и с цветком Айгуль на голове создала художница Татьяна Зеленская [12]. В кыргызском интернет-сегменте эта иллюстрация Татьяны Зеленской стала самой обсуждаемой и вирусной.

Агрессивные действия таджикских военных не ограничились боевыми действиями на территории Кыргызстана. Агрессия физическая сопровождалась активными действиями в социальных сетях, медиа, также массовым вторжением в кыргызское медиапространство троллей. Отметим, что социальные сети стали основной платформой для активного отстаивания интересов сторон и нападения - Facebook, Twitter и другие платформы.

Публикация Sabar.asia от 8 мая 2021 года «Как СМИ и соцсети освещали конфликт на границе Кыргызстана и Таджикистана» содержит подробный анализ фейковых новостей

в медиапространстве двух стран. К примеру, «В Таджикистане 2 мая на сайтах газет «Тоҷикистон» (pressa.tj) и «Фараж» (faraj.tj) опубликовали сообщения о нападении кыргызов на село Хистеварз. Однако впоследствии «Фараж» удалил это сообщение, а в газете «Тоҷикистон» заявили, что оно оказалось ложным» [13].

Появление фотофейков в медиа обнаружить сложно, но они были выявлены журналистами, после его обнаружения в кыргызском интернет-сегменте этот факт вызвал массовое негодование и возмущение. 29 мая информационный ресурс «SputnikТаджикистан» опубликовал фотоматериал «Последствия конфликта на таджикско-кыргызской границе на фото». Фотографии разрушенных домов кыргызстанцев были выданы новостным агентством «SputnikТаджикистан» как дома таджикстанцев [14]. Редакция Factcheck.kg, изучив все материалы, пришла к заключению, что это фейк [15].

Использование фейков в период военного конфликта набирала обороты, государственные структуры Таджикистана в коммуникационной деятельности активно использовали фейки, направленные на разжигание и усугубление конфликта. На официальном сайте Комитета по чрезвычайным ситуациям и гражданской обороне при Правительстве Таджикской Республики, публикацию «КЧС: предварительная оценка ущерба от военного конфликта на таджико-кыргызской границе» использовали фото сожженного дома кыргызстанца в селе Максати выдали его за сожженный дом таджикстанца. Автором фотографии является оператор кыргызстанского портала Клоор – Хамидулло Узак. Сожженный таджикскими военными в ночь на 30 апреля дом принадлежал кыргызстанцу Назимбаю. Позднее на сайте было опубликовано извинение за «неточность» в публикации [16]. Основная цель размещения этих фейков - создание образа «врага», манипулирование общественным мнением и попытка оправдать агрессивные действия.

Кыргызской стороной также распространялись фейковые новости, к примеру, информация о предоставлении Турцией военной помощи Кыргызстану, который опубликовали

российские СМИ [17], о требовании таджикских граждан об отставке Эмомали Рахмона[18] и другие фейки.

По мнению таджикского политолога **Парвиза Муллоджанова**, появление фейков неизбежно в подобных условиях. И фейки – это часть информационной войны, которая в свою очередь является неотъемлемой частью геополитического и военного противостояния. «Социальные сети и онлайн-пространство сегодня являются таким же полем битвы, как и традиционный театр военных действий. Часть фейков предназначены для международной аудитории, а часть – для внутренней, чтобы сохранить престиж власти, представить ход событий в приемлемом для нее свете», – отметил Муллоджанов [19].

Как показали материалы исследования, официальные структуры и СМИ Таджикистана использовали фейки для поддержания доверия к власти, пропаганды образа президента как сильного, способного решить проблемы страны руководителя. Зачастую СМИ, и даже крупные медиа, в ходе информационной войны распространяли фейки, основная цель которых – повлиять на мнение общественности. В целом, единая подача информации СМИ Таджикистана была направлена на враждебный настрой таджикской общественности против кыргызстанцев.

Фейки же, распространяемые в Кыргызстане, в основном, носили характер подрыва доверия кыргызской общественности к нынешней власти, создавался портрет лидера, который «не способен защитить своих граждан в конфликте». Активно распространялись фейки, направленные на вовлечение в конфликт третьих стран - Турции, России, Казахстана.

Таким образом, в информационной войне фейковые новости являются опасным и действенным инструментом для манипулирования общественным сознанием. За время кыргызско-таджикского конфликта стороны использовали разные способы и методы ведения информационной войны, большой поток фейковой информации сливался в интернет-пространство обеими сторонами. Основной платформой для распространения фейковых новостей

послужили новые медиа, социальные сети, чаты, так как Интернет предоставляет возможности мгновенно распространять поток непроверенной информации.

Список литературы:

1. Вирен Г. Современные медиа: Приемы информационных войн: М.: Аспект Пресс, 2013. - 216с.
2. Манн Д. Современная пропаганда // Concordiam. Т. 10. № 2. 2020 С. 7 https://perconcordiam.com/perCon_V10N2_RUS.pdf (Дата обращения 20.11.2021)
3. Sputnik Кыргызстан. (2021)/ Где находится водораздел, из-за которого возник конфликт на границе с РТ. Карта. URL: <https://ru.sputnik.kg/society/20210429/1052303540/kyrgyzstan-gidrosooruzhenie-golovnoj-vodorazdel.html>/(дата обращения: 20.11.2021)
4. Mediagroup/ ТажикistanAsiaPlusПогранвойска Таджикистана: Кыргызстан оккупировал водораспределительный пункт и провоцирует конфликт. (2021) URL:<https://asiaplustj.info/ru/news/centralasia/20210429/pogranvoiska-tadzhikistana-kirgizstan-okkupiroval-vodoraspredelitelnij-punkt-i-provotsiruuet-konflikt/>(дата обращения: 20.11.2021)
5. 24 KG. (2021) / В Лейлекском районе пропали два кыргызстанца. Местные считают, что их похитили URL:https://24.kg/proisshestvija/191413_vleylekskom_rayone_pr_opali_dva_kyrgyzstantsa_mestnyie_schitayut_chno_ihpohitili/(дата обращения: 20.11.2021)
6. Таджикистан 24. (2021)/ Председатель ГКНБ СаймуминЯтимов и председатель Согдийской области РаджаббойАхмадзода встретились с жителями сел Ворух, Чоркух и Ходжа Аъло города Исфара URL: <https://tajikistan24.com/predsdatel-gknb-sajmumin-jatimov-i-predsdatel-sogdijskoj-oblasti-radzhabboj-ahmadzoda-vstretilis-s-zhiteljami-sel-voruh-chorkuh-i-hodzha-alo-goroda-isfara/> (дата обращения: 20.11.2021)
7. Таджикистан 24. (2021)/ Председатель ГКНБ СаймуминЯтимов и председатель Согдийской области РаджаббойАхмадзода встретились с жителями сел Ворух, Чоркух и Ходжа Аъло города Исфара URL: <https://tajikistan24.com/predsdatel-gknb-sajmumin-jatimov-i-predsdatel-sogdijskoj-oblasti-radzhabboj-ahmadzoda-vstretilis-s->

- zhiteljami-sel-voruh-chorkuh-i-hodzha-alo-goroda-isfara/ (дата обращения: 20.11.2021)
8. МуллораджабЮсуфзада. Два отношения к свободе слова: кто выигрывает?(2021) URL: <https://rus.ozodi.org/a/31236889.html> (дата обращения: 20.11.2021)
 9. Радио Азаттык (2021)./ Ситуация на кыргызско-таджикской границе стабильная; стороны винят в насилии друг друга URL: <https://rus.azattyq.org/a/31237320.html>
 10. Настоящее время. (2021)/ Таджикистан официально озвучил число погибших в результате вооруженного конфликта на границе с Кыргызстаном. URL: <https://www.currenttime.tv/a/tajikistan-kyrgyzstan-border/31240764.html> (дата обращения: 20.11.2021)
 11. Станалиева Г. Прости нас, ангелочек Мадина.(2021)Радио Азаттык. URL: <https://rus.azattyk.org/a/31233336.html> (дата обращения: 20.11.2021)
 12. Клоор (2020)/ Арт дня: Охваченная огнём девочка в образе баткенского цветка Айгуль. URL: <https://kloop.kg/blog/2021/04/30/art-dnya-ohvachennaya-ognyom-devochka-v-obraze-batkenskogo-tsvetka-ajgul/> (дата обращения: 20.11.2021)
 13. Cabar.asia(2020)/ Как СМИ и соцсети освещали конфликт на границе Кыргызстана и Таджикистана. URL: <https://cabar.asia/ru/kak-smi-i-sotsseti-osveshchali-konflikt-na-granitse-kyrgyzstana-i-tadzhikistana>(дата обращения: 20.11.2021); Pressa.tj (2020)/Граждане Киргизии напали и подожгли наши дома... URL: https://pressa.tj/news_rus/grazhdane-kirgizii-napali-i-podozhgli-nashi-doma/ (дата обращения: 20.11.2021)
 14. SputnikТажикистан.(2020) Последствия таджикско-кыргызского конфликта URL: <https://tj.sputniknews.ru/20210529/posledstviya-konflikt-tadzhiksko-kyrgyzskoy-granitsa-foto-1039815085.html>
 15. kaktus.media (2020) /"Sputnik Таджикистан" выдал разрушенные дома кыргызстанцев за дома таджикстанцев. URL: https://kaktus.media/doc/439615_sputnik_tadjikistan_vydal_razrys_hennye_doma_kyrgyzstancsev_za_doma_tadjikistancsev.html (дата обращения: 20.11.2021)
 16. 24.kg (2020) Чиновники Таджикистана размещают фейки, используя фото сожженного села Максат URL:

- https://24.kg/obschestvo/192991_chinovniki_tadjikistana_razmesc_hayut_feyki_ispolzuya_foto_sojjennogo_sela_maksat (дата обращения: 20.11.2021)
17. kaktus.media(2020) / Информация о том, что Турция передаст Кыргызстану беспилотники – фейк https://kaktus.media/doc/437407_informaciia_o_tom_chno_tyrciia_peredast_kyrgyzstany_bespilotniki_feyk.html (дата обращения: 20.11.2021)
 18. <https://t.me/newskgz/937>
 19. Cabar.asia (2021)/ Как СМИ и соцсети освещали конфликт на границе Кыргызстана и Таджикистана. URL: <https://cabar.asia/ru/kak-smi-i-sotsseti-osveshchali-konflikt-na-granitse-kyrgyzstana-i-tadzhikistana/> (дата обращения: 20.11.2021)

Сведения об авторе: Максутова Бегайым Борукуловна, кандидат филологических наук, доцент кафедры рекламного дела и связей с общественностью, Кыргызский национальный университет им. Ж. Баласагына (Бишкек, Кыргызстан), e-mail: bg.zad@mail.ru

Токсоналиева Р.М.

Кыргызский национальный университет им.Ж.Баласагына,
Бишкек (Кыргызстан)

«Язык вражды» на медиапространстве Кыргызстана

В статье рассматриваются различные подходы к изучению понятия «языка вражды». На медиапространстве страны «язык вражды» становится часто применяемым языком медиаконтента. Отмечается возрастающая роль ненавистнического медиаконтента, провоцирующий возникновение конфликтной ситуации. Автор обращает внимание на применение «языка вражды» в медиа Кыргызстана и рост роли Интернет сети в распространении ненавистнического контента. Применение «языка вражды» в медиапространстве усиливается в преддверии выборов и политических мероприятий и вызывает тревожное состояние общественности, нестабильности в обществе. Особенно в социальных сетях распространяются видеоматериалы и различные информации,

освещающие конфликты, связанные с дискриминацией по признаком языка, этнической принадлежности, вероисповедования.

Ключевые слова: язык вражды, медиапространство, медиаконтент, средства массовой информации, социальные медиа, дискриминация.

Toksonalievа R.M.

Kyrgyz National University of Zh.Balasagyn, Bishkek, Kyrgyz
Republik

«HATE SPEECH» ON THE MEDIA SPACE OF KYRGYZSTAN

The article discusses various approaches to the study of the concept of «hate speech». In the country's media space, «hate speech» is becoming a frequently used language of media content. The increasing role of hateful media content, provoking the emergence of a conflict-generating situation, is noted.

The author draws attention to the use of «hate speech» in the Kyrgyz media and the growing role of the Internet in the dissemination of hateful content. The use of «hate speech» in the media space is increasing on the eve of elections and political events and causes an alarming state of the public, instability in society. Especially in social networks, video materials and various information are disseminated covering conflicts related to discrimination based on language, ethnicity and religion.

Key words: hate speech; media space; media content; mass media; social media, discrimination.

Современное общество формируется под влиянием глобализации медийного пространства, где отмечается возрастающая роль различных медиаконтентов негативного характера, связанных с разными ситуациями и факторами. Под влиянием ненавистнического контента, в частности «языка вражды», усиливается уровень напряжения в информационном пространстве. Это в свою очередь, непосредственно оказывает влияние на общественно-политическую обстановку в стране, а также на формирование общественного мнения аудитории. В отдельных случаях «язык вражды» провоцирует возникновение конфликтогенной ситуации в современном обществе. Основным коммуникационным пространством современных людей

становится Интернет сети. На медиапространстве все более доступными становятся социальные медиа, для населения открывается возможность использования разных медиа источников. На кыргызском медиапространстве представлены как традиционные, так и цифровые СМИ, количество которых с каждым годом увеличивается и расширяется влияние на медиа аудиторию.

В медийной среде, как отмечают многие исследователи, «язык вражды» становится одним из нормативных способов коммуникации, т.к. он распространяется и воспринимается аудиторией независимо от медиа. В отдельных случаях «язык вражды» для аудитории служит инструментом для ориентации в медиапространстве, для выработки условно-собственного отношения к тем или иным ситуациям и явлениям. Распространение «языка вражды» остается актуальной и часто упоминаемой проблемой современного общества, т.к. затрагивает всех представителей общества на основании определенных признаков, связанных с дискриминацией по признаку пола, языка, этнической принадлежности, вероисповедования и т.п.

Понятие «язык вражды» многоаспектное и исследователи, в том числе различные международные нормативные документы рассматривают данное понятие по-разному в зависимости от сферы исследования, и пока нет единого общепринятого определения. Исследователь П.Н.Хроменков рассматривает языка вражды как «языковые средства выражения резко негативного отношения человека по отношению к представителям иной системы религиозных, национальных, политических, социальных, культурных или же более специфических, субкультурных ценностей» [5,36]. Как отмечает Ю.В.Щербинина, «язык вражды» «становится универсальным языком современной коммуникации, стремительно поднимается с уровня бытового общения на уровень социальных обобщений, не имеет границ, и, потому что покрывает собой все речевое пространство, захватывает все сферы коммуникации» [6]. По мнению И.М.Дзялошинского, «язык вражды» – это «вся совокупность текстов (заголовков, фотографий и иных

элементов) СМИ, прямо или косвенно способствующих возбуждению национальной или религиозной вражды или хотя бы неприязни» [2,194]. Отдельные исследователи рассматривают «языка вражды» как словесную дискриминацию по отношению к другим социальным группам [3,276], а также понятие, непосредственно связанное со стереотипами, предубеждениями. Рассматривая различные определения данного понятия можем сказать, что «язык вражды» - это любой ненавистнический словесный и невербальный контент, имеющий дискриминационный характер по определенным признакам в отношении любого члена общества или группы людей.

С каждым годом среди исследователей возрастает интерес к проблеме изучения феномена «языка вражды». В работах таких зарубежных исследователей и специалистов, как А.В.Евстафьева, И.М.Дзялошинский, А.В.Гладилин, П.Н.Хроменков и др. затрагиваются проблемы, связанные с «языком вражды». В отечественной литературе следует отметить повышенный интерес со стороны представителей медиасообщества к данной проблеме, которые проводят исследования «языка вражды» в медиа в период проведения мероприятий государственного масштаба и возникновения конфликтных ситуаций.

Свобода высказывания в медиaprостранстве Кыргызстана тесно граничит с «языком вражды», который может привести к конфликтным ситуациям, а также провоцировать агрессию. Нужно обратить внимание, что кыргызский народ политизирован и очень восприимчив к разным информациям в средствах массовой информации и коммуникации. Здесь нужно учесть, что возникающие различные недовольства в обществе непосредственно связаны с языком ненависти [4,28]. В медийном пространстве Кыргызстана больше всего «язык вражды» встречается в комментариях пользователей к постам социальных медиа и публикациям СМИ, в отдельных случаях встречается в названиях самих заголовков и статей. Освещение событий, затрагивающие конфликты на таджикско-кыргызской границе, проконсервативные религиозные взгляды, этническую

и региональную принадлежность, гендерные аспекты, имеют эмоциональную окраску и усиливают негативное восприятие пришествия, зарождают риторику ненависти, служат основой для проявления «языка вражды».

В последние годы проводятся мониторинги использования «языка вражды» в СМИ и социальных медиа. В частности, некоммерческая организация «Школа миротворчества и медиатехнологий в Центральной Азии», фонд «Центр поддержки СМИ», Независимый союз журналистов Кыргызстана отмечают, что «язык вражды» на медиaprостранстве страны становится часто применяемым языком медиаконтента.

Особенно применение «язык вражды» в медиаконтенте усиливается в ходе проведения политических мероприятий и вызывает тревожное состояние общественности, нестабильности в обществе и недоверие к власти. Независимый союз журналистов Кыргызстана, применяя IT-методы сбора и анализа информации, провел мониторинг использования «языка вражды» в СМИ, Интернет-изданиях, социальных сетях с 4 сентября по 3 октября 2020г. в ходе парламентских выборов КР 2020г. По результатам исследования были выделены следующие виды «языка вражды»: призывы к насилию и дискриминации, обвинение в попытках захвата и узурпации власти отдельных партий, о криминальности тех или иных партий и т.п. Данное исследование, по их мнению, направлено на уменьшение применения «языка вражды» в контексте, что непосредственно повлияет на общественную ситуацию в стране. Также им был разработан сайт hatespeech.kg, где представлен словарь «языка вражды», с помощью которого есть возможность проверить текст на наличие «языка вражды».

Также «Школа миротворчества и медиатехнологий в Центральной Азии» проводила ряд исследований, связанные с выборными процессами: «Язык вражды» пред- и поствыборном дискурсе Кыргызстана» (июль-октябрь 2020г.), «Язык вражды и сарказм в пред- и поствыборном дискурсе» (с 15 сентября 2020г. по 22 января 2021г.), «Язык вражды в предвыборном дискурсе КР» (август-сентябрь 2021г.) и «Язык вражды в

предвыборном дискурсе КР» (с 29 сентября по 15 ноября 2021г.). В этих исследованиях проведены сравнительные анализы, тренды по видам нетерпимости, анализ ненавистнических атак и разных типов по партиям и кандидатам, динамика «языка вражды» за исследуемый период. Отмечается, что были изучены троллинговые комментарии, содержащие ненавистнические высказывания, использование в дискуссионных группах конфликтогенных стереотипов, эмоционально-экспрессивной лексики. Также отмечаются использования сарказма для усиления негативного восприятия конкретной личности и маскировки «языка вражды», сексистских клише в целях очернения женщин-кандидаток и сторонниц политических партий.

Следует обратить внимание на то, что в преддверии выборов и политических мероприятий в социальных медиа усиливается «язык вражды», который направлен на этнические принадлежности, регионализм и по гендерному признаку. Подобные комментарии и посты, в основном распространяются от фейковых аккаунтов.

«Школа миротворчества и медиатехнологий в Центральной Азии» ежегодно проводит исследование «языка вражды» в СМИ и онлайн-медиа, где отмечается рост тенденции распространения «языка вражды». В частности, в ежегодном докладе «Язык вражды в СМИ в Интернете Кыргызской Республики-2014» было отмечено, что в 2014 году «наибольшей враждебностью были печатные СМИ (41,3% обследованные газеты содержали враждебные атаки), затем идут онлайн-медиа (27,2%)» Здесь же говорится, что «в 2014 году по сравнению с предыдущим годом, по некоторым тенденциям отмечается рост лексики ненависти. В авторских рубриках часто использовался жесткий и средний тип «языка вражды», в частности, в статьях, где затрагивались исторические и приграничные темы» [1]. В последующих исследованиях отмечается рост роли Интернета в распространении «языка вражды».

В последнее время в социальных сетях распространяются видеоматериалы и различные информации, освещающие конфликты, связанные с дискриминацией по признаком языка,

этнической принадлежности, вероисповедования и т.п. В частности, освещение ситуации в медиапространстве кыргызско-таджикского пограничного конфликта в апреле-мае 2021г. и сентябре 2022г., случай с девятилетним мальчиком в тренировочном лагере в Иссык-Куле в июле 2021г., ситуация в торговом центре между продавцом-консультантом и посетителем в августе 2021г. вызвали у общественности бурное обсуждение с применением ненавистнических контентов.

Как отмечают исследователи, глобализация информационного пространства привела к изменению социокультурных норм и духовно-ценностных ориентаций, которые повлияли на литературно-языковую норму в обществе. В медиапространстве более востребованной становится ненормативная лексика. Как показывают исследования, в медиапространстве Кыргызстана доминируют «язык вражды» и ненависти в социальных медиа, где количество пользователей растет. По различным данным открытых источников, на январь 2021г. в Кыргызстане 3,2 млн. (48,7% от общей численности населения) человек зарегистрированы в социальных сетях (в частности, с Facebookом пользуются более семисот тысячи человек, а в Instagram зарегистрированы более 2 млн.).

Таким образом, применение «языка вражды» на медиапространстве Кыргызстана усиливается в ходе проведения политических мероприятий, возникновения конфликтных приграничных ситуаций, а также ситуаций, имеющие отношения к языковой, религиозной, этнической идентичности.

С развитием информационно-коммуникационных технологий современное общество Кыргызстана сталкивается с рисками и опасностями, связанные с распространением «языка вражды» в медиасреде. В этой связи возникает вопрос об информационной безопасности личности, общества и государства. Для этого необходимо развитие медиаграмотности и обучение населения на постоянной основе, что поможет лучше ориентироваться в медиапространстве. Медиаграмотный человек может не только себя защитить от негативной информации, но и окружающих, в том числе общество и государство.

Список литературы:

1. Вечерний Бишкек. НПО изучили язык вражды в СМИ и Интернете // Вечерний Бишкек, 27.01.2015. URL: <https://www.vb.kg/doc/300771> (дата обращения: 28.11.2021)
2. Дзялошинский И.М. Язык вражды в российских СМИ // Дзялошинский И.М., Дзялошинская М.И. Российские СМИ: как создается образ врага. Статьи разных лет: Монография. – Чебоксары: ИД «Среда». 2019.
3. Соколова Е.П. Агрессивные тенденции в российских СМИ как проявление особенностей политической культуры // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2010. Сер. 9
4. Токсоналиева Р.М. Медиапространство Кыргызстана // PR и реклама в изменяющемся мире: региональный аспект. – Барнаул. 2021.
5. Хроменков П.Н. Лингвопрагматика конфликта: исследование методом количественного контент-анализа: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19. – Москва. 2016.
6. Щербинина Ю.В. Речевая агрессия. Территория вражды // Ю.В. Щербинина. – М.: Форум, 2013.

Сведения об авторах: Токсоналиева Роза Мусурапшаевна, канд.филол.наук, доцент, кафедра рекламного дела и связей с общественностью, Кыргызский национальный университет им. Ж.Баласагына (Бишкек, кыргызстан), e-mail: ru_rt@mail.ru

Ральникова И.А., Гурова О.С.

Алтайский государственный университет

Социально-психологический анализ межэтнических отношений народов «Большого Алтая» в современных социально-политических условиях

Поставлен вопрос о роли психологических факторов, определяющих характер межэтнических отношений народов, проживающих на территории «Большого Алтая». В качестве актуальных мишеней исследования межэтнических отношений народов «Большого Алтая» могут выступить социальные

представления народов друг о друге, эмоциональная сфера психологии этнической группы (чувства, потребности, интересы, настроения), поведение представителей одной этнической группы по отношению другой. Теоретико-методологическими основаниями научного исследования являются научные идеи о системном характере межэтнических отношений (Н.Н. Богомоллова, Т.Г. Стефанеко), концепция социальных представлений (С. Московичи), когнитивный подход к анализу межгрупповых отношений (А. Тэшфел), деятельностный подход к исследованию межгрупповых отношений (А.С. Агеев), совокупность научных взглядов об эмоциональной сфере психологии этнических групп как динамического образования (Г.Г. Дилигенский). В качестве методов исследования, способных объективировать содержание межэтнических отношений народов «Большого Алтая» предложен метод контент-анализа текстов сообщений, представленных в медиапространстве и метод математико-статистической обработки научной информации.

Ключевые слова: межэтнические отношения, территория «Большого Алтая», психологические факторы функционирования межэтнических отношений, контент-анализ.

Ralnikova I.A., Gurova O.S.

Altai State University

Socio-psychological analysis of interethnic relations of the peoples of the "Greater Altai" in modern socio-political conditions

The question is raised about the role of psychological factors that determine the nature of interethnic relations of peoples living in the territory of the "Greater Altai". As relevant targets for the study of interethnic relations of the peoples of the Great Altai, social ideas of peoples about each other, the emotional sphere of the psychology of an ethnic group (feelings, needs, interests, moods), the behavior of representatives of one ethnic group in relation to another can act. The theoretical and methodological foundations of scientific research are scientific ideas about the systemic nature of interethnic relations (N.N. Bogomolova, T.G. Stefaneko), the concept of social representations (S. Moscovici), a cognitive approach to the analysis of intergroup relations (A. Teschfel), and an activity approach to the study of intergroup relations (A.S. Ageev), a set of scientific views on the emotional sphere of the psychology of ethnic groups as a dynamic formation (G.G. Diligensky). As research methods capable of

objectifying the content of interethnic relations of the peoples of the "Greater Altai", a method of content analysis of message texts presented in the media space and a method of mathematical and statistical processing of scientific information are proposed.

Key words: interethnic relations, the territory of the "Greater Altai", psychological factors in the functioning of interethnic relations, content analysis.

Проблема, связанная с укреплением единства народов, проживающих на территории «Большого Алтая», обладает острой актуальностью в многонациональном российском государстве. Многими учеными данная проблема признана одной из ведущих проблем современности.

В данном этническом поле на сегодняшний день остаются нерешенными вопросы, связанные с сохранением самобытной культуры, удовлетворением взаимных территориальных претензий, реализацией потребности в единении народов. Нерешенные проблемы отражаются на настроении, чувствах, интересах представителей этнических групп. Зачастую неопределенность в решении подобных вопросов провоцирует позиционирование, способствует формированию интолерантности, росту угрозы межэтнических конфликтов.

На современном этапе развития науки и общества на первый план выходит гуманистическая идеология в рамках межэтнической проблематики. Главными ориентирами такой идеологии являются гармонизация межэтнических отношений, предотвращение дискриминации, урегулирование межэтнической напряженности, предупреждение экстремизма. Основным механизмом предупреждения межэтнической конфронтации и вражды в рамках данного подхода становится формирование толерантного отношения ко всему многообразию национально-культурных проявлений в современном обществе.

Повышению национально-культурной корректности в ситуациях межэтнического общения в современном обществе могут способствовать повышение общекультурного уровня в обществе; наличие уникальных и самобытных национально-культурных традиций; конструктивное взаимодействие различных этносов в развитии и становлении нормативно-правовой базы; гуманистическая идеология в современном

обществе, которая декларирует соблюдение уважения и равенства между народами; доминирование мирных интегративных коммуникационных процессов в обществе (профилактика экстремизма, поиск механизмов нейтрализации и профилактики межэтнических конфликтов и др.).

Научное внимание современных исследователей направлено на анализ факторов-детерминант межэтнических отношений: историческое прошлое народа, социально-политическая обстановка в стране, экономические и культурно-бытовые условия жизни людей, конкретная ситуация взаимодействия народов и др.. Особое место среди данных факторов принадлежит психологическим факторам, определяющим функционирование, межэтнических отношений. Выявление и научный анализ данных факторов позволит ответить на вопросы о возникновении, развитии и разрешении межнациональных конфликтов; профилактике их возникновения, рецидивах проявлений, найти механизмы формирования гармоничных межэтнических отношений.

Специфика межэтнического взаимодействия с позиций социально-психологического исследования широко изучена российскими и зарубежными учеными. Большая часть исследований направлена на анализ содержания этнических стереотипов (Chua & Fujino, 2008; Fordham, 1993; Hooks, 2004; Lei, 2003), где также изучается их взаимосвязь с этнической идентичностью личности (Jaramillo, Mello & Worrell, 2016; Watsura, 2019; Way, Hernández, Rogers & Hughes, 2013; Zvereva, 2011). Немалая часть исследований связана с выявлением образа члена одной этнической группы у представителя другой (Kalinichenko, 2002; Terentyev, 2016). Помимо этого в мировой науке изучают социальные представления, которые рассматриваются в контексте общественного сознания, где циркулируют различные убеждения, знания или взгляды, зачастую иррациональные (Abric, 1993; Emelyanova, 2016; Moskovichi, 1995, etc.).

В обсуждаемых контекстах необходимо подчеркнуть новую актуальность исследования проблемы психологии межэтнических отношений народов «Большого Алтая» в

современных социально-политических условиях. Во-первых, до сих пор остаются значимыми проблемы особенностей отношения и взаимодействия представителей разных народов, проживающих на территории «Большого Алтая». Во-вторых, продолжается поиск причин, объясняющих феномен противопоставления «Мы» и «Они» в современных условиях и возможных угроз единству тюркских, алтайский, монгольских народов. В-третьих, ряд выявленных особенностей межэтнических отношений изучены изолированно от компонентов, тесно сопряженных с ними, таких, например, как социальная идентичность, социальные установки, настроение, предпочтения, интересы, потребности определенной нации.

В связи с вышесказанным, возникает необходимость научных исследований, направленных на социально-психологический анализ межэтнических отношений народов, проживающих на территории «Большого Алтая» в современных социально-политических условиях.

Базовыми теоретическими подходами, определяющими стратегию научного исследования выступили: научные идеи о системном характере межэтнических отношений (Н.Н. Богомолова, Т.Г. Стефанеко), концепция социальных представлений (С. Московичи), когнитивный подход к анализу межгрупповых отношений (А. Тэшфел), деятельностный подход к исследованию межгрупповых отношений (А.С. Агеев), совокупность научных взглядов об эмоциональной сфере психологии этнических групп как динамического образования (Г.Г. Дилигенский).

Традиционно в социальной психологии система межэтнических отношений рассматривается в единстве трех взаимосвязанных уровней: когнитивном, эмоциональном и конативном (поведенческом) (Г.М. Андреева, Н.Н. Богомолова, Т.Г. Стефанеко). Эти уровни – составляющие единой цепи и изучение их в единстве позволяет сформировать научное представление о характере отношений между различными этносами.

Когнитивный компонент межэтнических отношений – это совокупность представлений этнической группы о своей группе и

о чужой. Аффективный компонент межэтнических отношений включает эмоциональную оценку (чувства) этнических групп и их представителей в отношении друг друга, настроение, потребности, интересы. Поведенческий (конативный) компонент представлен последовательным поведением представителей одной этнической группы по отношению другой.

Концепция «социальных представлений» С. Московичи осмысливает данный психологический конструкт как обыденное представление какой-либо группы о тех или иных социальных явлениях, т.е. способ интерпретации и осмысления повседневной реальности. При помощи социальных представлений каждая группа строит определенный образ социального мира, его институтов, власти, законов, норм. Социальные представления — инструмент не индивидуального, а группового социального познания, поскольку «представление» вырабатывается на основе опыта, деятельности группы, апеллируя к почерпнутым в этом опыте житейским соображениям. Механизм связи группы и выработанного ею социального представления выступает в таком виде: группа фиксирует некоторые аспекты социальной действительности, влияет на их оценку, использует далее свое представление о социальном явлении в выработке отношения к нему. С другой стороны, уже созданное группой социальное представление способствует интеграции группы, как бы «воспитывая» сознание ее членов, доводя до них типичные, привычные интерпретации событий, т. е. способствуя формированию групповой идентичности. Социальные представления, порожденные группой, достаточно долговременны, они могут передаваться из поколения в поколение, хотя при определенных обстоятельствах могут, конечно, и меняться со временем.

Когнитивный подход к анализу межгрупповых отношений (А. Тэшфел) позволил констатировать, что область межгрупповых отношений — это преимущественно когнитивная сфера, связанная с различными аспектами межгруппового взаимодействия, а также определить специфику социально-психологического угла зрения на данную проблему, которая заключается в том, что здесь в центре внимания стоят не

межгрупповые процессы и явления сами по себе или их детерминация общественными отношениями, а внутреннее отражение этих процессов, т.е. когнитивная сфера, связанная с различными аспектами межгруппового взаимодействия (В.С. Агеев).

Известно, что для ориентации в социальном мире, человек конструирует его картину в лоне своего сознания. В категоризации социальных объектов заложены по большей части те же процессы, что и в категоризации объектов физических. Исключение составляет то, что в первом случае личность не просто категоризирует другую личность или целую социальную группу, но и сопоставляет себя с ней (Bodenhausen, Kang & Peery, 2012). Таким образом, человек категоризирует и себя самого, находя свое место во внутренней картине мира в целом и в разных социальных группах в частности (Tajfel & Turner, 2004). Результаты процессов категоризации лежат в основе формирования межэтнических отношений. Они во многом определяют характер содержания представлений о другой этногруппе, а также формируют настроение, предпочтения, интересы, потребности определенного этноса.

А. Тэшфел также детализировал процессы, лежащие в основе формирования отношения этнических групп друг к другу. Автор обозначил четыре основных процесса: социальную категоризацию, социальную идентификацию, социальное сравнение, социальную (межгрупповую) дискриминацию.

Разработка проблемы межгрупповых отношений на основе принципа деятельности позволяет констатировать, что в случае отношений между большими группами (этносы) в качестве опосредующего фактора выступает широкая система социальных условий, общественно-историческая деятельность данных групп. Так, межгрупповая деятельность в межэтническом пространстве может выступать в опосредованных безличных формах (например, через обмен ценностями культуры, фольклора, на основе впечатлений, почерпнутых из художественной литературы, средств массовой информации и др.).

С позиций деятельностного подхода к исследованию межгрупповых отношений социально-психологический

анализ концентрирует внимание на проблеме отношений, возникающих в ходе взаимодействия между этническими группами, как внутренней, психологической категории. Такое понимание предполагает не только самую тесную связь субъективного отражения межгрупповых отношений с реальной деятельностью исследуемых групп, но и детерминацию ею всех когнитивных процессов, сопровождающих эти отношения. Здесь причинно-следственные зависимости, обусловленность когнитивной сферы параметрами совместной групповой деятельности выступают главным направлением изучения всей области. Межгрупповые отношения существуют объективно, и тогда важно, как этот факт отражается в сознании членов этнической групп и предопределяет их восприятие друг другом.

Природа межгруппового этнического восприятия по мнению В.С. Агеева заключается в упорядочении индивидуальных когнитивных структур, связывании их в единое целое. Это не простая сумма восприятия чужой группы индивидами, принадлежащими к субъекту восприятия, но именно совершенно новое качество, групповое образование. Оно обладает двумя характеристиками: для группы-субъекта восприятия это «целостность», которая определяется как степень совпадения представлений членов этой группы о другой группе. Относительно группы-объекта восприятия это «унифицированность», которая показывает степень распространения представлений о другой группе на отдельных ее членов. Целостность и унифицированность — специфические структурные характеристики межгруппового восприятия в поле межэтнического взаимодействия.

Следует отметить, что межгрупповые социально-перцептивные процессы (в отличие от межличностных) обладают большей устойчивостью, консервативностью, ригидностью, поскольку их субъектом является не один человек, а группа, и формирование таких процессов не только более длительный, но и более сложный процесс, в который включается как индивидуальный жизненный опыт каждого члена группы, так и опыт «жизни» группы в целом. Диапазон возможных сторон, с точки зрения которых воспринимается другая группа, значительно

более узок по сравнению с тем, что имеет место в случае межличностного восприятия: образ другой группы формируется непосредственно в зависимости от ситуаций совместной межгрупповой деятельности (В.С. Агеев).

Изучение психологии большой социальной группы позволило описать ее структуру, состоящую из совокупности различных психических свойств, психических процессов и психических состояний (Г.М. Андреева). Г.Г. Дилигенский выделил две составные части психологии большой социальной группы: 1) психический склад как более устойчивое образование, к которому могут быть отнесены социальный или национальный характер, нравы, обычаи, традиции, вкусы и др. и 2) эмоциональная сфера как более подвижное динамическое образование, в которую входят этнические чувства, потребности, интересы, настроения и др. Важно отметить, что именно эмоциональная сфера психологии этнической группы выступает в качестве фактора трансформации межэтнических отношений.

Таким образом, на основе проведенного научного анализа в качестве актуальных мишеней исследования межэтнических отношений народов «Большого Алтая» могут выступить социальные представления народов друг о друге, эмоциональная сфера психологии этнической группы, поведение представителей одной этнической группы по отношению другой. В качестве методов исследования, способных объективировать содержание межэтнических отношений народов «Большого Алтая» выступают метод контент-анализа текстов сообщений, представленных в медиапространстве и метод математико-статистической обработки научной информации. Научное исследование позволит ответить на вопросы о возникновении, развитии, перспективах и способах урегулирования межнациональных конфликтов, профилактике их возникновения, рецидивах проявлений, найти механизмы формирования конструктивного межэтнического диалога в современных условиях мироустройства.

Список литературы

1. Андреева Г. М. Социальная психология. – М.: Аспект пресс, 2010. – 376 с.
2. Бовина И. Б., Стефаненко Т. Г., Тихомандрицкая О. А., Малышева Н. Г., Голынчик Е. О. Россия в современном мире: подход теории социальных представлений [Электронный ресурс] // Электронный журнал «Знание. Понимание. Умение». 2009. № 2 – Педагогика. Психология. URL:<http://www.zpujournal.ru/ezpu/2009/2/Bovina&Stefanenko&Tikhomandritskaya&Malysheva&Golynchik/> (дата обращения: 01.12.2021).
3. Гуриева С.Д. Установка и формирование системы межэтнических отношений // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2009. – №6(1). – С. 282-291. URL:<https://cyberleninka.ru/article/n/ustanovka-i-formirovanie-sistemy-mezhetnicheskikh-otnosheniy> (дата обращения: 03.12.2021).
4. Дробижева Л.М. Социальные проблемы межнациональных отношений в постсоветской России. М.: Центр общечеловеческих ценностей, 2003. – 264 с.
5. *Емельянова Т.П.* Социальные представления. История, теория и эмпирические исследования. – М.: Ин-т психологии РАН. – 2016. – 475 с.
6. Почебут Л. Г. Кросс-культурная и этническая психология: Учебное пособие. — СПб.: Питер. – 2012. — 336 с.
7. Стефаненко Т.Г. Этнопсихология. – М., 2004.
8. Социальная психология. Практикум. Учебное пособие. Под ред. Т.В. Фоломеевой. – М.: Аспект-пресс, 2009. – С. 131–145.

Сведения об авторах: Ральникова Ирина Александровна, доктор психологических наук, профессор, Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия), e-mail: irinaralnikova@yandex.ru

Гурова Ольга Сергеевна, кандидат психологических наук, доцент, Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия), e-mail: o-gurova@bk.ru

Научное издание

Алтайские корни тюркской цивилизации

Материалы Международной научной конференции. Барнаул, 10
ноября 2022 г.

Печатается в авторской редакции

Подготовка оригинал-макета - И.В. Анисимова
Оформление обложки - Ю.В. Луценко

Издательская лицензия ЛР 020261 от 14.01.1997.

Подписано в печать 05.05.2023.

Дата выхода в свет 15.05.2023.

Формат 60x84 1/16. Бумага офсетная.

Усл.-печ. л. 22,55. Тираж 100. Заказ 298.

Типография Алтайского государственного университета:
656049, Барнаул, ул. Димитрова, 66